

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X

Следопыт

4•5•2001

● ЧТО ХРАНИТСЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ? ● К 60-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ: ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА ● НОВЫЙ РОМАН ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА ● ЭКСТРИМ «4X4» ● «КАРАВЕЛЛА» СЕГОДНЯ ● НОВОСТИ

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

Южный Урал

Южный Урал простирается от широтного направления реки Урал и Губерлинских гор на юге до широтного направления реки Уфы в ее верховьях на севере.

Характерной особенностью региона является разветвление горных хребтов на ширину до 200 км и большая высота гор. Такая ширина разветвления обусловлена наличием к западу от основного хребта тектонической структуры Башкирского поднятия. Хребты разделены глубокими долинами. Здесь берут начало реки Белая, Юрюзань, Урал, Уфа. Самые высокие вершины Южного Урала Яман-Тау (1638 м) и Большой Ирмель (1582 м).

Яман-Тау

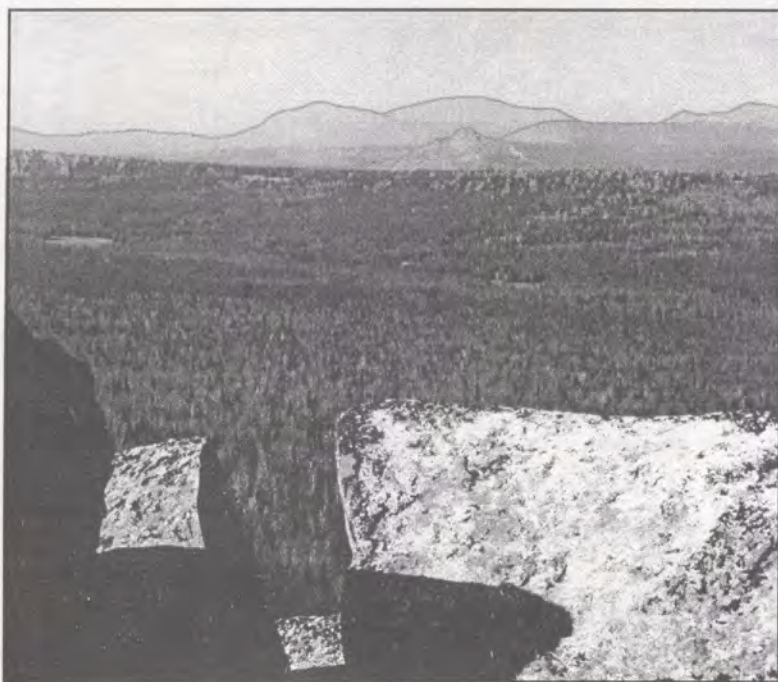
В переводе с башкирского — «дурная гора». Находится на территории Южно-Уральского заповедника между верховьями рек Большой и Малый Инзер.

На вершинах, окруженных труднопроходимыми обрывами и каменными осыпями, долго не тает снег, они часто покрыты густой облачностью, очевидно поэтому местное население прозвало гору «дурная».

Подходить к горе и подниматься на вершину удобнее знакомыми дорогами и тропами, так как гора со всех сторон окружена елово-пихтовыми лесами, а с севера и с юга к ней подступают болота. При восхождении летом хорошо прослеживается переход от тайги к елово-березовому редколесью и альпийским горным лугам, затем к мелкому криволесью и стланикам из можжевельника, ели и березы, затем к каменистым россыпям-гольцам и дальше к резкому подъему на вершину. При подъеме зимой лыжи приходится оставлять либо в гольцовой зоне, либо в предвершинной.

Главная вершина представляет собой каменистое плато, из которого местами выходят кварцитовые глыбы. Отсюда открывается прекрасный вид на окрестные хребты и горы. Рядом, через седловину, в двух километрах — вторая вершина горы, более скалистая, — Малый Яман-Тау, высотой 1519 м. На западе, за долиной Малого Инзера хорошо виден

хребет Нары, на востоке вдали, в 40 километрах, — главный уральский хребет — Урал-Тау, на северо-востоке — хребет Машак, юго-западным продолжением которого является, может быть, и «дурная», но очень красивая гора Яман-Тау.

*Продолжение
на 3-й странице обложки.*

*Вид на г. Яман-Тау
с Инзерских Зубчаток*

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

4-5"2001

Алексей МОЛЧАНОВ
Анна ПИНУС
Алексей ПОПОВ
Олег ВОДОПЬЯНОВ
Людмила ХЛЕБНИКОВА
Василий ШЕНДРИКОВ
Лариса ПЕТРОВА

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-36

Владислав КРАПИВИН
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

АЭЛИТА

СТР. 37-122

Герман ЗВЕРЕВ
Евгений ТАМПЛОН
Александр ПОЛЕЖАЕВ
Лариса КРАПИВИНА
Олег ВОДОПЬЯНОВ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 123-159

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

УралРелком

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Журнал «Уральский следопыт» объявляет об открытии

ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

При поддержке полномочного представителя
президента Российской Федерации в Уральском
Федеральном округе Латышева П.М.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОНКУРСА:

Поиск и объединение начинающих поэтов, фантастов, историков и краеведов, Урала, которые со временем станут постоянными авторами журнала «Уральский следопыт».

ОРГАНИЗАТОР КОНКУРСА — журнал «Уральский следопыт».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ:

1. Фантастика и сказка.	3. Поэзия.
2. Проза и публицистика.	4. История и краеведение.

Объем и количество представленных работ не ограничивается.
К участию в конкурсе приглашаются школьники и молодежь до 18 лет.

ПРИЗОВОЙ ФОНД ПО КАЖДОЙ НОМИНАЦИИ:

1 место — 2 000 руб.; 2 место — 1 500 руб.; 3 место — 1 000 руб.

Произведения победителей будут опубликованы в номерах журнала «Уральский следопыт» и оформлены отдельными изданиями.

Все участники конкурса будут отмечены поощрительными призами и дипломами, их конкурсные работы будут размещаться на сайте:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Подведение итогов литературного конкурса и награждение победителей состоится в декабре 2001 года.

Работы принимаются до 15 ноября 2001 года.

Присылать или приносить работы можно по адресу:

**620142, Екатеринбург, Декабристов, 67,
редакция журнала «Уральский следопыт».**

С конкурсными работами просьба присылать:

- заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
- анкета участника (адрес, сколько лет, в каком учебном учреждении учится конкурсант);
- копия подписного абонемента на журнал «УС»

Телефон для справок: (3432) 22-45-01, 22-36-62

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 4
Алексей МОЛЧАНОВ «Поет Владимир Трошин»	стр. 5
Анна ПИНУС «Уральские раритеты»	стр. 12
Алексей ПОПОВ, Олег ВОДОПЬЯНОВ «Круг жизни». Часть 2	стр. 15
Людмила ХЛЕБНИКОВА «Восхождение в золотой сад». Вернисаж	стр. 22
Василий ШЕНДРИКОВ «Мертвые учат живых»	стр. 25
Лариса ПЕТРОВА «Здесь не отдыхал П.И. Роддэ»	стр. 34

Боны в истории Урала

Завидный статус «Книги года» присвоила этой новинке библиотека Главы города Екатеринбургa. Речь — о книге Владимира Козлова «Боны и люди. Денежное обращение Урала 1840-1933 гг.». Издание имеет и подзаголовок: «Опыт нестандартного каталога», который и фиксирует безусловную самобытность этой новинки.

В самом деле, элемент научный, исследовательский, коим отличается книга, вовсе не обязателен для каталога, а публицистический накал текста уж и совсем диковинка и для каталога, и для исследования. И в то же время отсутствие, как утверждают знатоки, аналогов не только исследования бонистики, но даже более или менее полного каталога бумажных денег, а также экстремальные условия их бытования вводили автора в счастливый соблазн именно нестандартного подхода.

Как известно, боны — это суррогатные деньги кризисных периодов, когда произвольно оцененная бумага берет верх над золотом, когда распространение таких денег перестает быть результатом финансовой политики государства, а выходит на большую дорогу регионального произвола. Существовали, например, даже свои ГУЛАГовские деньги.

Словом, бонистика — это история страны, людских судеб, отраженная в экстремале и произволе бумажных денег. Таковой она и предстает в энциклопедически насыщенной книге Владимира Козлова, знатока, исследователя, коллекционера. Благодаря таланту автора, а также и художника-оформителя Ю.Н. Филоненко, уральские бумажные деньги и боны рассказывают о себе подробно и увлекательно, привлекая огромный историко-краеведческий, биографический, статистический и коллекционно-иллюстративный материал. Если бы не скромно-провинциальный тираж (1000 экз.) книгу «Боны и люди» можно было бы смело рекомендовать, как общедоступный и увлекательный учебник собирательства.

Можно поздравить издательство «Банк культурной информации» и всех читателей с появлением в Екатеринбурге этой книжной новинки.

Редакция «Следопыта» обращается ко всем авторам, коим не стыдно за дело рук своих, присылать свои книги, чтобы мы могли о лучших из них своевременно сообщать читателю. И одновременно пополнять дарениями библиотеку «Уральского следопыта»

Юний ГОРБУНОВ

В 1999 году Институт российской истории РАН издал в Москве книгу Б.И. Гаврилова «Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии» тиражом всего 200 экз. Книга привлекла внимание читателей Свердловской, Курганской и Челябинской областей, где формировались боевые части Волховского фронта, но приобрести ее смогли единицы.

Зная интерес фронтовиков, в частности, ветеранов 165-й стрелковой дивизии, сформировавшейся в Кургане и принявшей жестокий бой под Мясным Бором в 1942 году, автор уведомляет, что книга будет переиздана в 2001-2002 гг. с дополнениями и изменениями. Он просит ветеранов Волховского фронта направлять ему свои воспоминания (117593, Москва, Литовский бульвар, 15, корп. 1, кв. 457, Гаврилову Борису Ивановичу), а желающих приобрести книгу посылать заявки в издательство: 117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 19. Институт российской истории РАН, директору А.Н. Сахарову. Ориентировочная цена книги 10 рублей.

Илья НЕЧЕУХИН

Специалистам закрытого ядерного центра в Сарове (бывший Арзамас-16 Нижегородской области) удалось раскрыть секреты старинного мастерства по литью колоколов. И теперь на заводе, основной профиль которого изготовление ядерного оружия, делают колокола для церквей.

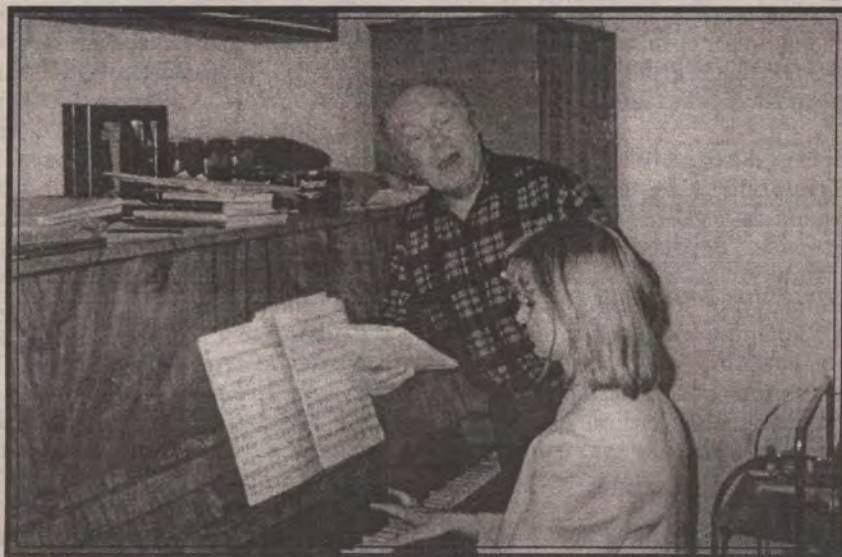
Литейщикам потребовался не один год, чтобы освоить это старинное ремесло. Россия издавна славилась колокольных дел мастерами, секрет литья передавался от отца к сыну. Однако традиционные технологии в советское время были утрачены. Сейчас в Сарове для изготовления колоколов используются самые современные методы математического моделирования, основное применение которых — расчеты по обеспечению безопасности атомных реакторов.

В центре делали несколько попыток отлить колокола, показывали их местным музыкантам и даже Мстиславу Ростроповичу и получили достаточно высокую оценку. Сейчас в ядерном центре выполняется несколько заказов. Хотя в России колокола делают и в других городах, саровские специалисты надеются тоже выйти на рынок.

«Российская газета»

Алексей МОЛЧАНОВ, Екатеринбург

Поет Владимир Трошин

На репетиции новой песни вместе с пианисткой Е. Стрижаковой

«Дорогая моя Валя! Вчера получил твое письмо и спешу тебе сказать, что у нас нынче уродилось много клубники и смородины, так что на зиму даров природы будет, я думаю, предостаточно. Скоро мы с Раей уедем дней на 10-15 в Москву, мне надо поработать на фирме «Мелодия», записать 20 новых песен на стихи Сергея Есенина».

Это письмо адресовал моей бабушке, Валентине Константиновне в Екатеринбург, ее брат, народный артист России, лауреат Государственной премии Владимир Трошин. Для кого-то эстрадная звезда, для меня — просто дядя Володя. Теперь его дача в селе Троицкое-Татарово Владимирской области, недалеко от родины поэта Алексея Фатьянова. А была в подмосковном городе Пушкино. Приходилось бывать там и мне. Вечером я, бабушка, дядя Володя, его жена тетя Рая, в прошлом — артистка балета Московского театра оперетты, кто-нибудь из друзей Трошинных собирались на веранде, стены которой были оклеены разноцветными картинками, и дядя Володя рассказывал. Вот кое-что из тех вечерних рассказов.

Филякины

Он родился в 1926 году в городе Михайловске Нижнесергинского района Свердловской области.

У отца с матерью было одиннадцать детей. Владимир — десятый. Выжили пятеро, шестеро в детстве умерли от болезней. У Трошинных было прозвище Филякины (на Урале во многих местах распространены «двойные» фамилии: одна по паспорту, другая «улошная»), потому наверняка, что прадедушкой шестерых Трошинных был Филипп.

Он первый приехал в Михайловск из Орловской губернии. И занимался тем, что во время строительства плотины для завода возил деньги со станции. Мчалась тройка, звон колокольчиков был слышен издали. Филипп — могучий мужик, стоял на этой телеге, вез казну: «Разойдись!» И вся улица разбегалась. Тройка подлетала к заводу.

Потом уже, будучи стариком, Филипп подходил к окну, смотрел на панораму Михайловского завода и говорил: «Да, вот эту плотину-то, которую возвели, можно было из одних денег сложить, сколько я их сюда перевозил».

«Товарищ кино»

Он снялся в пятидесяти картинах: «Олеко Дундич», «Битва за Москву», «Сталинград», «Серые волки»... Не все удавалось. Все-таки известный певец в роли пошловатого лектора с папочкой под

мышкой (в фильме «Дело было в Пенькове») выглядел достаточно непривлекательно. В кино артисту больше подходили персонажи с песней, как это было в «Гусарской балладе», «На графских развалинах». Порой его голосом «пел» другой артист, скажем, в фильме «Повесть о первой любви». Исполнял музыкальные миниатюры «за кадром» в таких, например, картинах, как «Неуловимые мстители», «Они были первыми». И песни эти нередко начинали жить отдельной от экрана жизнью.

Трошин первым сыграл Михаила Горбачева в американской киноленте «Последнее предупреждение». Также доводилось на экране быть Черчиллем и Подгорным, Ворошиловым, а на сцене — Лениным. Virtuозно озвучил он, на мой взгляд, Филиппа Нуаре в фильме «Откройте, полиция!» (во Франции он шел под названием «Продажные»).

Скандалная история случилась с «Веселыми ребятами». В середине 60-х Александров задумал восстановить картину, а роль Пастуха попросил озвучить Трошина. Вот как об этом вспоминает сам артист:

— Александров позвонил мне и предложил эту работу. Утесов, дескать, попробовал, но не получи-

На записи «Подмосковных вечеров»

лось (годы!). И он, якобы, благословил меня на эту роль.

И вот на «Мосфильме» собрались два оркестра — Утесова и Людвиковского, два больших хора — взрослый и детский, и работа закипела! Любовь Орлова речевые эпизоды переозвучивала сама, а пела за нее артистка Московской филармонии Ивантеева. Вдруг в перерыве я получаю записку. «От кого?» — спрашиваю. «От Иванова!» — это была кличка Утесова. А в записке: «Как вы могли, молодой артист, пойти на такое?!» Я бегом к Александрову. «Володенька, я вас обманул. На эту роль вас утвердили в ЦК!» — только и сказал Александров. Делать нечего, пришлось озвучивать дальше, хотя настроение было, конечно, паршивым.

После этого с Утесовым мы не встречались и не здоровались три года. И вот однажды на гастролях в Ленинграде я подошел к Леониду Осиповичу и рассказал, как Александров втянул меня в эту историю. «Ах, Гришка — сукин сын! — проворчал Утесов. — А на тебя, Володька, я больше не сержусь, ты честно сделал свое дело. Мы выпили коньяка и тепло простились».

«Подмосковные вечера»

Как-то перебирал книги в его библиотеке и увидел томик Михаила Матусовского. «Володе Трошину, первому и лучшему исполнителю «Подмосковных вечеров»...

— Но я не был первым, — уточняет Владимир Константинович. — А «песня века» создавалась так: Соловьев-Седой пригласил меня записать песни для кинофильма «В дни спартакиады». И вот, уже уходя из студии, я услышал «Подмосковные вечера» в записи весьма известного артиста, солиста Большого театра Евгения Кибкало. «Что это?» — спрашиваю. «А это — в корзину!» — отвечает Соловьев-Седой. Не годится, значит. «А можно, я попробую?» — интересуюсь. «А чего ее пробовать?!» — махнул рукой композитор. Но я настоял на своем и исполнил эту песню так, как я ее понимал, в новой джазовой оркестровке, с хором.

«А что, сейчас вроде получилось!» — сказал Соловьев-Седой. Интересно, что сначала это были «Ленинградские вечера», ведь Василий Павлович — петербуржец. Михаил Матусовский настаивал на «подмосковных». Чуть было не сошлись на «комаровских», потому что в Комарово была дача Соловьева-Седова. Кто бы мог подумать, что эта песня станет моей визитной карточкой, облетит весь мир, и вскоре мне придется записывать ее уже на пяти языках для международного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

«Песня остается с человеком»...

«Что я могу рассказать об Островском? — размышлял дядя Володя под стук колес электрички. — Аркаша был очень импульсивный, творческий человек. Постоянно искал какие-то новые краски, сотрудничал со многими певцами различных направлений, стремился быть модным, и в 60-е годы писал для вокально-инструментальных ансамблей, а это, увы, не отвечало моему направлению в песне. Начинал он совсем мальчишкой аккордеонистом и аранжировщиком в утесовском оркестре, потом как композитор ушел в самостоятельное плавание. Вспоминаю нашу последнюю встречу. Как-то так получилось, что мы не виделись шесть лет. Он неожиданно позвонил поздно вечером: «Володя, приходи, надо поговорить!»

Когда я вошел, он курил дешевенький «Дымок» «Тебе ж нельзя», — говорю (я знал, что у него язва). «Сейчас не об этом, — перебил меня Аркадий. — Посмотри. Вот список. Здесь 20 песен, которые я хочу записать именно с тобой». Я посмотрел и удивился: «Позволь, но многие из них поют другие исполнители!» А я, признаться, никогда не любил брать песню после кого-либо, предпочитал, чтобы авторы работали, что называется, «на меня». Взять хотя бы

«Морзянку», «Тишину», «Зеленый огонек», «Маршал Жуков»...

«Володя, Володя! — возразил Аркадий. — Мы спешим, а в этой спешке всегда кого-то теряем. Я понял, что эти песни должен петь ты. Вернусь из отпуска — и сразу запишем!» Но вскоре его не стало, и наши планы остались неосуществленными. В свою последнюю сольную пластинку я включил в память об Аркадии Островском песню «Верись — не верись» на стихи Льва Ошанина».

«Король сочиняет танго...»

Так называется одна из популярных песен в исполнении коллеги Трошина по эстраднему цеху Лаймы Вайкуле. А дяде Володе довелось знать короля танго Оскара Строка, которому посвятил свой опус маэстро Раймонд Паулс. Специально для Трошина в восемьдесят с лишним лет Строк писал новые произведения.

«Рассказ мой, Алеша, начнется, как это ни странно, со Свердловска, — говорил дядя Володя в один из последних приездов, когда он навестил перенесшую инсульт мою бабаушку. — До войны я учился в 68-й школе на Уралмаше (ныне 22-я). Примерно в 7-8 классе наши девочки — а они, как

Кадр из фильма «Олего Дундич». Владимир Трошин слева в роли К. Ворошилова

всегда, взрослеют раньше мальчиков — захотели иметь партнеров для танцев. Они ходили в горсад, на «сковородку». Так называлась танцплощадка. И вот на школьных переменах девочки стали нас обучать движениям танго, вальса, фокстрота. Получив первые навыки, мы уже вместе с ними стали ходить на танцплощадку, и очень полюбили это дело. На «сковородке» звучала красивая музыка. Человек, который ставил пластинки на патефон, был очень занятым, увлеченным. Обычно он предвзвительно объявлял: «Сейчас вы услышите танго всемирного короля этого жанра Оскара Строка «Скажите, почему?» или «Лунная рапсодия», или «Голубые глаза». Вот так я познакомился заочно с этим композитором. Затем, когда я попал в Москву, стал уже известным артистом, много пел, и меня знали, вдруг получил письмо за подписью «Оскар Строк», в котором он написал: «Я не работал 30 лет по разным причинам, и вот теперь вновь нашел своего исполнителя. Скоро приеду в Москву, Вас разыщу и буду настаивать, чтобы Вы записали мои танго». И что же ты думаешь? Он действительно приехал в Москву и назначил встречу в гостинице. Я спросил его: «Откуда вы?» Мне-то казалось, что он из такого далекого моего детства, как будто это

В роли Ленина в пьесе Н. Погодина «Кремлевские курашты»

было 300 лет назад, или вообще с другой планеты. Он говорит: «Как откуда? Я из той Латвии». «Из какой, из той?» — интересуюсь. «Ну, помните, когда вы нам протянули руку братской помощи, так мы чуть не протянули ноги», — хитро улыбнулся Строк. Вот такой у него был юмор».

«Старая пластинка»

Всякая эстрадная звезда начинает сиять не на пустом месте. Она заряжается от своих предшественников энергией и светом. Предтечи Трошина — Александр Вертинский и Марк Бернес.

«О Марке Бернесе я могу вспоминать только с доброй улыбкой, с чувством какого-то большого доверия, благодарности за то, что я с ним встречался, — голос Владимира Константиновича теплеет. — Первая встреча была очень занятная и неожиданная. Во МХАТе в начале своей карьеры я получил Государственную премию, и у меня появилась возможность сшить первый в жизни костюм, чтобы выходить на сцену не в чем-то случайном. Но, поскольку такие события случаются не часто, промахнуться тут уже было нельзя. Предстояло выбрать самого лучшего портного Москвы. Ведь, как поется в песне, «главное, чтобы костюмчик сидел».

Товарищи, с которыми я снимался в кино, сказали: «Есть такой на «Мосфильме». Фамилия его Затирка». И привели меня в Театр киноактера. И вдруг навстречу идет великий, знаменитый, всеми любимый по кинофильмам Марк Бернес. Улыбающийся — ему было тогда около 40 лет. Гостеприимный, раскрыл руки: «Ба-ба-ба, кого я вижу, почему МХАТ в нашем театре?» Ребята объяснили ему сбивчиво, что молодому артисту надо бы справиться костюмчик. Он говорит: «В чем дело? Я же все-таки здесь председатель профкома». Он проводил меня к Затирке и сказал: «Пожалуйста, спешь вот этому молодому мхатовцу самый лучший костюм в Москве».

Потом на много лет мы расстались, потому что я тогда не пел: мне было в то время 25 лет, а запел я только на четвертом десятке, в 31 год. И мы с ним часто встречались на сцене, в совместных концертах. Бернеса очень любили, много приглашали, а я был начинающий, но симпатия публики тоже ко мне была. Он ко мне крайне доверительно относился, наверное, еще и потому, что чувствовал, что я работаю в той же актерской манере. И мы с ним иногда даже советовались. Однажды в 68-м году за кулисами он обнял меня за плечи, отвел в сторону и говорит: «Послушай новую песню!» А Марк над песней иногда работал по году, по два, пока не чувствовал, что глубоко проник в ее смысл, и она у него настоль-

ко готова, что с ней можно выйти на сцену. И запел он мне тихонечко:

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.*

Вдруг его голос задрожал, хотя он пел полупетом мне в ухо. Я оглянулся, посмотрел — у него слезы на глазах. «Марк Наумович, — восклицаю, — грандиозно! Это что, песня войны?» — «Да нет, — отвечает Бернес. — Вот только что ее написал Андрей Эшпай. Нашел стихи Евгения Винокурова и получилась песня. Исполнять?» — «Неприменно! Других слов нет».

При жизни Марка Бернеса я считал не деликатным петь его репертуар, так как глубоко уважал этого артиста. И только когда его не стало, счел обязательным исполнять бернесовские песни не только потому, что они мне нравились, а чтобы каким-то образом продлить их жизнь».

Буквально через год после смерти Бернеса на одном из концертов дядя Володя, заметно волнуясь, взял микрофон и объявил: «Эту песню я недавно получил от композитора Юрия Левитина, который написал ее на стихи Михаила Матусовского. Она называется «Старая пластинка» и посвящается памяти моего друга по песне Марка Бернеса».

*Береги, не разбей дорогую пластинку.
Это юность моя и сейчас в ней живет...*

«Отчего я вспомнил вновь про старую любовь...»

Трошин и МХАТ. В 43-м году семья Трошиных жила уже в Свердловске. Володя занимался в самодеятельном театре Уралмашзавода. Как раз в это время в городе находился Московский художественный театр. Проводился набор во вновь созданную актерскую школу-студию. Конкурс был 200 человек на место. Но Владимир его выдержал. Так он стал актером МХАТа.

«Дни и ночи» Симонова, «Илья Головин» Михалкова, «За власть Советов» Катаева, «Сталевары» Бокарева. Почти в каждом из этих спектаклей для него находились музыкальные номера, которые под-

черкивали, оттеняли создаваемые им образы, придавали постановке особый шарм. В «Двенадцатой ночи» Шекспира ему досталась, если так можно выразиться, певческая роль Шуга. Пришлось даже научиться играть на лире, дабы аккомпанировать самому себе. Эдуард Колмановский написал для него сразу несколько музыкальных новелл. Это послужило толчком к их дальнейшему сотрудничеству и дружбе. Кстати, звание лауреата Государственной, а тогда Сталинской премии он был удостоен как драматический артист за роль Вани Яркина в пьесе «Вторая любовь». Великие мхатовские старики прощали ему большое будущее. Но...

Не так давно мне попалось на глаза интервью с народным артистом МХАТа Алексеем Баталовым. На вопрос о том, почему же он ушел из МХАТа, на подмостках которого вырос, прославленный актер ответил: «Не хотел, чтобы мне доставались объедки от пирога». (Кому известны мхатовские баталии до раскола театра, знают, о чем идет речь). МХАТ Олега Ефремова, театр кинозвезд — это был уже совсем другой коллектив, в который Трошин попросту не вписался. Это был уже не театр его мечты. Многие сокурсники Трошина, актеры его поколения, которое, как это ни горько звучит, назы-

В роли сержанта Масленикова в пьесе К. Симонова «Дни и ночи»

вают потерянными (для МХАТА), снискали себе славу, увы, не на родной сцене. Николай Озеров стал спортивным комментатором. Михаил Пуговкин ушел в кино, Алексей Покровский — на телевидение и радио. И Елена Ханаева, и Владимир Дружников, и Владлен Давыдов стали популярными благодаря кинематографу.

«Песни русские, задушевные...»

Как-то я обратил внимание на то, что в его репертуаре все чаще стали звучать народные песни. С чем это связано?

«Я давно мечтал петь эти песни, — говорит дядя Володя. — Потому что с детства их очень люблю. Русские народные песни помогают возрождению характера, духа нашего народа. Мне хочется проникнуть в душу слушателя, показать благородство, романтизм натуры русских людей. Нам нет необходимости где-то что-то перенимать. Надо просто вспомнить, как жили наши предки — честно, трудолюбиво. О бескорыстии русского человека ходили легенды, сними и отдай последнюю рубашку — это было естественно, органично для народа. И своими песнями, русскими народными прежде всего, я стараюсь воспрепятствовать исчезновению этих благородных качеств русской души».

Я бы еще мог много рассказывать о дяде Володе — неспешно, развернуто, обстоятельно, ибо многие факты, связанные с ним, стали уже историей. От него я впервые узнал про певца Вадима Козина. Это было еще задолго до того, как о нем говорили по радио и телевидению. Дело в том, что Трошин бывал на гастролях в Магадане и непременно заходил к Козину в гости.

Сегодня не так часто можно услышать выступление Владимира Трошина по телевидению и радио. Но, тем не менее, его голос не

затерялся ни в грохоте попсы, ни в скрежете металла. Это голос большого, доброго, надежного друга, по натуре тонкого лирика, безгранично влюбленного в жизнь и воспевающего всей своей душой ее красоту.

«Старость меня дома не застанет», — поет Трошин в одной из своих песен. Это действительно так. График гастролей артиста достаточно насыщен. В конце 2000 года он выступал в Перми, где произошла трогательная встреча с его первой учительницей по михайловской школе. Она теперь проживает в этом городе. А в январе первого года нового тысячелетия дядя Володя дал несколько концертов в Кушве. Плюс к этому постоянные выступления в Москве и Московской области, участие в творческом вечере Анатолия Поперечного и многое, многое другое.

На гастроли дядя Володя всегда берет шкатулку, аналогичную той, которую возил с собой Фёдор Иванович Шаляпин. В минуту грустную великий бас открывал ее и вдыхал запах родной земли. Шкатулку эту подарил Трошину его давний поклонник, заместитель директора Михайловского завода по обработке цветных металлов Сергей Якимов. На ее крышке вырезан Кукан — любимая гора Владимира Константиновича в Михайловске. А внутри — родная земля с огорода того дома, где певец родился, которая дала ему первые соки и здоровье на всю жизнь; дымковская игрушка — птица-гамаюн, подарок вятских мастеров; икона Симеона Верхотурского из церкви, где крестились все предки Трошина и он сам, где пел на клиросе его отец. «Болезнь, болеть которой мы вам позволяем — это ностальгия, — сказал Сергей Михайлович. — А тут, в шкатулке — лекарство от этого».

15 мая 2001 года народному артисту России, лауреату Государственной премии СССР Владимиру Трошину исполняется 75 лет.

Подруженька гитара

К 130-летию Свердловского областного краеведческого музея.

МУЗЕЙ — ЕЁ ХРАМ

(Штрихи к портрету)

Анна Романовна Пинус

Говорят, что все лучшее в человеке заложено с детства. А детство у Ани связано со Смоленском, и она до сих пор помнит грандиозный Успенский собор, ослепительно сияющий на солнце золотом куполов. Помнит колоссальную крепостную стену, лентой опоясывающую город, неповторимые силуэты тридцати восьми башен.

А в городских скверах — величественные памятники М. И. Глинке, М. И. Кутузову, воинам-победителям в Отечественной войне 1812 года. Смоленск оставил неизгладимое впечатление в душе девочки, пробудил интерес к российской истории. И, словно зная или чувствуя это, однажды подошла соседка: «Не хотела бы ты пойти со мной в музей?»

Это было потрясением — сверкающие хрусталем люстры, драгоценные камни на старинных кокошниках и сарафанах. Великолепные фарфоровые вазы и сервизы, отливающие золотом старинные шпаги и сабли... Соседка работала в Историко-краеведческом музее, и Аня стала вместе с ней как на работу ходить. Девочка полюбила музей, который стал ее мечтой, любовью на всю жизнь.

Родители Ани были замечательные люди. Происходили они из российских интеллигентов. Дед — Семен Наумович Шевелев — окончил Московский университет. В 1898 году он уехал в село Слободу (имение Пржевальских) земским врачом и проработал там более двадцати лет, пользовался огромной любовью и уважением населения. Мать Ани — тоже врач, с 1941 года была на фронте, потом работала в эвакогоспитале, после войны — в Свердловском институте профзаболеваний. Отец — Роман Борисович Пинус — врач, в 1925 году закончил Смоленский медицинский институт. В наш город семья переехала перед войной. В 40-х годах Роман Борисович организовал и возглавил отделение отоларингологии в дорожной больнице, стал главным специалистом в этой области. В 1953 году защитил докторскую диссертацию.

Итак — переезд в Свердловск. Как вы думаете,

куда в первую очередь пошла Анна? Конечно же — в музей. Ясно, что дальнейший путь был один: Уральский государственный университет. Специализация — музейное дело. И единственная запись в трудовой книжке — поступление в наш музей. Нет, еще одна — о награждении знаком «Отличник культуры».

Она никогда не говорит о себе. А только о людях, с которыми работала, встречалась. О директоре музея Ю. Фомине, который стал для нее образцом подвижничества, об ученом секретаре Л. Неведрове, краеведе, экскурсоводе. О заместителе директора Т. Тальской, великодушном знатоке музейного дела. Это были люди одной большой мечты, общего дела. В отделе природы работал, например, Ю. Федоров. На войне он потерял руку, но, несмотря на это, каждый год ходил в экспедиции, которые продолжались по два месяца.

Наш краеведческий музей — наследник и продолжатель работы, проводившейся Уральским обществом любителей естествознания. Анна Романовна гордится знакомством с потомками и семьями организаторов УОЛЕ. Через нее они передали в фонды музея многие ценнейшие экспонаты. А знакомство с Модестом Онисимовичем Клером — живой историей города и Урала! Он даже жил в здании музея, в комнате для гостей, когда снесли его дом, находившийся неподалеку.

Трудолюбие нового сотрудника было замечено и оценено. Через три года Анна Романовна стала заведовать отделом досоветской истории. Надо было показать оригинальную историю и своеобразие горнозаводского Урала, его центра, становления опорного края державы. А это экспедиции, собранные вещи и документы. Старинные иконы, кресты, книги, предметы утвари и быта. Даже жернова мельниц, барабаны конных молотилок. Тут же образцы горных пород. Кокошник...

— Музей должен всегда говорить правду, — считает А. Пинус, — а не быть флюгером: сегодня — одно, завтра — второе, послезавтра — третье. Музей должен показывать вещи — то есть минимум разглагольствований, писанины.

Правда и только правда — вот каким должен быть девиз настоящего историка. И ему неизменно следует Анна Романовна Пинус — одна из старейших музейных работников города.

А. АЛИЕВА-МЯСНИКОВА

Анна ПИНУС, Екатеринбург

УРАЛЬСКИЕ РАРИТЕТЫ

«СЕРЕБРИШКО»

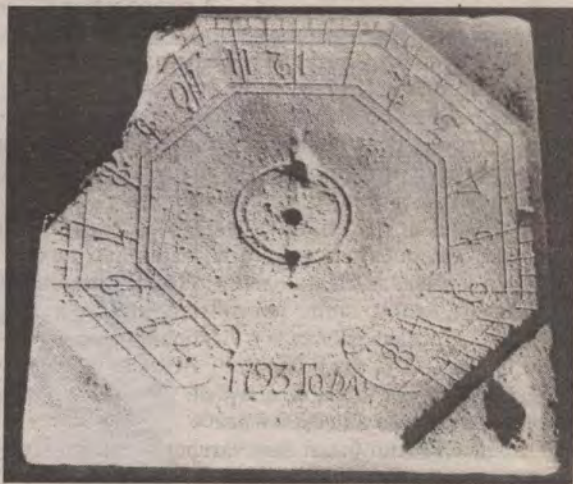

К уникальным памятникам, хранящимся в Свердловском историко-краеведческом музее, относятся уральские монеты из платины. Нигде в мире больше не существовало денег из платины, да и в России их делали недолго. Сейчас они очень редки, так как, еще раз повторяю, подобных не было никогда и нигде.

Платина была открыта в Южной Америке в 1735 году. Сначала ее считали бесполезной и даже дали презрительную кличку — платина по-испански «серебришко». Но уже к 1815 году платину начали ценить дороже золота, она стала олицетворять точность и надежность. Ее требовалось много. Сосуды из платины ускоряли производство кислот, очистку металлов. Она была необходима для производства ювелирных изделий.

В 1822 году в журнале «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» появилось извещение об «особливых металлических веществах, открытых близ Екатеринбурга». Двумя годами позже были выявлены платиновые россыпи в долинах реки Иссы и ее протоков, а также по рекам Мартыан и Висим в районе Нижнего Тагила. Уральский химик Александр Архипов создал в Кушве лабораторию, в которой получал чистую платину. В 1825 году царю были отправлены первые изделия из уральской платины — кольцо и чайная ложка.

Наличие большого количества платины позволило включить ее в оборот, так как «государственная казна была в расстройстве». 24 апреля 1828 года обнародован «именной указ о чеканке умеренного количества платиновой монеты из казенного металла» с приемкой ее в платежах. Тут же приступили к чеканке платиновых монет достоинством 3, 6 и 12 рублей из «нового сибирского металла», или «белого золота». Всего на них пошло 14250 кг платины. В 1845 году они были изъяты из обращения, так как из-за растущих цен на платину их вывозили за границу и там с выгодой переплавляли. На этих монетах указывалось их происхождение — «из чистой уральской платины».

УРАЛЬСКОЕ ВРЕМЯ —
ПО УРАЛЬСКИМ ЧАСАМ

Производство часов было освоено на ряде уральских заводов еще в XVIII веке. В календаре «Вся Россия» на 1897 год имеется указание, что в Екатеринбурге, на Верх-Исетском, Невьянском, Выйском и Нижне-Тагильском заводах изготовлялись настольные и карманные часы. Далеко за пределами Урала известны куранты Невьянской башни и Верх-Нейвинские боевые часы.

В Свердловском краеведческом музее интересная коллекция часов. Имеются уникальные по точности и многообразию выполняемых функций механизмы. Оригинальны медные календари-компасы, которые, как сообщают выгравированные на них надписи, мастер назвал «общим и вечно нескончаемым календарем». Приборов таких два. Они пред-

ставляют из себя плоские круглые коробки. Благодаря особым вращающимся дискам по ним можно узнать число, месяц, количество дней в месяце, длину дня и ночи, время восхода и захода Солнца.

На подвижном диске на семи параллельных плоскостях обозначены месяцы. На секторе диска показаны числа. А над ними в вырезе — наименование дней недели. Прибор 1785 года показывает градусы географических широт 14 городов и направление стран света. Так что эти приборы — уникальные астрономические часы. Первый прибор был изготовлен мастером Петром Федоровичем Денисовым в Екатеринбурге в 1785 году. Второй сделал его сын Федор Денисовым в 1787 году.

Большое историко-познавательное значение имеют настенные часы с деревянным скульптурным оформлением, которые висели в рабочем кабинете основателя УОЛЕ Онисима Егоровича Клера, и карманные часы с пружинным двигателем и часовой стрелкой 70-х годов XVII века. Часы имеют яичную форму и были подарены царем Алексеем Михайловичем казацкому атаману Улезко. Надо помнить, что часы в XVII веке имели только представители царской фамилии, патриархи и с десятков семейств знатнейших боярских фамилий.

К уникальным памятникам, хранящимся в краеведческом музее, относятся солнечные часы села Никольского Сысертского района. В 1965 году их подарил музею краевед Н. Ф. Платонов.

Это сложная конструкция показывала часы, минуты и секунды (как обычные часы), а также автоматически воспроизводила движение Земли вокруг Солнца и Луны вокруг Земли, движение Солнца с обозначением 12 знаков Зодиака, вступление в тот или иной знак Зодиака, изменение продолжительности от одного солнцестояния до другого. Часы стояли в саду на мраморном столбе, на котором был установлен мраморный шар с циферблатом из отполированного гранита и датой «1793».

Детали изготовлены из металла Сысертского завода, который назывался «литым железом». На столбе под часами доска с надписью о количестве крестьян в селе Никольском по 8-й ревизии, которая проходила в 1832 году: «Село Никольское владельца Клепина

В нем домов...50

Жителей по 8 ревизии:

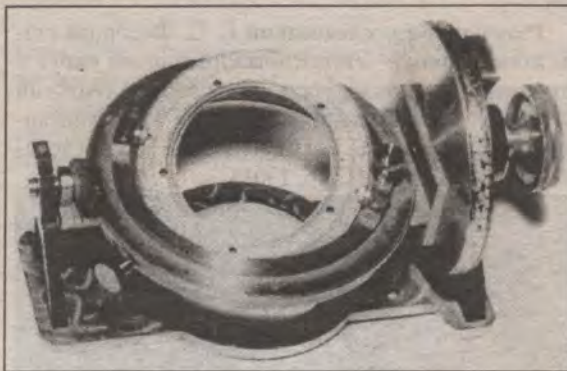
Мужского пола 191 душ

Женского пола 204».

Во второй половине XVIII века появилось много профессиональных часовщиков на Урале. Производство часов, особенно солнечных, было освоено на ряде уральских заводов: Невьянском, Екатеринбургском, Верх-Исетском, Выйском и Нижнета-

гильском. Далеко за пределами Урала известны курантовые часы знаменитой «падающей» Невьянской башни. Уральские часовщики использовали знания и умения в часовом деле, в механике и науке. По солнечным часам села Никольского можно даже познакомиться с элементарными основами космографии.

«СТОЛИК ФЕДОРОВА»

В коллекциях Свердловского областного историко-краеведческого музея хранится уникальный памятник — приставка к микроскопу, изобретение которой произвело подлинный переворот в области кристаллографии. Она используется для оптического исследования минералов геологами, физиками и химиками во всем мире. Это специальный прибор к микроскопу для измерения в градусах углов между гранями кристаллов.

Прибор — изобретение гениального ученого Еврафа Степановича Федорова (1853-1919), основоположника современной кристаллографии и минералогии. «Столик Федорова» был изобретен в 1891 году.

Его автор родился 22 декабря 1853 года в Оренбурге. Уже в семилетнем возрасте познакомился с геометрией. В 1863 году был принят в училище Петербурга. Он учился в военно-инженерном училище, затем на химическом отделении технологического института, в горном институте. В 1879 г. им была написана первая работа: «Начала учения о фигурах».

На Урале он долгое время вел обширные геологические исследования. В 1882 году студентом горного института ездил для обследования Кунгурской пещеры и горы Благодать. В мае 1894-го Федоров приехал в поселок Турьинских рудников (ныне Краснотурьинск) для руководства геологоразведочными работами в Богословском горном округе. За четыре года ученый провел геологическую и топографическую съемку Богословского округа, составил его детальную геологическую карту.

Он преподавал специальные геодезические дисциплины в горном училище. При лаборатории училища основан геологический музей, где сосредоточился каменный материал всего округа. Музей сыграл большую роль в развитии горной промышленности. Сейчас он носит имя Е. С. Федорова, и сокровищем его является составленная ученым карта города (масштаб 1: 1000), состоящая из 197 листов.

Результатом исследований Е. С. Федорова стали монографии — «Богословский горный округ в отношении его топографии, минералогии, геологии и рудных месторождений» (СПб, 1901) и написанная в соавторстве с Б. В. Никитиным — «Богословский горный округ» (СПб, 1901).

Федоров приезжал на Турьинские рудники каждое лето и продолжал исследования до 1899 года. Последний раз был там в 1911 году.

На здании музея в Краснотурьинске — мемориальная доска с надписью: «Геологический музей основан в 1894 году профессором Ленинградского горного института Е. С. Федоровым. В нем он работал с 1894-го по 1899 год».

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ

Портретов Ермака, написанных при его жизни — нет. Правда, как рассказывает писатель П. Мельников (Андрей Печерский), в первой половине XIX века широко распространены были портреты Ермака, написанные чаще всего на железе, неизвестно кем и когда. Но они далеки от достоверности.

Набросок портрета дает лишь Ремизовская летопись, автор которой описывает Ермака умным и мужественным человеком среднего роста, широким в плечах, с черными бородой и волосами. Ермак, как говорит летопись, «мужествен и разумен и человек и зрачен, и всякой мудростью доволен, плосколиц, черен бородою и власы кудряв, возраст средний и плоск, плечист».

Подвиг Ермака не раз вдохновлял русских художников и скульпторов. Еще во второй половине XVII века один из талантливых живописцев (вероятнее всего Иван Безмин или Дорофей Ермолин) написал его портрет. Ермак изображен на нем одетым в темно-коричневый кафтан, опоясанный металлическим поясом. В правой руке — копьё, левая опирается на рукоять меча. Черные волосы, сухое и очень энергичное лицо.

Знаменитый художник К. Брюллов исполнил проект памятника Ермаку, который установили в Тобольске в 1838 году. Другой замечательный художник В. Суриков написал картину «Покорение Сибири Ермаком». Суровым воином в доспехах с боевым топором в руке и взглядом, устремленным вдаль, как бы навстречу битвам и опасностям, изобразил Ермака скульптор М. Антокольский.

Представленный портрет Ермака Тимофеевича написан на железе неизвестным художником в 1753 году. Ермак изображен на нем в светло-коричневом кафтане, в кольчуге (есть предположение, что она была подарена Ермаку Иваном IV). В правой руке у него меч, в левой — копьё. Лицо очень энергичное, несколько сухое. Портрет этот поступил в наш музей от жительницы Екатеринбурга Е. А. Слободчиковой 16 июня 1909 года.

Алексей ПОПОВ, Олег ВОДОПЬЯНОВ, Екатеринбург

КРУГ ЖИЗНИ

Часть 2. «Свердловск-ГУЛАГ-Екатеринбург»

Алексей Дмитриевич Попов с правнучком. 1999 год

1. Город имени Якова Свердлова

6 октября 1947 года в теплушках с двухэтажными нарами я вернулся в родной город. Наш эшелон поставили на дальний путь около водонапорной башни за старым вокзалом. Я вышел в город и сразу же нашел Вознесенскую церковь, Ипатьевский дом и, самое главное, дом напротив — дом моего деда, Владимира Евгеньевича Попова, где прошло мое детство. Мне показалось, что все осталось по-старому...

Мы, я и мама, бежали из этой квартиры, оставив все, как было, в полном порядке. То была весна 1919 года, мне тогда было 6 лет. Вернулся я на Родину и в родной город в возрасте 35 лет, с женой, тремя маленькими детьми и тещей.

Приезжавшие репатрианты (так официально называли вернувшихся в Россию беженцев от революции и гражданской войны) сразу начинали искать работу и жилище. Выпал уже снег, в теплушках не было печек, поэтому дети мерзли. Сестра нашего друга по Шанхаю Жени Лихачева, Лидия Антонова, у которой был дом в Щипановском переулке, на улице Боевых дружин, приютила нас у себя. Неко-

торое время пришлось жить на кухне, за печкой, спали там на сундуках.

Я быстро нашел знакомых, и меня сразу же погнали в Академию Наук — у них там была экспериментальная мастерская, и был нужен специалист моего профиля. Начальник отдела кадров на меня посмотрел, выслушал и сказал: «Нет, я Вас взять не могу». Куда бы я не обращался, мне везде твердили одно: «Переезжайте в область, в районе нужны специалисты». Но куда же я поеду в район с тремя детьми и больной тещей? Стали приспособливаться: жена пошла работать швеей, я устроился в мастерскую, где ремонтировались приемники, примусы и делались ключи. Зимой я за работу брал телегами дров, сам привозил их, распиливал и как бы расплачивался ими за жилье.

Потом мы нашли квартиру на ул. Первомайской, каменное помещение, бывшее когда-то конюшней. Больше чем половины пола не было — доски сожгли предыдущие жильцы. Тут к нам присоединилась знакомая семья по Шанхаю: муж с женой и дочка, мы их приютили. Тем временем, у тещи нашей стало совсем плохо со здоровьем, нам пришлось положить ее в больницу. Весной 1948 года она умерла.

Хозяйка нашего дома решила продать его и предложила купить нам. Но денег у нас не было, а дом нужно было очень долго отстраивать. Пришлось вновь искать себе квартиру. Вскоре мы переехали на проспект им. Ленина, где встретили 1949 год. В одной комнате жили сразу две семьи, весь пол был заставлен сундуками, оставался только узкий проход. Хозяйка была довольно скандальная особа, все время орала: «У меня муж — Герой Советского Союза! Был танкистом, голову ему оторвало...» В то время ходила еще масса рассказов о войне. Встречались люди с очень расшатанной психикой, рассказывавшие страшные вещи. Помню, к нам в мастерскую приходил бывший солдат и все рассказывал про войска из бывших заключенных — как они насиловали немецких девчонок, про расстрелы.

Тяжелое было время. Чувствовался послевоенный голод, и народ жил очень бедно. Все было дорого, еще действовала карточная система, а у нас не было никаких запасов — ни картошки, ничего. Детей кормили вареной свеклой. Я вставал за пайкой хлеба в 4 утра, чтобы успеть получить.

Прошла денежная реформа, и старые деньги про-

Окончание. Начало в № 3, 2001 г.

пали. Ходили разговоры, что спекулянты топили печки деньгами. Было много миллионеров, которые во время войны работали на заводах снабженцами. Их сажали.

Вскоре снова возникли проблемы с жильем, и мы опять переехали. Поселились в проходной комнате: в другой жил старик, а на кухне — старуха. Воды не было, все удобства во дворе. К соседке нашей уже тогда приходил какой-то мужчина, которому было приказано за нами следить. Не знаю уж, что он там про нас писал, разговоров антисоветских мы никогда не вели.

С работой у меня было хорошо: ремонтировал различные радиоприемники и прихалтуривал в Пединституте и УПИ. Где-то в это время у меня появилось много клиентов из МГБ. У них, в основном, были трофейные приемники из Германии, а радиомастеров в городе было мало, к тому же, почти никто не разбирался в иностранной аппаратуре.

В начале лета все шло нормально: я стал более-менее зарабатывать, жена тоже работала. Примерно в это время начались аресты приехавших из Китая, настал и мой черед. В конце июня вызвал меня к себе директор и сказал, что, мол, отправляют меня в командировку в Егоршино. На мой вопрос: «Зачем?» мне ответили, что там мне все расскажут.

2. Этапы «большого пути»

В тот же день мне уехать не удалось — не успел сходить за билетами. Купил их только на следующий день. Зашел на работу. Меня увидел директор: «Вы не уехали?» — спросил он с испугом в голосе.

Виктор Гребенников (г. Новосибирск). Автопортрет

«Кошмарные лагерные сновидения преследуют меня и сейчас, хотя зла на Советскую власть не держу... Но все это так врезалось в память, что и четыре десятилетия спустя рисую это считайте что с натуры.» (В. Гребенников)

Рисунки предоставлены
Екатеринбургским обществом «Мемориал»

Шарахнулся, как от прокаженного. Видно знал, куда меня посылают и зачем.

Я поужинал дома, жена проводила меня до вагона, поезд тронулся, и тут же ко мне подошел некто в штатском: «Ваши документы? Давайте сойдем с поезда, нам нужно кое-что выяснить». Уже на следующей станции он вывел меня из поезда, и мы сели в машину. Моя жена, наверное, еще не успела дойти до дома, а я уже был в подвале на Ленина, 17, где мне предъявили ордер на арест. Вопросы, которые мне задавали, не отличались оригинальностью: «Где Ваш радиопередатчик? Где Ваше оружие?» Разумеется, ни того, ни другого у меня обнаружено не было. Забавная деталь — уже потом я обнаружил, что ордер на мой арест был выписан за два месяца до фактического ареста и на адрес старой квартиры.

Спустя несколько дней после моего отъезда жена стала беспокоиться, почему не звоню, и позвонила сама нашему старому другу А. Иванову, который работал на Егоршинском радиозаводе. Выяснилось, что я туда не приезжал. Жена сразу же обратилась в милицию. А 8 июля к нам на квартиру пришли делать обыск. Надо сказать, что обыск был поверхностным, длился всего час, и изъяли только документы.

Первым моим следователем был капитан Ёркан, который первые месяцы не давал мне спать. Допросы начинались сразу после отбоя и продолжались до утра. Мне повезло: меня не били. Я рассказывал следователю свою биографию, он все записывал, а потом долго уговаривал, мол, давай сочиним что-нибудь. Где-то в конце сентября на очередном допросе он сказал мне: «С тобой говорить все равно, что телеграфному столбу оспу прививать», — и, не окончив следствия, исчез из моей жизни.

Среди моих сокамерников было несколько человек, арестованных вторично. Мне особо запомнился Парамонов Анатолий Иванович. Старый большевик, соратник Свердлова, первый председатель Свердловского горсовета. Человек, окончивший гражданскую войну в генеральском звании. Он взял меня под свою опеку и целыми днями беседовал со мной на разные темы. Рассказывал про условия и режимы в царских тюрьмах, где неоднократно сидел. Отношение к заключенным тогда было на порядок гуманней, чем в наше время. Начальник их тюрьмы, посещая политзаключенных, незаметно приносил им свежие газеты. Сам Парамонов самодельным приспособлением типа удочки ловил голубей из окна и отдавал их повару с просьбой приготовить.

В 1922 году он неудачно выступил по вопросу «О роли профсоюзов», за что был посажен в 1937 году, но спустя какое-то время отпущен. Теперь его опять арестовали. Свой первый срок он отбыл на постройке железной дороги на Воркуте. Особенно тяжело, по его рассказам, было во время войны, но он выжил, охотясь на крыс, пополняя таким обра-

зом свой скудный рацион. Самым главным из того, что он мне внушил, было: «Не надо переживать, надо выжить!» Я вспоминаю его с благодарностью, именно благодаря ему я понял, что в жизни надо играть пьесу по правилам социалистического реализма — приспособляться и выживать. Память о нем не ушла безвозвратно: в постсталинские времена его большие портреты выставляли по городу в праздничные дни.

Следователи на время забыли про меня, но в конце ноября появился новый следователь — майор Тетюнок. Он вызывал меня в дневное время, сажал около окна с видом на торговый центр «Пассаж», а сам занимался своими делами: писал конспекты по краткому курсу истории ВКП(б), разговаривал по телефону с сыном, решал с женой вопрос о покупке ковра. Он быстро закончил мое дело, и мне его дали прочесть. При этом присутствовал прокурор, которого я увидел впервые.

13 декабря 1949 года со мной началась удивительная эпопея, в которую трудно поверить. Младший лейтенант и три сержанта этапировали меня в Саратов, причем отъезд был очень спешным, мне даже не выдали белья, которое было в стирке. Его отдали моей жене, пришедшей с очередной передачей, сказав, что меня перевели в другую тюрьму. Жена ушла, убитая горем, решив, что меня расстреляли.

Везли меня в стальной вагоне, в одиночном купе — карцере. Один из сержантов круглосуточно следил за мной и, когда во сне я поворачивался лицом к стене, будил меня. Я должен был все время держать лицо на виду. Куда и зачем меня везли, я не знал.

В Казани была пересылочная база, там мне позволили принять душ вместе с татарскими детьми лет 12 - 15. Выяснилось, что привезли меня для очной ставки по делу «крупных международных шпионов — братьев Алексеевых». С одним из них мне и предстояла очная ставка.

Георгий и Игорь были детьми бывшего полковника царской службы Михаила Степановича Алексеева. Он был участником обороны Порт-Артура и жил в Харбине на Стрелковой улице. Со старшим братом Георгием я дружил с 1930 года, вместе с ним состоял в скаутской организации, жил в лагере на станции Маоэршан. С 1936 года мы оба жили в Шанхае, во время войны — в одной квартире. Уже тогда мы решили вернуться в СССР, что и сделали в 1947 году, Георгий отбыл в первой партии, я — во второй.

Следователь устроил нам встречу в своем кабинете. Георгий был в подавленном состоянии и сказал мне, чтобы я со всем соглашался. Вскоре было организовано представление — «очная ставка». Кроме следователя и нас в кабинете были трое высших чинов и две стенографистки в погонах.

На вопрос следователя, является ли он агентом американской разведки, Георгий ответил утверди-

тельно, но никаких доказательств не привел, назвав только несколько иностранных фамилий. Когда меня попросили подтвердить это, я ответил отрицательно. Такой же разговор был насчет английской, французской и японской разведок — Георгий все подтверждал, а я нет. На замечание следователя: «Вот Алексеев сознается, а Вы не подтверждаете!» — я ответил, что по неизвестным мне причинам Алексеев вводит следствие в заблуждение. На этом все закончилось, но в конце, когда мы остались со следователем одни, он поинтересовался: «По-видимому, Вам все это надоело?» «Да», — ответил я.

У меня создалось впечатление, что следствие организует постановку для подачи наверх — высшему начальству. Сейчас сказали бы, что они создавали нереальный, «виртуальный» мир, иллюзию.

После очной ставки меня перевели из следственной тюрьмы в обычную. Моя камера находилась в коридоре, где часто кого-то били и слышались истошные крики. По ночам слышались долгие сумасшедшие вопли. Наша камера раньше была камерой смертников. Все стены были исписаны: «Здесь сидел смертник такой-то», и стояла дата. Надписи не стирались, по-видимому, для устрашения заключенных.

Камера в Златоустовской тюрьме. Койки и стол вварены в пол. Камеру «держат» урки (сверху). Вблизи их — полуцветные, шестерки. Фраера — у параша. На столе — пивки, тараты которые без урок невозь. В этой тюрьме (видна сейчас с вокзала) я просидел более полугода. 1947. В.И.Ш.

Обратно в Свердловск я ехал уже без всякого почета, в купе набивали по 20 — 25 человек. Сначала мы прибыли в областную тюрьму на Малышева 2, там всех высадили, а меня почему-то не приняли и повезли в следственную тюрьму на Ленина 17. Подъехав туда, старшина — руководитель этапа — отпустил воронок и остальных охранников, а сам повел меня внутрь. Каково же было его огорчение, когда меня и там не приняли. Выяснилось, что меня следует доставить обратно, на Малышева, 2, и мы пешком пошли по проспекту Ленина. По дороге старшина все время ворчал, мол, невезучий арестант, мороки с ним, а он до мной опаздывает..

В тюрьме на Малышева 2 я попал в старый корпус, построенный еще в Екатерининские времена. В камере я встретил шанхайцев: Артема Лысогорского, Алексея Иршенко, Андрея Соловья. Был март 1950 года. 27 марта была Пасха, и все шанхайцы получили пасхальные передачи. Я сразу, чтобы сообщить жене, что я жив, написал прошение о передаче. Но, когда жена ее принесла, меня уже там не было, я уже ехал в Москву.

По дороге в Москву у нас была очередная остановка с мытьем и прожаркой. Пока одежда находится в камере с высокой температурой, мы, абсолютно голые, тоже подвергаемся обработке. Нас стригут. Двое, женщина-парикмахер и мужчина со специальным устройством (большое ведро с ручкой, чтобы вращать, и гибким шлангом, оканчивающимся машинкой для стрижки волос), методично стригут у нас волосы, сначала на головах и лицах, затем подмышками и на лобке. Женщина стрижет, мужчина вращает ручку. Подобной процедуре я подвергся всего один раз.

В Москве я попал в знаменитую Бутырку: широкие коридоры, чистые большие камеры, пищу развозят на тележках, а не разносят в ведрах, раздатчицы во всем белом.

В камере нас сидело около 50 человек, в основном все уже имели приговоры и сроки. Однажды заключенные для хохмы посчитали, какова общая сумма лет по приговорам. Оказалось, больше тысячи. Здесь я встретил иностранцев — немцев.

Сразу выяснилось, что это настоящий рынок рабов: людей разбирают по разным шарашкам. Со мной побеседовали и направили в Марфинскую шарашку. Правда, перед самым отъездом опять произошёл недосмотр: у меня и еще одного человека не было ни суда, ни постановления ОСО. Эта проблема была быстро решена. Меня тут же в коридоре закрыли в стенном шкафу, а через полчаса вызвали, и какой-то подполковник зачитал мне текст на маленьком листочке. По постановлению Особого Совещания при Министерстве Госбезопасности я приговоривался к 25 годам лишения свободы по статье 58 пункты 4 и 11.

3. Марфинская шарашка

Шарашками в сталинское время назывались научно-исследовательские институты, где работали, в основном, заключенные. Марфинская шарашка располагалась в доме бывшего Александро-Мариинского приюта для бедных мальчиков-сирот духовного звания. Находился он в подмосковной деревеньке Марфино близ Останкинского дворца — «Музея творчества крепостных». Нынешний его адрес — ул. Комарова, 2 (бывшее Владыкино шоссе). Там же была и церковь, посвященная иконе Божьей Матери «Утоли моя печали».

Сразу по приезду в Марфино я был вызван оперуполномоченным института Шикиным. Я подписал документ о неразглашении секретов работы, за нарушение которого полагалась высшая мера наказания. Характерно было замечание Шикина, когда он познакомился с моим делом: «А почему у Вас нет пункта о шпионаже? Я-то знаю, что Вы — шпион! Недоработка Свердловского следственного отдела!!!»

В Марфино я попал в лабораторию № 7. Моим руководителем стал Иван Емельянович Брыксин — выдающийся инженер и очень душевный человек. Лаборатория в то время уже начала разработку секретного телефона, передачу которого невозможно было бы расшифровать. Заказчиком был сам Сталин, а курировал работу глава МГБ — министр Абакумов.

Главным инженером всего института был Антон Михайлович Васильев. В прошлом он тоже был заключенным, а потом стал инженером-полковником МГБ. По ночам он частенько заглядывал в нашу 7 лабораторию.

Так как институт был в прямом подчинении министра Госбезопасности, то, бывало, Антон Михайлович звонил в 7 лабораторию и, вызвав меня к телефону, говорил: «Алексей Дмитриевич, возьмите нужные приборы в измерительной. Сейчас привезут приемник с дачи министра, его необходимо проверить и настроить». А ко дню рождения министра Антон Михайлович дал задание разработать и изготовить несколько приемников на три фиксированные московские радиостанции. Заказ был мною выполнен в срок, но к тому моменту министр уже был снят с должности и посажен. Его «съел» его заместитель Рюмин — об этом шарашка узнала раньше, чем Москва и вся страна.

Нельзя сказать, чтобы жизнь в шарашке была очень сладкой, но и плохой ее тоже назвать было нельзя. Работали заключенные минимум по 10 часов: с утра до обеда, после обеда до ужина и после ужина еще часа 4. Лаборатория № 7 работала каждую ночь, нас часто посещал начальник Васильева — Фома Фомич Железов, в прошлом чекист-тюремщик, малообразованный человек, за счет трудов зак-

люченных имевший ученую степень. Он любил показать свою ученость перед заключенными, и я помню, как он пересказывал нам статьи из журнала «Техника молодежи». Отношение институтского начальства и офицеров МГБ к заключенным было крайне вежливым. Они обращались к нам так же, как и мы к ним: по имени-отчеству.

В институте были первоклассные производственные мастерские, сильное конструкторское бюро, работала у нас большая химическая лаборатория, а также очень сильный вакуумный отдел, выпускавший даже кинескопы. Своя измерительная лаборатория конструировала и выпускала аппаратуру, необходимую для работы института. Помимо этого, закупалась аппаратура и за рубежом.

В институте была обширная техническая библиотека, куда поступали журналы на различных языках: английском, немецком, французском и даже итальянском. Причем, журналы были вполне современные, выпускаемые разными фирмами: «RCA» и др. Была знаменитая серия книг по электронике, выпущенная Массачусетским технологическим институтом. Знание английского, опыт работы на иностранной аппаратуре — все это позволило мне занять хорошее место в группе разработчиков. Когда телефонная система была разработана, я был на комплексной наладке. Среди ее разработчиков было много русских инженеров, докторов и кандидатов наук, а также специалисты из пленных немцев.

Институт занимал большую площадь и состоял из двух зон: небольшой жилой и большой производственной. Помимо различных помещений был большой сад с липовой аллеей и маленьким прудом. В этом самом пруду в один из жарких дней искупался заключенный — инженер Мартынов Валентин Сергеевич, за что был наказан трехдневным карцером в Бутырке.

Жилищные условия, учитывая, что это была тюрьма, были вполне приличными. Недаром Солженицын назвал жизнь в этой шарашке «первым кругом ада». Комнаты были круглыми («юрты») с печкой посередине. Две такие «юрты» имели общую прихожую — курилку. В каждой комнате было по 12 двухэтажных кроватей, постели с матрасами. Белье менялось каждые 10 дней. По соседству была баня, туалеты, кухня и прочие обслуживающие постройки. Рядом с жилой зоной стояла комендатура, где находилась тюремная администрация и небольшой медпункт. Вообще же вся территория была за колючей проволокой с вышками, на которых постоянно дежурила вооруженная охрана.

Питание было трехразовое (офицерский паек МГБ), завтраки выдавали на несколько дней вперед: сливочное масло, сахар, колбасу, яйца, сметану. Питание по калорийности было трех степеней, мы — разработчики — получали первый стол, высший. У каждого за столом было свое место. К праздникам

сами заключенные стряпали торты. Работал продуктовый ларек, а заключенные-москвичи постоянно получали передачи. Однажды, решив отпраздновать день рождения одного из разработчиков, мы собрали по кругу 100 яиц, сходили на кухню за сковородками и зажарили огромную яичницу.

Для отдыха мы делали самодельные телевизоры и радиоприемники. Можно было посидеть в библиотеке. С папиросами у нас особых проблем не было: по первому разряду выдавали пачку «Беломоркана» в день (другим разрядам полагалось меньше). Папиросы были производства заводов «ЯВА» или «Дукат».

К середине 1951 года наша лаборатория закончила разработку системы сверхнадежного, в плане секретности, телефона. По сути дела это была одна из первых успешных попыток «оцифровки» звука. Аналоговый сигнал с телефонного микрофона преобразовывался в «цифру» и после шифровки передавался по обычной телефонной линии связи, на другом конце которой происходила обратная процедура дешифровки и цифро-аналогового преобразования сигнала. Подслушивать такой телефонный разговор без системы «оцифровки» и шифрования было бессмысленно — набор хаотичных, «булькающих» звуков. Вся аппаратура была тогда еще на лампах, и три высоких стенда, заполненные электронными блоками, нещадно грелись — в комнате, где они стояли, приходилось работать в одних трусах.

После тщательной проверки комиссия приняла эту систему, и она начала работать на линии Москва — Потсдам. За эту работу были досрочно освобождены 10 человек, среди них: Брыксин, Измаилов, Котиков, Файнберг, Проценко, Степаненко и другие. Когда разработка системы была закончена, к нам приехали офицеры-линейщики, которые должны были обслуживать линию связи. Все они появились в помещении Института, как им положено, с пистолетами, что вызвало сильный протест тюремного начальства. Последовало решение «сверху»: оружие сдавать при входе в институт. Из-за атмосферы повышенной секретности линейщики даже не знали, с кем имеют дело, поэтому, когда разработчики приходили на лекцию, офицер командовал: «Встать, смирно!» А мы-то были осужденными, «врагами народа».

Из харбино-шанхайцев, работавших в Марфино, я помню нескольких. До меня там были Проскуряков Евгений Тимофеевич — выпускник ХПИ, потом приехал Тарановский Анатолий Александрович и Волосников Владимир Петрович, тоже выпускник ХПИ.

Я был в теплых, дружеских отношениях с Копелевым, Измаиловым, Брыкиным, Соломиным, Волосниковым, Проскуряковым и многими другими. После освобождения мы переписывались и часто виделись. Когда я приезжал потом в Москву, мы обязательно встречались. Кроме людей, с которыми я работал, мне особо запомнился архитектор Мерзанов, с которым мы спали на соседних кроватях и

много разговаривали. Он не работал в институте, а только временами жил, так как условия у нас были очень хорошие. По работе его постоянно возили на юг, где он строил дачу для Сталина и еще каких-то министров.

После смещения Абакумова институт перешел в ведение Центрального Комитета, и нас появился новый начальник — Наумов. Он ужесточил режим, убрал наши самодельные телевизоры из жилой зоны. В декабре 1952 года наступил конец шарашки. Из 400 человек в ней осталось только 70, а все остальные были переведены в Бутырку. Отъезд из Марфино мы называли потом в шутку «Утром стрелецкой казни».

4. Шахта № 40-бис

В Бутырской тюрьме мы находились больше месяца, пребывая в постоянном страхе, что нас в любой момент могут «пустить в расход» — мы слишком много знали. Но Судьба решила распорядиться иначе: в середине февраля нас отправили на Воркуту, где я попал на шахту № 40. Оставшихся в институте через некоторое время перевели в другую шарашку — «Кучино».

На пересылке до Воркуты я встретил харбинского журналиста — Князя Ухтомского, который сообщил мне, что его собираются везти в центр, так как он является специалистом по жидо-масонскому вопросу, а сейчас, в связи с делом врачей-отравителей, требуются люди, знакомые с этим вопросом. Там же, на пересылке, нас выгнали на расчистку голубятен начальника лагерей от снега. Эти голубятни представляли собой два больших барака с отоплением и обслугой. На этой работе я сильно застудил себе руки и попал в санчасть. Как раз в эти дни умер Сталин. Некоторое время спустя мы пешком по зимней тундре перешли на шахту № 40 и № 40-бис.

Этот лагерь был режимный, все ходили с номерами: один на рукаве, другой на ноге выше колена. Мой номер был «Ш669». Там я узнал, что у нас есть даже каторжане, у которых помимо этих двух номеров были еще два, на спине и на головном уборе.

Всего на шахте было немногим более двух тысяч человек, шахты работали в три смены. Больше всего было западников: украинцев, много немцев и прибалтов, встречались поляки, среднеазиаты, китайцы, японцы, корейцы, чехи, французы. Много было людей из Манчжурии и Китая, вывезенных оттуда СМЕРШем.

Сначала мне довелось работать в вентиляции, где я встретил знакомого по скаутской организации А. Кормилова. Потом перешел в строительную бригаду, которой руководил харбинец Ян Невядомский. Шанхайцем оказался даже лагерьный начальник-нарядчик — бывший шанхайский полисмен Вольдемар Перли. В санчасти работал Артем Лысогорский из

Циндао, в ОТК — Владимир Владимирович Роздаевский — химик из Харбина, брат главы Русской Фашистской Партии. У нас даже организовался свой «китайский клуб», состоящий из «китайских добровольцев» (по своей воле приехавших в СССР) и «военных трофеев» (насиленно привезенных СМЕРШем). Довольно часто мы встречались, курили махорку, пили чай, вспоминали.

Последняя моя работа в строительной бригаде заключалась в просверливании метровых стен в строящемся командном пункте. Там забыли положить деревянные вкладыши для прокладки коммуникаций. Моим напарником был моряк — капитан дальневосточник, который рассказывал, как он был на американском корабле «Миссури» при подписании мира с Японией. На этой церемонии присутствовала рота наших моряков — офицеров, одетых в форму матросов.

На Воркуте я пробыл год и семь месяцев, за это время было много знакомств и встреч. Я подружился с москвичем Юрием Гольдбергом — конструктором автозавода им. Лихачева, уже после освобождения часто гостил у него в Москве. Там же близко познакомился с Лейкиным Эльконом Григорьевичем, который был видным членом партии и, будучи экономистом, принимал участие в составлении плана первой пятилетки. Судьба сделала его троцкистом, и он, отбывав первый срок, уехал в Иркутск, окончил там математический факультет и стал преподавать. Увы, он был вновь арестован и пошел под второй срок. Во время своего второго ареста он сидел на Лубянке в камере с Сумароковым Евгением Николаевичем — харбинцем, бывшим одно время псаломщиком, а после — секретарем у архиепископа Нестора. В 1948 году, накануне отъезда владыки в Москву, рано утром пришли китайские чекисты и в спешном порядке увезли их обоих в СССР. Обращались с владыкой на Лубянке вежливо, когда водили его на прогулку на крышу, то даже предлагали стул.

Владыка Нестор провел в заключении 8 лет. Я слышал, что в лагере, будучи физически слабым, он ухаживал за овощами в огороде, и, чтобы ему было легче работать, ему шили специальные наколенники. Так он и ползал между грядками.

Во второй половине 1954 года номера с нас были сняты, режим стал помягче, но один заключенный, приехавший с соседней шахты, рассказал нам, как заключенные там попытались бастовать. В лагерь просто вошел взвод автоматчиков, уложил около ста человек (говорят, текли кровавые ручьи) и восставшим таким образом порядок.

В октябре (я был уже в начальниках и как раз проводил инвентаризацию) вдруг прибежал Вольдемар Перли: «Собирайтесь с вещами, кажется, на освобождение». Друзья меня быстро собрали, дали немного денег и табаку, и я с одним вертухаем пошел пешком на пересылку. Пока он заходил домой, я стоял на улице. Все как-то сразу упростилось. У меня прекратили дело, хотя судимость не сняли, выдали подъемные, паспорт (выезд в любой город страны), и 2 ноября вечером я вышел за проволоку и по страшной пурге пошел на вокзал. 7 ноября я был уже в Свердловске, за столом в кругу семьи.

Эпилог

До апреля 1955 года я не мог устроиться на работу. Все попытки что-либо в этой области изменить оканчивались неудачей. В отделе кадров смотрели на пометку, что я был в заключении, и отказывали. Только после того, как я сходил в отдел жалоб горсовета, меня устроили в радио-телевизионное ателье. Это было первое подобное ателье в городе, я проработал в нем до декабря 1956 года, а в феврале 1957 года пошел на работу в учебно-производственный комбинат УПИ. Там же я поступил на заочный факультет, который окончил в 1963 году. Работа в учебно-производственном комбинате УПИ была значительно интереснее, чем в телеателье, потому что комбинат обслуживал все кафедры института. Очень много приборов я сделал для химического факультета, мною был разработан и внедрен так называемый кондуктометр — прибор для различных химических анализов. Он получил серебряную медаль на ВДНХ в 1962 году, а я — трехкомнатную квартиру, где живу и поныне. Все мои дочери вышли замуж, у меня родилось 5 внуков, и уже есть один правнук.

Летом 2002 года Алексею Дмитриевичу Попову исполняется 90 лет. По нынешним российским меркам это очень длинная жизнь. Длинная жизнь обычного человека, просто прошедшего отведенный ему путь от самого начала к его завершению. Путь этот прост и незатейлив. Но, словно тонкая нить, он прошел сквозь многие годы и события, оборвавшие миллионы других жизней и судеб: революция, гражданская война, годы репрессий, Великая Отечественная...

Именно такие не приметные нити связывают в единое полотно ткань истории, которую мы, прожившие в два, в три и в четыре раза меньше, воспринимаем порой фрагментарно. Мы искусственно расчлняем ее на этапы и эпохи с отличными друг от друга культурами, идеологиями, системами личных и общественных ценностей, и уже сегодня рассматриваем наше недавнее прошлое, как иную цивилизацию, не имеющую с нами общих корней. Но эти корни есть. И для того, чтобы нам выжить на этой земле, следует не рубить их, а пускать вглубь и вширь, осознавая и принимая неразрывную связь прошлого, настоящего и — дай-то Бог! — будущего.

Олег ВОДОПЬЯНОВ

Людмила ХЛЕБНИКОВА, Екатеринбург

ВОСХОЖДЕНИЕ В ЗОЛОТОЙ САД

Автопортрет. 1978 год

Тридцать первого мая 1999 года ушел из жизни художник Алексей Иванович Бурлаков. Он обладал редким монументальным даром и мог создавать пейзажи-картины эпического звучания.

Цвет, фактура, пространство, заразительная экспрессия, темперамент исполнения громадных холстов на пленэре «а ля прима» будут завораживать даже художников. Потому что дышать большим миром в искусстве дано не каждому. А кому дано, тот заново постигает его язык, всегда особый для каждого призванного.

Та цвето-звучная палитра холстов, торжествовавшая на его юбилейной выставке (март 2000 г.), до которой художник не дожил, — итог такого постижения. Выставка называлась «Золотой сад». Это и название одной из последних больших его работ. Златотканая живопись осеннего горного распада в этой картине звучит надмирными струнами просветленного гимна Божьему миру. Она — озарение художника, отрешившегося от суеты сует. Художника — паломника, который как будто заповедует нам: «Не покоряйте, не хозяйничайте, а несите послушание, и даруется вам золотой сад». В сущности, это светлая всенощная, написанная им самому себе и нам.

*Как рвется из густого слоя,
как жаждет горных наша грудь,
как все удушливо-земное
она хотела б оттолкнуть!*

Работы А.И. Бурлакова так созвучны поэзии Ф.И. Тютчева.

Он умел чувствовать в скалистых даях, в жизни камня письмена веков, густой настоей времен, слышать в таинственном безмолвии вышние звуки. Я помню, как на обсуждении выставок (были в советские времена такие нужные для творческого общения моменты) почти всегда говорили о цвете и фактуре Бурлакова. И почти всегда собравшиеся делились на противников и сторонников его поиска. Он испытывал цвет диссонансом, мазок — плотностью, широтой, бравурностью, и даже холст — нагрузкой до рельефа. Но каким бы бунтарским не был поиск, опыт его знал узду, творческая кухня не брала над ним верх. В живописных приемах художника не было формального «выпендрежа», а только отважное дерзновение под натиском переживаемого чувства. Чувство, сердце, искренность всегда были с ним. Конечно, были и неудачи. И все же даже под лихорадкой цвета, перекрывающей порой ясность композиции, всегда виделась цель художника.

И не случайно после первой его персональной выставки в 1973 году родилась фраза «бурлаковская палитра». Эта палитра повлияла на многих художников, раскрепостив им цвет, научив их видеть Урал не серым и монотонным.

Очень недолго, лишь в начале пути, Алексея Бурлакова занимал любой пейзаж. Он быстро отказывается от городских и деревенских пейзажей. Мону-

Черная скала. 1983-90 годы

На Чусовой

ментализму, который в нем зрел, мешали следы присутствия человека. Крымские красоты и прибалтийская экзотика заняли совсем небольшой период молодости. То, что плескалось в его душе, что заполняло ее внутренним томимым образом, было мощнее и строже простого созвучия с красотами природы. Говоря языком музыки, он из сонатного начала стремился к просторам симфонизма. Тогда он и стал приверженцем дикой северной природы Приполярного Урала. Отныне он — паломник горных окоемов, стихии скал, камней, пространств и далей. Они утоляли его горнее томление, давали ему цельность и полноту переживаний. Не обмирщенная человеком высота звала его откровениями надмирного яруса.

*Там, в горном, неземном жилище,
где смертной жизни места нет,
и легче, и пустынно-чище
струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.*

(Ф. Тютчев)

Путь восхождения отражают и его автопортреты. Они — мировоззренческие вехи художника.

В карандашном академическом 1962 года он — молодой, романтический, с жадной впередсмотря-

щего, беззащитной чистотой внутреннего мира. Его житейская колючесть в зрелых годах была, несомненно, его щитом. Таким, примерно, убежав из дома, безбилетником на крыше вагона, ехал он «поступать на художника». Того же года живописный портрет интересен еще не живописью, но уже психологией предчувствия непростого пути, а сам путь явлен в полной мере в автопортрете 1980 года. Мощный образ человека, стоящего на защите своей обретенной высоты. Он, как Аввакум, несущий свою правду, как старовер, готовый на самосожжение. Да он и на самом деле себя сжигал. Интересно, придавал ли он значение ключам на портрете, или писал как деталь фона? Но ключ — это источник, ключ — это открытие, знание. Были у него и открытия, ведал он и источник, животворивший его мир. А мир его развернут в автопортрете (в майке) 1978 года. Художник стоит у мольберта на фоне стены с иконами. ТВОРЧЕСТВО и ОТЕЧЕСТВО — его мир. А он — их защитник, страдалец и певец.

Многое можно прочесть и в его натюрмортах. Со всем не случайны в них иконы. Они несут значение ОБРАЗА, ОБРАЗЦА и его личностно-творческой опоры. Он демонстрирует их во множестве натюрмортов как духовно-корневой завет, им воспринятый. Осознавая, что эти сокровища вычеркнуты из духовной среды общества, он пишет в одном из натюрмортов иконы отраженными в сломанном зеркале. И не воспринимать работу метафорой сломанного мира невозможно.

Первая же персональная выставка (1971 г.) уди-

Натюрморт с зеркалом. 1980 год

вила не только творческим подходом к цвету и пластике, но и неожиданно всплывшей в Екатеринбурге (тогдашнем Свердловске) тягой к русскому. Интерьеры соборов, иконы, самовары, старинные предметы быта на полотнах в то время были нежелательны. Одним этим он вычеркнул себя из благосклонного покровительства начальства от культуры, зорко следившего за формированием «правильного» мировоззрения. Еще тогда возникло негласное табу вокруг его имени.

Вторая его выставка состоялась только, когда художнику было 48 лет, через 15 лет после первой. На ней он не побоялся выставить самые первые свои работы. Художнику хотелось обозреть и почувствовать свой путь в большом выставочном пространстве, которого требуют его полотна, и которое не давала мастерская. Успех этой выставки был бесспорен даже для неприятелей его творчества. Тогда было принято музеями закупать работы с персональных выставок. Не обошли и А. Бурлакова этой привилегией. Но из-за его оппозиционности, вероятно, работы были оценены столь незначительной суммой (по сравнению с его коллегами), что достойней было совсем не продавать, чем согласиться с подобной оценкой.

Он пережил две большие московские выставки, принесшие ему заслуженный успех. На последней, состоявшейся в 1993 году, поступило предложение продать всю выставку сразу в Швейцарию. Он отказался. Ему хотелось, чтобы работы остались на родине. Как художник, он чувствовал, что рано или поздно его творчество будет признано. Так оно и произошло. Когда исчезла монополия на признание, экспонирование и приобретение произведений искусства Союзом художников, он стал постоянно участвовать во всевозможных республиканских выставках, его работы закупались частными коллекцио-

Таганай. Утёс. 1988 год

К ночи. 1983 год

нерами и Художественным фондом России, но только не в Екатеринбурге. В Картинной галерее города, где он жил, где должен бы быть отдельный зал работ Бурлакова, делавший бы честь городу, претендующему на международный статус, работ художника нет.

Да, он был человек сложного, колючего, резкого характера, оппозиционером, не заводил нужных знакомств, не был способен на дипломатические выражения. Но за гражданским, бытовым лицом, человеку, разбирающемуся в творчестве, нельзя не увидеть творческого лика Алексея Бурлакова. У него было сознание своей творческой правды. И он подчинял ей всю свою жизнь. Не позволял себе облегчающих маневров. К примеру, мог зарабатывать на жизнь мозаикой или монументальной росписью, как многие живописцы, но не делал этого, чтобы не ослабить руку в живописи, чтобы не расплескать время. И его работоспособность была невероятной.

Жестоко простудившись однажды во время своей творческой командировки, он заболел, но и большой, все равно возвращался к своим вершинам...

Испытания даны ему и после смерти. Небесные струны его «Золотого сада» (так называлась его посмертная, юбилейная, приуроченная к 60-летию, выставка в екатеринбургском Музее изобразительных искусств) были оборваны. Более чем за неделю до закрытия выставки, получившей широкий общественный резонанс при полном отсутствии рекламы (!), без ведома устроителей около половины работ сняли, нарушив целостность прекрасно выстроенной экспозиции. Сняли, чтобы спешно начать ремонт в непосредственной близости от картин «Золотого сада».

Но и это еще не все. «Золотому саду» Алексея Бурлакова некуда вернуться. Более 300 работ лишились дома. Мастерская передана другому художнику. Екатеринбургское отделение Союза художников России не поддержало идею создания мастерской-музея Алексея Бурлакова.

Василий ШЕНДРИКОВ, г. Каменск-Уральский

МЕРТВЫЕ УЧАТ ЖИВЫХ

Документальная повесть-воспоминание

Небо гудело и выло,
 Земля изнывала в столах —
 Войны той начало было
 На Двинских гнилых просторах.
 Трое нас суток бомбило —
 Не отмахнешься пилоткой:
 Воздух гарью забило,
 Кровь и песок в наших глотках.
 Насмерть стояли солдаты,
 Штык да винтовка — опора,
 Жаждали все мы расплаты
 В битве неравной, суровой!
 Словом лечили нам раны:
 «Вот, мол, на помощь идут...»
 Из пепла, песка и крови,
 Суровые сдвинув брови, —
 Мы вновь воздвигали редут.
 И, не дождавшись подмоги,
 Кто-то без рук, кто без ног
 Полз до проезжей дороги,
 Да так доползти и не смог...
 Небо гудело и выло,
 Пылала от крови река...
 С уральским солдатом то было,
 Ушедшим Славой в века.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Стояло душное июльское лето 1941 года. Непроглядное, забитое гарью небо изрыгало огненные струи и тонны завывающего немецкого металла. Бомбовые разрывы кровавыми лохматыми взлетами фонтанировали по искалеченному северному побережью Западной Двины. Здесь от Полоцка и до Невеля держала оборону уральская 98 стрелковая дивизия. Приказ Министра Обороны Тимошенко гласил: «Умереть всем до одного, но на северный берег Западной Двины врага не пропустить!» Почему министр так спешил всех умертвить, мне — военному корреспонденту газеты «Красноармеец» — было не совсем понятно...

В этот вечер в своем бесцётном заходе крестоносные бомбардировщики добивали нашу последнюю артиллерийскую батарею: остальные еще в первой половине дня были выведены из строя. У когда-то благоухавшей сосновой смолой лесополосы, теперь обглоданной и дымящейся, изредка ухало единственное орудие. Маленький, юркий, почерневши от копоти, младший политрук Шернин, спотыкаясь о трупы товарищей, метался у своей израненной защитницы. Перед

каждым выстрелом надувал ощетинившиеся щеки, на- тужно сипел:

— Получай, фашистская мразь! — темные волосы скатались в колтуны, гимнастерка изодрана, и натель- ная из белого суровья рубаха — в багровых пятнах...

...Я спешил в редакцию газеты «Красноармеец». Вот только оставлять пушкаря одного казалось преступле- нием. Но мне надо было вовремя сдать срочный мате- риал о батарее. Подтащив к орудию оставшиеся ящи- ки со снарядами, я уходил с оглядкой: в искристых всплесках темно-багровых пожаров, в бледных про- стрелах ракет догорало исковерканное побережье; за- дымленный июльский закат истекал кровью, и на его полыхавшем фоне металась тень сражающегося пуш- каря...

Над нежно-зелеными верхушками молодого сосня- ка клубился рыхло-белесый туман. Омытое кровью вчерашних сражений новое утро рождалось в ожида- нии неизвестного. В сыром воздухе носился терпкий привкус гари, перемешанный с густым настоем взды- ленных прелых листьев и сосновой хвои. В тумане, что в мутной воде, плавала сероватая палатка — в ней же наше редакционное имущество. Я получил новое зада- ние — репортаж о неуязвимом шофере медсанбата Ни- колае Полудине. Вооружился чистым блокнотом, из фанерного ящика, что приткнулся к наборной кассе, достал две ребристых «лимонки» — сунул за пазуху: «Не вывалится, когда придется по-пластунски!» Не простившись с сотрудниками редакции, выскочил из палатки. Над уходившей вдаль буровато-пестрой ни- зиной плыли лохматые остатки утреннего тумана, с юго-восточной стороны глухо рокотали орудия... С пе- редышкой та-такали пулеметы. Там был огневой рубеж.

Часа через полтора болотистые тропы вывели меня на сухую возвышенность с исковерканными окопами, откуда наши только что выбили противника. Вскоре я спустился в небольшую ложбину, с трех сторон при- крытую густыми зарослями ивняка, и неожиданно ока- зался у развилки дорог. В нее и влетел «ЗИС», круто развернувшийся и обдавший меня густыми клубами пыли. Шофер (а это был Полудин) втиснул машину в гущу смешанных лиственных деревьев и, заглушив мотор, выскочил из кабины. За его ловкой и сильной фигурой еле успевал маленький, приседающий на пра- вую ногу военврач в пенсне, а за ним — высокий узко- плечий санитар.

В третий раз, укрываясь от погони фашистских воз- душных пиратов, привел сегодня сюда свой «ЗИС» Полудин. С надеждой ждали его в зарослях прикорну- вшие раненые. Прислушиваясь к нарастающему гулу сражений, они беспокойно поглядывали по сторонам в ожидании спасителя. И медсестра Оксана — расто- ропная и стройная блондинка в солдатской форме — успокаивала их:

— Полудин не тюхля... Он такой, что вызовет всех... Хлопец, что надо! Вот увидите, неуязвимый он. Так что, мигом окажетесь в медсанбате.

А шофер то и дело вскидывал голову к небу, всма- триваясь в облачные заволочки — оттуда ждал главного своего врага. Он не слышал, что говорила о нем медсе-

стра, нервничал, не стоял на месте — ноги в кирзах так и перебирали почву, словно была она раскалена от взрывов и жгла подошвы; на его скульптурном лице, вымученном бессонницей, зеленовато-желтым светом поблескивали беспокойные глаза.

— Все в порядке, братки, — обратился он к раненым. — Посажу вас в кузовок, только нервишки — в узелок!.. Ежели духом не падем — хрен пропадем!.. А что?.. Коль дважды воскреснем — трижды по Гитлеру треснем!

Закончив перевязку только что вызволенного из боя раненного сержанта, Оксана метнулась через кустарники, оставив на обглоданных пулями сучьях окр- оваленный клок гимнастерки.

Полудин спохватился:

— Сестричку Оксану навестить надо... Она там, не- бось, под огнем-то запарилась. А мы тут розовое слюн- тьяйство развели вокруг да около! — и нырнул в кустар- никовый заслон навстречу взметнувшимся огненно- лохматым всполохам. Стоявший рядом санитар вски- нулся длиннющей фигурой и исчез в том же направле- нии. И вдруг в тени тальниковых зарослей кто-то над- садно зарыдал: солдат бредил и пытался сорвать с глаз порозовевшую марлевую повязку. Только что оказав- ший ему медицинскую помощь воен- врач обратился ко мне:

— Помоги-ка, дружище.

— Бей гадов! — рванулся из его рук слепой и мед- ленно угас. Моя помощь уже не понадобилась. А тут и Полудин выполз из кустарников, куда недавно нырнул. Отдышался, приподнялся, запальчиво передохнул и по скрипучей осотистой траве поволок плащпалатку с живым грузом. Я бросился на помощь. Немного левее нас из кустарников медсестра с санитаром вынесли на поляну лейтенанта с оторванной по колено ногой.

— Что за молодцы! — поднялся с аптечкой воен- врач, но обжигающий пересвист ошалелых пуль сва- лил его у ног медсестры. Она охнула, опустилась ря- дом, прильнула ухом к его груди: сердце не билось — в маленьком углублении на лбу врача сукровицей сочи- лась смертельная рана...

Вместе с Полудиным мы вынесли с поля боя шес- терых. Возвратились с седьмым в тот самый момент, когда разорвавшаяся мина разметала в стороны медсе- стру и санитаря. Шофер бросился к Оксане, в ярости застонал, подхватил ее на руки, прижимаясь щекой к её лицу:

— Кровиночка моя!

Новый повсест пуль покачнул шофера — он застыл в нерешительности, словно бы хотел шагнуть с Окса- ной на руках, а тут перед ним — пропасть, провал без- донный, и — притормозился. Боясь оступиться с цен- ным грузом, бережно, с остановками тронулся к маши- не...

Обратно он возвращался, еле передвигая ногами, то и дело останавливаясь. Подошел ко мне совсем обес- силенным. Отрешенно уставился на трупы врача и са- нитаря, еле слышно прошептал:

— А Оксаны больше нет, — и заплакал... — Не веда- ешь, где та самая крышка на гроб твоей жизни...

Он достал из-под сиденья санитарную сумку. Мне хотелось ему помочь — предупредил снисходительной

улыбкой. И сам, не спеша, наложил себе повязку на все еще кровоточащую рану на ноге. К счастью, пуля только срикошетила по голени. Однако, крови потерял много — с его побледневшего лица скатывались крупные капли пота.

— Ослаб я, вишь, — признался он, стяхнув с глаз слезы. Разъяснил, что больше всего его пугает неспособность крутить баранку: перед глазами, мол, двоится, да и в ноге уж не та силенка...

Но машина все ж взревела и рванулась с места. Вскоре мы вырулили на булыжное шоссе в один проезд, промчались километра три, и вдруг Николай сказал:

— Нет, газетчик, без передыха я не водитель! — и затормозил. — Не могу, хоть убей!.. Три ночи бессонных в печенке, — и уже полусонно: — Туман, вишь, в глазах-то... Малёхонько похрюкаю...

Откинувшись к спинке сиденья, он несколько минут храпел, как мне казалось, в непробудном сне. Вслушиваясь в нарастающий грохот бомбежки, я не вытерпел, нарочито крикнул:

— А фрицы-то жмут!

Шофер резко вздрогнул:

— Жмут, картофельные души! — согласился с закрытыми глазами. Но вот его рука потянулась к зажиганию — машина заурчала, резко рванулась навстречу ветру, весело загудела-запела. Я смотрел на туго обтянутое смуглой кожей лицо моего соседа и думал: «И сколько раз вот так, как теперь, в полусонном состоянии рулил он, давая короткие передышки натруженному сердцу!» Мы тряслись на нашей убогой полуторке по узкому шоссе — и вокруг расстилалась оголенная, без кустарников кочковатая размашистая долина. В разгоряченные лица освежающей прохладой бил неистовый ветер. И я начинал себя убеждать, что все должно обойтись благополучно. Тем более, как думалось, самое трудное уже позади: что оба мы в своем разуме, и машина мчит так раздольно, что лучшего и не надо, что шофер вроде бы немного оттаял от сковавшей его по рукам и ногам смерти Оксаны.

Мы мчались на предельной скорости. Сквозь разбросанные по небу ветхие тучи рассеялось солнце, встречный ветер усилился, перегоняя небесные пушисто-невесомые туманности с юга на север. Шофер вдруг обернулся ко мне:

— А ты заметил, какие у нее глаза?

— У кого? — не понял я, занятый своими думами.

— Да у Оксаны!

— Заметил, когда она говорила о тебе раненым...

И он впервые за все время нашего общения так мечтательно, так трогательно-ласково сказал:

— В пушистых ромашках ресниц — полевые васильки!

Я невольно поразился точному определению глаз его любимой. Шофер мельком взглянул на меня и с остервенением дал газ на полную мощность. Сзади машины, как выстрел из охотничьего ружья, грохнули выхлопы.

— Только теперь, — смахнул он левой рукой с глаз не то слезы, не то крупные капли пота, — ни ромашек, ни васильков... Все, гад, смешал на нашей земле — и живых, и мертвых...

И снова засвистел ветер. Лицо Полудина увлажнилось потом. От содрогания машины оно то болезненно морщилось, то выглаживалось, высветляясь скулами. Еще раз взглянув на меня, шофер вдруг занасвистывал знакомую мелодию:

*Он машину свою боевую,
Как подругу родную любил,
На позицию огневую...*

...и внезапно осекся: на залитом солнцем шоссе огромной птицей метнулась зловещая тень... По моей спине ожогом скребнул металлический гул. Где-то сзади, с запозданием, захлеб застучал пулемет, осколками брызнуло стекло машины, со свистом зачиркали по булыжному насту пули, высекая свинцовые искры. Кто-то в кузове взорвался безумным криком и захлебнулся в коротком стоне.

— Ишь ты, розовый слюнтяй, — обругал себя шофер. — Проворонил, сухопутный салага! — сморщился от боли, выжимая педаль. Мотор взревел, ухая огненными выхлопами; еще ниже зависнув над баранкой, впился глазами в знойную даль, где темнеющей подковой маячил бор — стоянка медсанбата. По возбужденным глазам Николая читалось тревожно-озабоченное состояние: ведь в объезд по шоссе гораздо длиннее, чем напрямиком — через луга. И он, резко вырулив в сторону, пояснил:

— Так верней, — крутанул баранку вправо, влево, выбрал более ровное место, проутюжил подвернувшиеся кустарники. Это был дерзкий вызов врагу — пока «Мессер» вздумает взойти над нами еще раз, машины на шоссе не будет.

Спасительный зеленый заслон уверенно плыл навстречу. Только мне казалось, что не успеем до него добраться — «ЗИС» уже задыхался. Вместе с выбитой пробкой из радиатора просвистели последние обжигающие струи пара; а тут еще участились луговые неровности, и машину бросало из стороны в сторону — она тряслась, скрипела, громыхала, с угрожающей затяжкой дребезжала, готовая развалиться на части. Не знаю, как у Полудина, в моей же груди сердце клочкотало кипячком, готовое, как та пробка из радиатора, выплеснуться наружу. Мы мчались на предельной скорости: перед глазами искрились багровые спиралевидные лучи уплывавшего в закат солнца; голова моя тряслась и

дергалась, и самого меня швыряло из стороны в сторону, снизу вверх, сверху вниз вопреки моему сопротивлению. И только шофер, словно вместе с баранкой отлитый из единого подвижного металла, казалось, был неуязвим в этой безудержной гонке к смерти.

И вот она — плотная зеленая стена бора. В считанные секунды выросла перед нами, и закачались, перепрыгивая из стороны в сторону, словно всплески молнии, первые бронзовые стволы. И тут, вверху, над густыми кронами сосен, с грохочуще-завывающим ревом пронесся «Мессер». Он ушел далеко вперед, струями пулеметных очередей расчленил верхушки сосен и коротким, трескучим взрывом потряс бор, будто обвалившееся небо прихлопнуло завывающего монстра войны.

А мы продолжали мчаться, и хотелось крикнуть шоферу: «Безумный, куда же ты?.. Ведь разобьемся!» И он, вероятно, думал так же. Но по непонятной мне причине, впявшись в баранку, не думал останавливаться: его перекошенное побагровевшее лицо неузнаваемо вытянулось, зеленовато-желтые глаза горели страстью стремительного полета между мелькавшими соснами. И мне уже казалось, что мчусь целую вечность, которой так и не будет конца. Но вот перед машиной вырос могучий ствол в седых мшистых наростах — Полудин резко тормознул, опрокинувшись на баранку, я же воткнулся головой в верхний угол кабины. Внезапная тишина, точно сунули нас под воду, окутала все вокруг. Я с трудом вылез из кабины, чтобы встретить санитаров: их фигурки мелькали далеко от нас между сосен — они бежали к нам на выручку. Необычную тишину после дорожной встряски нарушил один из тех, кто был в кузове: с мертвенно бледным лицом он подтянулся к борту, встал на одну уцелевшую ногу. С левого обрубка сквозь бинты капля за каплей пробивалась коричневатая муть, широко открытые глаза лейтенанта были незрячими, мускулы его лица дергались. Неизвестно кому в зеленое пространство он утробно хрипнул:

— Хватит!.. Сваливай здесь.

И только что взорванная тишина снова онемела. А лейтенант стоял в кузове на одной ноге и окостенело смотрел мимо бегущих к нам санитаров, словно там, вдали, видел не живых людей, а отвратительно мерзкий, бесшабашно уродливый облик войны, и пытался это ненавистное чудовище навеки-вечные пригвоздить к позорному столбу человеческой истории. Я смотрел на лейтенанта в оцепенении: «И сколько еще вот таких же, как он, застучат протезами в грудь нашей планеты

и будут смотреть на зрячих остекленевшими глазами!»

А санитары что-то возбужденно выкрикивали, но я их не слышал. И почему так энергично один из них махал руками — не догадывался. Но вот он — совсем еще молодой — в разорванном и испачканном кровью сером халате подбежал к машине и, захлебываясь от восторга, выкрикнул:

— А фашистский ас — вдребезги!

— Шофер потерял сознание, — сообщил я в ответ.

— Да что ты? — опешил он и полез в кабину. Полудин зашевелился, с трудом приподнялся над баранкой, уставился в меня пустыми глазами:

— Никак цел?

— Как видишь, — обрадовался я, что он тоже жив!

— Вот это по-нашему, — расплылся шофер в болезненной улыбке, но застонал и в резком изломе упал на баранку.

ОКРУЖЕНЦЫ

Полыхнувшие залпы вражеской артиллерии взорвали сгустившуюся тьму южнее Невеля. А вскоре и наша обнаженная луговина с ее перелесками и болотами вспыхнула разрывами — частыми и торопливыми. Танковый прорыв врага на станцию Дретунь отполоснул нашу дивизию от соседней, и мы оказались в окружении. Две вражеские диверсионные группы, выброшенные в расположение нашего штаба, лишили командование связи с частями. Прибывший в дивизию в разгар боев, чтобы заменить командира генерал-майора Гаврилова, выпускник Военной Академии полковник (я просто не успел запомнить его фамилию), успел проявить себя дважды: приговорил к расстрелу командира артполка за самовольную смену позиций и отдал приказ об уничтожении продуктов «НЗ», дабы не оставить их немцам. В кострах ночных пылали груды консервов, калачи копченой колбасы, увесистые банки со сгущенным молоком, запасы заветных сухарей. А в это время в окопах советский солдат довольствовался одним сухарем в сутки и пятью патронами к «исторической» трехлинейке с неперменным условием — «стрелять по врагу только прицельно!»

Зато враг швырялся металлом без экономии на завтрашний день. Он вел яростно-неутихающий огонь по городу Невель. И отсюда хорошо было видно, как в той стороне темный горизонт выхватывался кумачовыми выхлопами бомбежек, и в кипящем вихре пожаров обнажались окраины города. Фашистские полчища напористо теснили вымотанные остатки нашей дивизии в сторону, откуда тяжким грузом плевались их минометные батареи. Где-то в той же стороне непроглядное небесное пространство наполнялось монотонным гулом — там хозяйничала немецкая авиация. Земля гудела и судорожно вздрагивала; яркими вспышками артиллерийских вражеских залпов из тьмы методично выхватывался искалеченный сосновый бор, что напротив нас; а из пробуравленной поперек противотанковым рвом соседней луговины тянуло трупным зловонием.

Надо было срочно решить, в каком направлении вести прорыв, чтобы соединиться с солидно потрепанными остатками 108 стрелкового и 155 артиллерийского

полков, вырвавшихся их окружения на оперативный простор. И вот мы — тридцать восемь солдат и офицеров — в эту непроглядную июльскую ночь 1941 года залегли у перепаханного снарядами созревающего пшеничного поля с винтовками наполовину без патронов и одним станковым пулеметом «Максим». Последний сразу же взял на вооружение сам полковник...

Я обрадовался своему соседу — старшему сержанту Ефиму Миронову. Зимой прошлого года встретился с ним в небольшом уральском городе Можга. На полевых учениях, приближенных к боевым («Чем больше пота на учениях — тем меньше крови на войне!»), этот младший командир запомнился умными решениями тактических задач своего отделения.

Мои воспоминания о недавнем мирном времени прервала команда полковника:

— За мной!

Считанные секунды стояла тишина — чуткая, настроенная, решительная, вдруг рванувшаяся на нас грохочущим разноголосым ревом. Под нашими мокрыми телами заходила, заколыхалась зыбкая почва: увесистые разрывы ухали, судорожно вздыхали и отрывисто охали недалеко от нас, выворачивая топи. Первым вскочил Ефим, бросившись к мрачному наплыву кустарниковой полосы. Во тьме замелькали вспышки, навстречу потянулись разноцветные нити трассирующего металла. Выхватенный из тьмы искрящейся ракетой, Ефим упал в высокий осот, я — за ним. Рядом жирно чмокнуло, вздыбившись пронзительным свистом, и тут же — немного в стороне от нас — во тьме забелело раздробленное ложе винтовки. Далеко впереди из непробиваемой тьмы ошалело завывали вражеские ракеты, выбеливая островки камыша. Там, за ними, как нам думалось, и был возможный выход из окружения.

Мы сделали небольшую передышку, ожидая команды полковника, но вместо неё вдруг раздалась команда начальника второго отделения штаба нашей дивизии капитана Игратьева:

— Вле-р-р-ред, — тихо, но властно прохрипел он, и я с винтовкой погибшего бойца в беспомощности метнулся за ним. Под взрывы воющих мин мы мчались наугад, спотыкаясь о кочки, которых здесь непочтуй край; хрипели, задыхаясь в беге, товарищи; и справа и слева от меня что-то рушилось и шмякало, свистело и трещало; чьи-то неясные голоса сливались со стонами, где-то впереди тяжело ухало. Я еле успевал за Ефимом, пока перед ним из тьмы опаляющей струёй не выхлопнулся окоп-одиночка, разметавший по горизонтали дымчатое пламя огнемёта. В разгар рукопашной у Ефима выбили винтовку, он выхватил автомат из мертвых рук фрица, резанул перед собой очередь, в три прыжка настиг своих, короткими вспышками перечеркнул выскочивших из траншеи немцев.

Выстрелами и штыками вгрызались мы в скопление вражеских солдат и, когда пробивались, мчались неизвестно куда: во тьме было трудно разобраться. Может быть, совсем и не в ту сторону? И только подумал об этом, на соседнего с Ефимом бойца на село двое немцев, и Ефим кинулся к нему на выручку. Но тут из-за кудлатого кустарника вынырнули три здоровенных вражина. Я бросился на помощь к Ефиму, но чуть не

напоролся на штык, со звоном скользнувший по моей трехлинейке. И прежде чем успел оценить обстановку, содрогнулся от удара — что-то гадко-вонючее и упругое дохнуло мне в лицо так, что не смог удержаться на ногах. Уже падая, услышал обрывки лающих фраз — злобно-сумбурных — «ферфлюхтэ бандэ... руссишэ швайнэ!..» А потом что-то непомерно удушающее навалилось на меня потливой тяжестью, опалив затылок жгучей болью.

...Надо мной простиралось дымное небо с еле уловимым мерцанием голубоватых крохотных звезд — наступал рассвет. Где-то позади, далеко и глухо, с небольшими интервалами достукивали немецкие автоматы. А в моей отяжелевшей и неуправляемой голове стоял неумолчный стук и перезвон. Я уже не раз пытался встать, но разламывающие затылок боли держали меня с упрямой цепкостью. На какое-то время вдруг послышалось, что кто-то вроде бы дважды позвал: «Василий!.. Василий!..» И мне захотелось отозваться: «Я здесь!» — и вроде бы крикнул, но не услышал себя и испугался: шершавый язык лишь трепыхнулся жесткой суконой.

Впервые за свою короткую фронтную жизнь я с тревогой подумал, что это — конец, и начал задыхаться от беспомощности, всем своим существом погружаясь в болотистую вязкость. А когда очнулся, во мне что-то спружинило, и на смену безволию пришла попытка приподняться. И тут же с радостью подумалось: «Жив я, жив!» И снова прозрел и увидел эту жизнь перед собой: нехотя отрывался от кочковатой земли, клубился и плыл стороной рыхлый туман, кое-где в порывевших низинах он еще отлеживался плотными слоями молочного киселя. И, может быть, от такого видения глаза мои заломило, словно чьи-то огрубевшие пальцы выдавливали их из орбит. В настороженном состоянии я прислушался к непонятному, встревожившему меня: вроде бы совсем близко со свистом и шипением чавкало и пыхтело. Сквозь эти странные звуки изредка прорезались неясные голоса. И пока пытался разгадать, что же все-таки происходит вокруг, в памяти все отчетливее прорисовывались подробности минувшей схватки, и на короткое мгновение перед мысленным взором выплыл Ефим и перекошенное в злобе лицо того верзилы-немца, что свалил меня.

Превозмогая головную боль, разламывающую че-

реп, я попробовал встать — и совсем рядом услышал сопящее дыхание. Меня то трясло, поднимая вверх, то опускали вниз. Попытался вслушаться — и снизу глухое, придавленное тяжестью: «Прорвали-таки!» «Да кто его знает!» Я невольно обрел силы, приподнялся на локтях — рядом со мной обмотанная марлей голова: «Ефим... Боже мой!.. Значит, мы...»

Покачиваясь на носилках, наскоро сложенных товарищами из двух винтовок и солдатских ремней, я смотрел на восток. Там, словно алое знамя во весь горизонт, полыхал восход — далекий, но родной, неугаемый, вечно повторяющийся и вот теперь неукротимо зовущий к себе тревожными отблесками загадочного для нас нового дня. И невольно думалось: «А какой будет дальше заганная в болотистый тупик наша военная дорога?»

...Ко мне снова вернулись силы — контузия вроде бы отступила. И вот вместе с другими под палящим июльским солнцем бреду по израненной белорусской земле с надеждой — выжить и вырваться к своим. Только вокруг ни единого признака жилья, чтобы куском хлеба подкрепить свои силы... А отряд наш уже успел поредеть — вместе с капитаном Игратьевым из тридцати восьми осталось двадцать два. Командир шагает впереди цепочки солдат, не оглядываясь — видно, экономит силы. В мирное армейское время он был одним из авторитетных командиров нашей дивизии, отмеченной Наркомом Обороны в числе передовых. Как и тогда, он такой же стройный, подтянутый, стремительный в движении. И оттого, что на его русой голове нет головного убора, кажется ниже ростом. Тогда, год назад, в день проведения показательных учений в нашей дивизии командующим Уральским Военным Округом генерал-лейтенантом Ф.А. Ермаковым, капитан в глазах начальства выглядел молодцом, доказавшим незаурядность оперативника. И теперь мы чувствовали себя уверенно: «Этот должен нас вывести!»

Только вот июльская жара выматывала силы. И лишь напористый шаг капитана подтягивал и вел нас в неизвестность, и мы молча, ему в затылок, вышагивали один за другим. И невольно прислушивались к подстергающим неожиданностям — они могли возникнуть с любой стороны. Обходя толпкие места, продаемся сквозь заросли, торопимся, обдираемые кустарниками до крови, но все еще с верой на скорую встречу со своими, с теми двумя полками. Хотя никто из нас и не ведал, где они?.. И все же в обмене робкими соображениями в нас пульсирует гордое сознание: «Прорвались!.. Выполнили солдатский долг!»

Под знойным небом долго еще, до помрачения сознания, месим топкие низины. И когда совсем выматываемся, в середине дня капитан объявляет привал. Через напускную веселость шутит, давно мы его не видели таким. Отослав двоих в разведку, он присел на бугорок около ствола сосны, истекающего прозрачными смолистыми слезами, задумчиво посмотрел в спины уходящим. Не спеша расстегнул кожаный планшет, всмотрелся в пестрый кусок карты. Что-то сверил с компасом. Рука с красным карандашом заскользила по синим зигзагам, отыскивая счастливую судьбу-тропинку. Но каждый из нас знал, что кроме общей судьбы

была еще и своя, индивидуальная маленькая судьбинка, что должна была вывести или к жизни, или к гибели — кому как повезет... Не мог об этом не думать и капитан, водя карандашом.

И вдруг я заметил, как он побледнел, оторвался от планшета, вопросительно рассматривая наши лица. Выжидательно уставились в него и мы, догадываясь о чем-то недобром, отразившемся в его вдруг потускневших глазах.

— Ну, солдатушки, — медленно, испытующе прошелся острым взглядом по нашим лицам, — мужайтесь!

Мы замерли в ожидании...

— Из окружения пока не вышли, — нервно передохнул, прикрывая глаза от палящего солнца.

— Что ж теперь делать? — обреченно проскрипел чей-то резонный вопрос.

Приказом прозвучало командирское:

— Будем пробиваться!

Всю вторую половину дня убили на приведение в порядок и самих себя, и уцелевшего оружия, состоявшего из одних винтовок с жалким запасом патронов. Только вот решительный настрой прорваться из окружения не очень обнадеживал — вернувшиеся разведчики ухудшили наше обреченное настроение: «Немцы в полутора километрах!» Судя по тому, какую удачную позицию они заняли, рассадив огневые точки на сухой лесной опушке, встреча обещала быть горячей. Для нас теперь были два пути: один — назад, в болотистые заросли, другой — в лоб окопавшимся немцам. Но мы не могли не выбрать второго.

...Мы идем в непроглядной темноте во весь рост, с силой выдергиваем ноги из чавкающей трясины. И когда ощущаем под ногами твердую почву, капитан передает по цепи: «Быть начеку!»

Четкая команда невольно встряхивает, и я спешу вместе с другими... Если ориентироваться на донесение разведчиков, прошли мы не более трети пути до вражеского рубежа. Значит, от фрицев — на винтовочный выстрел, не более. И это настораживает и, вместе с тем, подхлестывает: «Не отставай!.. Не отставай!.. Держи равнение на капитана!» И вот уже последние кустовые заросли с прогалинами гнилых лужаек позади.

Короткими перебежками по мокрой траве мы продолжаем торить тропы к пока молчащей опушке на возвышенности. Только вот взлеты ракет то и дело тыкают нас в жесткую травянистую заросль невыкошенной лудовины. Немцы, как и следовало ожидать, не дремали: за участвовавшими бледными вспышками ракет затарахтели автоматы, зафыркали мины, взрхляя дерновину, скашивая кустарники...

— Не поднимайся! — задыхается кто-то рядом со мной. И я еле различаю в траве темный сгусток, то сжимающийся в комок, то расстилающийся в длину. — Пальцами работай, — напряженно шепчет мне. — Подтягивай себя за траву и — вперед!.. Хочешь выжить — почаще кланяйся земле.

После утихшей огневой «обработки» в голове моей снова заработала невыносимая от контузии стукотня: будто лупили по ней дюжиной молотков. И все же сквозь ощущение болезненного перестука в сознании шевельнулось главное: «Надо пробиваться к лесной

опушке!» И оттолкнулся я от кочки, скользнул по влажной траве, заработал локтями и коленями. Горячие струи пота заливали глаза, сердце задыхалось от частых ударов, я совсем выдохся и прислушался: «Вроде бы гитлеровцы угомонились...» И только подумал — короткие минуты тишины вновь взорвались автоматом-минометными залпами, вдавливая меня в осотистые заросли.

Странные эти штуки — мины: летят вроде бы с безобидным шуршанием, а рвутся с пронзительным визгом, раздирая в клочья и живое, и мертвое. И каждый раз вздрагиваешь, припадаешь и вслушиваешься, и наугад продираешься от кочки к кочке, от куста к кусту, и замечаешь, как мимо тебя шархнул темный человеческий стукот... На одно мгновение он застывает на месте, раскинув руки; а рядом мечется другая тень, не зная, где лучше, надежнее укрыться от зачистившего вокруг пронзительного визга, грохота и пламени и, сраженная, сливается с землей... Земля!.. Она теперь единственная, на которой можно запросто умереть, а повезет — случайно обрести жизнь. И я при каждом новом взрыве пытаюсь в эту землю втиснуться как можно глубже в ожидании своей участи: «Недолет... В сторону ухнул... Ну, кажется, пронесло... Слава тебе, Господи!»

Передышка с перебежками и ползание вокруг кустов привели меня к непонятному шепоту. Вслушался — уж не фрицы ли?.. Но голос капитана: «Еще бросок — и мы на свободе... За мной!» И мы бросились за ним... Лесная же опушка, что не более двухсот метров впереди, опрокинулась на нас огненным валом, ослепляя глаза. Совсем рядом раздался призывный стон, разделенный с теми, кто уже не встанет с изуродованной июльской постели. И пока я размышлял, как действовать дальше, впереди вдруг онемело, как после первого огненного выплеска — вроде бы немцы дразнили нас короткой передышкой. Но мы продолжали молча таранить тьму. И казалось противоестественным — ни единого зова о помощи... И трудно было определить, куда лучше броситься и где безопаснее прорваться. Но каждый знал про себя, что в последнем броске в этой непроглядной ночной кровавой мясорубке оказывать помощь тебе будет некому: на случай счастливый надейся, только сам-то не плошай!.. Главное теперь — ближе подползти и обрушиться на врага рукопашной, другого выхода нет, только так и можно одолеть вновь зарокотавший огненный вал. И вот еще одно храпящее усилие, еще один до предела человеческих возможностей напряженный миг — и мы вне зоны обстрела. И тут неожиданно для себя скатываюсь в глубокую квадратную яму, вокруг становится совсем непроглядно. «Странно, зачем она здесь, посреди кочковатой луговины?» Очухавшись от болотной слякоти, всматриваюсь вверх, во тьму неба. Там редкая затуманенная россыпь звезд, словно кто-то шутя швырнул туда пригоршню блесток, а они — зависли, не вернувшись обратно. Желанную для меня безопасную передышку нарушил шорох у края ямы. По моему следу, проложенному в густой росистой траве, кто-то полз с короткими остановками и стоном. Вот он встал на колени, чтобы спрыгнуть ко мне в укрытие...

— Ложись! — крикнул я ему из ямы. Но пуля опередила на долю секунды, и свалился солдат на гнилое дно рядом со мной. Я припал ухом к его груди, а он уже мертв... Опустошительное бессилие вдруг овладело мной. А когда выбрался на поверхность, услышал перешепот одинолчан, залегших в соседних кустарниках.

— Ну, братцы, — задыхаясь от усталости, сообщил капитан, — впереди, кажется, последний редут, а там — враг... Равнодушный к нашей судьбе и — беспощадный!..

И не успели мы опомниться, как сотни молний — коротких и длинных, пунктирно светящихся — сверкнули сквозь тьму нам в глаза: лесная опушка заговорила запальчивей и настойчивей прежнего, с возрастающей смертельной мощью. Она была так, что не оторвать от заблоченной почвы оглушенной головы. Немцы, вероятно, думали, что нас здесь — батальон, иначе к чему такая огневая мощь?.. Мы недолго отлеживались, вгрызаясь в землю, пока капитан не дал команды отходить обратно, чтобы попробовать пробиться в другом месте... Собрались за теми же кустарниками, откуда рванулись на прорыв. И смотрели друг на друга, и не верили своим глазам: теперь нас в живых осталось всего лишь восемь. Игратьев виновато объяснил, что поведет через болота к Ленинградскому шоссе, что другого пути у нас нет. Это — приказ, а его не обсуждают. Впрочем, каждый понимал, что иного выхода не будет.

Уже в расплывчатой жидкости морозящего рассвета уходили мы по тому же пути, каким шли сюда на прорыв. Теперь немцы смотрели нам в спины с большого расстояния и все же продолжали бить из автоматов. Непрерывным свечением тянулись за нами разноцветные лучи трассирующих пуль и, не долетев до цели, безобидными светящимися жучками пшикали в росистую траву в нескольких шагах позади.

...Вот уже третьи сутки без сна и пищи, с короткими передышками, пробиваемся через согры к Ленинградскому шоссе. Но где оно — и сами не знаем, все больше держим ориентир на капитана: раз он ведет — надо идти туда, куда сам идет, раз говорит: «Идем точно к намеченной цели» — значит, это правда.

После долгих блужданий-поисков вышли на просветы легко проходимых перелесков, которые здесь разбросались вперемешку с небольшими лужайками. Вскоре облюбовали место в сухих залежах давно вырубленного ивняка: вроде островка с одинокой, до вер-

хушки оголенной от сучьев, сосной. Мы, разумеется, не ожидали, что привал этот станет для нас роковым; все надеялись, что враг от нас далеко, и теперь мы можем себе позволить поочередно вздремнуть, тем более, что вторая половина расплавленного жарюю дня валила с ног. И каждый на пределе невыносимой усталости подкосился там, где только что остановился.

Мое дежурство шло к концу, заменить должен был писарь штаба дивизии Андрей Жигалов. Во время блужданий по болотам мы не присматривались друг к другу — озабочены были иной одержимостью. Но теперь я пригляделся к своему сменщику: на бледном, совсем еще юношеском лице гноились опухшие веки. После того, как я растормошил Андрея, он открыл слезящиеся черные глаза, заметил мое беспокойство и, взглянув на свой ручной никелированный «будильник», сказал:

— Мне дежурить...

Не верилось, что очередь долгожданного отдыха дошла и до меня. Мучительное своей приятностью время отдыха сладостным томлением разлилось по натруженному телу и напомнило о разбитой челюсти. И все же каждая жилка наливалась чувствительно обжигающим душу блаженством. И невольно за пределы внимания отодвигалась тяжесть неуверенности и обреченности, и что-то еще неясное и вроде бы знакомое оживало во мне желанным воспоминанием: навстречу плыли торжественно-радостные звуки горна, протяжно-заливчатые, летящие над палатками майского военного лагеря, там — на Каме, откуда нашу дивизию в июне перебросили в Белоруссию. «Ну конечно же, это подъем, значит, пора вставать».

А тут, как нельзя кстати, чья-то тяжелая рука стиснула мне плечо, дернула к себе — и все вокруг заколыхалось, забурлило, запенилось и уплыло вдаль вместе с kloчочушим речным простором. И я сам, точно челнок на волнах, закачался с боку на бок... И чье-то отдаленно-глухое:

— Да вставай же!

Я не узнал ни товарищей, ни природы, стяхнувшей с себя знойное оцепенение.

— Немцы! — уставилось в меня все то же заросшее бледное лицо с испуганными глазами. — Слышишь, загавкали?

С трех сторон приближались и крепи чужие горнанные звуки, скребушие за душу:

— Лос!.. Лос!.. Цузамэн, цузамэн!

— Врас-сып-ную! — выплеснул капитан и, не глядя на нас, кинулся через прогалину к густым кустарникам, опять туда, откуда мы совсем недавно вышли. Уже из зарослей Игратьев обернулся, сверкнул яростью глаз: «Потом соберемся!» Это был приказ. И я метнулся от него в другую сторону, и чуть было не столкнулся с новым для меня из нашей восьмерки человеком — начальником АХО штаба дивизии Салдыковым. Низкорослый, шустрый, с тихим и незаметным среди штабистов характером, он и теперь не буйствовал, как другие. Он спокойно осмотрелся вокруг, вроде безразлично поднес к своему виску пистолет со словами: «Пропала Россия!» Его выстрел приглушили немецкие автоматные очереди.

— Лос, лос!.. Цузамэн, цузамэн! — снова загорланилось совсем уже близко. Вместе с другими, обдирая руки и лицо, я наугад пробивал дорогу в густых зарослях. За моей спиной кто-то тяжело дышал, страдальчески выпрашивая: «Господи, помилуй и спаси!» Но у одной из кустарниковых пролысин хлопнул выстрел, и я невольно оглянулся: ухватившись за тонкую молодую березку, медленно опускался на колени штабной писарь. Но березка сопротивлялась, не хотела погибать вместе с человеком — рванулась из солдатских рук, отвешивая прощальный поклон... Андрей же, вроде бы в раздумье, постоял на коленях и, охнув, повалился на бок. В надежде, что он только ранен, я подбежал к нему, но на его бледном лице холодным блеском стыли агатовые глаза.

А сзади и правее нас фрицы прочесывали перелески автоматными очередями с оголтело гудевшим разноголосьем:

— Лос, лос!..

В петляющем сквозь кустовые заросли пробеге мы вырвались из «обятий» врага, нырнули в соседнюю березовую рощу, пронизанную струящейся пряжей солнечных лучей. Под ногами хлопала прошлогодняя коричневая листва. Относительное затишье среди стройных белостволок немного успокоило. Но когда остроумились — все ли тут? — не досчитались еще троих. Мое подозрение, что капитан решил нас оставить, оказалось несостоятельным: он был здесь же, как и другие — изодранный, усталый, загнанный и злой от собственного бессилия вывести нас из окружения. Я понимал его состояние, только мне почему-то от этого не становилось легче. Может быть, наш командир и был в чем-то виноват, но только не перед нами, ибо сделал все, что смог. Дрожащий, бледный, но не сломленный духом, он подошел ко мне вплотную и тихо спросил:

— Ты рядом был... Салдыков-то мертв?

— По-моему, да...

— Судь-ба-а-а...

Мы — каждый по-своему — перевели загнанное дыхание, потоптались на месте, не зная, с чего начинать новые шаги жизни, доставшейся нам пока по счастливой случайности.

...В один из июльских дней, расплавленных жарой, путаясь в болотных зарослях, я вышел на небольшую лужайку и — о счастье! — встретился с нашими измученными окруженцами. Среди них моих товарищей не оказалось. Осмотрелся вокруг, понял, что на этой местности я уже был: та же оголенная до вершины сосна с кучей сухого валежника... Отсюда мы с капитаном уходили на север в надежде встретиться с Ленинградским шоссе. И не успел хорошо осмотреться и оценить, что произошло в последнюю минуту, как в знойном небе угрожающе загудело и — грохнуло, непомерной тяжестью вдавив меня лицом в рыхлую почву; спину прожгло что-то сверляще-коряжистое, и земляной град забарабанил по голове так, что перехватило дыхание; на какое-то время жгучая боль из позвоночника переметнулась в левое колено — оно выкручивалось, и потому казалось, что меня из-под чего-то выволакивают.

Но я сразу же очнулся, как только почувствовал приток свежего воздуха.

Шагах в десяти от меня дымилась огромная воронка, около нее галдели немецкие автоматчики, попрыгивая ароматными сигаретами. По кочковатой лужайке подпрыгивающей походкой вышагивал длинноногий офицер с пистолетом в руке. Временами он останавливался, угрюмо всматривался в понурые лица наших солдат, бросал: «Гут!» — и отсеивал более крепких в одну сторону, не показавшихся — в другую. А в голове моей стоял неумолчный перезвон и болезненно-сверлящее шипение; в оглушенное контузией сознание то и дело врываются одиночные пистолетные выстрелы — офицер добивал наших тяжело раненых. Советские солдаты подбирали убитых товарищей, укладывая в уготовленную взрывом общую могилу. Трупы же немцев аккуратным рядом лежали в стороне, видимо, для вывоза на кладбище.

С опустошенной душой сидел я на лужайке вместе с другими, и кроме уныло-серых, изможденных лиц окруженцев ничего не видел: плен безжалостно перечеркивал все лучшее, что было в прошлом и что могло быть в будущем. И надо было что-то делать, чтобы хоть как-то отогнать безысходно-горькие мысли, и во всем, что произошло, здраво разобраться. Я пытался получить рассмотреть тех, кто рядом, что хоть у них-то на душе творится, о чем они думают? Но сосредоточиться на этом главном желании не смог: из далекой сибирской сторонки выплыло мое детство — с озерами и пригорками, лесами и хлебными полями, родными и знакомыми... И душа моя завывала наизнанку: «Как все это посмотрит на меня?.. Как оно оценит все, что случилось со мной?.. Ах ты, горе мое, горюшко!.. Слов не хватит, чтобы высказать, чувств не хватит, чтобы выстрадать!»

*Поклониться тебе, поклониться
Я спешу, моя Родина-Мать...
Кто-то нагло мне в сердце стучится,
Чтоб свободу мою растоптать...
Подсказала бы мне, научила,
Ты ведь мудрой была для нас...
Я, как нож, угодил на точило —
Только искры летят из глаз...*

Так в выматывающем силы раздумье и просидел бы еще неизвестно сколько времени, если бы из соседних кустарников вдруг не вывели на нашу луговину капитана Игратьева. В когда-то стройном и подтянутом офицере было трудно узнать нашего командира: мардерствующие фюрерские солдафоны сняли с него и широкий ремень с портупеей и кожаные сапоги. Я встал, чтобы окликнуть его, но он уже заметил и направился прямо ко мне, и конвоиры — невысокие крепыши в моем возрасте — вроде бы не воспротивились его желанию.

— Вот такие наши дела, — остановился он около меня в одних носках, измученный и мрачный. — Закурить бы, душу отвести...

— Эти упыри, — кивнул я на закуривающих конвоиров, — все из наших карманов повыгребли.

— Да-а-а, — неопределенно оценил капитан, — дела-а-а..

— Куда вас повели-то, товарищ капитан?

— Наверняка на допрос... Только я им «секретов» выдать не смогу: нет их у меня... Значит, разбашают.

— Лос! — прикрикнул чернявый конвоир и ткнул автоматом в спину капитана. Ссутулившись и покашливая, тот зашагал в неизвестность, прихрамывая на обе ноги. Потом обернулся в мою сторону, с болью выкрикнул:

— Не поминай лихом, Вася!

— Да что вы, товарищ капитан! — петля удушья захлестнула мне горло.

Окончание в следующем номере.

Фотографии взяты из книги Г. Дроздова и Е. Рябова «Парад победы». Фотоальбом

Лариса ПЕТРОВА, Екатеринбург

«Здесь не отдыхал П.И. Роддэ»

«27 июня 2001 г. исполняется сто лет со дня рождения Павла Ивановича Роддэ, артиста эстрады, ветерана Свердловской государственной филармонии. Он был членом Правления Екатеринбургского отделения Союза театральных деятелей России на протяжении сорока лет и преданно претворял в жизнь миссию ВТО — СТД РФ, посвятив многие годы заботе об артистах, их творческом общении, выступив инициатором создания Дома актера в нашем городе. Желая увековечить память известного театрального деятеля и стимулировать рост общественного начала в жизни организации, Правление учредило премию имени П.И. Роддэ за сохранение и развитие традиций творческого Союза и Дома актера».

Из Положения о премии им. П.И. Роддэ.

П.И. Роддэ в день 80-летнего юбилея. 1981 год

Зачинщик награды — известный на Урале Дом актера Екатеринбургского отделения Союза театральных деятелей России. Дом образцовый, содержится в идеальном порядке — благодаря усилиям сплоченной команды во главе с Владимиром Мишариным. Именно в его директорской голове появилась идея об учреждении собственной премии нашего Дома — премии имени Персоны. Имя персоны обозначилось в один миг с идеей: конечно, Павел Иванович Роддэ.

Взаимосвязь здесь органичная. Давнее духовно-трудовое единство Роддэ и екатеринбургского Дома актера всегда воспринималось как аксиома. Если публика долгие годы аплодировала сценическому таланту Павла Ивановича, то коллег-театралов восхищал еще и общественный, сродни вулканическому, темперамент Роддэ, позволявший ему сдвигать со своего пути горы. Например, стала классикой организационная эпопея, «поступенчато» пережитая им вместе с Б.З. Молчановым, Л.Д. Охлупиным, В.А. Курочкиным, Ю.П. Васильевым, Б.С. Коганом, Г.И. Кривицким, А.Д. Кернер и другими историческими лицами в период образования и реставрации Дома. Павел Иванович первым инициировал вопрос о создании клуба работников театра в конце 50-х...

Он любил раскрепощенность неформального общения, дружеские застолья, теплоту доверительных разговоров, остроумные шутки. Его влекла идея строительства собственного Дома, где хозяином был бы свой брат актер, творческий человек. Российскому творцу, гонимому по земле колючими ветрами профессии и власти, необходимо иметь пристанище. Хотя бы духовное. Этим пристанищем в Свердловске — по мысли Роддэ — мог и должен был стать Дом актера.

До сих пор вспоминают, что Роддэ, нередко посещавший присутственные места, на всякий случай носил с собой чертежи проектов: в любую минуту он мог предметно «атаковать» должностное лицо, отстаивая будущий Дом. Выбранный театралом дом по улице 8 Марта, 8 был передан во владение свердловской богеме в 1981 году. Официальную бумагу подписал тогда первый секретарь Обкома КПСС Борис Ельцин.

Перешагнув порог восьмидесятилетия и без потерь сохранив кипучую энергию, Роддэ принялся (в отличной компании) обустроить будущий Дом актера, а затем — налаживать его творческую и общественную жизнь. Свидетельства тому собраны в документах, отчетах, воспоминаниях его коллег и соратников. Они бережно сохраняются в Доме, как бесценный моральный капитал, как любимые предания не столь далекой, но славной «театральной старины».

Ну, а он сам? Каким он был? Очень непростой, ершистый, тщеславный и одновременно — жизнелюбивый, талантливый, душевно щедрый. Все, кому выпала хотя бы одна встреча с Павлом Роддэ, называют его «титаном общения». Его обаяние безотказно действовало в широчайшем диапазоне: от начальников всех уровней до разборчивых примадон провинции и столицы. Шутки его были моментальные, точные, неотразимы. Но за плечами этого неунывающего остролова, в терпком мареве истории всегда угадывалось свое, особое поле судьбы, о котором до сих пор известно не так много, как кажется.

Возможно, рассказы Валентины Роддэ, вдовы Павла Ивановича, ярче осветят для нас драматичные выражения его жизни.

«Пауль Роддэ родился в 1901 году в Германии, в семье цирковых артистов.

В 1906 году они переехали в Россию, и с шести лет Павел («Пауль») остается в прошлом навсегда) начал выступать в семейном акробатическом номере

на арене Санкт-Петербургского цирка. Активная гастрольная жизнь семьи забрасывала их во многие страны Европы: Германию, Англию, Францию, Италию, Испанию — вплоть до 1914 года. Первая мировая война прервала эти частые поездки. А в 16 лет Паша неожиданно травмировал плечо и навсегда расстался с акробатикой.

Уроки актерского мастерства он получил чуть позже, в 20 — 30-е годы, работая в театре Народной комедии, организованном Максимом Горьким и Марией Андреевой. А настойчивое самообразование в течение всей его жизни с лихвой восполнило неоконченные из-за постоянных разъездов гимназические классы. Наделенный от природы острым умом и цепкой памятью, тонким чувством меры и голосом богатейших оттенков, с юных лет пристрастившийся к чтению и собиранию книг, он в этот период нашел себя в разговорном жанре. А в 1925 году окончательно «трансформировался» в конференсье и зажил особому, пристально изучая творчество выдающихся мастеров сцены и эстрады — Смирнова-Сокольского, Хенкина, Гаркави и др. География его многочисленных концертных поездок в новом качестве воистину впечатляюща: он исколесил всю страну от Ленинграда до Владивостока. Выступал на сцене рядом с такими выдающимися мастерами, как Александр Вертинский, Изабелла Юрьева, Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Мария Миронова и Александр Менакер, Леонид Утесов.

Вместе со страной он пережил все выпавшие на ее долю потрясения. В 1922 году «добровольно», как это было принято, вступил в Петроградскую школу инструкторов спорта и допризывной подготовки, а годом ранее участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

Демобилизовавшись, Роддэ работал в цирках, на эстраде. Этот его период можно назвать «доуральским». Тогда Павел Иванович впервые женился и некоторое время жил в Ростове-на-Дону, в семье супруги. У них родился сын.

Отечественная война застала Роддэ в Воронеже. Его концертной бригаде чудом удалось выехать с последним поездом в Свердловск. Добравшись до города, он вызвал семью к себе. Но поезд, в котором ехали его жена и сын, попал под фашистские бомбы, и родные Павла Ивановича погибли.

Едва оказавшись в Свердловске, он получил трагическое известие о судьбе семьи. А вслед за этой бедой пришла и другая. Немец по происхождению, Роддэ был признан «опасным по национальному признаку», арестован и выслан в Нижний Тагил. Однако, даже находясь в тяжелых условиях спецпоселения, он работал уполномоченным Свердловской филармонии. В одних только воинских госпиталях в годы военного лихолетья «интернированный» Павел Роддэ выступил более восьмисот раз!

С 1947-го по 1953-й год он работал в Татарской государственной филармонии (г. Казань). А в 1953 году, уже будучи признанным мастером эстрадно-разговорного жанра, вернулся в Свердловскую филармонию. Служил в ее штате, непрерывно гастролируя по Свердловской области — от Ивделя до Краснофимска — и всему Советскому Союзу. Составлял

программы концертов с участием самых популярных свердловских артистов и затем вел эти концерты — остроумно, изобретательно, со вкусом. Старшее поколение называет сегодня то время «золотым веком» театрального Свердловска. И, конечно, концерты приезжих знаменитостей — актеров МХАТа, Малого театра или Театра им. В.В. Маяковского — проходили с конференсом Павла Ивановича. Долгие годы он дружил с семьей М. Мироновой — А. Менакера, с Г. Товстоноговым и Е. Лебедевым, с А. Папановым и Р. Пляттом. Замечательную характеристику разносторонних способностей Роддэ дал известный журналист Борис Коган: «...его по справедливости надо занести в Красную книгу Советской эстрады. Он представляет нечто вымершую профессию конференсье. Роддэ был — свидетельствую! — конференсье самой высшей пробы. Он нес себя с достоинством, не заигрывая и не подыгрывая, не опускаясь до дешевых вселенских острот. Он был импровизатором и организатором концерта, полномочным посланцем актеров в зале и зрителей на сцене. Поэтому он имел право стоять на сцене рядом с именитыми мастерами. Теперь таких конференсье больше нет».

Жаль, что Павел Иванович не записывал свои байки. О том, как он выпускал на сцену молодых Майю Плисецкую, Бориса Штоколова, Юрия Гуляева, как при нем буквально на руках вносили в самолет Лидию Русланову, панически боявшуюся летать... Он не был озабочен своей славой, любил часами раскладывать пасьянс, носил длинные ногти и не держал в руках молотка. Из-за независимого нрава не входил в когорту «придворных» артистов, не работал между столиками, не состоял в членах никаких партий, не имел званий, был одинок долгие 50 — 70-е годы. Такой образ жизни совпадал с его сценическим образом — образом «неулыбчивого конференсье».

В последние десятилетия личная жизнь Роддэ складывалась довольно благополучно. Наверное, так судьба компенсировала семейную неустраиваемость прежних лет Павла Ивановича. Их встреча с Валентиной переросла в прочные семейные отношения, которые были безупречными на протяжении тридцати лет и прервались только в минуту его ухода...

Будучи в весьма преклонном возрасте, он с нежностью писал жене: «Дорогая Валя! Поздравляю тебя с Днем рождения! Мои пожелания постоянны, будь здорова и счастлива! Двадцать пять лет (без малого) мы идем по этой трудной жизни вместе, и ты, мой верный, добрый проводник, обходишь все трудные тропинки нашей «житухи»... Всегда люблю мою суматошную, деловую Валюню. ЦК (целую крепко. — Прим. В.М. Роддэ). Я».

Семья, которую он заботливо опекал, включала в себя не только жену, но и младших ее сестер, их мужей и детей. Они ощущали поддержку Павла Ивановича до последних дней его жизни. Валентина Роддэ с признательностью вспоминает, что ее муж был настоящим «кавалером»: не было случая, чтобы он вошел в дверь раньше жены, налил бы вина раньше себе, чем ей, или повысил бы на нее голос. Ни словом, ни жестом, ни поступком он никогда не посягнул на ее человеческое достоинство. «Право, мне есть, о чем горевать, — говорит Валентина Михайловна. —

Мне кажется, что людей такой высокой внутренней культуры осталось очень мало... Могу с уверенностью сказать, что Павел Иванович состоялся и как Человек, и как общественный деятель. А ВТО-СТД и Дом актера стали частью его жизни и сердца»...

P.S. Владимиру Мишарину, автору идеи о премии им. П.И. Роддэ, весной 2001 года Центральный Дом актера вручил свою премию — имени А.А. Яблочниковой. Директор екатеринбургского ДА стал первым в России провинциальным менеджером, удостоенным этой авторитетной награды «за служение актерскому братству».

А первыми лауреатами «премии Роддэ» в год столетия со дня рождения Павла Ивановича стали:

— Алла Давыдовна Кернер, ведущий специалист ЕО, член СТД РФ с 1961 года. Всю свою трудовую жизнь — более 40 лет — служит театрам города и области, из них три десятилетия — в содружестве с Павлом Ивановичем.

— Галина Федоровна Памирская, штатный сотрудник Дома актера, дежурный администратор. Много сделала для создания атмосферы жизнедеятельности нашего Дома.

P.P.S. Высказывание театрального критика Б. Когана, прозвучавшее в статье, взято из письма Бориса Самуиловича в честь одного из юбилеев Роддэ. Полный текст впервые был опубликован на электронных страницах театрального сервера Министерства культуры Свердловской области (theatre.ural.ru), где вы можете найти и другие любопытные материалы о Павле Ивановиче. Вот это письмо.

«Один выдающийся мыслитель сказал: «Настоящая жизнь начинается в пятьдесят лет. В эти лета человек овладевает тем, на чем основываются истинные достижения, приобретает то, что можно отдавать другим, познает то, чему можно учить, расчищает то, на чем можно строить».

Таким образом, Павлу Ивановичу — по счету настоящей жизни — только тридцать пять лет. Он живет полнокровно, энергично, активно. Определяя свое кредо, он может сказать, как знаменитая героиня мюзикла Долли Леви: «Я — вмешиваюсь!» У каждого современника есть свой фразеологический эксцентризм. Например, у Курочкина — «Нет проблем!». У Кернер — «Надо делать ВТОВские дела». У Кривицкого — «Еще десять лет назад ты бы от меня не ушла...». У Павла Ивановича бессмертное — «Остальное — в конверте...». «Остального» у него было много. Подумать только, он — современник Федора Шаляпина и попа Гапона, Софьи-Золотой ручки и Валерия Леонтьева, Изы Кремер и Анатолия Маренича, Столыпина и Воробейчика, Григория Ефимовича Распутина и Гришки Варшавского, а также, не к ночи будет упомянуто, — первого российского унитаза и личного компьютера, петербургской конки и космических кораблей «Союз-Аполлон».

Долгожитель... Ассоциации всегда конкретны: в полях Зауралья девяностолетний народный академик Терентий Мальцев колдует над засушливой нивой, возвращая тучные хлеба; восьмидесятишестилетний Иван Козловский снимается в кино и вдохновенно поет арии на русском, итальянском и теперь на уже только

ему одному понятном языке; Амет Челебиев из горного Дагестана, как сообщали газеты, в девяносто семь лет женился на тридцатилетней Патимат, и она принесла ему ребенка — джигита... Диалектика природы. Павел Иванович проходит сквозь гранитно-марморные лабиринты Государственного закрытого Ширококореченского заповедника (кладбища. — Прим. ред.), «как живой с живыми говоря», и вся история свердловского театра встает перед ним в бронзовеющих ликах, сотворенных при его помощи. И не то изпод земли, не то в шуршащих на ветру кронах слышится еле уловимое: «К нам опять пришел Паша... К нам пришел Паша...»

А «Паша» можно произнести еще и как «ПашА», с легким гаремным акцентом. Ведь это о нем поет Бабс в «Тетке Чарлея»: «Люблю вино я старое, а женщин молодых!» О, если бы можно было найти полный список всех женщин, которых в разное историческое время объединил один активный член ВТО, то была бы создана такая многочисленная и плодотворно действующая секция, которая поставленными голосами и тренированными телесами быстро отодвинула бы вдаль ленивых эстетов, эпикурейцев и вояжеров из секции критики; простодушных, как карусель в парке, специалистов народных массовых зрелищ; хвастливых, пугающихся сегодня машинных выхлопов военных патриотов и заучивающих наизусть график магнитных бурь литургически и летаргически проникновенных ветеранов сцены...

Государственная комиссия по экологии, охране окружающей среды, курортологии и увековечения памятников культуры приняла решение: установить в Ялте, в районе Дома творчества «Актер», монументы Почетных граждан Ялты — А.П. Чехова и П.И. Роддэ. Кроме того, в Рузе, Плесе и Комарове устанавливаются мемориальные доски с текстом:

«Здесь НЕ отдыхал П.И. Роддэ». А в Щельково с текстом: «Здесь А. Островский создал «Снегурочку», увековечив в образе Берендея своего современника П.И. Роддэ».

Сегодня, в эпоху ускорения, Павел Иванович Роддэ — старейший из всех партийных и советских работников, удержавшихся на своем месте. Трудно представить ВТО без Роддэ, но справедливость требует сказать, что без ВТО нет и Роддэ. Оно — и якорь, и палуба, и горизонт, и аккумулятор, и стимулятор, и жена дорогая, и мать родная...

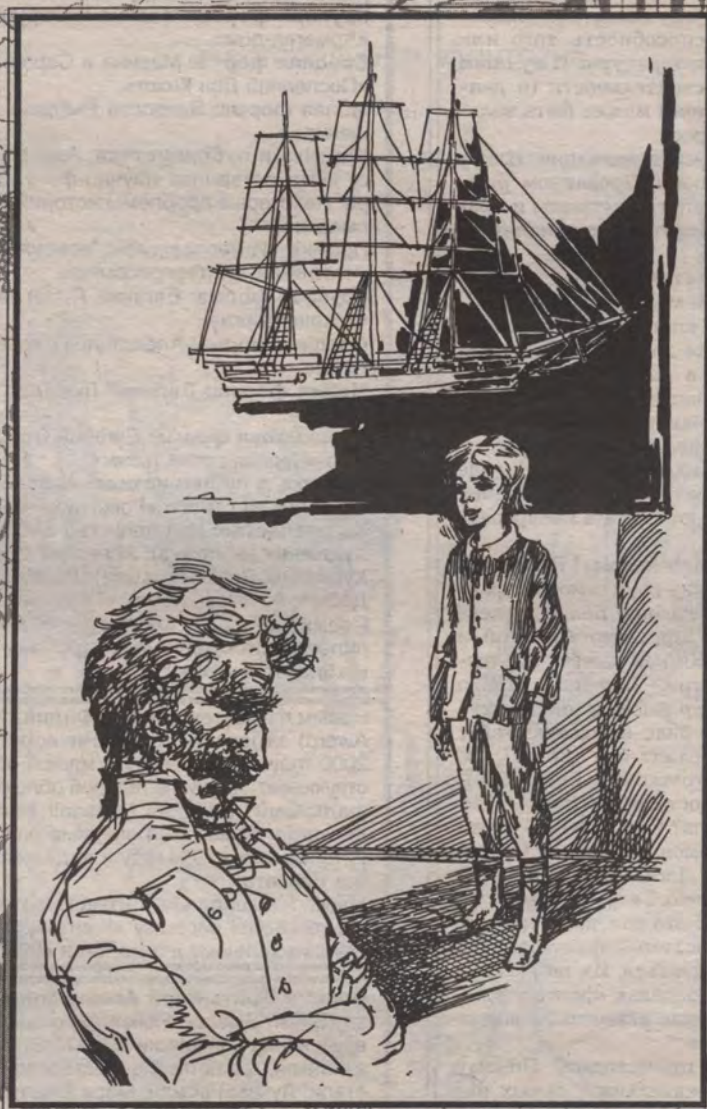
...Теперь таких конференсье больше нет. Единственный оставшийся экспонат демонстрируется по адресу ул. 8 Марта, дом 8, в старинном особняке, реконструкция которого будет закончена к 100-летию со дня рождения П.И. Роддэ. Самому же Роддэ мы желаем присутствовать при освящении этого исторического долгосамстрога.

А Расул Гамзатов сказал по сегодняшнему торжественному поводу — как бы от имени Павла Ивановича:

*Всем сущим поколениям ровесник,
Поняв давно, что годы — не беда,
Я буду юн, пока слагаю песни,
Забыв про возраст раз и навсегда...*

27 июня 1986 года».

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 38
Владислав КРАПИВИН «Давно закончилась осада». Роман. Начало	стр. 39
Сергей БЕРЕЖНОЙ «Покушение на витражи»	стр. 119
Сергей ЛУКЪЯНЕНКО «Незнайка на Луне»	стр. 120

колонка редактора

«ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИРОК»

Говорят, сейчас не читают фантастику. Говорят, журнальную фантастику сейчас не читают тем более. Ну что ж, видимо вновь пришли времена, когда необходимо доказывать жизнеспособность того или иного направления литературы. И лучшим доказательством состоятельности (в данном случае фантастики) может быть только читательский спрос.

И вот мы в книжном магазине. Или у лотка. Или на специализированном рынке, где все продают книги, журналы и прочие открытки. Мы смотрим, анализируем, делаем выводы.

И, ведь оказывается, фантастики на прилавках не так уж мало. В худшем случае каждая десятая книга, ну а в лучшем... Тиражи, правда, уже далеко не полумиллионные (как было в начале девяностых) и даже не стотысячные (вспомним восьмидесятые и более ранние), но само количество авторов и названий впечатляет.

Так в чём же дело, почему такое вроде бы успешное литературное направление некоторые продолжают считать неперспективным?

Может, всё «решают кадры»? Вспомним, кто «делал» фантастику (да и само имя фантастике) раньше: Александр Беляев, Алексей Толстой, Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие, Кир Булычёв, Владислав Крапивин, Дмитрий Биленкин, Север Гансовский, Ольга Ларионова и многие другие, чьи имена и сейчас вспоминаются с почтением. А кто правит бал сейчас? Да, книги Крапивина, Стругацких, Булычёва и сегодня издаются в достаточном количестве. Ну а что новые имена? Они, конечно, тоже есть. Александр Громов, Марина и Сергей Дяченко, Святослав Логинов, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко, Генри Лайон Олди, Вячеслав Рыбаков. И это далеко не полный список достойных писателей-фантастов. Но их... Как бы это выразиться. Их не раскручивают. Конечно, в пределах «фантастического мира» они хорошо известны, а вот за его пределами — нет.

Но почему так происходит? Почему одно из самых увлекательных, самых невероятных направлений литературы упорно не желают считать частью этой самой литературы и числят по разряду лишь детского чтiva? Я теряюсь в догадках. И продолжаю читать... всё ту же фантастику: «Мастер и Маргарита», «Аэлита», «Трудно быть богом», «Посёлок», «Голубятня на жёлтой поляне», «Мягкая посадка», «Корни камня», «Многорукий бог далайна», «Катали мы ваше солнце», «Ночной дозор», «Герой должен быть один», «Очаг на башне»...

Евгений ПЕРМЯКОВ

ВСЯКИЕ НОВОСТИ

5 мая 2001 года на «ИНТЕРПРЕССКОНЕ-2001» объявлены лауреаты премий «Бронзовая улитка», «Интерпресскон» и новой премии сервера «Русская фантастика».

Премия «Бронзовая улитка» присуждается единоличным решением Бориса Стругацкого.

Крупная форма: Марина и Сергей Дяченко за роман «Армагед-дом».

Средняя форма: Марина и Сергей Дяченко за повесть «Последний Дон Кихот».

Малая форма: Вячеслав Рыбаков за рассказ «Возвращения».

Критика и публицистика: Анатолий Бритиков за книгу «Отечественная научно-фантастическая литература: Некоторые проблемы истории и теории жанра», по-смертно.

Премия «Интерпресскон» присуждается голосованием участников «Интерпресскона».

Крупная форма: Евгений Лукин за роман «Алая аура протопарторга».

Средняя форма: Александр Громов за повесть «Вычислитель».

Малая форма: Евгений Лукин за рассказ «Приснившийся».

Сверхмалая форма: Евгений Лукин-Харитонов за рассказ «Черная сотня тысяч».

Критика и публицистика: Андрей Синицын, Дмитрий Байкалов за статью «Ровесники фантастики».

Издательство: Издательство «АСТ» (Москва).

Художник (обложка): Анатолий Дубовик.

Художник (иллюстрации): Всеволод Мартыненко.

Дебют: А. Лях за роман «Реквием по пилоту».

Премия «Русская фантастика», Сергей Лукьяненко за дилогию «Искатели неба» (романы «Холодные берега» и «Близится утро»).

Новым лауреатом премии Филипа К. Дика (Philip K. Dick Award) за лучший фантастический роман, изданный в 2000 году в США сразу в мягкой обложке (без предшествующего издания в твердой обложке), стал Майкл Маршалл Смит (Michael Marshall Smith) за роман «Only Forward». Роман был впервые опубликован в Великобритании еще в 1994 году и тогда же получил премию Огаста Дерлета.

Майкл Маршалл Смит известен отечественному читателю только по рассказу «Книга иррациональных чисел», опубликованному в антологии «999: Число зверя».

Премии Британской Ассоциации научной фантастики (British Science Fiction Association Awards) этого года вручены на конвенции EasterCon 2001, которая прошла в Хинкли, графство Лейчестершир. Лауреатами премии стали: Лучший роман: Мэри Джентл (Mary Gentle), «Ash: A Secret History». Лучшее короткое произведение: Питер Хэмилтон (Peter F. Hamilton), «The Suspect Genome». Лучшая художественная работа: Доминик Харман (Dominic Harman), «Hideaway» (обложка журнала «Interzone», № 157).

Лауреатом премии Джеймса Типтри-младшего (James Tiptree, Jr. Award) за лучший фантастический роман 2000 года, исследующий и расширяющий взгляды на тему взаимоотношений полов, стала Молли Глосс (Molly Gloss) за роман «Wild Life», который написан в жанре литературной психологической фантастики.

По сообщениям Сергея Бережного, СПб

Владислав КРАПИВИН

Давно закончилась осада...

Севастопольская фантазия

Роман

Рисунки Евгении СЕРПИГОВОЙ

Первая часть. Сказки развалин

Стрельба на Пятом бастионе

У Фрота был пистолет.

— На пути не стой, у меня пистоль... — приговаривал иногда тощий тонкошей Фрол и поглаживал за пазухой кривую рукоять. При этом голос его звучал шуточно и даже ласково, но в прищуренных глазах ласки не было.

Старинное слово «пистоль» очень подходило для этого грозного предмета. Пистолеты подобного образца даже до войны считались устаревшими. Конечно, во время осады ими еще пользовались — и русские, и французы, и особенно турки (у тех вообще встречалось оружие времен покорения Крыма), однако пользы в бою от таких кремневых громыхальников было немного. *Что* они по сравнению с шестизарядными французскими револьверами!

Впрочем, и Фролкин пистолет оказался из Франции. На внутренней стороне фигурно выгнутой скобы были различимы буквы: Paris 1837.

Фрол отыскал этот трофей на пустоши перед бывшим люнетом Белкина, недалеко от кладбища, среди груд мусора и земли. Здесь много чего можно было отыскать. Во время осады русские минеры заложили на этой пустоши фугасы, и сигнал электрической искры в один миг обратил в прах атакующую французскую колонну...

Впрочем, все это Коля Лазунов узнал позже. А со стрельбы из старого пистолета началось его прочное знакомство с компанией из Боцманского погребка.

В тот ноябрьский день Татьяна Фаддеевна впервые позволила Коле погулять одному. До сей поры не решалась: всюду развалины, черные окна пустых домов, изгибы каменных заборов и переулков, где чудится неведомое. И мальчики, которые порой встречались ей, вызывали невольный страх. Неумытые, верткие, с быстрыми уклончивыми взглядами, в немыслимом каком-то платье. Конечно, дети всегда дети, но кто знает, сколько дурного впитали они от здешней неустроенной жизни...

Однако нельзя постоянно держать у своей юбки племянника, которому скоро двенадцать.

Все-таки она сказала от калитки:

— Николё, я умоляю. Не ходи далеко и не гуляй долго. На первый раз хватит и получаса...

Думала, он станет ершиться: что, мол, я разве маленький! Но Коля отозвался покладисто:

— Тё-Таня, я только до спуска к дороге и обратно. Не бойтесь, никуда не денусь.

Поправил капитанскую фуражку, простучал сапожками по плитам с подсохшей грязью и свернул (не оглянувшись!) в проход между известняковой изгородью и бугристой туфовой стеной разбитой казармы.

Татьяна Фаддеевна сделала усилие, чтобы не пойти следом. Глянула на приколотые к блузке часики и ушла в дом. Коля же, избавившись от тревожного взгляда в спину, попрыгал вниз по скругленным выступам каменной тропинки.

День был холодный, ветреный, но сухой. Солнце то и дело выскакивало из серых облаков. Кое-где зеленела трава и желтела храбрая упрямая сурепка, но высокие сорняки были уже сухие и серые. Бурьян и полынь... Впрочем, ведь и летом полынь кажется сероватой. Коля сам не видел, но читал про это.

*У крепостного палисада
Сидеет древняя полынь...*

Он дернул пальцами хрупкий куст, растер в ладонях зернышки, поднес руки к лицу. Полынный запах знойного лета сразу будто пропитал его насквозь. Коля постоял зажмурившись. А когда опустил ладони и открыл глаза, увидел мальчишек.

Разумеется, это были местные жители, хозяева здешних пустырей и переулков.

Идти навстречу Коля не решился. Повернуться и зашагать назад — тем более (хватит с него прежнего малодушия!). Оставалось смотреть, как подходят они. И стараться выглядеть при этом независимо.

Ребят было пятеро. Самый большой двигался посередине. Был он длинный, постарше Коли, в замызганной чиновничьей тужурке до колен, из-под которой торчали серые лохматые штаны. А из них — голые (видать, озябшие) щиколотки. Башмаки были из рыжей кожи, разбитые и чересчур большие. Из ворота тужурки высывалась немытая шея с головой, похожей на покрытое рыжеватым пухом яйцо (шапки не было).

Слева от длинного шли круглолицый татарчонок в бархатной затертой шапчонке, в стеганом рванье до пят и смуглый, верткий мальчишка с быстрым веселым взглядом — про такого говорят «востроглазый». Был востроглазый в косо надежном рваном треухе и в серой, без приметных деталей одежде. И он, и татарчонок — чуть поменьше Коли.

С другого «фланга» двигались двое. Один —

видимо, Колин одногодок, другой — лет восьми. Кажется, братья. Оба круглощечие, светлоглазые, с похожими на кукольные башмачки носами. В акkuratных бушлатиках (наверно, перешитых из взрослой флотской одежды), в мятых матросских фуражках без козырьков — слишком больших, как и Колина «ропитовская» капитанка. Штаны братьев украшали на коленях одинаковые квадратные заплаты, а сапожки были без заплат — грязные, но вполне справные.

Братья смотрели с любопытством и, кажется, без вражды. Татарчонок — непонятно. Востроглазый — подозрительно. Длинный оттопырил большую нижнюю губу и на ходу щелкал по ней мизинцем.

Остановились в трех шагах. Длинный еще раз щелкнул по губе и прошелся по Коле скучноватым взглядом.

— Ишь какой... Раньше не встречались. Кто таков и откуда взялся?

— Из Петербурга. — Коля постарался говорить независимо, но без задиристости. Глядишь, встреча обойдется миром.

— У-у... — с дурашливым удивлением отозвался длинный. И остальные (кроме маленького) вытянули губы трубками, словно тоже хотели сказать «у-у».

Длинный опять щелкнул по губе.

— А фуражка-то капитанская откуль? Небось, папенька подарил?

— Папеньки у меня нет... — Коля понимал, что в ответ на это спокойное признание насмешки не последует. Ведь не злодеи же, хотя и обтрепанного вида.

И в самом деле, смущенье скользнуло по всем лицам. Но его тут же как бы стер своими словами востроглазый:

— Значит, маменька купила. В «ропитовской» лавке.

— Маменьки тоже нет... А фуражку подарил капитанский помощник на пароходе «Андрей Первозванный», когда мы плыли сюда из Одессы.

— Это за какие твои красивые глаза? — с прежней скукою в голосе не поверил длинный. Как бы специально не придавая значения тому, что нет у мальчика ни отца, ни маменьки.

— Не за глаза, а... потому что был шторм, многие укачались, а я вышел гулять и забрался на мостик. Там были моряки, один и говорит: «Вот тебе за то, что не боишься волны»...

— Ай, как врешь! — радостно сказал татарчонок.

— А вот и не вру!.. Если не верите, пойдем, спросим у тетушки. У моей... Это рядом.

— То-то тетушка обрадуется таким гостям... —

усмехнулся длинный. И потрогал нижнюю губу языком.

— Вы же не чай пить придете, а только спросить, — усмехнулся и Коля. Страху у него поубавилось.

Длинный сказал сумрачно:

— Да уж где нам с вами чай пить. Вы, небось, из дворян.

— Фрол, это, видать, те, кто у Кондратики дом сняли! — вмешался старший их братьев. Тощий Фрол эту догадку пропустил мимо ушей. Спросил деловито:

— Может, сшибемся?

— Это как?... Драться, да? — дошло до Коли. И внутри у него тоскливо заняло.

— Ага, — заулыбался Фрол. — Один на один, по-честному. Или в коленках заслабило?

— Нигде не заслабило... Только я не понимаю. Зачем? Я же ничего худого вам не сделал... — И вдруг вспомнил: похожий разговор уже был. Три месяца назад. С него-то и начались в корпусе те невыносимые дни отчаянья и стыда... Нет уж, второму разу не бывать! И стиснул кулаки: — Ну, давай, ежели у тебя чешется!

— Снаружи петух, а внутри мышонок, — хмыкнул Фрол. — Видно ведь, что вспотел с перепугу. В Петербурге все такие боязливые?

— Зато ты какой храбрый! — Коля злостью старался перебить внутреннюю дрожь. — С теми, кто меньше ростом!

— Да неужто я сам буду с тобой сшибаться! — Фрол сделал вид, что очень удивлен. — Пускай вот хоть он, Макарка...

Уже после, вспоминая эту встречу, Коля сообразил: тут Фрол дал ошибку. Если бы он сказал «пускай Макарка дерется, да только он ведь не захочет», востроглазый мальчишка тут же взвинтился бы: «Как это не захочу!» И полез бы в драку. Потому что был он великий спорщик, отчего и носил кличку «Поперешный». А сейчас Макарка взъялся на Фрола:

— Чего ты меня науськиваешь, как цуцика на кошку! Себе для потехи?

— Не хочешь — не надо, — миролюбиво откликнулся Фрол. — Тогда пускай Федюня...

Но старший из круглощечих братьев кулаком вытер под носом и рассудил:

— А чего зря махать-то? Он же и правда худого не сделал.

«Татарчонок тоже не станет драться. Мелковат и не сердит», — смекнул Коля и ободрился. Кивнул на самого маленького:

— Ты еще вот его на драку подвинь...

Федюня обнял того за плечо. И вдруг улыбнулся (а глаза у обоих васильковые):

— Не, Савушка никогда не дерется, у него злости ни к кому не бывает...

Савушка смущенно засопел.

Фрол заметно пошел на попятную:

— А я чего... Это же не по злости, а по обычаю, для знакомства. Чтобы видно сразу было — герой или трус... Ты какой?

Коля пожал плечами. То, что трус, знать они не должны.

— Я, наверно, не тот и не другой. Обыкновенный...

— Хитрый! — весело сказал татарчонок.

— Ничуть я не хитрый. Кабы хитрый был, сказал бы, что герой...

— Здесь героями никого не удивишь, — с легким зевком заметил Фрол. — Целый год держали город одним геройством...

— Ну, не ты же держал! — не стерпел Коля, хотя спорить было неразумно.

— Не я, конечно, мне тогда всего год был от роду, мамка от бомб в погребе прятала. А дед погиб на Втором бастионе. И мамкин брат, то есть дядюшка мой, тоже здесь голову положил...

— Ну и мой дядя тоже... Артиллерийский поручик Весли Андрей Фаддеевич. На Северном кладбище похоронен. Мы с тетушкой потому и приехали, что здесь его могила...

В лицах у всех сразу что-то изменилось.

— А на какой он был батарее? — живо спросил остроглазый Макарка.

— Тетушка не знает точно, а я тем более. Давно же было... А погиб он не на батарее, а просто на улице. Бомба прямо под ноги — вот и все...

Конечно, можно было сказать, что Андрей Фаддеевич героически погиб при отражении штурма на Малаховом кургане, но врать про такое было грешно. И Коля добавил себе военной славы с другой стороны:

— А папенька тоже воевал. Вернее, лечил раненных прямо под обстрелом. Только не здесь, а в Бомарзунде...

— Это где же? — недоверчиво спросил Фрол.

— На Балтийском море.

— Разве там тоже воевали? — опять усомнился Фрол.

— А как же! И там, и на Белом море и даже на Тихом океане, где Петропавловск. Адмирал Непир почти к самому Петербургу эскадру подвел, грозился взять Кронштадт, да его хорошо отогнали...

— И здесь бы отогнали, кабы сил хватило, — ревниво встрял Макарка.

— Кто же спорит... — с пониманием сказал Коля. И этим как бы поставил себя уже не против мальчишек, а рядом с ними.

— А папеньку тоже убило? — участливо спросил синеглазый Федюня. — В этом, в Бом... зун...

— Нет, он уже после умер, когда мне было три года...

— Хочешь с нами пойти в одно дело? — спросил Фрол.

Коля понял: драки окончательно не будет и, вроде бы, его берут в приятели. И все же не сдержал опаски:

— А что за дело-то?

— Опять забоялся, — съехидничал пронзительный Макарка. Но Фрол добродушно хлопнул его по трюху.

— Заноза... — А Коле разъяснил: — Знатное дело... Побожись, что не разболтаешь.

Да, его принимали в компанию, но и проверяли при этом. Что было делать? Коля охнул про себя и широко перекрестился:

— Ей-Богу, вот... Никому не словечка.

— Тогда гляди, — и Фрол распахнул тужурку. Из-под рваной подкладки торчала изогнутая рукоять с частой резьбой и медной головкой. Сразу ясно — ч т о.

— Ух ты! Настоящий?

— А то!.. Хочешь стрéльнуть?

Коля не знал, хочет ли. Вернее, знал, что... не очень хочет. В жизни стрелять еще не приходилось. Небось, эта штука грохает, как пушка. А ежели разорвет от ржавости или неправильного заряда?

— Я... хочу, конечно...

— Тогда идем. Здесь не с руки, услышат — крик подымут...

— Далеко ли идти-то? — последний раз поосторожничал Коля.

— Недалече.

Пошли ватагой по улице, что тянулась по западному склону Артиллерийского холма. Мимо побеленных домиков и каменных заборов, мимо серой стены порохового склада. К началу осады порох отсюда был почти весь развезен по батарейным погребам, и это спасло слободку. Иначе калёные французские ядра могли бы учинить немалую беду. А так — пронесло. Остатки пороха, что хранились глубоко под землею, взорвали уже сами русские матросы, когда оставляли город. От взрыва длинное здание треснуло и осело, но соседние дома почти не пострадали. Конечно, немало из них и без того было порушено — бомбами, что летели со стороны Херсонеса и горы Рудольфа. Но все же стрельба по этому флангу обороны была не в пример слабее, чем, скажем, по Четвертому бастиону или Малахову. Седьмой бастион и Восьмая батарея уцелели, Шестой бастион тоже сохранил свои каменные башни. И мно-

гие постройки слободки тоже остались целы. А разбитые дома заново сложили вернувшиеся хозяева или те, кто перебрался сюда с полностью разрушенных улиц Городского холма и Корабельной стороны.

Сейчас Артиллерийская слободка казалась почти нетронутой обстрелами, тогда как остальной город по-прежнему лежал в руинах и там лишь ближайшему внимательному взгляду открывались посреди развалин явления жизни...

«Недалече» оказалось довольно-таки отдаленным, и Коля понимал, что едва ли через полчаса окажется дома и что объяснения с Тё-Таней не миновать. Однако разговор отвлекал от беспокойства. В разговоре спросили наконец, как его, новичка, зовут, и назвали себя. Коля узнал «поперешное» прозвище Макарки и то, что татарчонка кличут Ибрагимкой. А еще услышал небрежный, с приплюсыванием рассказ Фрола, как он отыскал «пистоль».

Фрол деловито разъяснил, что с боевыми припасами для пистолета никаких трудностей нет. Даже сейчас, через одиннадцать лет после осады, в старых орудийных погребах можно еще найти картузы с порохом. Снаружи они покрыты затвердевшей коркой, но внутри порох вполне пригодный, надо только размолоть, если шибко крупные зерна.

Хуже с кремнями для курка, но их тоже можно отыскать или выменять.

А пули для ствола (в который свободно входит указательный палец) годятся всякие — и конические «миньки» от иностранных нарезных ружей, и русские «полушарки», что наши солдаты отливали прямо в окопах. Этого добра можно было при старании накопать в земляных брустверах целую горсть за один поход. Назывались пули «орехи» и летним туристам продавались по алтыну за десяток...

Порох Фрол держал в круглой жестянке от леденцов фабрики «Бургеръ и бр.», миньки — прямо в кармане, а серый кремешок был закреплен в винтовом зажиме пистолетной собачки. Все это Фрол на ходу показал Коле и погладил пнутую ручку.

*На пути не стой,
У меня пистоль...*

А Коля успел заметить на металлической щечке пистолета гравированную картинку: оленя и напавших на него собак.

Наконец глинистая дорога пошла под уклон, разделилась на несколько тропинок, и тропинка, которую выбрал Фрол, завилыла среди каменных и земляных гряд. Привела к сложенной из желтых

брусев стене — низкой, с разбитым верхом (позже Коля узнал, что это остаток казармы Пятого бастиона).

Вдоль стены шла осевшая насыпь, где желтела все та же храбрая сурепка. Между стеною и насыпью был неширокий проход, и его с одной стороны замыкало кирпичное сооружение — что-то вроде большой разбитой печи. В двух аршинах от земли кирпичи образовали широкий выступ. Проворный Савушка подбежал и поставил туда квадратную бутылку мутного стекла (и где взял; неужто нес за пазухой?).

Потом Савушка — он, видать, крепко знал свои задачи — вспрыгнул в разбитый проем казарменной амбразуры и стал на часах. Фрол же начал заряжать пистоль.

Все, притихнув, смотрели, как он с клочка бумаги высыпает в дуло черную крупу, как сворачивает и забивает шомполом бумажный пыж, а затем — похожую на пробку с узким рыльцем пулю. Он подсыпал пороху на полочку у затравки, щелкнул над нею железным лепестком, оттянул курок.

— На пути не стой... — и навел пистолет на бутылку. Шагов с семи.

Савушка в амбразуре зажал уши. Ибрагимка тоже — с виновато-дурашливой улыбкой. Другие не стали. И Коля не посмел, хотя понимал: ох и грянет!

И грянуло!

Вспухло синее облако. Но за миг до того Коля заметил, как искрами брызнуло горлышко бутылки. А она даже не упала!

Сквозь упругий гул в ушах Коля услышал обрадованные крики и довольные слова Фрола:

— Во как надо! Бах из ствола — и нету горла... А теперь давай ты. — Это он Коле.

Коля судорожно кивнул. И пока опять заряжали пистолет, он догадливо думал, что Фрол целил в середину бутылки, а в горлышко попал случайно. И теперь скажет: «Бутылку я оставил для тебя...»

— Бутылку-то я оставил для тебя. Во какая большая, не промажь...

Коля знал, что промажет.

Когда он поднял тяжелый пистолет, конец ствола заплескал перед глазами и начал выписывать восьмерки. А бутылка — ее и совсем не разглядеть. Коля решил с обмиранием: нажму поскорее и будь что будет. Но Фрол оказался рядом.

— Ты руку-то согни в локте, а локоть подоприв левой. Вот так... И дыши спокойно, не как загнанная курица. Неужто раньше никогда не держал такой? Уметь должен, это же самое дворянское оружие. Говорят, из такого Пушкин стрелялся на дуэли...

Коля глянул удивленно: ишь ты, про Пушкина знает! Фрол тут же прочитал его мысль:

— Ты думал, только в петербургских гимназиях все шибко умные, а здесь темнота?

— Ничего я такого не думал... — И Коля начал сердито целиться сызнова. И ствол плясал. Коля со злостью и страхом зажмурился и наугад надавил спуск.

Ахнуло пуще прежнего! Рвануло назад и вверх руку. Вновь заложило уши. Но сквозь плотную воздушную вату Коля расслышал опять радостные вопли. И разглядел сквозь дым, что бутылки нет, а есть на кирпичах лишь зазубренное доньшко.

— Знато, — снисходительно сказал Фрол. — Не зря я тебя учил.

Коля на радостях решил было признаться, что попал случайно и даже с перепугу. Но тут же сообразил, что такая честность сейчас едва ли на пользу. Дунул в ствол (чуть не чихнул при этом), подкинул пистолет, перехватил за ствол и протянул оружие Фролу рукояткой вперед. Этаким гвардейским жестом:

— Благодарю.

— Теперь я! — сунулся вперед Ибрагимка.

Смотрите-ка: уши зажимал, а стрелять просится!

Бутылок больше не было, и Федюня приволок из мусора гнилой обрезок доски. Ибрагимка в доску не попал. Да и мудрено попасть, ежели стрелял, отвернувши лицо совсем за спину. Федюня тоже промазал, хотя целился по правилам. А Макаркина пуля отломила от доски щепку. И он дунул в ствол почти так же, как Коля.

Фрол начал заряжать сызнова, для второй очереди, но тут сдавлено крикнул от стены Савушка:

— Полундер! Семибас идет!..

Фрол в один миг сунул пистолет за кирпичи. За ним — жестянку с порохом. Прикрыл щель пучком сухого чертополоха. Коле сказал тихой скороговоркой:

— Про пистоль помалкивай. Пошел, мол, с ребятами «орехи» собирать...

После этого все со старательно беззаботным видом вышли из-за стены. У Коли беспорядочно тюкало в груди. Не от страха, от приключений.

По тропинке меж мусорных куч двигался к разбитой казарме дядька в полицейской шинели. Щуплый и невысокий, но седые усы и бакенбарды — что у генерала! Это был околоточный надзиратель Семибас. Коля несколько раз видел его издалека и прежде и от соседской девочки Саши знал, что зовут надзирателя Куприян Филиппыч.

— Доброго здоровья, дядя Куприян! — громко и наперебой заговорила вся (кроме Коли) компания. Макарка даже стянул с головы треух.

— И вам того же, спасибо на добром слове...

— голос у околоточного был похож на сиплый паровозный свисток. — А что за стрельба-пальба? Будто снова маршал Пелисье объявился! А? Фрол, это ты, небось, устроил штурм Пятого бастиона?

— Да что вы, Куприян Филиппыч! — с достоинством оскорбился Фрол. — Мы пошли за орешками, а там незнакомые мальчишки. Видать, «корабельщики». У себя на Малахове все повыбрали и лезут на чужие места, да еще со стрельбой балуются. Мы подходим, а они бежать. А теперь будто мы виноватые!..

— Уж больно складно ты все излагаешь. А покажи-ка, любезный, что у тебя за пазухой? Может, там целый арсенал?

Фрол с тем же обиженным видом расстегнул чиновничий лапсердак, распахнул, как крылья. То же самое сделали, не дожидаясь приказа и остальные, даже Савушка. Глядя на других, начал расстегиваться и Коля. Понимал: надо быть сейчас, как все.

Семибас зашевелил под лаковым козырьком кустистыми бровями.

— А тебя я, голубчик, что-то не примечал до сей поры. Откуда ты... откуда вы, молодой человек?

Опытный полицейский глаз почти сразу подметил отличие незнакомого мальчика от других. Белый шарфик под воротом аккуратно сшитого (хотя и «простонародного») армячка, ладные суконные штанишки с медными пуговицами под коленками, новенькие чулки в сине-красную поперечную полоску, чистые сапожки с узкими невысокими голенищами и тонким рантом. Только вот фуражка не по размеру, но и та не матросская, а с командирской эмблемой РОПИТа. И лицо — умытое с привычной тщательностью, не то, что у здешних огольцов. Пухлогубое, но тонкое, с широко сидящими серыми глазами, которые могут с боязнью глядеть на незнакомых мальчишек, но уж никак не на околоточного надзирателя.

— Он из Петербурга! — сунулся вперед Макарка, посчитавший, что это сообщение уведет Семибаса от опасного разговора про стрельбу.

— А! Так вы, верно, племянник Татьяны Фаддеевны Лазуновой, что сняла квартиру у вдовы Кондратьевой?

— Да, сударь...

— Весьма приятное пополнение состава местных жителей... Однако же, смею заметить, существование здесь не лишено трудностей. В городе ведь и гимназии нет, а вам, я полагаю, именно в ней следует обучаться...

— Меня записали в ремесленную школу.

— Да разве же такая школа для вас? Неужто вы собираетесь в мастерские?

— Но я и в гимназию записан, в Симферополе. Туда, однако, надо ездить всего дважды в году, перед Рождеством и после Пасхи, чтобы сдать экзамены. Называется экстернат. А школа... ну, чего же болтаться без дела? К тому же, там обещают корабельное изучение.

— Похвально, весьма похвально... — И околочный обвел остальных назидательным взглядом: вот, мол, учитесь истинному прилежанию. Затем пообещал:

— На этой неделе осмелюсь навестить вас и тетушку. По долгу службы и чтобы узнать, нет ли в чем нужды.

— Милости просим, — светски сказал Коля.

— А с этими друзьями-приятелями советую держать ухо востро. Можете невольно оказаться участником недозволенных поступков и проказ...

Коля дипломатично улыбнулся.

Куприян Филиппыч Семибас тронул двумя пальцами козырек суконной фуражки и зашагал прочь, позванивая прикрепленными к шинели медалями и цепляя тяжелой саблей сухой бурьян.

— А сабля-то французская, — вполголоса сообщил Коле Макарка. — За лихость ему пожаловали и разрешили носить на службе. Он ее у ихнего офицера отнял, когда ходил в вылазку.

— Разве же полиция тоже воевала? Или он был тогда солдат?

— Он был городской, — разъяснил Фрол, — а в вылазку напросился добровольно, с отрядом мичмана Завалихина. Отсюда ходили, с Центрального...

(После Коля узнал, что Центральным иногда именовали Пятый бастион, так же, как Четвертый Мачтовым, а Шестой — Карантинным или, иногда, Музыкальным).

— И не отсюда вовсе, с редута Шварца, Маркелыч сказывал! — взвинтился Макарка.

— Помолчи, Поперешный!.. Он, Семибас-то, даром что росту небольшого, а скрутил французского капитана, как рыношного жулика и приволок его. Сам Нахимов медаль ему приколот и про саблю сказал: «Оставь себе на всю жизнь»... Ладно, пошли, ребята, к дому...

— А пистолет-то! — напомнил Коля. Хотелось еще раз поддержать оружие, из которого выпалил так удачно.

— Пуцай пока там полежит. Семибас-то, он не глупее нас. Повстречает сызнава: «А ну-ка покажите запазухи еще раз!»

Когда шагали обратно, Федюня спросил:

— А ты, что ли, вправду пойдешь в ремесленную школу?

— А чего же такого? Сказано: пойду. Записали уже.

— Фрола и меня тоже записали. А Ибрагимку и Макарку не взяли. И Савушку не взяли, малой еще.

— Я и не просился! — опять выпустил колючки Макарка.

— А татаров никуда не берут, — сумрачно сказал Ибрагимка.

— Не в том беда, татар ты или нет, а надо хоть маленько грамоте знать, — внес разъяснение Фрол. — Тебя же вместе с Макаркой отец Кирилл звал к себе азбуку учить, хоть ты и другой веры. А вам обоим лишь бы по бастионам за добычей свистать.

— А сам-то! — возмутился Макарка. — Тоже ведь не пошел!

— А мне зачем? Меня Адам и без того чтению обучил! Не хуже, чем в гимназии!

Оказалось, что одно время в доме у Фрола снимал комнату корабельный инженер Адам Вишнеvский, поляк. В ту пору Российское Общество Пароходства и Торговли (тот самый РОПИТ) начало восстанавливать на берегу Южной бухты старые доки, Адам там и работал. А по вечерам учил приятеля Фролку книжной премудрости и рассказывал про все, что есть на свете интересного. От него Фрол узнал и про Пушкина, получил в подарок толстую книгу со стихами и повестями. Да вот незадача, полгода назад пришел Семибас и сказал:

— Я прошу прощения, Адам Станиславович, только вас просят к себе господин пристав.

И пошли они к господину участковому приставу, и более инженер Вишнеvский не вернулся. Сказывали, будто умышлял он с другими поляками возмущение против государя императора.

— Так оно или нет, не знаю, а человек он все равно хороший, — сумрачно закончил рассказ Фрол. — Может, за то и невзлюбили, а никакого возмущения он не хотел.

— Чего возмущаться-то, ежели государь народу волю дал и обещает военную службу короче сделать во много раз... — вставил солидное суждение Федюня.

«Однако же поляки возмущались», — вздумал напомнить Коля, да не стал. Непонятно было, как отнесется Фрол. Тот шел и слегка кривил губу. Ибрагимка усмехался и смотрел в сторону. Кажется, у него было к государю императору свое отношение.

Макарка вдруг оглянулся на Колю:

— А ты правда в гимназии записан?

— Зачем же мне врать!

— И охота тебе в двух школах надрываться!

— Отчего же не хотеть, ежели интересно. Я сам попросился, когда узнал. Разве худо, если будешь

понимать, как молотком да пилой орудовать? Вон царь Петр Первый это лучше всех бояр и генералов умел.

Фрол сказал с усмешкой:

— Царем тебе все равно не бывать. Да и мастеровым тоже...

— А я и не хочу. Ни тем, ни другим. Я буду плавать по белу свету, открывать новые страны. А ежели попаду на необитаемый остров, как Робинзон, там любое ремесло будет не лишнее.

— Хитер, — сказал Фрол. Оказалось, он и о Робинзоне знал. Опять же из рассказов Адама. А остальные не слышали.

У Коли была книжка «Новый Робинзон» — известный роман, пересказанный немецким писателем Генрихом Кампе. С множеством картинок, которые Коля в давние годы сам раскрасил цветными карандашами.

— Если хотите, я покажу. Можно собраться и почитать всем вместе.

— Давайте в нашем погребке! — предложил простодушный Федюня. Фрол глянул на него косо, но потом сказал:

— Можно и там...

Татьяна Фаддеевна была, конечно, уже вся не своя. Ходила туда-сюда перед калиткой. Впрочем, углядевши издали племянника, сделала вид, что гуляет просто так. Он подошел, а ребята стали поодаль, сами по себе.

— Никола! Ты, мне кажется, обещал вернуться через полчаса...

— Тё-Таня, простите. Заигрался с мальчиками, а часов-то ни у кого нет... Зато познакомился. Вон, Фрол и Федя тоже будут учиться в ремесленной школе.

Наверно, тетушка содрогнулась внутри себя, разглядев обтрепанного Фрола. Однако улыбнулась издали:

— Рада вас видеть, мальчики... Я волновалась за Колю, места для него незнакомые. А тут еще, кажется, слышалась где-то стрельба...

Ребята подошли поближе. Фрол сказал с неожиданной учтивостью:

— Стрельбою тут, сударыня, никого не удивишь. Нынче было чье-то мелкое баловство. А вот ежели к делу приступит Маркелыч...

Николкины мортиры

Ранним вечером Николина дня, когда над выходом из Северной бухты зажглась, подобно маяку, переливчатая Венера, над слободкой ударил орудийный выстрел. Чугунное «бум-м» раскатилось над каменными лестницами-трапами, над

ребристыми односкатными крышами, вымело из желобков черепицы жиденькую снеговую пыль.

Загавкали псы, но не испуганно, а скорей с одобрением. В каком-то сарайчике азартно заорал петух. Людское население слободки тоже отнеслось к пушечному грому без страха. Хотя давно уже минуло осадное время, но почти все здешние жители его помнили и пальбой их было не удивить. К тому же все знали: нынешний выстрел к военным делам отношения не имеет. Тетушки всплескивали руками и весело ругались. Успевшие подвыпить мужички помахивали головами и усмехались: «Ай да Маркелыч!»

Лишь околоточный надзиратель Куприян Филиппыч Семибас, обходивший в ту пору вверенную ему территорию, не одобрил случившегося. Крякнул, пропустил сквозь кулак левый ус, поправил саблю и зашагал в сторону «имевшего место нарушения мирного порядка». Адрес был известен околоточному точно. Он поднялся по разбитой каменной лестнице, именуемой Вельботным спуском, прошагал среди скученных домишек по дороге, которая называлась Боцманским переулком, миновал еще один переулок (без названия), пересек пустырь, носивший имя Пушечной площади (здесь играла в «конный бой» ватага мальчишек), обошел пустовавший пороховой склад и еще по одному трапу достиг каменной изгороди с глубоко сидящей калиткой. Эту калитку он решительно толкнул и оказался на дворе, украшенном двумя кривыми вишневыми деревьями.

Меж деревьев стоял зажженный корабельный фонарь с пузатым стеклом. В свете фонаря хорошо было видно, как хозяин двора и стоявшего в нем домика тащит в сарай мортиру. Точнее, мортирку. Из таких малюток «кегорнов» во время обороны осажденные вели стрельбу с батареей по передовым траншеям англичан и французов. Ствол «кегорна» формою напоминал широкую ступку для размельчения зерен, а размером был не более полуведерного самовара. Однако тяжел! Хозяин тащил укрепленную на дубовом бруске мортирку за веревку, как упрямую козу. Любовно начищенный медный ствол отражал фонарь ярким бликом.

Увидев околоточного, хозяин орудия не растерялся. Стал прямо, заулыбался. Был он молод, худощав, с небольшими «унтерскими» усами пшеничного цвета.

— С праздником, дядя Куприян!

— С праздником-то оно с праздником, только я тебе на нынешний момент не дядя Куприян, а господин околоточный надзиратель, потому как нахожусь при соблюдении тишины и порядка. А ты опять эту тишину рушишь самым бессовестным

образом, хотя были с тобой на сей счет уже немалые разговоры!

— Так дя... господин околоточный Куприян надзиратель Филиппыч! Это же для души! День Николы Морского, покровителя нашего! Сколько именинников в городе, да и сам я...

— То, что ты именинник, устраивать салюты без позволения воинского начальника или хотя бы господина пристава права тебе не дадено, хоть ты, конечно, личность знаменитая, герой и георгиевский кавалер и все такое... И вот я думаю, что самое правильное будет свести тебя в участок, где господин пристав решит: или выписать тебе штраф, или посадить в кутузку аж до самого Рождества...

— Ну, Куприян Фи... господин надзиратель. Околоточный. Пристав же сейчас наверняка не в участке, а дома. Празднует, небось... Опять же штраф мне выписывать бесполезно, потому как от купца Телятников я ушел, дома ни копейки. А в кутузку георгиевских кавалеров сажать не по чину, разве что на воинскую гауптвахту с оказанием достойного обхождения...

— Ох, Николка, рано ты стал кавалером, и потому учили тебя уму-разуму мало...

— Ну и не мало вовсе, а сколько положено... А у тебя, дядя Куприян, сейчас возможность выбрать одну из двух диспозиций. Или доставлять меня в участок... Я, конечно, пойду, потому как закона всегда слушаюсь... Или зайти ко мне на чаек, что и ближе, и не в пример приятнее. Настенька обрадуется, она тебя с детской поры помнит и уважает. У нее пирог ради праздника, вареники сладкие, сальце такое, что во рту тает. У меня же горилка с перцем, собственный продукт...

— Какое такое сальце, опомнись! Пост же! — излишне шумно возмутился Куприян Филиппыч.

— А! Ну правильно, пост. Однако же, говорят, ради праздника возможно послабление. А пирог, к тому же, с овощной начинкою, без всякого греха. Да и горилка, она ведь тоже постная...

— Ох и бесовская твоя натура, Николай... Зайти разве ради Настеньки, чтобы в праздник не было ей огорчения...

— Вот и я говорю... Только момент, укрою в капонире орудие!

Настенька всплеснула руками.

— Куприян Филиппыч! Заходите, сделайте радость... Давайте саблю. Ох и тяжеленная, как вы ее носите... Снимайте шинель...

Тотчас появились на столе тарелки, плошки, пирог и штоф.

— Ты, Настасья Павловна, держала бы своего неслуха в надлежащей суровости, — ворчал Семибас, устраиваясь на скрипучем табурете. — А

то ведь как был батарейный сорванец, так и остался, хотя сам государь его поминал в указах...

— Сорванец и есть, Куприян Филиппыч. Каждый день с утра не знаешь, чего он к вечеру учудит! Пушка эта... Я каждый раз уши затыкаю с перепугу... А недавно разругался с хозяином, с Телятниковым, что старые корабли подымает, да и ушел. Хорошая была работа, а он: «Пойду к Федосу Макееву в шкиперы, буду его тендер водить, у Федоса-то прав нету, а у меня есть»...

— Это, что ли, правда? — глянул околоточный из-под косматых бровей на Николая.

— А чего... Телятников жулик, не меньше того американца. А мне плавать надобно, не зря же я в Керчи ту науку грыз. А на Федосовом тендере я уже ходил, дело знакомое

Семибас покачал головой. То ли с осуждением, то ли наоборот.

Налили горилку — Николаю в простой стакан, Куприяну Филиппычу — как гостю — в широкую чарку радужного стекла. Хотели плеснуть и Настеньке — в тонкую чайную чашку — но она засмеялась и замотала головой.

Выпили за праздник. Пожевали. Выпили за Настеньку, чье угощение было выше всяких похвал. Поговорили малость о Телятникове, который медленнее и неумело вел дела с подъемом судов — тех, что в начале осады были затоплены, чтобы закрыть вражеским кораблям вход в Северную бухту. К слову пришлось — вспомнили не по добродурию и лихого американца, который еще до Теляникова ведал подъемными делами. Снимал с корабельных корпусов медную обшивку и все ценное, заработал на том немалые деньги, завел в городе богатый дом, жил на широкую ногу, а потом его только и видели...

— А чего там... Подымай, не подымай, а это все равно уже не флот. Надо строить новый...

— Верно, Маркелыч. Тот свою геройскую службу сослужил, закрыл грудью город... Давай-ка теперь по третьей, как положено...

И выпили, не чокаясь, за тех, кто poleg здесь...

— И за батюшку твоего, Тимофея Гаврилыча. Лихой был комендор, упокой Господи его душу...

Отец Николая Тимофей Гаврилыч Яценко был комендором на «Трех Святителях», участвовал в Синопском бою, а с началом осады оказался на Пятом бастионе. Жена его в ту пору умерла от простуды, десятилетнему Николке податься было некуда, вот и приткнулся на бастионе к матросам. Был одно время вестовым у командира второй дистанции лейтенанта Забудского, помогал отцу управляться с орудием, скоро притерпелся к пушечному грому, вражеским бомбам и свисту пуль,

к виду изувеченных тел и крови. Потому как война, и отстаивать свой город — святое дело. Так и отец говорил, и взрослые приятели-матросы, и сам Павел Степанович Нахимов, который не раз при встречах трепал по кудлатой голове отчаянного босоногого юнгу.

Зимою отца свалила насмерть штуцерная пуля. За орудие стал отцовский товарищ дядя Матвей, Николка остался при нем. Потом убило и Матвея. Николку знакомые матросы взяли на редут Шварца. Однажды туда из лихой вылазки принесли две трофейные мортирки. С виду почти игрушки, но стреляли справно, и Николка скоро выучился управляться с ними лучше всех. Оно и понятно — маленькие маленького всегда понимают лучше взрослых. У солдат и матросов мортиры назывались по своему, «маркелами», вот и стал уже в ту пору Николка Яценко Маркелычем.

Так и воевал до того дня, когда пришлось со всей армией отойти по наплавному мосту на Северную сторону. Там приписали Николку к одной из батарей, что стояла в сплошной линии обороны неподалеку от каменного Михайловского бастиона. Затем, уже в начале пятидесят шестого года, по велению начальства (Николка и не ведал, какого) отправили его в Николаев, в резервную роту, а оттуда вскоре отвезли в Петербург и определили в школу кантонистов при морском гвардейском экипаже. При этом выдали в награду неслыханную сумму — сто рублей серебром. Половину он за годы учебы потратил на столичные забавы и угощения товарищей, а другую половину (хватило ума!) сберег до взрослых лет, что потом очень пригодилось.

В начале школьной жизни случилось событие, которое сперва изрядно напугало кантониста Яценко. Начальник школы вдруг истребовал у него медаль «За храбрость», которую еще на бастионе вручил Николке сам Павел Степанович. Было от чего пустить слезу! Но скоро выяснилось, что медаль взяли в инспекторский департамент для обмена на знак отличия военного ордена Святого Георгия, который пожалован был юному артиллеристу Высочайшим повелением. Георгиевский крест вручили кантонисту Яценко перед строем всего экипажа, после чего началась у него жизнь вовсе даже неплохая.

Конечно, строгости в кантонистской школе были немалые, но Николка к военным порядкам был приучен, иных он и не знал. А на шалости юного героя Обороны начальство смотрело снисходительно: не драть же георгиевского кавалера за каждую мелкую выходку. Тем более, что учился он примерно, потому как был «головастый».

После школы зачислили Николая Яценко во вторую роту того же гвардейского экипажа и началась его действительная матросская служба. Только служба эта была ему не по душе. Караулы да парадные выезды на шляпках со всякими высокими чинами. Иногда приходилось видеть и самого государя. А вот моря видеть почти не приходилось. А мечталось ведь, что будет, как батя, на большом корабле. И как только подвернулся случай, напросился Николай в плавание.

По-прежнему числясь в гвардейском экипаже, был он определен волонтером в команду учебного корабля «Орел», которым командовал (вот еще одна удача!) участник Обороны капитан первого ранга Федор Степанович Корн. Он помнил маленького Маркелыча и принял его с теплотою необыкновенной. Николай, однако, ни знакомством с капитаном, ни георгиевским крестом не кичился, постигал парусную науку по всей форме. То, что в школе учили по словам наставников да по моделям, теперь узнавал на деле.

Старый восьмидесятичетырехпушечный «Орел» ходил с гардемаринами в Ревель, в Гельсингфорс и даже за границу — в Данию. Несколько раз попадал в нештучные штормы, однажды чуть не перевернулся при шквале из-за недостаточного балласта. Такое запоминается навсегда.

Молодые офицеры — те, что рады были всяким новшествам и освобождению крестьян — к любознательному грамотному матросу с Георгием на форменной рубашке относились по-дружески. Случалось, объясняли иногда кое-какие премудрости штурманской науки, давали поддержать секстант и заглянуть в карты. Все удерживал в памяти Николай, будто знал — пригодится...

Не все офицеры, однако, были добры. Некоторые, особенно из старых, чуть чего — по зубам, хотя капитан Корн и не одобрял этих обычаев. Особо зверствовал старший офицер, капитан-лейтенант Гладов. Однажды по его приказу за мелкий просчет на учениях наказали марсового матроса Фому Ласточкина. Дали на баке пятьдесят линьков. Николай, как увидал на его спине багровые рубцы и подтеки, так словно что-то обломилось в душе. Нет, ему и раньше приходилось видеть, как бьют, не дома у маменьки рос, но сейчас, под снежно-белыми парусами, под ясным небом с вольными чайками показались это немислимо диким. Необъяснимым... И вернувшись в гвардейский экипаж, стал матрос второй статьи Яценко думать об отставке.

А что! Сроки позволяли. Царская служба на флоте — она, конечно, двадцать лет, да ведь при осаде и пока был на Северной, месяц шел за год — по Высочайшему указу императора Николая

Павловича. И теперь, если посчитать, выходило, что в самый раз.

Подавал, как положено, рапорт по начальству. Те сперва, конечно, на дыбы: «Как посмел, что за дурь в твоей голове!» Однако же скоро разобрались. Царский указ — это вам не кошkin чих! И вот приказ по экипажу: «...В связи с вышеозначенным предлагаю командиру второй роты удовлетворить матроса второй статьи Николая Яценко всем следующим по положению по 26 сего апреля, из списков экипажа исключить и считать уволенным от службы...»

Когда прощались, мичман Сергей Павлович Зеленский, доброй души человек, спросил участливо:

— И зачем надумал такое? Служил бы да служил, при твоих стараниях мог бы с годами выйти и в офицеры, нынче новые времена. А сейчас куда пойдешь?

— Домой, Сергей Павлыч. Город, говорят, строиться начал, руки там нужны, дело найду. Что-то сильно потянуло в прежние места.

Оно и правда, после плавания на «Орле» все чаще снился родной город. Не горячий и разбитый, а тот, что был до осады: белый, чистый, с густой зеленью по улицам и косогорам, с мачтами и парусами в голубизне бухт. И море снилось родное. Не серая холодная Балтика, а теплый синий простор, где ветры пахнут солью с воды и сладкими травами с желтых обрывистых берегов...

Может и правда город снова станет таким?

Город оказался не таким. Белый, издали казавшийся нетронутым войною, вблизи он был мертвый и почти пустой.

Однако же не совсем мертвый, не совсем пустой! По склонам холмов лепились посреди развалин вновь отстроенные дома и хатки. Даже и на главных улицах глядишь — то вывеска гостиницы, то магазин или трактир. И в больших, разбитых бомбами домах нет-нет, да и засветится вечером окошко. А на месте срезанных канонадою старых деревьев тут и там курчавился молодняк: вишни, персики, яблони, невысокие каштаны. Большие же, чудом уцелевшие от войны деревья, зеленели особенно раскидисто и пышно. На склонах, по краям каменных трапов, торчали, как на карауле, маленькие, похожие на лихих подтянутых кантонистов кипарисы...

После долгих лет казармы теперь отчаянно хотелось своего угла и вольного существования, когда живешь, как душа велит, а не по хриплым командам боцманов и фельдфебелей, не по пронзительным сигналам трубача.

От дома на Корабельной, где жил когда-то с батей и маменькой, осталась груда щебня. Сквозь щебень проросла полынь. Николай постоял, пе-

рекрестился и пошел в слободку над Артиллерийской бухтой. Там, в Косом переулке, жила во время осады маменькина знакомая, вдова Анна Михайловна с Николкиной ровесницей Настюшкой. К ним Николка забегал в гости, если на бастионе и редуте случались передышки.

Дом оказался почти цел, только один угол разбито ядром. А вдовы и дочки ее не было. Соседи говорили: уехали сразу, как оставлен был город, а куда — никому не ведомо. Николай подумал и взялся за ремонт. Решил: если вернуться хозяева, будет им, добрым людям, готовая крыша, скажут спасибо. А не вернуться — значит, будет хата его, Маркелыча, по закону давнего знакомства... Да едва ли они снова здесь появятся, сколько лет прошло! Раскидала людей война...

Старожилы помнили маленького Маркелыча, что когда-то на недалеких от этого места батареях палил из двух своих пушчонок по позициям французов и англичан. Помогали, чем могли. Однажды старый сосед, бывший унтер, а ныне хромой яличник дядько Евтихий, кряхтя приволок на тележке завернутую в мешковину тяжесть.

— Глянь-ко, кавалер, что я тебе подарить вздумал. Лет семь назад копал недалече от Шварцевского редута червей для рыбалки, там они в одном месте дюже сочные развелись, да и отрыл эту оудию. Приволок старухе, чтобы ступка была, да больно тяжела. Так и лежала за курятником. Может, твоя?

«Может, и правда моя?» Теперь было точно не узнать. Но очень похожа была эта медная малютка на те, которыми распорядился Николка на редуте. Ну, как сестренку увидал.

«Или Настюшку...»

— Бери, Маркелыч, будет память о твоём героисте...

— Спасибо, дядько Евтихий... Да какое там героиство...

...По малолетству иногда и правда думалось, что герой. Когда Павел Степаныч прикалывал к его драному, от бати оставшемуся бушлату медаль. Когда начальник школы капитан первого ранга Модест Петрович Глаголев прицеплял к зеленому сукну парадного кантонистского мундира серебряный крест. «Георгиевскому кавалеру Николаю Яценко ура!» — «Ура!.. Ура!.. Ура!..» А если по правде вспоминать, сколько было в душе жути! Особо до той поры, пока не появилась привычка. Но и сквозь привычку потом, сквозь бесстрашную горячку азартной пальбы по наступающим синемундирным рядам вдруг проскакивала мысль: «А ежели и меня убьют? Как вот их, что рядом?» — «Да нет же, это больших убивают. А убитых юнгов ты разве где видал?»

Однако же привелось увидеть и такое. Почти такое... Как-то раз отогнали наступавших и пошли собирать трофейные штуцера и снаряжение. И увидел маленький Маркелыч, что среди убитых французов лежит навзничь солдатик его, Николкиного, роста. Фуражка с большим козырьком и узким доньшком отлетела, русые кудри были вмяты в жидкую глину. Поодаль валялся большой барабан с изорванным в клочья ремнем и пробойной. Грудь вся в кровавых ошметках. Глаза мальчишки были открыты и смотрели прямо в небо. Серые... А ресницы загнутые вверх, как у Настюшки...

Николка встал около барабанщика на колени, упершись в глиняную кашу ладонями. И смотрел, пока его не взяли за плечо.

— Пойдем уж, Маркелыч, теперь не поможешь, сколько ни гляди... И чего его, малого, принесло в чужую землю...

После Николка в щелю между насыпью и командирским блиндажом плакал горько и долго — так же, как в день, когда убило бату. А проплакался и — что делать-то — пошел воевать снова. Только барабанщик этот снился ему потом часто. И на позициях, и в школе. Будто оживает он, садится и глазами ищет барабан. А Николка говорит виновато: «Да вот он... Только пробитый весь». Барабанщик (ну точно как Настюшка) трет согнутым пальцем переносицу и спрашивает по-русски: «Маркелыч, как же я теперь с дырчавым-то? Попадет от командира...» И опять нет у Николки к мальчишке-французу никакой злости, одна жалость...

Но не только барабанщик этот виделся в снах про войну. Многое. И летящая прямо в него, в Николку, бомба «лохматка» (вся в огненных кудрях), и занесенный штык в руках зуава-великана, и нестерпимое, со всех сторон обступившее пламя... И страх, который там, на позициях, просыпался лишь порою, в этих снах был постоянный, главный: «А ежели убьют? Прямо сейчас!.. А ведь и вправду убьют, и не будет меня!»

И было так, наверно, года два. А потом эти сны стали реже, реже, и стали приходиться другие. Будто сама осада привиделась ему лишь во сне, а по правде-то город по-прежнему цел — белый и зеленый. И будто маменька, усадив его, Николку, посреди солнечного двора на табурет, обвязала ему голову шнурком и стрижет «под кружок» длинными звонкими ножницами. Волосы падают, щеки голую спину, а маменька смеется и уговаривает потерпеть. А потом обмахивает его полотенцем. И чистое полотно пахнет, как должно быть пахнут паруса, и летящий воздух от него смешивается с морским ветром, а море стоит за краше-

ными известкою заборами и черепицею крыш, как синяя стена, пересыпанная белыми искрами брунов...

А потом просыпался и с боязнью, что заметят товарищи, переворачивал тощую казенную подушку с мокрым пятном...

Дом был готов к середине лета. Николай нашел среди развалин нехитрый скарб, а кое-чего прикупил — были еще в запасе старые наградные деньги да сэкономленное жалованье. Выкопал в ближней балке две молодые вишенки, посадил во дворе (ничего, принялись, хотя и не по времени была пересадка). И стал думать, как жить дальше. На оставшиеся сбережения долго не протянуть. Да и ладно ли это — молодому, крепкому жить без дела. А найти дело было не хитро. Можно было пойти камни тесать на строительстве Владимирского храма на холме, где упокоились погибшие в осаду адмиралы. Можно — в мастерские или в доки РОПИТа, что разворачивал свое хозяйство в Южной и Корабельной бухтах. Можно к торговцу Крупову, что неподалеку от взорванной Николаевской батареи строил номера для зачистивших в город любопытных туристов... Маркелыч пошел к американцу Гарри-сону, чья компания подрядилась наладить подъем судов. На паровом катере возил с Большого рейда в Южную бухту, к Пересыпи, поднятые из воды пушки, цепи и якоря.

Скоро, однако, ясно стало, что американец — жулик, да и жалованье платил неохотно. Николай, к тому же, услышал от сведущих людей, что в Керчи открылись мореходные курсы, и что окончившим их дают бумагу на право корабельного вожделения. И к сентябрю подался в Керчь, оставив жилье под присмотр дядьки Евтихия.

На курсы взяли сразу, потому как принимали желающих из любого сословия, была бы охота к морю. А уж кавалеру и бывшему гвардейскому матросу — самая прямая дорога. Одно досадно — возраст оказался великоват, ведь среди учеников были и совсем мальцы. Однако же мальцов этих Маркелыч скоро обошел по всем статьям, поскольку в рангоуте и парусах и раньше разбирался изрядно, такелажное дело знал отменно, да и многие другие флотские премудрости одолел еще в школе и на «Орле». Новым было только штурманское дело, да и то кое-какие начала в нем были Николаю Яценко ведомы — спасибо мичманам с «Орла». В мае сдал он экзамен и поступил штурманским учеником на частную шхуну «Елизавета» — для получения мореходной практики. Ходила «Елизавета» недалеко, между ближними портами, часто возвращалась в Керчь. А там ждала Николая его неизбывная

радость, его нечаянное счастье и награда — Настенька.

Вот так уж ласково очередной раз обернулась к нему судьба. Едва начав учиться, в октябре встретил он девушку в толчее городского рынка. Выросла, а глаза-то и загнутые вверх ресницы все те же.

— Настюшка!

Она тоже узнала сразу. И... заплакала. А он, не глядя на шумящий кругом люд, обнял ее. «Сестренка...»

— Я и не чаял, что встречу когда-нибудь...

Оказалось, что после переправы на Северную они с матерью вскоре перебрались в Керчь, где жили их родные: матушкин брат рыбак Евдоким Михалыч и его жена «тетя Ксана». Бездетные. Сестру с дочкой приютили, Анне Михайловне сыскали работу — кухаркой у рыбного торговца Коноваленки. С племянницей обходились по-доброму, жалели и лечили, как умели, если делалась нездоровая. А болезни прилипали часто. Оттого, наверно, что в последние дни осады, когда бежала Настюшка через Пушечную площадь, лопнула в пяти шагах случайная граната, бросила девочку спиной на камни. С той поры боли в спине и не кончались...

Анна Михайловна пробыла кухаркой недолго, надорвалась, ворочая в коноваленковской кладовой бочки, слегла, и через полгода ее схоронили. А Настюшка так и подрастала в доме у дядюшки. В родном городе больше не бывала — натерпелись там с матерью страха, а про дом они думали, что сгорел и разграблен.

— Не обижают ли старики-то?

— Да что ты! Они ласковые, хвалят, помощница, говорят, — однако же вздохнула...

— Небось уж суженого подыскали... — сказал он насупленно. Потому как двадцать лет девушке, давно пора...

Настя покачала головой:

— Они говорят: «Сироту как неволишь, решаи сама»...

— Ну и... решила уж?

Она глянула прямо:

— Коленька, да кому я нужна-то, вечно хворая да без приданого. Кто возьмет...

Господи, «кто возьмет»! Теперь казалось: все годы тосковал о ней, хотя, по правде говоря, вспоминал не так уж часто. С лаской вспоминал, но как о прошлом, о невозвратном... И вот вернулось оно. Будто не просто девочка Настюшка, а все доброе и сердечное, что было в детскую пору...

Свадьбу сыграли скоро, в декабре. Тихую, но радостную. Евдоким Михалыч и жена его Оксана Тарасовна сказали Николаю:

— Пока учишься да плаваешь, живите у нас. Мы к Настеньке привыкли, горько расставаться сразу-то...

На том и порешили.

Ну, а расстаться все же пришлось — в сентябре, когда Николай отплавал нужный срок и получил наконец бумагу с двуглавым орлом и печатью, украшенной скрещенными якорями. Прав бумага давала не столь уж много: на управление небольшими судами в плаваниях между портами одного моря, что называется малый каботаж. Однако же можно было поступить шкипером на какой-либо парусник из тех, что резво снуют между черноморскими гаванями. Для начала казалось: другого и не надо! Ежели на военный лад сравнивать — морской офицер. А родное море — оно широкое, хватит простора, чтобы поплавать.

Однако же сразу поступать на судно не стал. Решено было вернуться с Настенькой в ее родной дом — ей тоже вдруг захотелось в прежние места. Ну и что же, что город порушен? С Коленькой нигде не страшно. А он обещал ей, что до весны в рейсы ходить не станет, обживутся вдвоем на берегу.

Американец со своей конторой к тому времени из города пропал, за подъем затопленных кораблей взялся купец Телятников. Маркелыч поступил к нему на прежнюю работу — возить с рейда на берег добытые из воды вещи и припасы. Два раза, правда, ходил на шхуне «Иголка» в Одессу за инструментами и водолазным снаряжением — это когда постоянный штурман «Иголки» ударялся в запой и мог привести парусник не в родимую гавань, а куда угодно, хоть в бразильский порт Рио-Жанейро... Настенька вздохнула, но не спорила. В доме она завела чистоту и порядок, а Николай в ее честь и ради праздников несколько раз палил из своей «кегорны» на радость мальчишкам, к снисходительному одобрению соседей и служебному негодованию Куприяна Филиппыча Семибаса.

Сейчас, однако же, Куприян Филиппыч про нынешнюю стрельбу более не вспоминал, а, разомлевши после очередной чарочки, говорил о прошлом: как отбивали один штурм за другим и что, если бы не приказ Горчакова уходить по мосту, может и вернули бы курган отчаянным героическим напором и скинули бы напрочь дивизию Мак-Магона.

Николай больше помалкивал и кивал. Почему-то вновь припомнился барабанщик...

Настенька, чтобы не мешать мужскому разговору, ускользнула на кухню и звякала там посудой, напевая при этом протяжное, но без грусти.

Филиппыч оборвал себя на полуслове, прислушался.

— Ласковая она у тебя, Маркелыч. Дал тебе Бог радость...

— Дал... — улыбнулся Николай. Но за улыбкою опять скользнула грусть. Уже не из-за военной памяти, из-за иного... И Семибас понял сразу, хотя и выпил уже изрядно.

— А что... это... Никаких признаков, да?

— Никаких... Я утешаю: все, мол, еще будет, а она не верит. Плачет иногда, хочу, говорит, Катеньку...

— А тебе, небось, мальчонку хочется?

— Да мне, Филиппыч, хоть кого. Девочка, она, может, и лучше даже, ласковее...

— А у дохтура была?..

— Была у повивальной бабки, у Антонины, что на Аполлоновке. Та говорит: надо ждать да молиться. Это, говорит, может от контузии, что тогда, в детстве...

— Молиться, оно конечно, однако бы и к дохтуру...

— Боится. Как же, мол, я к нему, он же мужчина... Я ей: «Глупая, доктор — он не мужчина вовсе, а просто человек, поставленный для общего излечения». Может, уговорю...

— Уговори... А пока вот что. Ты же слышал, небось, про Татьяну Фаддеевну Лазунову, что сняла комнаты у Кондратихи. В квартале отсюда, под тобой. Она не то чтобы совсем дохтур, но медицинское понятие тоже имеет, потому как взялась помогать в лечебнице при пароходной конторе. Сведи Настеньку к ней. Она женщина обходительная, недавно я с ней говорил, упреждал, чтоб мальчонка ее не слишком дружился со здешними огольцами.

— Сведу, упрошу... А чего мальчонке-то не дружить со здешними? Огольцы как огольцы, на то и дети. Сам таким был...

— Оно конечно. Да упредить-то я должен, служба...

Капитан Гаттерас и кентавры

В квартале от хаты Маркелыча, ниже по Косому переулку, тоже праздновали именины — в горбачом двухкомнатном домике с пристроенной кухнею под плоской черепичной крышей. Ярко горела керосиновая лампа с широким фитилем. Из кухни пахло пирогом со ставридою, который умело пекла соседка Лизавета Марковна — она подрядилась за небольшую плату помогать госпоже Лазуновой по хозяйству. Слышно было, как попыхивает круглый, будто глобус, самовар. Его лишь вчера купили по случаю на базаре, что раскиды-

вался каждый день неподалеку на пологом спуске, у каменной стены Седьмого бастиона.

На скатерти уже стояла тарелка, полная жареных пирожков с вишневым вареньем. До того, как сядут за стол, трогать угощение не полагалось. Коля, однако, украдкой сжевал уже два пирожка и теперь облизывал пальцы. И вытирал их подолом праздничной рубашки. Он не хотел оставить масляные следы на подарке.

Подарок был замечательный. Тё-Таня купила его в симферопольской книжной лавке и до нынешнего дня прятала от племянника. Это был годовой комплект журнала «Земля и море», издаваемого в Петербурге. Точнее, не совсем еще годовой. Не хватало двух последних номеров. Они должны были выйти к Рождеству и в продаже появиться в начале будущего года. Хозяин лавки божился, что вышлет эти номера госпоже Лазуновой по почте, взявши на себя все расходы. И как бы в подтверждение того, что комплект будет полным, выдал для него роскошный коленкорový переплет с золоченым орнаментом по краям.

В орнамент были вплетены якоря, парусные корабли, конные рыцари, глобусы, воздушные шары и экзотические звери. А посреди обложки красовалась цветная картинка, на которой среди голубых и белых льдов решительно шагал одетый в меха человек с устремленным вдаль взглядом.

Это, без сомненья, был капитан Гаттерас из романа француза Жюль Верна, который печатался в журнале из номера в номер...

И сейчас, положив на край стола еще не сшитые журналы (а обложку с картинкой — отдельно), Коля вдохновенно листал номер за номером. Там было много всего — про давние экспедиции и новейшие корабли, про чудеса заморских стран и обычаи диких племен, про загадки природы и движение комет... Но главное — история неустранимого капитана, который всей душой стремился к Северному полюсу. Не хватало терпения читать подряд, и Коля торопливо листал номер за номером, выхватывая из романа самые главные (как ему казалось) куски... Ох, до чего же досадно, что нет последних номеров! Достиг ли полюса несгибаемый Джон Гаттерас?

Даже и будь номерá, узнать про конец путешествия сейчас не удалось бы. Явились женщины с пирогом и самоваром.

— Николая, чтение потом! Доставай чашки... Лизавета Марковна, а вы куда? К столу, к столу!

— Да полно, Татьяна Фаддеевна! Кухаркино ли дело с хозяевами именины праздновать...

— Что за фантазии! Мы же договорились, что вы не кухарка, а моя помощница... И Сашеньку надобно позвать... Коленька, сходи, пригласи Сашу

к чаю. Что же это она одна сидит дома в такой вечер.

Саша была дочка Лизаветы Марковны. Тихое, полупешотом говорящее создание одиннадцати лет. С коротенькими темными косами, с завитками на висках и маковыми конопушками на переносице. С глазами непонятного цвета, потому что всегда под ресницами. При встречах с Колей она быстро взглядывала из под этих ресниц и одними губами говорила «здрaсте». И Коля каждый раз ощущал непонятную досаду. А еще... Да никаких «еще»! Досаду, вот и все!

Сашин отец трудился кочегаром почтового парохода «Русь», что ходил от здешнего порта до Керчи. Нынче пароход был в рейсе, и Саша сидела сейчас дома одна... Ну и сидела бы! Чего ей здесь-то! О чем с ней говорить? Не о Северном же полюсе! Она, небось, о нем и не слыхала, думает, что земля плоская, как сковородка...

Не будь здесь Лизаветы Марковны, Коля уперся бы: зачем ему в гостях девчонка? Да еще, наверно, такая, что и грамоты не знает.

Но «воспитанные мальчики не скандалят при посторонних».

Вздыхая, Коля в сенцах сдернул с вешалки и накинул армячок. А сапожки натягивать не стал. Так и выскочил в холодную синюю темень в домашних башмаках (бывших Тё-Таниных туфлях с отбитыми каблуками). Домик Сашиных родителей стоял выше по косогору, двор его с каменным заборчиком нависал над здешним двориком террасой. К пролому в заборчике вела лесенка из стертых подошвами каменных брусьев. Вверху под крышей светилось окошко. За ним коротала вечер та, кого следовало приглашать.

Ох... Но что делать-то! Он попрыгал (чуть не теряя туфли) вверх. На последней ступени оглянулся — одновременно с догадкой. О том, что тетушка послала его не только за Сашей, но еще и для тайной проверки: не испугается ли пойти в темноте? Пфы! Думает, что он все еще как младенец!.. Да и полной темноты нет. Над крышами видно, что на западе светятся в небе желтые остатки заката, в которых дрожит золотым расплавленным шариком вечерняя звезда Венера. Море у горизонта хранит в себе ртутный отблеск и лишь ближе к городу становится почти таким же непроницаемым, как черные берега.

В этой непроницаемости мигает на Константиновском форте рубиновый маяк да горят зеленый и красный огоньки на бугах, отмечающих проход в бухту среди все еще не поднятых со дна кораблей.

Воздух тихий, с сухими иголочками холода, и все же ощущается в нем чуть заметное шевеле-

ние. Дыхание моря. И в этом дыхании запах соленой воды и водорослей, сухой полыни и теплых (все еще теплых, несмотря на зиму!) слоистых каменных берегов.

Коля вдохнул этот запах, и... ка-ак ахнуло! Над головой. Почудилось даже, что мелькнуло в небе отражение желтой вспышки. И подскочила земля! Коля присел на корточки и прижал к ладоням уши. Не от страха, от неожиданности. Испуга-то почти не было. Он сразу понял: это мортира веселого Маркелыча, о котором говорили ребята. Упреждали, что надобно ждать салюта!

А тетушке про то не ведомо, вот, небось, перепугалась!

Коля засмеялся, вскочил и шагнул в пролом забора. На крыльце постучал в шаткую дощатую дверь. Тихо было. Еще раз постучал. Услышал из глубины слабый голосок:

— Та заходите, не заперто...

Видно, в здешних местах не боялись воров.

В темных сенях светилась щелью внутренняя дверь, Коля потянул ее за край. Саша съезжено сидела на лавке, обняв обтянутые пестрым оборчатый платьем колени. В свете лампы искрились темные глаза и колечки на висках.

— Здравствуй! — как бы с разбега сказал Коля.

— Здрaсте... Ой, я так перепугалась...

— Разве я страшный? — храбро усмехнулся он.

— Та я не вас, а пушки...

— Это же Маркелыч, который живет над вашим домом! Он в честь праздника!..

— Я знаю, уже не впервой. А все равно каждый раз такой страх... Как тут люди жили при осаде?

— Попривыкали, вот и жили, — отозвался Коля все с той же храброй ноткой.

Он, когда шел сюда, боялся, что будет смущаться, потому что раньше рядом с девочками всегда ощущал себя нескладным и поглупевшим. Но сейчас орудийный выстрел будто стряхнул с него застенчивость.

— Пойдем к нам чай пить! Тетушка приглашает... Потому что я именинник. Ну, то есть, я тоже приглашаю...

— Ой... — Она спустила с лавки ноги и взяла себя за плечи. — Не...

— Да отчего же «не»? Вот смешная! Пойдем... Саша!

Она призналась шепотом:

— Я стесняюсь...

Он не стал уговаривать и уламывать, как, наверно, полагалось бы: «Да чего же стесняться? Все будет славно, не бойся». Сказал сурово и прямо:

— Экая беда! Постесняешься и привыкнешь. А у нас зато есть к чаю конфеты с лимонным сахаром. Идем! Нельзя долго упираться, ежели в гости зовут.

— В гости надо платье красивое...

Ну, тут она, кажется, хитрила. Платье и так было нарядное. С ярким рисунком из разноцветных колечек, с тройным рядом кружевных оборок на рукавчиках и широком подоле. Может быть, она тайно ждала приглашения?

Коля совсем расхрабрился:

— Ты и так вся красивая! Пошли! — И взял ее за руку. За тонкое запястье (в котором вдруг проклюнулась теплая жилка). Саша мягко освободила руку. И оба смутились. Потом Коля сказал уже с досадою:

— Право же, непонятно, чего ты боишься? Там же твоя мама...

— Ну... тогда я только чоботы надену... — Она выгребла из-под лавки высокие и широкие ботинки без шнуровки, сунула в них ноги. — Идите к двери, я лампу задую.

Коля вышел на порог. Саша тут же появилась рядом. У лестницы он опять взял ее за руку:

— Здесь такие ступени, можно свернуть голову.

Саша засмеялась тихонько (от губ пошли теплые комочки воздуха):

— Да что вы, я здесь каждый камушек знаю. Это я должна вас держать, давайте... — И стало непонятно, кто кого держит. И так добрались до Колиного дома.

Тё-Таня ждала их, конечно, на крыльце. Снаружи спокойная, а внутри (уж Коля-то знал!) полная тихой паники. Наверняка решила, что мортирный выстрел разнес любимого племянника в клочья.

— Наконец-то! Мы ждем, ждем... А тут еще эта ужасная стрельба!

— Это Маркелыч, верхний сосед! Салют устроил!

— Лизавета Марковна объяснила. Но все равно такой страх...

(«Все девчонки одинаковы, даже взрослые...»)

— Заходите... Сашенька, а ты в одном платье! Такой холод...

— Я привычная...

У порога она скинула чоботы и опять стала тихая, присмирившая. За столом на тетушкины вопросы отвечала шепотом, чай пила из блюдца, которое держала, отодвинув мизинец. Осторожно дула на горячее, вытянув губы трубочкой. На мочках ушей у нее дрожали похожие на божьих коровок сережки. Облитые желтым сахаром длинные конфеты она брала двумя пальчиками и откусывала мелкие кусочки.

Татьяна Фаддеевна вышла из-за стола и сообщила, что в честь именинника следует сыграть торжественную музыку. Села к расшатанной фисгармонии. Этот старинный инструмент вдова Кондратьева вместе с остальной мебелью оставила в полное распоряжение новых жильцов (а сама, получивши деньги вперед, укатила к дочери в Евпаторию). Кстати, было непонятно, откуда и зачем эта фисгармония у неграмотной и далекой от музицирования вдовы...

Тетушка бодро исполнила марш Преображенского полка, а после него мазурку. «Лишь бы не заставила танцевать... Да ведь Саша все равно не умеет!»

Фисгармония посвистывала мехами, старательно выталкивая органные звуки.

Тетушка откинулась на стуле.

— Конечно, это не фортепьяно... Да настоящий инструмент здесь, верно, и не достать.

Лизавета Марковна подперла пальцем подбородок.

— До чего же вы, Татьяна Фаддеевна, ловко играете. Сроду такого не слыхала... А музыка эта попала к Кондратихе, можно сказать, с улицы. Раньше-то струмент стоял, говорят, на Шестом бастионе, у офицеров. А потом на ём французы забавлялись и, ничего, целым оставили, когда уходили. Кондратиха и подобрала, вернувшись с Северной. Заместо комода.

— Неужто во время войны людям было до музыки? — осторожно сказала Татьяна Фаддеевна.

— А чего ж, везде люди живут. И на войне тоже... Как затишье случалось, так и гулянья были. На Малом бульваре, где памятник капитану Казарскому. Бомбы туда почти не долетали. Бывало, что и французские офицеры, которые в плен попались, гуляли с нашими. Когда пленный, он ведь уже не враг... Любезные такие... Ну, а уж перед самymi-то штурмами стало оно не до гуляний...

— Не, маменька, на бастионе стоял не этот инструмент, а пианина. Большая, — вдруг проговорила из-за блюдца Саша. — Отец Кирилл сказывал. Потому бастион и назывался Музыкальный.

— Ну, может, и так. Сейчас уж мало кто помнит, как было в точности. Всякие сказки сказывают. Порой страх такой. Будто по развалинам на Екатерининской чьи-то души в белых рубахах гуляют да водят при луне хороводы...

Коля насторожил уши. Хороводы призраков — это интересно. И не очень страшно, если при лампе, среди людей и в своих стенах. Однако Лизавета Марковна вздохнула и примолкла. И тогда Саша вмешалась в беседу снова:

— Маменька, а ты скажи еще о трех дядьках на конях. Как они старуху искали...

— Ой, да выдумки это. Мало ли чего болтают...

— Ну и пусть выдумки! Зато интересно! — оживился Коля.

— Ну, если интересно... Сказывают, будто в самом начале, когда только первые ихние корабли показали у наших берегов, к одному часовому подошла на закате женщина. Сгорбленная, в лохмотьях. Часовой-то стоял недалеко от здешних мест, в карантине у колодца... Подошла и просит: «Спрячь меня, солдатик, где-нибудь, ищут меня недобрые люди...» — «Да где же я тебя спрячу, места нет подходящего, пусто кругом...» — «Ну, так я сама спрячусь, ты только меня не выдавай тем, кто прискачут на конях. Пускай хоть смертью грозят, не выдавай, родимый...» Он и обещал... Скоро и правда прискакали три всадника: первый весь в черном, за ним — в красном, а после всех — в белой одежде. И все с оружием. Подступили к часовому, саблями грозят: сказывай, где старая женщина! А он отрекся накрепко: никого, мол, не видал, не слыхал. Те, видать, поверили. Пригрозили еще на всякий случай, да и ускакали, будто растаяли. А как не стало их, старуха явилась опять и говорит солдатику. Это, мол, не просто люди на конях, а приметы. Черный предвещает, что город весь превратится в развалины; красный — что будет здесь великое кровопролитие и пожары; а белый означает, что, когда все беды кончатся, станет город краше прежнего... Ох, да когда только наступит это времечко? Осада кончилась давным-давно, а все живем на пепелище...

— А кто была эта женщина? — с некоторой опаской спросил Коля.

— Кто же ее знает? Может, просто гадалка какая-то, а может, судьба наша горькая...

Коля на всякий случай незаметно сложил замочком пальцы. Но тревожиться всерьез не было ни охоты, ни сил. Он вдруг ощутил, что соловьет от тепла и сладкой сытости. Перебрался на диванчик с гнутой спинкой, что служил ему и кроватью. Здесь лежали в беспорядке номера «Земли и моря».

Саша оглянулась на Колю.

— Хочешь посмотреть журналы? — сказал он. (А что делать, надо как-то развлекать гостью).

— Хочу... — И она присела рядом. — Ой, это что?

На картинке во всю страницу громадная (толщиной с бревно!) змея обвила кольцами зубастого ягуара и разверзла пасть.

— Анаконда. Есть такие змеи-удавы в далекой стране Южной Америке, на реке Амазонке. Могут даже быка проглотить.

— Это по правде или такая сказка?

— Какая там сказка! Попадись такой «сказке», и вмиг — хлоп, и нет тебя...

— Страх какой... — она даже придвинулась поближе.

— Конечно! Особенно, если ты без оружия! Ну, а если с ружьем или пистолетом, тогда трах ей прямо в пасть!

И он вспомнил пистоль Фрола. Как метко и храбро (теперь и вправду казалось, что храбро) он, Коля Лазунов, пальнул по бутылке. Мог бы и в пасть анаконде...

Дальше было еще немало картинок с подписями и краткими рассказами. Египетские пирамиды, нападение индейцев на американский экипаж, азростаты новейшего вида, фрегаты и броненосные корабли, индийские храмы и рыцарские турниры древних времен...

Вообще-то Коля с большим желанием рассказал бы о путешествии Джона Гаттераса через льды, но понимал, что Саше интереснее такая вот заморская пестрота. Ладно, и это неплохо...

— Коля, смотрите! Разве они тоже бывают взаправду?

— Нет, это миф. То есть сказка. Из древней Греции. Это центавры.

— А не кентавры?

— Ну, можно и так... А ты откуда про них знаешь?

— Отец Кирилл говорил. Который нас грамоте учит, у него дома вроде как школа... Я нашла осколок с похожей картинкой, показала ему: не грех ли собирать такие. А он засмеялся, говорит: собирай на здоровье. Это, говорит, в далекие времена здешние люди лепили посуду с такими картинками, на которых всякие сказки. Картинки эти ничуть не грех, ежели им не молиться, а просто смотреть...

— А что за посуда? Где ты находила осколки?

— В Херсонесе, где монастырь. Там их много. И всякого другого... Там раньше город был, в старые-старые годы, а потом его разрушили то ли татары, то ли еще кто...

— А, ну это известно! Говорят, он погиб после осады. Она была вроде этой, недавней, только пушек тогда еще не придумали. Зато швыряли из катапульта горшки с горящим зельем...

— Вот страх...

— Ну что ты все «страх» да «страх»!.. А эти посудные осколки, они теперь где?

— Дома. Принести?

Не успел он сказать «не беспокойся, потом», как она раз — сорвалась и умчалась!

Лизавета Марковна и тетушка только руками всплеснули. А Коля досадливо понял, что надо идти следом, долг обязывает. Но за те полминуты, пока долг боролся с неохотой, раскрасневша-

яся Саша примчалась обратно. С синим узелком в руке. Торопливо развязала его, положив на колени, раскинула широкий платок.

На платке оказались черепки, цветные каменные бусинки, черные неровные монетки, флакончик из перламутрового стекла. Посудных осколков было больше всего. Одни — шероховатые, кирпичного цвета, с выпуклым орнаментом на краях. Другие — лаковые, черные с коричневым рисунком или наоборот — коричневые с черным. Различимы были греческие профили с кудрявыми головами, львиные гривы, колесо повозки, часть корабля с загнутой, как рыбий хвост кормой. Жаль только, что ничего целого.

Но нет, было и целое! Почти...

— Вот... — Саша с коротким выдохом перевернула большой выгнутый осколок.

На темном, как уголь, лаке были красно-коричневые фигурки с черной прорисовкой лиц, складок одежды и завитков волос. Кентавр с кудрявой бордой, женщина в широком хитоне и тоненький босой мальчик с перехваченными шнурком волосами и в легкой рубашонке (кажется, называется «туника»). Лица у всех троих были спокойны, однако в позах ощущалось действие. Кентавр держал своей ручищей руку-стебелек мальчика и притягивал к себе. Мальчик слегка упирался, но, видимо, не из боязни, а, скорее, из баловства. Женщина с заметной тревогой придерживала мальчишку за плечо: «Ну куда же вы его хотите увести?»

По верхнему краю рисунка тянулись квадратные завитки эллинского узора. Задняя часть лошадиного туловища кентавра была отколота. Ноги женщины и нижний край хитона — тоже. А мальчик весь был целехонек — гибкий, шаловливо-упрямый. Живой...

Саша тепло прошептала у Колиной щеки:

— Смотрите, кентавр, наверно, задумал превратить его в такого же, как он сам, наполовину лошадь...

— Ну, если и превратит, то не насовсем, а на время. Чтобы попрыгал по лугам, как жеребенок. Попрыгает и вернется к... маме... — включился в игру Коля. И почему-то смутился.

— А если не вернется? Ой, вот страх...

— Опять это слово! — старательно возмущился Коля, чтобы прогнать смущение. — «Страх» да «страх»! Еще раз скажешь так, тогда...

— Ой... а что будет? — Она вроде бы испуганно сощурила один глаз и сморщила переносицу.

— Тогда... щелчок по носу! Во... — Коля сложил колючек указательный и большой пальцы.

— Ой...

— «Ой» тоже нельзя говорить, это все равно что «страх»... — расхрабрился Коля.

— Ладно... — покладисто сказала Саша. — А вот смотрите еще...

— И не говори мне «вы». Что это такое? Я тебе кто? Наследный принц? Я же не говорю тебе «смотрите-извините»...

— Но вы же из образованных, а я...

— Будет щелчок! Как за «ой» и за «страх»!

— Ой... Нет, это не считается, это я нечаянно. Больше не буду.

— То-то же...

— Смотр... ри... Вот эти бусинки... Отец Кирилл сказал, что их носили такие тетеньки две тыщи лет назад... — она мизинцем показала на женщину, которая удерживала мальчика. — Вот, здесь даже нарисовано...

— Да, видно...

Они склонились над осколком, почти коснувшись висками. Потом Коля поднял к глазам черную монетку.

— Саша, смотри! Здесь, кажется, Геракл борется со львом.

На монетке в самом деле сплелись крошечный гривастый лев и мускулистая человеческая фигурка.

— Льва-то я давно разглядела. А этот Гер... как... он кто?

— Греческий герой. Он совершил двенадцать подвигов. И один из них — борьба со львом. Геракл его задушил.

— Ой стр... Нет! Я не досказала!

— Ты не досказала «страх». Но сказала «ой». Подставляй...

Саша вздохнула, зажмурилась и вытянула вперед лицо с носом-клювиком. Костя, замерев, коснулся клювика ногтем.

— Вот так... А в следующий раз будет со стр-рашной силой...

Тетушка и Лизавета Марковна, беседуя о своем, ушли в другую комнату. Коля и Саша поразглядывали еще, пообсуждали полупшепотом херсонесские находки. Саша призналась тихонько:

— Я их пуце всего на свете люблю собирать. Когда ищут, будто сама попадаю... в ту страну... Там, говорят, было красиво...

— Еще бы! Там везде стояли белые храмы с колоннами и статуи...

— А мальчишки надо мной смеются. Они сами-то пули да осколки собирают и вообще всякое, что осталось от войны. Чтобы продавать приезжим. А про мое говорят: «Кто это купит!» А я и не хочу продавать...

— Саша, а мне ты покажешь, где такие находки?

— Конечно! Только это надо, когда тепло, сейчас земля замерзла и пальцы стынут...

Коля быстро глянул на тонкие Сашины пальцы с коротко остриженными ногтями и перевел глаза на черепок с кентавром. Взял, подышал на него, потер обшлагом нарядной желтой рубашки. Лак заблестел сильнее, а мальчик будто шевельнулся.

— Нравится? — шепотом спросила Саша.

— Еще бы...

— Коля... Тогда я вам... тебе это дарю.

— Да ты что!

— Не отказывайся. Ты же именинник, именинникам обязательно делают подарки.

— Ой, Саша... — выдохнул он стесненно и обрадованно.

— Ага! — обрадовалась и она. — Подставляй нос!

— Как? Отчего это?

— Ты сказал «ой»!

— Но... про меня же уговора не было!

— Ну и что же, что не было! Получается не по правде!

Счастливо жмурясь, Коля повернул к ней лицо и вытянул шею. И носом ощутил касание гладкого ноготка.

— Это на первый раз. А потом будет со стр-рашной силой... — и Саша засмеялась, будто посыпались из горсти стеклянные шарики. И Коля засмеялся. И делалось им все смешнее, и скоро они хохотали, откинувшись к спинке диванчика и болтая ногами в одинаковых полосатых чулках. И было бы это неизвестно как долго, если бы не вошли Тё-Таня и Сашина мама.

— Сашенька, пора домой. Скажи спасибо и до свиданья...

Когда они ушли, Коля посидел еще, улыбаясь, сложил в папку журналы и опять потер обшлагом древний черепок.

— Тё-Таня, взгляните, что Саша подарила.

— Ну-ка, ну-ка... — Татьяна Фаддеевна водрузила пенсне, которое надевала не столько ради остроты зрения, сколько для «представительства». — Ох, да это же осколок эллинской вазы! Какой прелестный фрагмент! Здесь целая жанровая сцена...

— Да! — Колю словно бесенок толкнул колючим локтем. — Это знаете что? Это...

В прежние дни Коля не решился бы так шутить, чтобы не искушать судьбу. И чтобы лишний раз не вспоминать плохое. Но сейчас он ощущал счастливую защищенность от прошлого и радостную уверенность, что дальше все будет хорошо. И отомстил беспощадной шуткой за недавние петербургские дни, за свои слезы и стыд.

— ...Это вы, я и адмирал. Он тащит меня в корпус, а вы не отдаете...

— Николая!

— А что? Разве не похоже?

— Совершенно не похоже, — сухо сказала она по-французски и сняла пенсне. — Даже не понимаю, мон шер, что за фантазия... И зачем ты опять вспоминаешь об этом?

«Чтобы не бояться вспоминать. И чтобы вообще не бояться». Но этого он не сказал, а отозвался беспечно:

— Да так... — И опять погладил осколок. Слово просил у него прощения. Потому что в самом деле на древнем рисунке было совсем не то. Была веселая сказка. Наверно, кентавр уговорит женщину отпустить сына с ним в широкую скифскую степь и превратит его на часок-другой в быстрого кентаврёнка. И тот делается похожим на мальчишку-всадника, который солнечным осенним днем скакал рядом с вагоном. Долго скакал. Словно хотел навсегда запомниться Коле. И запомнился...

«Ты никогда не станешь моряком...»

Это было в начале октября, вскоре после Покова. Суевливый поезд, свистя и дымя, спешил из Петербурга в Москву. В купе кроме Татьяны Фаддеевны и Коли ехала престарелая дама в старомодном салопе и ее прыщеватая племянница лет шестнадцати. Старуха (от которой пахло аптекой) постоянно дремала, укрывшись шотландским пледом. Племянница, сидя прямо, словно с привязанной к спине палкой, все время читала немецкую книгу с унылым готическим шрифтом и время от времени отрешенно взглядывала поверх нее. И мимо Коли. Это была скуотища.

Зато снаружи был праздник!

Коля торчал у окна в тесном коридорчике. За окном густо синело безоблачное небо, убежали назад мимо окна и плавно поворачивались у горизонта разноцветно-желтые леса. В них прятались лужайки со стогами, приземистые деревеньки и маленькие церкви с ярко-белыми колокольнями. Такая красотища... Ее чуть не испортила тетюшка. Она оказалась рядом и, конечно же, не упустила случая внести в эту красоту воспитательную струю. Принялась цитировать стихи «Железная дорога», что позапрошлой осенью были напечатаны в ее любимом журнале «Современник».

— Помнишь, Николая?

*Чудная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит...*

А за картиную прекрасной природы — народные страдания:

*В мире есть царь, этот царь беспощаден.
Голод — название ему...*

Коля все это знал и помнил. И про глупого генерала с сыном Ванечкой, и про подрядчиков-грабителей, и про народные страдания. Но сейчас было другое. Коля потерпел минуту-другую, а потом жалобно попросил:

— Тё-Таня, можно я просто так посмотрю, без этого...

— Без чего без этого?

— Ну... без словесности.

Она пожала плечом и ушла в купе. Коля ощутил царапанье совести, но за окном распахивалось сине-золотое чудо, и он отложил покаяние на потом.

Лес опять отступил от полотна, и открылась узкая луговина с густой, местами еще не увядшей травой. По траве скакали на лошадях деревенские мальчишки.

Впереди на ярком гнедом коньке мчался золотоволосый, как осень, мальчишка (наверно, Колин одногодок). Не было ни седла, ни сбруи, но мальчик сидел слитно с конем, прямо — будто не пастушонок, а кавалергард. Вытянул вперед босые ноги, одну руку положил на лошадиную холку, а другую вскинул в приветственном жесте. И опять же, не как сельский ребяенок, а будто римский император, объезжающий строй легионеров. Струилась рыжая грива, рвалась похожая на коротенький плащ синяя рубашка, отлетали назад мальчишкины длинные волосы и, казалось, были частью осенней листвы... И скакал он долго, далеко обогнав приятелей. Отставал медленно и все не опускал руку. А когда наконец заслонили мальчишка березы, Коля понял, что смотреть просто на лес и деревни уже не так интересно.

Он втиснулся в купе, сел рядом с тетушкой, которая невозмутимо (почти как девица с немецкой книжкой напротив) читала томик стихов графини Ростопчиной. Потерся плечом о ее саржевый рукав.

— Что скажете, мон ами? — осведомилась она, не отрываясь от чтения.

— Ну вот... Теперь я готов слушать Некрасова... или хоть кого...

Она вздохнула его темно-русые беспорядочные локоны. Сказала не как интеллигентная любительница словесности, а словно бабушка-нянька, что гуляли с малышами в сквере недалеко от их петербургской квартиры:

— Горюшко ты мое... — и сняла пенсне.

Он, видимо, и правда был ее горюшком.

В начале пятьдесят пятого года Татьяна Фад-

деевна Лазунова (урожденная Весли) собиралась ехать на войну. Не она одна. Многие из ее знакомых дам стремились туда же, в южный край, где высадили на наши берега несметную армию англичане, французы, турки и сардинцы.

В том, что ее место именно там, в осажденном городе, у молодой и энергичной Татьяны Фаддеевны не было ни малейших сомнений. Она всегда была человеком долга, как и полагалось настоящему образованному россиянину независимо от пола и возраста. Образцом для нее неколебимо служили жены декабристов. Правда, опального мужа у нее не было. И вообще, увы, не было никакого. Ее супруг, тридцатипятилетний чиновник почтового ведомства Андрей Константинович Лазунов, неожиданно скончался в пятьдесят третьем году от заворота кишок.

Татьяна Фаддеевна ни перед замужеством, ни после него не испытывала к мужу пылкой влюбленности, вышла за него скорее из ясного понимания, что надобно устраивать свою жизнь. Однако же ровная симпатия между супругами ощущалась, и кончину Андрея Константиновича восприняла Татьяна Фаддеевна с резкой горечью, тем более, что была на последнем месяце беременности. Из-за нервного сбоя роды получились тяжелыми, девочку спасти не удалось.

Началась вдовья жизнь (в двадцать-то один год!). Родителей уже не было в живых, крошечное именище ушло за долги, пенсии за мужа еле хватало. А поиски новых женихов представлялись Татьяне Фаддеевне делом недостойным, хотя при желании могла преуспеть: была она не красавица, но с известной долей обаяния.

Таким образом ничто в Петербурге молодую вдову не удерживало. А Крым звал к себе, тем более что там в первую же бомбардировку (в один день с адмиралом Корниловым) был убит ее брат, поручик Весли. И где же еще теперь быть ей, Татьяне!

Она прошла короткие курсы сестер милосердия, что были организованы попечением великих княжон. Можно было уже ехать, но хотелось еще дожидаться, когда разрешится от бремени Наденька фон Вестенбаум, младшая сестра покойного мужа, с которой Татьяна была очень дружна. Казалось, там все кончится благополучно, поскольку врачи не видели никаких причин для тревоги. Однако же, бедная Наденька роды не перенесла, скончалась от неожиданного кровотечения. Ее муж, военный врач Федор Карлович фон Вестенбаум, приехавший с балтийского театра военных действий, был в отчаянии. Однако война есть война, и он был необходим там, где стреляли и наносили раны. Уезжая, Федор Карлович умолял «нашу

единственную надежду, милую Танюшу» не оставлять малыша Коленьку. Ибо престарелая матушка Федора Карловича не имела сил взять на себя тяготы воспитания внука, а иных близких родственников и вообще не было.

А она разве близкая родственница? Ведь не родная же тетушка, не по крови. Однако понимание долга теперь вполне логично сместилось от южных баталий к беспомощному крошечному чаду. Оно, это чадо, нуждалось в попечении и защите не менее, чем пострадавшие в боях воины. Там, у воинов, было, в конце концов, немало заботливых целителей, у крохотного же Коленьки — никого, кроме нее. Господь и Надежда, которая теперь, без сомнения, наблюдала за земной жизнью из царства небесного, не простили бы Татьяне пренебрежения *таким* долгом.

Впрочем, помимо долга руководила молодой вдовой и теплая привязанность к сиротке. Наверно, это проснулись материнские инстинкты и не растратенная любовь к своему умершему ребенку. И Татьяна Фаддеевна растила мальчика как собственного сына. Только, верная памяти о Надежде, она не захотела, чтобы малыш называл ее мамой. Объяснила Коле, что мама его на небесах, а она — его самая родная (и такая же любящая, как мама) тетя Таня. С той поры и пошло — «Тё-Таня»...

Федор Карлович, вернувшись с войны, служил при морском госпитале и всячески опекал сына и его Тё-Таню. Нельзя сказать, что между ним и Татьяной Фаддеевной возникли сильные чувства, но была доброта и ласковость отношений и все шло тому, что дело закончится брачным союзом. Но злая судьба вмешалась и на этот раз. Делая операцию, Федор Карлович поранил скальпелем руку, в спешке не обработал как следует порез и умер от заражения крови. Случилось это осенью пятидесяти седьмого года, когда Коленьке не было еще и трех лет.

С той поры Татьяна Фаддеевна более не помышляла о личном счастье. Смыслом жизни стал Коленька.

Нет, она не тряслась над ним, как над хрустальной вазой, не баловала без меры, часто напоминала, что «ты — мальчик и должен вести себя как мальчик». Ставила в пример отца, который был «образцом офицерской чести и служебного долга». Много рассказывала об Иване Федоровиче Крузенштерне, коему Вестенбаумы приходились родственниками (правда, очень и очень дальними). Эти истории о знаменитом мореплавателе и его друзьях породили, конечно же, в мальчике мечты о парусах и заморских землях, увидеть ко-

торые (а может, и открыть новые) решил он, как только вырастет...

Впрочем, нравочениями тетушка донимала Колю не часто. Была сдержанно ласкова, а если и проявляла строгость, то в самых разумных пределах. Бывало, правда, в самые ранние годы, что награждала шлепком, но Коленька на это почти не реагировал, только удивлялся на миг. Он, кстати, и не давал поводов для сурового отношения. Рос послушным, никогда не проявлял лентяйства, рано полюбил чтение, с любопытством и охотой выпитывал все, чему учила Тё-Таня.

За сдержанно-ровным отношением тетушки Коля чуткой душой улавливал ее скрытую, но горячую любовь. Порой во время нравоучительной беседы начинал смеяться, обнимал ее и с размаху целовал в щеки.

— Тё-Таня, ты у меня самая-самая-самая!..

— Николя! Ну, право же, это чересчур! Не забывай, что ты мальчик и должен вести себя как мальчик...

— А я и веду себя, как мальчик, который любит свою тетушку!

— Ну, хватит, хватит...

По ночам она молилась, чтобы Господь и святой Угодник Николай укрепили характер мальчика, сделали более твердым и пригодным к самостоятельной жизни. Потому что придет время (а оно летит!), когда жизнь эта придвинется вплотную.

А пока жили вдвоем. На две небогатые пенсии — мужа Татьяны Фаддеевны и Колиного отца. Снимали три комнаты на втором этаже в двухэтажном обшарпанном флигеле домовладельца Касьянова на Васильевском острове. Тетушка учила Колю французскому (на котором сама изъяснялась безупречно), греческой мифологии, русской словесности и грамматике, а также начальным действиям арифметики.

Денег хватало не всегда. Татьяна Фаддеевна, вспомнив краткую школу сестер милосердия, продолжила медицинское образование на акушерских курсах. По мнению некоторых знакомых, дело это было не для «дамы из общества», но мадам Лазунова не обращала внимания на предрассудки. Впрочем, акушерской практикой мадам Лазунова занималась лишь время от времени.

В девять лет определила она мальчика в четырехклассную прогимназию господина Юнга. Заведение было так себе, маленькое, для детей небогатых чиновников и торговцев средней руки. Даже обязательной формы здесь не требовалось. Но все же прогимназия давала право поступить без экзаменов в пятый класс настоящей гимназии. К тому же, плата здесь была невысока и (что немаловажно)

но) располагалась школа г-на Юнга совсем недалеко от их квартиры.

Учился Коля без труда. С мальчишками сильно не дружил, но и ссорился не часто. В первом классе пришлось пару раз подраться, когда приставали (и даже заплакал разок), но в общем-то жизнь текла без больших огорчений. Наверно, потому, что в прогимназии не оказалось завзятых драчунов и задир-второгодников.

Летом иногда ездили в Петергоф или в Царское село, где жила тетина подруга Наталья Сергеевна Рикорд. У Натальи Сергеевны был муж, профессор математики, и двое детей — Миша и Оля, примерно Колиных лет.

Но чаще Коля играл с мальчишками на пустырях за усадьбою Касьянова. Среди них был самый близкий приятель, Юра Кавалеров, сын учителя истории все из той же прогимназии Юнга. Толстоватый и безобидный озорник и выдумщик...

Но больше всяких игр Коле нравились вечера у круглого стола, под большой висячей лампой с граненым стеклом. Здесь, вставши коленями на стул и упершись локтями в край столешницы, можно было часами читать о приключениях капитана Головнина в японском плену или сотый раз листать атлас, прилагаемый к старинной книге Глотова «Изъясненіе принадлежностей къ вооруженію корабля».

Видя такой интерес мальчика к флотским делам, Татьяна Фаддеевна вполне логично пришла к мыслям о морском корпусе. Втайне от Коли (чтобы заранее не обнадеживать ребенка — вдруг не получится!) предприняла она немалые усилия — сама и с помощью друзей Федора Карловича — чтобы исхлопотать возможность поступления. И удалось! Причем, с зачислением на казенный кошт! Поскольку сирота, сын заслуженного морского врача да, к тому же, дальний родственник знаменитого адмирала, который в прежние годы сам немало руководил корпусом.

Разумеется, Коля возликовал. Правда, под сердцем ёкнуло, однако дальние морские горизонты засинели так заманчиво, что страх спрятался на самом доньшке души.

И сперва действительно похоже было на праздник. Свет высоких окон, за которыми Нева и рангоут учебного корабля у гранитного причала. Паркетная роза ветров в широком вестибюле. Громадный, почти настоящий фрегат в просторнейшем зале (про зал этот сразу пошел среди новичков слух, что он подвешен внутри здания на цепях и можно при случае ощутить качку; Коля, кажется и вправду ощутил). А еще — черный со сверкающими пуговицами и белыми погонами мундирчик, выданный в кастелянской красноносый, с седыми

бакенбардами унтером — старым и добродушно ворчащим. Мундирчик этот (по правде говоря, слегка потертый), наделся на Колю очень ладно, буд-то сшитый по заказу. Не то, что у некоторых других новичков...

Затем построение, блестящие трубы оркестра, строгие, но с благожелательными нотками в голосе офицеры (один даже сказал не «господа кадеты», а «голубчики»). И радостное желание повиноваться во всем этим просоленным морскими ветрами капитанам всех рангов. Ибо каждая их команда, конечно же, приближает неопытного мальчика к овладению флотскими премудростями и гордому званию моряка...

А потом пришел вечер, пришло *то самое*, чего он боялся и ждал заранее.

В гулком обширнейшем дортуаре, где в несколько рядов стояли четыре десятка плоских железных кроватей, стали готовиться ко сну. Был веселый шум, баловство, маханье подушками, езда друг на друге, споры, где чье место. А за всем этим — вот она, тоска! Память о родном доме, о Тё-Тане, о граненом стекле доброй старой лампы...

Ну что же, Коля *знал*, что так будет. И Тё-Таня честно предупредила про такое. Это придется преодолеть. По-мужски. Ну... может быть, случится даже поплакать в подушку, никуда не денешься... Лишь бы дотерпеть, когда все лягут, чтобы с головой под одеяло! А то комок в горле растёт и твердеет...

Явился командир младшей роты капитан-лейтенант Безбородько, несердито цыкнул: «Ну-ка все в постель, а то...» Вахтенный унтер дядька Филимон спустил длинным шестом и погасил все три лампы. Осталась лишь лампада у большого образа Николая Чудотворца. И тогда, укрывшись с головой, Коля дал волю слезам. Пожалуй больше, чем следует будущему кругосветному мореплавателю. Ну да ничего. От других кроватей тоже слышались тихие всхлипы.

В этих слезах была даже капелька сладости. Утешение. Ведь дом-то — он не так уж и далеко, всего в нескольких кварталах. И Тё-Таня там, конечно, сейчас думает о нем, о Коленьке. И, наверно, молится, чтобы Господь уменьшил его ночную печаль... А завтра все будет хорошо. А еще через три дня, в субботу вечером, он пойдет домой, в свой первый кадетский отпуск, в новенькой морской фуражке и парадном мундире с сияющими позументами. Вот уж Юрочка Кавалеров отвесит губу!..

Назавтра все было не так, как мечталось.

Ну, подъем под сигнал сиплого рожка, торопливое ополаскивание лица в тесной умывалке,

построение и короткая молитва, чай с суховатой булкой, первый урок, на коем грузный и бородастый капитан первого ранга с неразборчивой фамилией говорил о славном прошлом корпуса и не менее славных правилах морской дисциплины — все это было ничуть не огорчительно и даже любопытно (хотя в горле все еще сидели колючие льдинки — остатки вчерашнего большого комка).

Затем, после удара корабельного колокола, наступила долгая перемена.

Все шумно выкатились в коридор и здесь, в бесконечно длинном пространстве, новички смешались с более старшими кадетами. Коля не успел оглянуться, как его оттеснили к стене трое мальчиков лет тринадцати. Самый высокий, с зализанной на пробор белобрысой прической, проговорил с этакой гвардейской небрежностью:

— Так-с, молодой человек. Судя по всему, вы новичок?

— Да...

— Следует говорить: «Да, господин кадет второго класса». И почему вы не становитесь во фрунт, когда с вами говорит старший? Ну-с?

Коля на всякий случай стал прямо. И мигал.

— Извольте же отвечать! — тонко возвысил голос белобрысый.

— Что... отвечать?

— Следует говорить: «Что отвечать, господин кадет второго класса».

Коля придавил в себе колючки самолюбия:

— Но я не знаю, о чем вы... господин кадет второго класса?

Может быть, здесь в самом деле так полагаются?

— Я вот об этом! Почему у вас пуговицы разные? — Второклассник вытянул палец к Колиной груди. Тому бы сообразить: шуточка-то известная! Но он растерянно сказал «где» и нагнул голову. Твердые костяшки пальцев с ужаснейшей болью защемили его нос!

— Вот где! Ты гляди, гляди, гляди — позади и впереди!

— А-а-а! Пусти, дурак! — Получилось «дуг'ак».

— Кто «дуг'ак»? Я «дуг'ак»? Это невысказанное нарушение суб-бор-ди-нации! Рахтанов, сколько сверлилок положено за такое дело?

— Полагаю, полдюжины, — лениво отозвался чернявый кадет с длинным скучным лицом. — На первый раз...

— Согласен. Бодницкий, займитесь...

Нос отпустили. Но белобрысый и чернявый с ловкостью умелых людей прижали Колины локти к стене, а их приятель — невысокий, с круглой, коротко стриженной головой (видимо, Бодницкий)

— вдруг ухватил Колю за локоны, потянул вниз и согнутым пальцем пребольно ковырнул макушку. И еще, еще!..

Коля взвизгнул, неумело лягнул Бодницкого, но тот спешно довел дело до конца. Белобрысый второклассник назидательно сказал:

— Вот так. А в дополнение к вышеозначенному сегодня в обед передадите на мой стол свои полкранца. Я — Нельский, меня все знают...

Капли катились по Колиным щекам. Он непонимающе махнул сырыми ресницами.

— Полкранца значит полбулки, сухопутная деточка, — снисходительно разъяснил чернявый Рахтанов.

Несмотря на слезы, Коля не утратил сил к негодованию:

— Да?! А может, целую?!

— Сразу видно, что новичок, — с удовольствием заметил «сверлильщик» Бодницкий. — Целую к обеду не дают.

После чего все трое разом оставили свою жертву и спешно пошли по коридору.

Коля задохнулся. От обиды, от прихлынувшей боли, от... непонимания! Да, это было хуже, чем боль!.. В прогимназии, где успел он закончить два класса, случалось всякое. Но чтобы с таким вот хладнокровием и презрением, как к букашке... На того, кто слабее... Втроем на одного!

— Нельский, стойте! — он торопливо догнал обидчиков. — Стойте же! Объясните... Да, объясните! Отчего вы так... ко мне... Я же не сделал вам ничего худого...

Нельский изобразил на лице ленивое изумление:

— А мы что худого сделали?

— Это же подло! Трое на одного! Так не дерутся... даже пьяные матросы!

Чернявый Рахтанов трубочкой вытянул губы:

— У-у... А разве была драка? Тебя учили... Раньше, когда здесь драли за дурное поведение, ты тоже закричал бы «трое на одного»? Там ведь как было! Двое держат, а командир роты помахивает: ж-жик, ж-жик... Не пробовал такого?

— Вы мерзкие негодяи, — выдохнул Коля, готовый к немедленной смертельной битве. Но Нельский покривился и сказал с зевком:

— Пшел прочь...

А Бодницкий облизнулся и хихикнул:

— Да не забудь про полкранца.

И они, слегка вихляясь, опять двинулись по коридору. А Коля прижался лбом к стене и сдавленно зарыдал. От безысходности и одиночества. Потому что ведь всё это видели и слышали многие и не вступились. В том числе и те, кто был из его роты. Те, в ком надеялся он вскоре обрести

добрых товарищей... Кто знает, может, и обрел бы со временем. Ведь кто-то уже стоял рядом и сочувственно трогал за плечо. Но... как многое зависит от случайностей. Послышались мерные шаги, и взрослый бесстрастный голос спросил:

— Что произошло?

Коля в ответ захлебнулся рыданием. Прочнее прижался к стене.

— Я повторяю вопрос: что произошло?

— Его обидели... — пискнул совсем младенческий голосок.

— Я спрашиваю не вас, а того, кто плачет. Повернитесь же!

Коле повернулся. И, вздрагивая, на миг поднял мокрое лицо. Он разглядел тощего офицера с эполетами капитан-лейтенанта, висячим носом и похожими на шерстяные шарики бакенбардами. Глаза офицера были бледные и нелюбопытные.

— Так что же? Вас обидели?

— Да... — всхлипом вырвалось у Коли.

— Каким образом? И кто?

Коля был не совсем уж домашнее дитя. Кое-что знал и понимал. Даже в прогимназии презирали ябед. А в корпусе их, по слухам, просто сжиwali со света.

— Но господин капитан-лейтенант... — рыдания опять сотрясло его. — Я же не могу... быть фискалом...

Похожая на скомканную бумажку улыбка мелькнула на длинном лице. И опять оно стало невозмутимым.

— Прежде всего станьте как подобает, когда говорите с офицером. Смотреть прямо, руки по швам!

Коля дернулся, уронил руки и опять вскинул голову.

— Вот так... Далее запомните. Следует говорить «ваше высокоблагородие», а не «господин капитан-лейтенант». Вы еще не гардемарин, чтобы так обращаться к штаб-офицеру.

— Простите... ваше высокоблагородие...

— Не простите, а «виноват»... Ваше нежелание выдавать товарищей достойно понимания, однако же в этом случае не следует лить слезы, как девица. Стыдно! Ступайте в умывалку и приведите себя в порядок... Вам понятно?

— Да... То есть так точно, ваше высокоблагородие... — И вдруг вырвалось с тоскливым негодованием: — Нет, не понятно!

Офицер слегка нагнулся над Колей.

— Что именно вам не понятно?

— Почему виноваты другие, а кричите вы на меня? Разве это справедливо?

— Ого! — брезгливая улыбка мелькнула опять. — Я вижу, вы, несмотря на слезы, не утерали штат-

ской привычки к дерзким рассуждениям. Благодарите судьбу, что сейчас иные времена. Раньше вас немедля отвели бы в экзекуторскую и всыпали дюжину горячих. А сейчас я ограничусь докладом вашему командиру роты, который, я надеюсь, рассматривает вопрос о лишении вас ближнего отпуска... — И капитан-лейтенант пошел по коридору, меля паркет длинными ногами...

Коля, ослабев от ужаса, побрел в умывалку. Потому что не было ничего страшнее, чем лишиться возможности в воскресенье побывать дома.

Все остальное время он был как в полусне, что-то машинально писал на уроках, автоматически двигался в строю, когда маршировали в большой зал на обед... Нельский и дружки не напомнили ему про «полкранца», но это не принесло облегчения. Командир роты Михаил Михайлович Безбородько тоже не сказал ни слова об утреннем случае в коридоре, но в его молчании чудилась угроза. Ведь о лишении отпуска он мог объявить лишь вечером в субботу...

И все время до этого вечера было наполнено тоскливым томлением, пыткой-неизвестностью, ожиданием несчастья. Иногда случались проблески надежды: «Да ну, вздор, просто попугали, вот и все! Не станут лишать первого в жизни отпуска!» Однако вскоре надежда гасла и тягучий страх опять становился главным чувством. Коля погружался в него как в вязкий кисель, в котором трудно двигаться.

И как он только выдержал эти двое с половиной суток!

В субботу после обеда тоска сделалась нестерпимой и колючий ком уже совсем забивал дыхание, вот-вот рванется слезами! К счастью, Колю выкликнули в числе первых, за кем приехали, чтобы отвезти домой. И сразу все страхи показались пустяками! И мундир опять стал блестящим! А завтрашнее воскресенье представилось сплошным праздником.

И был праздник! Рассказы о первых уроках, о замечательных классах с моделями кораблей, о строгих но справедливых порядках. Были визиты ахавших от восторга (настоящий адмирал!) тетушкиных знакомых, умиление «приходящей» кухарки Полины, торжественное чаепитие, изумление Юрки Кавалерова и других знакомых мальчишек (уже как бы отодвинутых от юного моряка на небольшое расстояние). И был ласковый вечер с лампой и листанием любимых книжек. И... была уже тайная горечь от предчувствия неизбежного нового расставания.

А утром Коля расплакался, едва встал с кровати. И плакал безутешно. Татьяна Фаддеевна слишком хорошо знала мальчика, чтобы почув-

ствовать: это не просто печаль разлуки. Начались расспросы, и открылось, что в ощущениях Коленки нет и капли того мажора, который он демонстрировал накануне. И что в корпусе все не так, все *наоборот*.

— Но отчего же ты не сказал всего этого вчера?

— Я *крепился*...

Разумеется, она сумела уговорить его крепиться и дальше. В скором времени придет привычка, найдутся друзья, новый образ жизни покажется естественным и даже приятным.

— Ведь впереди, мой мальчик, у тебя океаны...

Он всхлипывал и отворачивался.

Сердце тетушки надрывно болело, но что делать? Женщины не должны воспитывать мальчиков до взрослости, надобно думать о будущем. А могло ли быть более блестящее будущее, чем у морского офицера? К тому же, за казенный счет...

Короче говоря, умытый и сдавшийся на уговоры Коля утром в понедельник был отвезен на извозчике в корпус. И пошла новая неделя.

На этих днях не случилось ни заметных обид от мальчишек, ни придинок от начальства. Капитан-лейтенант с бакенбардами-шариками оказался совсем не злым преподавателем азов морского дела. О стычке в коридоре он Коле не напоминал и даже похвалил новичка за открывшееся в нем знание рангоута и такелажа (вот она польза от атласа Глотова!). Однако же облегчение не приходило.

По неписаному правилу плакать по ночам новичкам позволялось не более трех первых суток. Далее виновный мог быть объявлен маменькиным сыночком, слабачком и «мамзелем». И Коля не плакал. Не из-за страха перед прозвищами, а из последних остатков гордости. Но зажатые слезы лишь сильнее делали неизбежную тоску.

Что поделаешь, если он такой уродился!..

Тоска не исчезала, а лишь каменела от того, что на глазах у одноклассников и взрослых приходилось вести себя подобно всем остальным (даже улыбаться иногда!). А по ночам рождались отчаянные планы. О том, как надерзить кому-нибудь из командиров, чтобы с треском выгнали из корпуса. Или... похитить из кастильской еще не возвращенное домой цивильное платье, занять у мальчишек под честное слово несколько рублей и пробраться на иностранный корабль, уплывающий к американским берегам...

Да, он *крепился* в корпусе, но перед тетушкой крепиться уже не стал. В следующий субботний вечер вылил на нее все свое отчаяние.

Они были вдвоем, кухарка Полина уже ушла. Разговор получился ожесточенный, со слезами и

резкими словами с двух сторон. Тетушка говорила по-французски. О том, что он, Коля, такой же, как все остальные мальчишки, и не имеет права проявлять постыдную мягкотелость. Другие же терпят и привыкают!

— Ну и пусть! А я не могу!

— Надо уметь подчиняться обстоятельствам это свое «не хочу»!

— Я не сказал «не хочу»! Я *не могу*!

— А что вы, сударь, можете? Жить под тетушкиной юбкой до женитьбы?

— Не надо мне никакой женитьбы!

— Тогда до старости?

— Ну и... да. Кто-то же должен будет кормить вас на старости лет!

— Вы... нахал. И дерзкий мальчишка. Ступай спать... — Видимо, она сочла, что утро вечера мудренее.

Следующий день был мучением. С утра — тяжкое молчание, затем (вот попытка-то!) опять визиты знакомых, при которых надо притворяться счастливым избранником судьбы. А вечером — снова разговор о том же:

— Давай рассуждать спокойно и разумно. Я понимаю, что привязанность к родному дому — благородное и сильное чувство, которое достойно того, чтобы...

Нет, она все же не понимала. Дело было уже не в привязанности к родным стенам, граненой лампе, привычным книгам и к ней, Тё-Тане. Вернее, не только в нем. Дело было в *безысходности*. Страх, который возник от первой угрозы лишения отпуска, стал частью Колиного мироощущения. В корпусе была *несвобода*. Там он несколько не принадлежал себе, им полностью распоряжалась чужая воля. Она не всегда была злая, порой даже наоборот, но не своя... И мысль, что придется несколько лет пребывать в ежедневном подчинении этой равнодушной воле, была страшнее смерти...

Тетушка вдруг посмотрела внимательно и сказала со вздохом:

— Ладно, ложись. Может быть, ночью... к тебе придет спокойствие.

И оно пришло. Потому что проснулся Коля с четким пониманием: *туда* он больше не пойдет. Так и сказал Тё-Тане. А еще сказал, что чувствует себя дурно и не может встать.

— Мальчик мой, но... так вопросы не решаются. Извини, но это каприз...

— Нет...

— Что «нет»?

— Всё нет!

— Значит... ты никогда не станешь моряком. Так?

— Так. Нет... не знаю. Может, и стану. Для этого не обязательно учиться в корпусе.

— К сожалению, обязательно... А иначе кем же ты собираешься стать?

— Хоть кем... Закончу гимназию и медицинский факультет. Буду доктором, как папа...

— Папа был еще и офицером. И очень огорчился бы, узнав о твоём поведении... Я умоляю тебя: встань и поедем...

— Хорошо... — он откинул одеяло и поднялся с постели. Увидел себя в мутноватом высоком зеркале: с похудевшим серым лицом, растрепанными локонами, в длинной, как саван, рубашке. И сказал опять:

— Хорошо. Едем, раз вы велите. Однако знайте, что очень скоро я там умру.

Он полностью верил сейчас, что так и будет. И даже улыбнулся с облегчением. Потом поплыло в глазах...

Полину отправили в корпус к вахтенному командиру — с письмом о неожиданном недуге воспитанника. И — за доктором.

Знакомый доктор Иван Оттович Винтер нашел у мальчика повышенную нервозность и слабость, кои вызваны были, очевидно, излишним обилием неожиданных впечатлений и резкой сменой образа жизни. Сказал, что вскоре все пройдет, и прописал капли.

Принесенные из аптеки капли Коля послушно пил в течение дня. К вечеру тошнота прошла, голова перестала кружиться, осталась лишь легкая слабость. Она не мешала, однако, ощущению прочного покоя. А покой этот в свою очередь был вызван окаменевшей Колиной решимостью: пусть он умрет, но в корпус больше не вернется.

Так было и утром. На холодный вопрос тетушки, что он собирается делать, Коля сказал, глядя в потолок:

— Ничего.

Татьяна Фаддеевна слишком хорошо знала племянника. Гнуть мальчика можно лишь до известного предела, дальше — ломаешь. Она поджала губы... и поехала в корпус одна.

Ее принял сам контр-адмирал Воин Андреевич Римский-Корсаков. Он был крайне вежлив, но сух. Ибо ходатайство вдовы Лазуновой о своем воспитаннике, конечно же, показалось директору корпуса не более чем следствием переживаний чувствительного женского характера. И он сказал вначале все, что она ожидала. О мальчиках, которые не сразу вживаются в непростой корпусной быт; о привычке, которая вырабатывается со временем; о необходимости мужского воспитания...

— Ваше превосходительство... Я все это говорила Николаю многократно. Со всей доступной

мне убедительностью. Он не из тех упрямец, которые не желают слушать разумных убеждений и отметаю всякую логику... Однако же здесь нечто такое... Видимо, это одна из тех натур, которая делает его непохожим на большинство мальчиков...

«Видимо, вы никогда не пороли эту натуру», — прочиталось на лице адмирала. Но сказал он иное:

— В наше время смягчения нравов мы прилагаем все усилия, чтобы в корпусе дети видели свой второй дом. Наставники подбираются с особым тщанием. Розги отменены. Воспитанию нравственности отдается немало сил...

— Я знаю, ваше превосходительство...

— И тем не менее вы настаиваете... Но вы же понимаете, сударыня, что ответственные за будущее мальчика. Взявши его из корпуса, вы многое в этом будущем зачеркиваете...

— Я понимаю и это... — Голос госпожи Лазуновой стал тверже. Ибо в ответ на правильные слова адмирала в ней укрепилось свое, обратное этим рассуждением решение. Она сейчас как бы ощутила себя мальчиком Колей. Ощутила тоску и отчаяние, которые испытал бы он, если бы его все же уговорили и повезли снова в корпус. — Я всё понимаю, ваше превосходительство. И тем не менее... Поверьте, мое решение не дамский каприз и не результат душевной слабости. Все гораздо серьезнее...

Римский-Корсаков поднялся из-за стола. Пожал плечами, отчего приподнялись и опали его густые эполеты.

— Воля ваша... Татьяна Фаддеевна. Конечно, вы хорошо знаете мальчика, и, возможно, у него действительно... скажем так... нет никаких склонностей к морской службе. Не смею настаивать далее, чтобы не взять грех на душу. Позвольте, однако, напоследок дать вам совет...

— Я выслушаю его с благодарностью... Воин Андреевич.

— Исключать Николая фон Вестенбаума из кадет приказом за нежелание быть в корпусе, конечно же, не следует. В конце концов это может стать известным и нежелательно сказаться в будущем. Я полагаю, у вас есть какие-то знакомства с друзьями его отца, Федора Карловича...

— И что же?

— Я говорю о друзьях-медиках. Надеюсь, они не откажут вам подписать бумагу, что мальчик не может находиться в нашем учебном заведении по открывшемуся нездоровью.

— Но... позволительно ли хлопотать о том, что не соответствует истине?

— Это формальность. Она позволит сохранить приличия и оградит вас от необходимости непри-

ятных объяснений при возвращении Николая в прежнюю школу...

Знакомые, конечно, были. Один из главных врачей морского госпиталя Дмитрий Сергеевич Валахов тщательно осмотрел раздетого, бледно-синего от волнения Колю, затем о чем-то долго (видимо для придания серьезности всему происходящему) говорил со своим помощником Николаем Федоровичем (Колиным тезкой!). Тот в свою очередь тоже осмотрел мальчика. Затем они вручили Татьяне Федоровне (которую пригласили из соседней комнаты) бумагу. В ней было написано, что сыну военного врача Федора Карловича Вестенбаума Николаю обучение в военном заведении решительно противопоказано по причине слабости легких.

— Благодарю вас, Дмитрий Сергеевич... — видно было, что тетушке очень неловко.

— Не стоит благодарности, Татьяна Фаддеевна... Кстати, я чувствую себя преступником, что столь долгое время не навещал вас. Не будет ли мне позволено...

— Дмитрий Сергеевич! В любой вечер! Хотя сегодня же!

— Через несколько дней, если позволите. Когда вы уладите дела в корпусе...

Он и в самом деле явился с визитом на следующей неделе. Колина кадетская форма была уже возвращена в кастелянскую, и он, повеселевший, хотя и смущенный, встретил доктора в привычной своей штатской курточке. Тот потрепал «пациента» по щеке. Затем глазами показал Татьяне Фаддеевне, что хотел бы остаться с ней наедине. Та под удобным предлогом отослала Колю из гостиной.

— Дмитрий Сергеевич, вы видите, он ожил. Я еще раз хочу поблагодарить вас...

— Голубушка Татьяна Фаддеевна, подождите. Увы, благодарить не за что. Поскольку все написанное в медицинском заключении — правда...

— Господи... — Она села, уронив руки.

— Ну, не впадайте в отчаяние. Это не та стадия, когда надо думать об ужасном. Однако же должен сказать, что уделяя немало внимания, так сказать, нравственной стороне воспитания, вы, видимо, не всегда помнили о необходимости наблюдать за здоровьем мальчика...

— Но он никогда не жаловался!

— К сожалению, бывает, что *это* подкрадывается незаметно. И можно почитать за счастливую удачу тот случай, который привел вас и Колю ко мне. Поскольку неизвестно, когда еще разобьется бы с его состоянием корпусной врач...

— Что же делать? Голубчик Дмитрий Сергеевич...

— Скажу прямо: здешний сырой климат не для мальчика. Весьма благотворной была бы длительная поездка в южные области, на теплое побережье. А еще кардинальнее — постоянное там проживание. Например, Ялта...

Южный край

Надо знать Татьяну Фаддеевну Лазунову! Особенно в решительные моменты жизни... Под ахання и причитания знакомых дам, которые дружно считали «самоубийственной идеей» так отчаянно срываться с места и мчаться в неведомые края, неизвестно к кому, да еще в осеннюю распутицу, тетушка все решила за неделю. Расплатилась за квартиру, раздарила множество книг подругам, поручила им распродать оставшееся имущество, упаковала чемоданы и купила билеты на поезд.

Коля, не чувствовавший в легких никакой слабости и не очень-то поверивший в свою болезнь, воспринял свалившиеся события, как подарок судьбы. Как радостное обещание удивительного путешествия и многих приключений. Ура!.. Он помогал тетушке в сборах и уверял ее, что «здоров, как целое войско спартанцев» и что во время всего пути до Крыма он «даже вот ни настолечко» не вздумает занедужить.

Надо сказать, он сдержал слово. Ни в поезде до Москвы, а потом до Курска, ни в долгом путешествии на лошадях по южной России (целая неделя в тряском экипаже с ночевками на почтовых станциях) он не пожаловался ни на какую хворь. Наоборот, порозовел, глядел на все блестящими любопытными глазами и не показывал ни малейшего утомления. Это можно было бы приписать радостному возбуждению дороги, но не столь же долгое время!.. Татьяна Фаддеевна робко радовалась и, бывало, крестилась на колокольни тянувшихся вдоль шляха сел и станиц, хотя вообще-то не привыкла показывать излишнюю религиозность...

В маленькой зеленой Балте, куда лишь в прошлом году протянули от Одессы рельсовый путь, снова сели на поезд. А в Одессе прожили три дня, отдыхая от долгой дороги и радуясь укладу большого города. Погода во время всего пути стояла теплая, порой похожая на август. А здесь, у моря, было совсем лето. Правда желтели уже каштаны и шуршала сухими листьями акация, но цвели на бульваре розы, крепко нагревало камни солнца, а южное море было удивительно синим и спокойным, совсем не похожим на серую Балтику.

Таким оно, море, было и в то утро, когда сели на пароход РОПИТА «Андрей Первозванный».

Пароход был небольшой, но красивый, блес-

тящий белой краской. С чуть склоненными назад мачтами, с длинным (как на паруснике!) бушпритом и плавно выгнутым форштевнем. Коля с новой радостной дрожью ощутил себя искателем приключений и кругосветным путешественником. Одно огорчало — уж слишком благостная стояла погода. Зато Коля впервые увидел открытое море во всех сторонах горизонта — ничего, кроме воды!

А к вечеру похолодало, и солнце село в длинное серое облако. Что это за примета, известно всякому, кто читал морские книжки. И примета не обманула! Часа через два сгустившаяся тьма загудела, в мачтах засвистело (так, по крайней мере, чудилось Коле), в стекла иллюминатора ударили брызги. Пароход качнуло раз, другой. Он пошел носом куда-то вниз, потом вверх, потом опять вниз.

— Это шторм! Я пойду посмотрю! — Коля кинулся к двери каюты.

— Не смей! Не вздумай соваться наружу!

— Но это же шторм!

— Вот именно!.. О-о...

Даже в тусклом свете масляной лампы было видно, какой бледной сделалась тетушка. На лбу ее блестели капли. Согнутым мизинцем она держала стоячий воротничок платья.

— Тё-Таня, у вас морская болезнь! — радостно догадался Коля. — Не бойтесь, это не опасно! Вы привыкнете!

Морская болезнь — это ведь тоже признак штормовых приключений. Конечно, если она не у тебя, а у других. Сам Коля не чувствовал никаких признаков укачивания, хотя двухместная каютка уже болталась в пространстве, как картонная коробочка на шнурке, которой играет расшалившийся кот.

— О-о, я не думала, что это такая мука... — слабо стенала Татьяна Фаддеевна, привалившись к пыльной спинке плюшевого диванчика. — А ты... ты неужели ничего не чувствуешь?

— Качает! Но ведь так и полагается, если буря!

Не ощущая страданий, Коля (увы!) не мог проникнуться во всей мере и болезненным состоянием тетушки. Он поймал поехавший по скользкому полу баул, выхватил из него лимон.

— Тё-Таня, вот! Жуйте прямо с кожурой. Говорят, это очень помогает при качке.

Татьяна Фаддеевна, которой раньше и в голову не приходило есть немый и неочищенный фрукт, впилась в лимон зубами.

— М-м... О-о...

— Вам легче, да?.. Ну, можно мне на минутку на палубу? А то шторм закончится, а я и не увижу!

— Сядь! Не хватало еще, чтобы тебя смыло!

— Я вцеплюсь в поручни!

— Я тебе вцеплюсь... Не суйся за дверь! Ты хочешь моей смерти?

Уж этого-то Коля (конечно же!) не хотел! Осознавши наконец серьезность ситуации, он схватил тетушкин веер и начал обмахивать ее, работая, как ветряная мельница.

— Благодарю... Ох... Конечно, это мне за грехи... но что будет с тобой, если я здесь умру?...

— Да нет же, Тё-Таня, от качки никто не умирает, я читал!.. А еще читал, как от нее спастись! Зажмите нос и надуйте щеки изо всех сил, так, чтобы воздух пошел из ушей! Сразу полегчает!

В другое время Татьяна Фаддеевна сочла бы такой совет «неприличным фантазерством». А сейчас, не видя иного спасения, поступила по Колиной инструкции. Неизвестно, пошел ли из ушей воздух, но на короткое время стало тетушке полегче. Или просто в ней возобладало чувство долга. Проглотив кусок лимона и водрузив пенсне, она велела Коле снять сапожки и курточку, укрыться пледом на диванчике и «до утра не предпринимать никаких самостоятельных шагов».

— Может быть, к утру этот ужас кончится..

«Хоть бы не кончился! А то ведь и не увижу...»

Расходившееся море убаюкало мальчишку, как веселая нянька. Коле снилось, что он на палубе, над головой гудит тугая парусина косо развернутых для крутого бейдевинда марселей и брамселей, а в лицо летит соленая пена. Иногда сквозь сон слышал он звуки, похожие не то на утробное рычание пантеры, не то на сдавленные рыдания мучеников в аду (это или снова страдала тетушка, или рокотала снаружи штормовая погода), но очнуться полностью не мог. Проснулся лишь утром, когда за круглым стеклом летел зеленовато-серый сырой воздух.

Лампа моталась у потолка, будто одуревший маятник, и не горела: видно, погасла от качки. У тетушкиной койки валялись на полу влажные полотенца (Коля поморщился). Но зато тетушка спала. Лицо ее было похуdevшим и светло-серым, но спокойным. И дышала она, кажется, ровно.

Коля решил, что грешно упускать момент. Танцую на уходящем из-под ног полу (то есть на палубе!), натянул он сапожки, сунул руки в суконные рукава, отпер дверь и при новом качании захлопнул ее за собой. В узком коридоре было полутемно и пахло кислым. Коля, толкаясь ладонями то об одну, то о другую стенку, добрался до крутой лесенки (именуемой, конечно, трапом). Дождался перерыва между двумя размахами волн и стремительно взбежал наверх.

Он оказался на узкой палубе, протянутой вдоль каютных окон. Над медным решетчатым ограждением взлетел гребень, ударил по щекам шипучей солью. Коля тихо взвизгнул. Вцепился в мокрый поручень, вытянул шею навстречу ветру. Море

было сизо-зеленым с длинными изгибами пены. Вдыбленное, мчащееся куда-то. И небо мчалось. Серое, но вовсе не унылое. В этой серости была простота! В ней мешались пепельные, серебристо-дымчатые и почти черные, угольные клочья и мохнатые облачные туши. Ворочались, клубились, летели. Сквозь них иногда проскакивала желтизна...

Однако отсюда видна была лишь половина моря. И Коля метнулся по новому трапу, выше! Он очутился на самой верхней палубе, неподалеку от гудящей фок-мачты. Швыряла в низкие тучи свой черный дым громадная желтая труба с эмблемой РОПИТа. Но Коля глянул на нее лишь мельком. Он встал на пустой палубе, навалившись грудью на трубчатый релинг и смотрел только на море. Оно победно ревело со всех сторон, и ветер ревел. Он старался оттащить мальчишку от поручней, но тот держался и весело мотал головой. Волосы отлетали назад. Они были в брызгах, потому что брызги эти густо летели навстречу даже здесь, наверху. Одежда пропиталась сыростью — как и положено при морских передрягах. Коля восторженно наблюдал, как длинный желтый бушприт с белым коком то устремляется в подножие встречной шипучей волны, то чуть ли не втыкается на взлете в крутящиеся облака. И холодно вовсе не было! А влажные запахи моря просто распирала легкие!..

— Откуда вы здесь взялись, молодой человек?

Голос был густой и громкий, подстать морю. Это возник рядом человек в наглухо застегнутом плаще — блестящем, как жидкая смола. В остром капюшоне. Лицо под капюшоном показалось симпатичным — вроде как у Николая Федоровича, помощника доктора Валахова. И Коля ответил бесстрашно:

— Я из каюты номер четыре, господин капитан.

— Не лучше ли вам было остаться в этой каюте? Погода не для прогулок.

— Нет, что вы! Ничуть не лучше! Я хочу посмотреть! Я такого еще не видел!

— Вот как! И вас не пугает возможность быть сдутым за борт?

— Я держусь изо всех сил!

— И не страшно?

— Нет!.. А это настоящий шторм?

— Вполне... Хотя и не из самых сильных...

Взгляните левее, видите высокий берег? Это мыс Тарханкут. Здесь часто бывают такие переделки, особенно осенью... А вы первый раз в море?

— Я плавал по Финскому заливу до Петергофа, но в такую погоду не попадал. Ни разу так не повезло, господин капитан...

— Мне кажется, в вас есть морская косточка... Только я не капитан, а вахтенный штурман. Василий Васильевич Хлебников. А вас как зовут, сударь?

Цепляясь за релинг, Коля все же постарался сдвинуть каблуки:

— Николай фон Вестенбаум, господин штурман.

— О!.. И что же, фон Вестенбаум, вы путешествуете один?

Коля уже готов был объяснить, что путешествует со своей замечательной тетушкой, у которой лишь один недостаток — приверженность морской болезни. Однако Татьяна Фаддеевна появилась здесь сама. Видимо страх за племянника оказался сильнее всех страданий, и она одолела их в отчаянных поисках мальчишки на взбесившемся от шторма пароходе. На лице ее читалась мука, в движениях — слабость, и все же главным было сдержанное негодование.

— Николая! Это... выходит за пределы всяких приличий! Как ты смел? Я запретила уходить из каюты!

— Но только до утра! А уже утро!

— Несносный мальчишка... Ай!

— Держитесь, Тё-Таня!.. Василий Васильевич, это моя тетя Татьяна Фаддеевна!.. Тё-Таня, это вахтенный штурман Василий Васильевич Хлебников!

Штурман Хлебников поднес два пальца к капюшону. Тетушка, вцепившись в трубку поручня, сделала судорожный кивок. Юбка ее трепетала, как знамя.

— Весьма приятно, сударь... Простите этого негодника... Николая, марш вниз!

— Но тетя, — лукаво сказал Коля. — Здесь капитанский мостик. На нем командуют не дамы, а морские офицеры.

— Я тебе покажу... даму... Господин штурман, велите этому негоднику спуститься в каюту. Он промок, и у него слабые легкие.

— В самом деле, Коля. Вы уже довольно полюбовались стихией... — затем штурман нагнулся к нему. — Надо снисходить к женским слабостям...

— Да. Я сейчас... Только скажите, а скоро уже Ялта?

— Еще весьма не скоро. Погода задерживает нас. К тому же мы, увы, сделали промашку, не загрузили полностью бункера, случилась нехватка угля...

— А паруса в помощь машине поставить нельзя? Рангоут, кажется, позволяет... — Коля с видом знатока глянул на фок-мачту с двумя длинными реями.

— Иногда мы так и делаем, но сейчас-то ветер встречный...

— Ах да! — Коля смутился из-за своей промашки, но тут же с тайной надеждой задал новый вопрос:

— Значит, нас может выбросить на берег?

— Ни в коем случае! — Хлебников глянул на Татьяну Фаддеевну. — Однако может случиться, что угля не хватит до Ялты и придется заходить в Севастополь...

— Но это же замечательно! — возликовал Коля.

— Для кого как...

— Николя! Ты испытываешь судьбу! И меня.

— Иду... Прощайте, господин штурман. Спасибо...

— Прощайте, фон Вестенбаум. Всего доброго, сударыня, держитесь за племянника. К сожалению, не могу покинуть мостик и проводить... Коля, подожди-ка!

Это было так неожиданно! Хлебников откинул вдруг капюшон, снял черную фуражку с широким кожаным козырьком и узким подбородочным ремнем. Покачнувшись, нахлобучил на Колю.

— Носи, юнга! На память о морском крещении. И за смелость...

Мог ли он мечтать о *таком*! Чтобы настоящий моряк на настоящем морском судне подарил ему настоящую капитанскую фуражку! И не просто так, а в награду! За то, что не боялся шторма, когда все другие пассажиры полегли по каютам...

От счастья Коля размяк и сделался послушным. В каюте он безропотно позволил тетушке стащить с него влажную одежду и закутать его в плед. Затем проглотил ложку приторного лечебного ликера («поскольку горячего чая сейчас ни у кого не допросишься»). Потом он сидел, втиснувшись в угол между каютной переборкой и спинкой дивана, держал на коленях фуражку и гладил ее, словно кошку. Разглядывал на ней каждую мелочь: медные пуговицы, петельки на ремешке, тисненую латунную эмблему со скрещенными якорями...

— Он сказал, что у меня морская косточка. А вы говорили: «Ты никогда не станешь моряком».

Собрав остаток сил, тетушка назидательно разяснила, что выскакивание на палубу во время ужасной погоды (без спросу!) это вовсе не путь к овладению морской профессией. А путь — старательное прохождение всех наук в морском учебном заведении. Но море, видимо, было несогласно с госпожой Лазуновой. Оно вздыбило пароход, затем повалило его набок, и Татьяна Фаддеевна со стоном полегла на постель, отдавшись новому приступу страданий...

К Севастополю подошли вечером. Ветер к тому времени поутих, волнение ослабело, облака на западе разошлись, и солнце выбросило из-под них

лучи громадным, в полнеба, веером. Освещенный ими город на берегах Северной бухты показался Коле чудом. Издали не было видно разрушений. Белый камень строений отражал золотистый ласковый свет, и невозможно было представить, что почти все здания разбиты, пусты и мертвы. Тем более, что в бухте шла обычная морская жизнь: ныряли среди зыби ялики, дымили высокими трубами паровые катера, два закопченных буксира неторопливо разворачивали у берега с приземистым каменным фортом длинный черно-белый пароход (кажется, иностранный).

На якорь стали, когда солнце уже ушло. По берегам и на плавучих бочках задрожали разноцветные огоньки, на дальней горе замигал красный маяк...

К борту подошел вельбот, матросы помогли пассажирам спускаться по шаткому трапу. Колято сошел, конечно, сам, а тетушку держали сзади и спереди. Потом подали вещи. Короткая зыбь резко встряхивала шлюпку, черная вода пахла йодистым рассолом, а с берега несло запахом теплых камней и сухих листьев...

То, что зашли в Севастополь, Татьяна Фаддеевна сочла милостью Господней. «До Ялты я живой не доплыла бы...» Решено было остановиться здесь на два-три дня. Это даже хорошо, что так получилось. Ведь все равно пришлось бы из Ялты приезжать в этот город. Не могла же Татьяна Фаддеевна, оказавшись в Крыму, не посетить место, где погиб брат, не побывать на его могиле!

— И вообще... я полагаю, долг всякого русского человека побывать здесь при первой возможности и почтить память всех, кто poleg в эту землю во время героической обороны, — строго сказала она Коле. А он разве спорил? Наоборот! Он считал в точности так же, только не смог бы выказать это столь торжественно...

Пассажиров, сошедших на берег, было немного. На пристани сразу подступили к ним несколько бойких приказчиков, предлагая поселиться в гостиничных номерах. Через полчаса Татьяна Фаддеевна и Коля уже заняли комнату в «Пансионе г-на Тифокина» — длинном двухэтажном доме неподалеку от разрушенной Николаевской батареи. Когда подъезжали на пролетке, Коля заметил в свете желтого фонаря, что левое крыло пансиона представляет собой развалины, однако главная часть здания оказалась вполне приличной гостиницей. И ужин в номер принесли по первой же тетушкиной просьбе. И даже ванна была — правда, одна на несколько номеров и за особую плату...

Утром поднялись поздно. Зато Татьяна Фаддеевна чувствовала себя уже бодрой. Коля — тем более. Решено было, что после завтрака первым

делом отправятся на Северное (или, как его еще называли — «Братское») кладбище. Долг прежде всего.

Погода была такая же теплая, как в Одессе. Так же шуршали на камнях листья акаций и каштанов. Только больших деревьев было мало. Зато много мелкой и по-летнему зеленой поросли у каменных заборов и разбитых, с пустыми окнами, домов. В колючей траве желтело густое мелкоцветье. Ветер почти стих, в желто-серых облаках всюду светилась синева.

От знаменитой Графской пристани с ее уцелевшей колоннадой и мраморными львами переехали на ялике на Северную сторону. Заросший седой щетиной яличник в рваной морской фуражке размашисто махал веслами и ухитрялся ловко ставить шлюпочку скулой к наиболее дерзким гребешкам все еще не улегшейся зыби — так, что ни один клочок пены не попал на «барыню» и мальчика. Гребец охотно отозвался на тетушкины расспросы и поведал, что в войну был на разных батареях, а в конце осады — на Третьем бастионе, где «англичан мы откинули с большим для них срамом, и ежели бы так везде, то город бы не отдали ни в коем разе, вот вам крест».

Резкую короткую качку от зыби Татьяна Фаддеевна перенесла мужественно.

Получив от «барыни» небывалую плату — серебряный рубль, — яличник сказал «покорнейше благодарим, дай вам Бог всякой радости» и подробнейше объяснил дорогу, «хотя чего говорить, ступайте все прямо да прямо, а ежели угодно, то там, повыше, бывают извозчики».

Татьяна Фаддеевна не стала брать извозчика, ей, видимо, представлялось, что пеший путь будет данью уважения погибшему брату.

Версты две шли кремнистой дорогой — то пустырями с пыльной колючей травой, то вдоль белых каменных изгородей и сложенных из такого же камня хаток. Кладбище лежало на плоском бугре. Больших деревьев не было, но бугор покрывала желто-зеленая шуба густой поросли. Даже издали видно было, какие там джунгли.

— Господи... Николая, где же мы там отыщем Андрея Фаддеевича...

Оказалось, однако, что все не так уж сложно.

Вход на кладбище отмечен был двумя каменными пирамидами. Рядом стояла сложенная из пористых камней сторожка. Вышел похожий на яличника седой сторож (наверно, тоже ветеран). Татьяна Фаддеевна, поздоровавшись, объяснила что к чему.

— Та заходите, сударыня. Заходи и ты, паныч... В комнатку старик извлек из сундука боль-

шущую растрепанную книгу, начал с бормотанием водить скрюченным пальцем по страницам. Потом с усилием распрямил спину:

— А чего глядеть, я и так всех помню. Поручик Весли, это ведь из тех, кого привезли первыми сюда, на Северный-то край... Извольте, я покажу. Только тропинки туда почти нету, редко кто бывает нынче...

В самом деле, пришлось пробираться сквозь заросли дрока, пригибаться под низкими ветками кизила, смахивать с лица чешую сухих листьев акации, шагать через чертополох. У тетушки оторвалась от подола оборка, у Коли разодрался над сапожком чулок, нудно зудели под ним царапины.

— Сколько всего понарастало за двенадцать лет, — виновато покряхтывал сторож. — А вначале была голая глина... Вот оно, здесь, подойдите, сударыня... Обратную дорогу сыщете без меня?

— Найдем, найдем. Спаси вас Бог, голубчик...

Холмик затерялся в высокой траве с мелкими синими цветами. Над травой прямо, по-военному, стоял плоский серый камень — в давнюю пору позаботились друзья-офицеры. Хорошо видна была выбитая надпись:

Поручикъ

Андрей Фаддеевичъ Весли

Убитъ 5 октября 1854 года

Всѣхъ исполнившихъ долгъ
да приметъ Господь

— Сними фуражку, — строгим шепотом сказала Татьяна Фаддеевна.

— Ой... — Коля торопливо сдернул капитанку.

Татьяна Фаддеевна встала на колени. Коля помедлил чуть-чуть и опустился тоже. Тетушка шептала какую-то молитву. Коля, по правде сказать, никаких горьких чувств не испытывал, но тоже пошевелил губами. Молитв, кроме «Отче наш», он до конца не помнил, а эта казалась здесь неподходящей, и он прошептал просто:

— Господи, пусть у тебя на небе будет хорошо моему дядюшке Андрею Фаддеевичу. Правда, я его никогда не видел, но знаю, что он был храбрый офицер... — И мелькнула в голове непрошенная добавка: — «Не то, что я...»

«Но я же не струсил в море!» — сердито возразил он себе.

«А в других случаях? А в корпусе?..»

«В корпусе — это не трусость. Это...»

«Что?»

«Ну... я не знаю. Господи, прости меня, если можно. Я постараюсь впредь быть... ну, тверже в душе, да. Правда...»

Татьяна Фаддеевна тронула его за плечо.

— Идем, Николай... Надо бы здесь привести все в порядок, но боюсь, что не под силу...

Они пошли обратно. Через заросли, потом по тропинкам, потом по главной дороге, мимо недостроенного громадного храма-памятника, который обещал стать похожим на египетскую пирамиду. У выхода снова зашли в сторожку. Старик смотритель, получивший, как и яичник, серебряный рубль, заверил, что приведет могилу поручика Весли «в самое надлежащее состояние, не сомневайтесь, сударыня»...

Вернулись в пансион, и Татьяна Фаддеевна до обеда зашивала прорехи. Пообедали в маленьком ресторанном зале. Затем отправились в Михайловский собор, что подымался среди пустых разбитых домов на Екатерининской. Татьяна Фаддеевна заказала панихиду по брату. Они отстояли в почти пустом храме короткую поминальную службу, одарили у выхода мелочью нескольких нищих и в расхлябанной извозчицкой коляске поехали на Малахов курган.

Лошадка двигалась неспешным шагом. Между плит стояла сухая трава. Кое-где торчали у тротуаров совсем облетевшие, казавшиеся обугленными деревья. Медленно двигались назад пустые, с темными провалами окон здания. Некоторые даже сейчас были красивы, будто строения Эллады или древнего Рима — с колоннами и портиками, с остатками барельефов на фронтонах. Изредка заметны были в домах застекленные окна, попались на глаза даже две или три магазинные вывески, но они лишь подчеркивали всесилие и громадность развалин.

— Пустыня... — вполголоса произнесла Татьяна Фаддеевна. Коля молчал. Развалины и пугали, и притягивали. Было в мертвом городе что-то маящее. Да нет, не в мертвом. Чудилась в пустых домах своя жизнь, только особая, таинственная. «Чоп, чоп, чоп», — равномерно стучали о плиты копыта, и похожее на удары колотушек эхо отскакивало от стен.

Все дома были сложены из брусьев местного известняка — инкерманского камня. На них давно уже не осталось следов гари. Дожди их вымыли, ветры выскоблили камни. Развалины белели так же чисто и сухо, как белют конские черепа в знойных безводных степях.

Кое-где вместо зданий, разбитых, но сохранивших формы, лежали просто груды камней — тоже белых и чистых. Сквозь них торчали высокие сорняки.

— Господи... Можно представить, какой ужас творился здесь *тогда*, — опять заговорила Татьяна Фаддеевна.

Коля не откликнулся, но попытался представить — грохот, крики, стоны вместо тишины. Оранжевые вспышки и черные клубы вместо белых камней (черный и красный всадники!). Так оно и было, конечно. Вон сколько следов от ядер на стенах. И неровные дыры, и отпечатки чугунных шаров. Колин взгляд почему-то особенно притягивали эти отпечатки — их круглая аккуратность. Гладкие шары, не пробив стену, отскакивали и оставляли в камне ровные, словно отшлифованные внутри ямки...

— А вот, господа, ежели угодно, дом Эдуарда Иваныча Тотлебена, который, значит, во время осады строил укрепления, — вдруг подал голос извозчик (сипловатый и, кажется, пьяньский мужичок). — Первый помощник был у Павла Степаныча...

— Он и сейчас здесь живет? — сунулся Коля с вопросом (довольно глупым, как он понял потом). Дом сохранился лучше других, заметны были следы ремонта, в нижнем этаже блестели стекла.

— Сейчас он генерал-губернатор в Одессе, — строго отозвался мужичок. — А может, нынче еще куда определили, нам не сказывают... А в доме, говорят, будет вроде как кунсткамера или музей, где выставят всякие вещи и трофеи, что остались от осады. И даже фуражку Павла Степаныча, пулей пробитую... И описано будет, что и как, чтобы заезжие господа, вроде вас, у которых есть интерес, могли про все узнать в подробном виде...

Колю царापнуло это «заезжие господа». Неловко чувствовать себя на месте боев любопытным гостем. Он хотел было ответить извозчику про погибшего здесь дядюшку (ну, пусть это не кровный дядюшка, но все же родственник). Однако не решился.

Слева между развалинами порой проблескивала зеленовато-синяя вода Южной бухты. Потом дома расступились на целый квартал и бухта с поворота улицы сделалась видна чуть ли не целиком. Вот уж там-то не было никакой тишины и мертвечины! Сновали катера, вельботы и ялики. Дымили у пирсов два закопченных парохода. Паровой катер с натугой волок посреди воды длинную, с двумя рядами бортовых люков баржу без мачт. Кажется, бывший фрегат (Коля убедился в этом, когда мысленно выстроил над осевшим корпусом рангоут).

На другом берегу подымались длинные строения и эстакады, на них мельтешило множество людей. Это РОПИТ восстанавливал старые и строил новые доки. Вдоль воды тянула подводы с бревна-

ми вереница лошадей. Ухали тяжелые удары, пересыпаемые дробным металлическим звяканьем. Кажется, что звенят солнечные блики — лучи, пробив облака, швыряли на воду искрящуюся чешую.

Коля загляделся, перегнувшись через край коляски, и, конечно же, услышал:

— Николая, ты вывалишься под колеса.

Ох, когда же его перестанут считать маленьким?

«Могли перестать, кабы не сбежал от корпуса...»

«Я разве виноват, что в легких открылась хворь?»

«Ты сбежал до хвори. Так что не крутись, не вертись...»

Тут, к счастью, начался спуск к бухте, колеса и подковы застучали чаще, тетушка ухватилась одной рукой за сиденье, другой за Колю...

По широкой дамбе — по Пересыпи, — которая отделяла оконечность бухты от заросшей пустоши, переехали на Корабельную сторону. У дамбы Коля заметил несколько большущих ржавых якорей и пушечных стволов — они, никому не нужные, лежали в грязи. Но разглядывать было некогда.

На Корабельной стороне сперва ехали вдоль могучей полуразрушенной стены старых доков с засеваемыми в камнях ядрами. Потом взяли правее. Здесь тоже хватало развалин. Только они были мелкие, одноэтажные. И среди них встречались там и тут вновь отстроенные аккуратные хатки под оранжевой черепицей — жизнь брала свое. Горланили петухи, жевали сухую траву у каменных заборов клочкастые козы.

Вот и курган. Тот самый знаменитый Малахов? Невысокая горка. Наверх ведут перекошенные каменные ступени и глинистая дорога. Отпустили извозчика, пошли пешком, хотя он предлагал довести «до макушки».

Здесь тоже паслись козы, хозяева которых, видимо, пренебрегали знаменитостью этого места.

— Тё-Таня, смотрите! — Из травы с сухими зубчатыми листьям поднимался памятник, о котором Коля слышал не раз. Каменная пирамидка с черным деревянным крестом. На кресте надпись по-французски:

8

Septembre
1855

*Unis pour la Victoire, | Du Soldat c'est la Gloire!
Reunis par la Mort, | Des Braves c'ect le Sort!*

Если бы Коля даже не знал языка, он все рав-

но не ошибся бы в том, что написано. Перевод надписи был известен всем:

*Быть заодно для победы
И смертью соединиться вновь —
Вот слава солдата,
Вот удел храбрецов!..*

Это по приказу генерала Мак-Магона (странно: француз, а фамилия шотландская!), чья дивизия взяла курган, положили в братскую могилу вместе русских и французских солдат, погибших здесь в последней схватке. И поставили общий памятник... Да, что ни говорите, а французы были благородными противниками. В отличие от наглых и не очень-то доблестных англичан, которые не снискали славы ни на одном бастионе...

Татьяна Фаддеевна шепотом прочитала надпись, перекрестилась и взяла Колю за плечо.

— Я думаю, после всего, что здесь было, люди поняли, какой грех они совершили перед Создателем, и не допустят больше никаких войн. По крайней мере, на этой земле, где и так больше костей, чем глины...

Коля согласно молчал. Он был не из тех, кто мечтает о бранных подвигах. Ну да, читать про войну интересно и играть в нее бывает увлекательно, и случается, что надо воевать, если дело касается защиты справедливости (кто их, французов и англичан, звал сюда, на нашу землю!). Однако же, если представить всерьез, радости тут никакой — всаживать в человека штык или решетить его пулями. А подвиги можно ведь совершать и не на войне, а при открытиях неизведанных земель и в борьбе со стихией!.. И хорошо, что все кровавые дела, которые творились здесь, теперь уже в прошлом, поросли травой и стали памятью. И никогда (конечно же, никогда!) ничего подобного не повторится. Поэтому можно без тревоги лазать по брустверам и заглядывать в жутковатую черноту амбразур оборонительной башни...

Там и тут видны были осевшие и заросшие насыпи. Рядом с ними — ржаво-черные туши корабельных орудий. Некоторые на перекошенных лафетах, а другие просто так, одни стволы, полузарытые в землю. Коля осторожно трогал их ладонью. Чугун был тепловатым от осеннего солнца.

На свободной от травы площадке темнел выложенный из ядер крест — место, где смертельно ранили адмирала Корнилова (в тот же день, когда погиб поручик Весли). Кое-где стояли столбики с дощечками, на них надписи, обозначающие батареи.

Тетушка, придерживая над колючками подолю, едва поспевала за неугомонным мальчишкой.

— Николая! Ты свернешь себе шею! И я следом за тобой!..

— Нет, что вы! Не сворачивайте!.. Тё-Таня, смотрите, как тут всё вместе!..

В самом деле! Раньше ему казалось, что Малахов курган — громадная гора со склонами длиною в несколько верст, а кругом — широченные, до горизонта пустоши, перерытые траншеями. «Поле боя». На таком поле и должна была разворачиваться грандиозная битва за Малахов курган. А оказалось — всё рядышком. Вот место, где упал от пули в висок Нахимов. Вот батарея Жерве, которую во время штурма захватили французы, но тут же откатились под ударом солдат, которых возглавил генерал Хрулев. Вот оборонительная башня с разбитым верхом. С нее адмирал Нахимов не раз смотрел на позиции врагов, а в подвале ее долгое время была квартира другого героического адмирала — Истомина...

У башни к ним подскочили трое обтрепанных (один даже босой) мальчишек.

— Барыня, купите на память о Малахове! Вот медалька французская, вот пульки от ихних и наших ружей, вот гудзики с мундиров. Разные...

Уже после Коля узнал, что гудзики — это пуговицы. По-малороссийски. А сейчас он торопливо полез в карман армячка, где лежали несколько пятак и копеек. Но Татьяна Фаддеевна сказала поспешно:

— Нет-нет, мальчики, нам не надо. — И за плечо отвела Колю.

— Тё-Таня, но почему! — взвыл он.

— Потому... Разве *такое* покупают?

— Ну, тогда я сам найду!

И правда, поколупав каблуками сыпучую рыжую землю, отрыл почти сразу несколько острогловых пуль и чугунный черепок — явно осколок бомбы.

— Выбрось немедленно!

— Но почему? Я же не купил, я сам!

— Это может взорваться!

— О-о!.. — Коля закатил глаза, пораженный дамской дремучестью в военных вопросах. — Как оно взорвется? Это же просто свинец и чугун!

— А как взрываются чугунные ядра?

— Не ядра, а бомбы! Если в них начинка из пороха!

— Здесь тоже может быть... — сказала она уже менее уверенно.

— Ну, Тё-Таня!.. Ну, слов нет... — И Коля решительно опустил находки в карман.

Потом они постояли спиной к башне. Лицом к городу. Вечерело. Город под желтым солнцем опять казался живым, не тронутым войной. Блестящими клинками врезались в него длинные бух-

ты, за мысом со знаменитым Константиновским фортом до самого горизонта искрилось море. Хоть и далеко оно, а морской запах был ощутим и здесь. А еще пахло сухой горькой травой, названия которой Коля не знал... Он вдохнул этот воздух. Вобрал в себя тишину, память и покой этих мест. И вдруг понял, что никуда ему больше не хочется. Поселиться бы в белом домике — вроде тех, что в Корабельной слободке, и ждать весны, читая книги и слушая, как трещит в печке огонь. А весна здесь, говорят, приходит рано. В наступившем тепле можно будет бродить по развалинам, прислушиваясь к загадкам старой жизни. Гулять у моря, отыскивая выброшенные на берег корабельные обломки...

Но разве тетушка согласится!..

Тетушку же теперь беспокоило одно: найдется ли извозчик для обратного пути?

К счастью, нашелся. Все тот же мужичок. Стоял внизу, дожидаясь, не появятся ли седоки с «Корабелки» до города. Обрадовался...

Обратно ехали резво. Колю клонило в сон. В гостинице он сказал, что совсем не хочет есть, и лишь под нажимом встревоженной тетушки сглота принесенную в номер гречневую кашу и выпил молоко. И сразу лег. Татьяна Фаддеевна то и дело трогала его лоб. Жара не было.

Доктор Орешников

Жар появился утром. Вместе с тошнотой и ознобом. Татьяна Фаддеевна кинулась к господину Тифокину, владельцу пансиона. Она и сама кое-что смыслила в медицине, но, конечно же, в данном случае нужен был настоящий врач.

Господин Тифокин был почтителен и в то же время озадачен. Настоящих медиков в городе практически не было. Заболевшим помогали несколько бабок да живший неподалеку отставной военный фельдшер.

— Разве в городе нет больницы или военного госпиталя?

— При рабочей матросской роте есть, говорят, лекарь, да он мало что смыслит. Кто всерьез заболел, везут морем в Николаев. А больницу только думают устроить, но когда это, непонятно...

— И ни одного врача?

— При конторе РОПИТА есть нечто вроде докторского пункта для приема их служителей. Им заведует врач с дипломом. Господин Орешников, если не ошибаюсь. Разве что обратиться к нему...

Одну из кухарок спешно отправили за доктором Орешниковым, который, вопреки опасливым ожиданиям, появился довольно быстро — на казенной конторской пролетке. Невысокий, худой, в

штурманском плаще и длиннополом мундире с флотскими пуговицами, в почти такой же, как у Коли, фуражке. С торчащими усами песочного цвета и маленькими очками на утином носу. Было в его повадках что-то птичье и... симпатичное. Этокое знакомое, домашнее.

Прямо от двери он стремительно присмотрелся к Коле и сообщил Татьяне Фаддеевне, пребывавшей в тихой панике:

— Сударыня, для начала хочу вас заверить, что в ближайшие полвека летальный исход этому юноше не грозит. Велите горничной принести горячий чайник.

Взбодрившаяся Тё-Таня велела. И заодно изложила доктору, на что жалуется племянник. Доктор Орешников погрел у чайника ладони.

— Ну-с, молодой человек, вас не затруднит сесть? Я так и думал... Голова болит?... Только кружится? Это бывает... — Он старательно прощупал его спину и бока, заглянул в широко раскрытый рот, достал известный Коле предмет — стетоскоп. обстоятельно и многократно приложился им к костлявой груди юного пациента.

— М-м....

— Что?! — опять всполошилась тетушка.

— В том-то и дело, что ничего. Простуда исключается... Вы можете, Коля, быстро лечь и так же быстро подняться?... Спасибо. Кружится ли голова сильнее?

— Уже совсем не кружится...

— Вы меня радуете... Подержите это, — сунул ему под мышку скользкий термометр. — Гм... Жар, видимо, как быстро подскочил, так столь же быстро и падает... Сударыня, это своего рода нервная лихорадка, она бывает у некоторых впечатлительных детей в результате долгого путешествия, частой смены обстановки и перемены климата. Полагаю, скоро это пройдет... У меня с собой кое-какие лекарства, пусть Коля поглотает их сегодня, невзирая на некоторую горечь порошков... Горечь процесса ведет к сладости результата... Вот, извольте, здесь написано, как принимать...

— Доктор, вы наш спаситель! Простите, сколько мы... должны вам за визит?

— Что вы, сударыня! Я не на частной практике, я человек казенный. Наша лечебница безвозмездно помогает всем, кто в нее обращается, хотя и создана для служителей РОПИТа...

— Но лекарство...

— Оно тоже казенное. РОПИТ не разорится на нескольких порошках...

— Право, доктор, мы вам так благодарны...

— Не за что сударыня, это моя служба... И позвольте дать совет: не принимайте случайное недомогание мальчика так близко к сердцу. Вы сами

от переживаний можете слечь. Пожалуй, я оставлю вам успокоительные капли.

— Вы так добры... Я в самом деле нервничала. Одна с больным ребенком в незнакомом городе... А у Коли, к тому же, слабые легкие, это обнаружили весьма известные петербургские врачи...

— В самом деле? Тогда позвольте еще...

И доктор Орешников снова принялся выстукивать и прослушивать Колю.

— Гм... Признаться, я пока ничего не нахожу. То есть слышу некоторые шумы, но это, скорее, возрастное... Возможно, необходимо тщательное обследование... Вероятно, мои коллеги заметили временную простуду и приняли ее за... Или просто проявили чрезмерно опасение. Боюсь судить. Конечно, я преклоняюсь перед столичными светилами, сам учился в Петербурге, но... — он попетушину дернул головой и виновато развел руками.

— Вы учились в столице? — обрадовалась Татьяна Фаддеевна. — Тогда, может быть, вы знали доктора Вестенбаума? Он служил в Морском госпитале.

— Федора Карловича? Не имел чести знать лично, однако, будучи студентом, слышал о нем немало. И о его методах... К сожалению, он стал жертвой несчастного случая...

— Это Колин отец.

— О... — почему-то сильно смутился доктор. — Какая неожиданность. Весьма... приятно, да...

Татьяна Фаддеевна проводила доктора Орешникова до выхода из пансиона. И вернулась не очень скоро, хотя, казалось бы, должна была спешить к хворому (пускай и не сильно) племяннику.

— Я думал, вы уехали к нему в гости, — с легким ехидством заметил «больной ребенок».

— Мы просто беседовали... По-моему, Борис Петрович очень славный человек. Он обещал завтра вновь навестить нас.

— Об этом вы и беседовали столько времени?

— Николая! Твоя ирония неуместна... Представь, у нас в жизни есть с ним нечто одинаковое. Борис Петрович в пятьдесят четвертом году, еще обучаясь на медицинском факультете, подал прошение, чтобы его отправили фельдшером сюда, на театр военных действий. Но пока рассматривали бумаги, заболели разом его матушка и сестра, и он не мог их оставить! Матушка, к сожалению, умерла...

— А сестра выздоровела?

— Да, она сейчас с ним, они живут вдвоем... Борис Петрович, получив диплом, рассудил весьма логично, хотя многие и осуждали его...

— Как же он рассудил?

— Николая! Я не понимаю твоего насмешливого тона!

— Тё-Таня, я серьезно! Мне интересно.

— Он решил, что если не смог помочь защитникам города, то обязан помогать тем, кто станет возвращать город к жизни. И приехал сюда, хотя и не сразу. Представь себе, он не изменил решения, даже когда его невеста отказалась ехать с ним. Сказала весьма циничные слова: «Дорогой, я не жена декабриста...»

— Дура...

— Николая!..

— Но ведь правда же!

— В любом случае не следует употреблять такие слова... А теперь Борис Петрович хлопочет об устройстве здесь настоящей больницы... Признаться, я ему завидую.

— Так за чем дело стало? — тут же вырвалось у Коли.

— Ты это о чем, шер ами?

— Ну, вы же тоже здесь... То есть мы... А доктору наверняка нужны помощники. И не какие-то синие от водки фельдшеры, а образованные, понимающие в медицине дамы...

— Не говори глупости!

— Какие? Вы же в самом деле всякие курсы кончали и очень образованная. К тому же еще не старая и симпатичной наружности...

— Николая!

— Что, Тё-Таня? — сказал он невинным голосом.

— Ты знаешь, что я всегда преклонялась перед авторитетом Николая Ивановича Пирогова...

Коля знал. Великий хирург и герой Севастополя был кумиром тетушки.

— ...И не разделяла лишь одну его точку зрения — на воспитание. Когда он утверждал, что для приведения в чувство таких вот болтунов бывает полезно их знакомство с розгой... Теперь я понимаю, что Николай Иванович и здесь был прав.

— Тё-Таня, вы мне это говорили тысячу раз!

— Именно *говорила*. А сейчас вижу, что пришло время не слов, а дела.

— Ну... хорошо, — отозвался он с дурашливой покорностью. — Пусть... если это вам доставит удовольствие. Но потом не поедем в Ялту, ладно?

— Что-о?

— А что нам делать в Ялте? Там, говорят, деревня...

— А здесь руины! Не хватает, чтобы ты стал трущобным мальчишкой!

— Я поступлю юнгой на торговую шхуну. А вы будете работать в больнице и приносить пользу народу. Вы же всегда хотели...

— Ты несусветный болтун...

— Нет, я это... «сусветный», — с удовольстви-

ем сказал Коля, понимая, что заронил в душу тетушки первое зерно сомнения.

— Прими порошок и не смей сегодня вставать из постели.

— Тогда достаньте мне из чемодана Гоголя. «Вечера на хуторе...»

Доктор Орешников появился на следующий день близко к вечеру. Кажется, тетушка слегка нервничала, что его долго нет, хотя Коля был уже на ногах (и отчаянно скучал). Пришел доктор не один, а с полным круглощекимым господином веселого нрава.

— Коля, я вижу, вы молодец! Татьяна Фаддеевна, позвольте представить Ивана Ювенальевича Брешковского, моего коллегу... — Оба поцеловали у тетушки руку. Борис Петрович продолжал: — Иван Ювенальевич сегодня по счастью оказался у меня в гостях. Вообще же он служит в Симферополе и весьма известен как специалист по лечению легочных заболеваний и курортному делу. Я попросил его осмотреть Колю, если с вашей стороны не будет возражений...

Тетушка, разумеется, не возражала. Наоборот!.. Хотя заметно было, что опасается: как бы доктор Брешковский не опроверг вчерашний добрый диагноз Бориса Ивановича.

Иван Ювенальевич не опроверг. После долгих прощупываний и прослушиваний он похлопал Колю по острым лопаткам и заявил, что «общее сложение хрупковато, но ничего *такого* внутри у пациента он не улавливает, и, видимо, это был временный недуг».

— Хотя, конечно же, в любом случае крымский климат для мальчика полезнее прибалтийского. Так что возвращаться вам, пожалуй, не резон...

Коля сунулся в разговор:

— А климат в Ялте отличается от здешнего, от севастопольского?

Тетушка быстро взглянула на него.

— Не сильно, — отозвался доктор Брешковский. — Есть специфические отличия, но они не существенны, если человек не очень болен.

— Спасибо, Иван Ювенальевич, — учтиво сказал Коля, а тетушка опять *взглянула*.

Потом она провожала докторов и, как и накануне, весьма задержалось при прощальной беседе. До ужина была она молчаливой и ушедшей в себя, а перед сном сказала:

— Видишь ли... то, что ты вчера высказал шутя... насчет здешней жизни...

— Я не шутя!

— То, что ты высказал *шутя*, сегодня Борис Петрович... предложил мне всерьез.

— Он сразу мне показался неглупым человеком...

— Николая!

— Знаю, знаю, вы о Пирогове!

— Ты можешь отнестись к нашей беседе серьезно?

— А зачем относиться! Я же вижу, что вы уже решили!

— Как я могу решить без *тебя*? В конце концов, именно ты — причина этого авантюрного переезда...

— Причина согласна!

— Подожди. Я хочу, чтобы ты понял меня... Раз мы оказались в Крыму, а ты... слава Богу, не столь уж нездоров... — она быстро перекрестилась, — надо, чтобы во всем случившемся был какой-то смысл. Может быть, это судьба привела меня в город, куда я стремилась двенадцать лет назад и где могила моего брата... — Татьяна Фаддеевна промокнула платочком глаза. — Мне кажется, мое место именно здесь...

— Конечно же!

— Но ты слишком поспешен и горяч. Я хочу, чтобы ты отнесся ответственно...

— Тё-Таня, я ответственно!.. Я вот что подумал. Мне ведь зимой придется ездить в симферопольскую гимназию, сдавать экзамены за полугодие. Отсюда дорога на Симферополь прямая, а у Ялты горные перевалы. Я слышал, что зимой они бывают перекрыты из-за снегопада.

— Ох... с твоим ученьем пока еще ничего не ясно...

Однако скоро прояснилось и с ученьем. С уезжающим в Симферополь Иваном Ювенальевичем Брешковским Татьяна Фаддеевна послала в гимназию письмо. В нем, излагая все обстоятельства, она просила директора и попечительский совет «зачислить экстерном» сироту, который является сыном участника прошлой военной кампании, умершего военного врача Федора Карловича Вестенбаума и племянником погибшего в Севастополе артиллерийского офицера Андрея Фаддеевича Весли. Необходимость экстернатного обучения объяснялось слабостью здоровья, при котором Николай Вестенбаум должен всегда находиться под наблюдением своей попечительницы и родственницы госпожи Лазуновой.

Ссылка на нездоровье после освидетельствования докторами Орешниковым и Брешковским выглядела не очень-то правдивой (и тетушка стыдливо морщилась). Но жизнерадостный Иван Ювенальевич объяснил, что это «всего лишь тактический ход, дабы гимназические крючкотворы не заупрямились». Да и не было другого выхода. Невозможно предположить, что Николай Вестенбаум согласился бы жить в Симферополе на кварти-

ре у чужих людей, чтобы ежедневно посещать уроки. Стоило ради такого дела приезжать в эти края!..

Для ответа указан был адрес Бориса Петровича Орешникова («для г-жи Лазуновой»), поскольку своего дома у Коли и тетушки еще не было.

Но вскоре появился и дом. Заботами того же Бориса Петровича. Он через служителей конторы узнал несколько мест, где хозяева сдавали жилье в наём. Остановились на домике вдовы Кондратьевой. Та запросила недорого, что при тетушкиной и Колиной пенсиях (которые следовало еще переадресовать) было весьма существенно.

Две недели ушло на обустройство (и это оказалось довольно увлекательным делом). Иногда ходили по городу — порой в поисках лавок и на рынок, порой просто так. Татьяна Фаддеевна смотрела на развалины с болезненной опаской, а Коля... он тоже с опаской (с затаённой), но и с любопытством, словно там, среди руин, жили тайны, ждущие от него, от Коли, разгадки. Впрочем, это было смутное ощущение — порой завораживающее, а порой с болезненным замиранием... Побывали на развалинах Четвертого бастиона, где храбро воевал граф Толстой, который написал про Севастополь знаменитые рассказы. Тетушка этим летом читала их Коле вслух (словно предвидела скорые события).

На бастионе Коля поднабрал еще пуль, осколков и «гудзиков». Татьяна Фаддеевна уже не спорила, только морщилась...

Иногда тетушка ходила в лечебницу, где вел прием доктор Орешников, помогала ему. Но пока что не часто. Для определения ее в официальную должность сестры милосердия требовался срок. Коля в отсутствие Тё-Тани скучал, делал заданные ею уроки или помогал Лизавете Марковне чистить овощи для обеда и ужина.

Тем временем — скорее, чем ожидалось, — пришел ответ из гимназии. В казенной, с орлом и печатью, бумаге сообщалось, что Николай Вестенбаум будет зачислен в экстерны при условии, что «госпожа Лазунова сообразовит в скорое время прислать необходимые документы, а за неделю до Рождества доставит своего воспитанника в гимназию, где ему надлежит сдать экзамены за первую половину программы третьего класса, каковая программа прилагается к данному письму».

Татьяна Фаддеевна не сочла возможным доверить здешней почте важные документы — взятый в прогимназии Юнга табель успеваемости за прошлые два класса и копию медицинского заключения петербургских докторов. Она решила отвезти их сама.

— Тем более, что мне совершенно необходимо побывать в нормальных больших магазинах...

— А я!? — взвыл Коля.

— Ты еще не совсем оправился. Незачем болтаться по осеннему холоду в такую даль. Симферополь это не рынок у Седьмого бастиона.

Коле и не хотелось в Симферополь. Этот губернский центр представлялся ему скучным и казенным (вроде гимназической бумаги). Но мысль, что две или три ночи придется провести в пустом доме одному, повергла его в обморочный ужас. Такое в жизни ему еще не выпадало!

Татьяна Фаддеевна, конечно же, все поняла.

— Я не думала, что храбрые мужчины, оставляющие больных тетушек в каюте, дабы на палубе встретить грудью страшную бурю, в иных случаях не могут без тех же тетушек прожить несколько дней... и ночей. Недостойное морских волков малодушие...

— Причем тут мое малодушие!.. Вы же... Вы сами знаете, что женщинам не следует путешествовать в одиночку... Тем более, что говорят про разбойников под Бахчисараем! Мы вместе слышали на базаре!

— Вот именно, на базаре! Рассказы рыночных торговков! Смешно! В наше время не бывает разбойников... К тому же, у Бориса Петровича есть револьвер.

— И он даст его вам?!

— Что?.. А... Дело в том, что доктор едет тоже, у него в Симферополе какие-то хлопоты насчет медикаментов...

— Понятно...

— Что вам понятно, сударь?

— Что вы будете в безопасности...

— Ты хочешь сказать «в отличие от меня»... Не волнуйся, ты поживешь в это время у Бориса Петровича, Екатерина Петровна, его сестра, присмотрит за тобой.

— Чего присматривать, младенец я, что ли...

— буркнул он с облегчением в душе.

Доктор жил при конторе местного отделения РОПИТа, в приземистом одноэтажном доме над Южной бухтой, в трех кварталах от Графской пристани. Из окон виден был другой берег бухты с длинными Ушаковскими казармами и новыми доками, в которых не то строились, не то ремонтировались сразу два парохода.

Жилье было маленькое, двухкомнатное. В одной комнате обитал Борис Петрович, в другой — его сестра.

Оказалось, что Екатерина Петровна — худая незамужняя дама (про таких говорят «старая дева»). Вся «ушедшая в себя». Очень набожная. Она тихо бродила по комнатам, бормоча то ли молитвы, то ли какие-то свои мысли. С Колей об-

ходилась ласково, но чаще просто не замечала его. Даже не запомнила, как зовут. Вспоминала «мальчика» лишь перед завтраком, обедом и ужином или при какой-то надобности. Дважды брала Колю с собой, когда уходила из дома: один раз на рынок, другой раз на утреннюю церковную службу. Но и без того она каждый день ходила в церковь, и Коля на три-четыре часа оставался один.

Он не скучал. Борис Иванович поселил его в своей комнате, где было множество книг. В том числе Пушкин в разных изданиях, романы Вальтера Скотта, давнее издание «Дон Кишота из Ламанчи» в переводе Жуковского, а также старые подшивки журнала «Картины природы» и описания путешествий Кука и де Бугенвиля.

А были еще и специальные докторские книги. В том числе атлас «Мужчина и женщина» с цветными иллюстрациями. На французском языке. Явно не для детского чтения. Доктор Орешников, оставляя здесь юного гостя, видимо, просто забыл про это обстоятельство. Или не учел, что Коля хорошо знает по-французски. Впрочем, даже если не читать комментарии, литографии были весьма выразительны...

У Татьяны Фаддеевны в Петербурге тоже была кое-какая медицинская литература, но книги стояли в отдельном шкафу, под ключом. Да и без того Коле в голову не могло прийти взять что-то тетушкино без спросу. Здесь же явного и четкого запрета не было. И когда Екатерина Петровна уходила, Коля, со стыдливой оглядкой на дверь и окна, вытягивал из шкафа тяжелый том. Он понимал, что совершает немалый грех. Но тайное желание было сильнее страха и угрызений совести.

Конечно, Коля давно не верил, что младенцев покупают в специальных аптеках. Естественно, мальчики и девочки *рождаются*. Об этом свидетельствовала и акушерская практика, которой одно время занималась Тё-Таня. Да и в мужской прогимназии ученик набирается кое-каких знаний — не только от наставников, но и от одноклассников. Знания эти были, однако, отрывочны, бедны и, конечно же, лишены всякой наглядности. А здесь...

Обмирая от стыда, любопытства, а порой и отвращения, Коля на третий день долистал атлас до конца и среди самых последних страниц обнаружил оторванный кусок бумаги (видимо, из большой тетради). На нем крупно и размашисто было написано по-французски:

«Друг мой, просмотревший эту книгу от корки до корки. Уяснил ли ты себе, что она показывает некоторые тайны человеческой природы, но не открывает тайн любви? Ибо любовь — от Бога».

Коля в первый миг почувствовал себя так, слов-

но его поймали с поличным и приподняли за шиворот. Он даже заглядывался в панике. Но никогда не было... Он перечитал еще раз. Неужели доктор *знал*, что мальчишка доберется до атласа, и специально приготовил ему это послание? Вот ужас... Впрочем, едва ли. Бумага была желтая, чернила бледные. Явно, что написано это не в нынешние дни... Ну а что, если записка чья-то старая, но вложил ее Борис Петрович все же для Коли?

Ладно... Все равно доктор не узнает, что Коля смотрел *это*. Сейчас он аккуратно положит листок как прежде, поставит книгу точнехонько на прежнее место и думать про нее больше не будет. Тем более, что и правда — тайн любви она не открывала. По крайней мере, той рыцарской любви к прекрасным дамам, о которой Коля читал в книжках и какую мечтал встретить когда-нибудь сам...

Он утвердил увесистый атлас в ряду других томов, взял из другого шкафа «Путешествие на шлюпе Камчатка» капитана Головина и с чувством нашкодившего, но не уличенного сорванца устроился в кресле. Принял самый благопристойный вид. И словно бы наградой за эту благопристойность было шумное возвращение доктора и тетушки, которая порывисто обняла «дорогого Николая».

— Ты соскучился? Чем ты тут без нас занимался?

— М-м... вот, читаю...

При этом показалось, что доктор глянул хитровато. Коля поспешно спросил:

— Борис Петрович, а у вас правда есть револьвер?

Доктор по-петушиному дернул головой.

— О, да! Но он остался без применения. На дорогах Тавриды мир и спокойствие, хотя недавно имели место романтические слухи...

Затем было чаепитие (вместе с пришедшей из церкви Екатериной Петровной), рассказы о Симферополе и возвращение домой.

Через несколько дней Татьяна Фаддеевна обмолвилась, что слышала в паровой конторе про ремесленную школу, в которую будут набирать мальчиков из семей служащих РОПИТа и мастеровых.

— Это говорит, что жизнь в городе набирает силу, не правда ли, мон шер?

— Тё-Таня, а вы ведь тоже вроде служащей РОПИТа! Раз помогаете в их лечебнице...

— Ну и... О Боже! Уж не собираешься ли ты поступить в эту школу?

— Пуркуа па? — весело сказал он. — Чего все время дома сидеть? В школе, наверно, будет не трудно. И вовсе не помешает гимназическим эк-

заменам. Зато познакомлюсь поближе со здешними ребятами...

— Ты это всерьез?.. Я спрошу в Правлении...

В голосе тетушки слышалось осторожное удовольствие. Чем больше Николай занят делом, тем полезнее. К тому же, она никогда не была против сближения мальчика с представителями воспетых Некрасовым народных масс.

Две речи директора

В тот именинный вечер, когда Саша подарила Коле осколок древней вазы с кентавром, случилось еще много событий.

После ухода Лизаветы Марковны и Саши, Татьяна Фаддеевна сказала:

— Ты бы рассказал все-таки, что сегодня было в школе...

— Да ничего особенного...

— Ну как же! Ведь открытие...

— Ну, открытие... А настоящие занятия будут после Рождества. А сейчас только всякие вступительные, два раза в неделю, потому что не все еще готово... Построили в коридоре в два ряда, начальство пришло из парадного, молебен был. Хорошо, что не длинный...

— Николай!

— А зачем длинный-то?.. Потом директор говорил речь...

Директор был пожилой, солидный, с расчесанной на две стороны русой бородой. В мундире с флотскими пуговицами, вроде как у Бориса Петровича. Он оглядел две пестрые шеренги беспокойных, непривыкших еще к школьному порядку новичков и начал неожиданно густым голосом:

— Господа...

Сорок учеников разом примолкли. Некоторые даже в неудобных позах: кто-то хотел сей минут локтем наподдать соседа, кто-то неловко вытянул шею — так и замерли. Потому что никто никогда не слышал в обращении к себе столь уважительного слова. Разве что Коля в прогимназии да в короткую бытность морским кадетом...

— Господа... Более десяти лет прошло с той поры, как закончилась кровавая война, превратившая наш город в руины. Те, кто пришли тогда к нам врагами, горькую цену заплатили, чтобы завладеть городом. Да и можно ли сказать, что завладели полностью? Армия наша для сбережения сил оставила Южную сторону, но Северная оказалась противнику не по зубам, она щетинилась могучими укреплениями с тысячей орудий и готова была дать такой отпор, что враг уже и не помышлял о новых баталиях. Заключивши мир, противник вернул нам хотя и разрушенный, но покры-

тый славой город и отправился восвояси. И с той поры если мы и видим здесь англичан и французов, то не как победителей, а как туристов, кои приехали к нам вспомнить осаду, где обе стороны — это надо признать — проявили немало доблести. Доблесть русская, однако, имела в себе не в пример больше чести, ибо мы защищали *свою* землю...

Да, больно видеть, господа, развалины, которые до сих пор составляют большую часть города. Но жизнь берет свое. Строятся новые храмы и дома, растет число жителей. И главная наша забота — флот. Не могут быть пустыми наши прекрасные бухты, самим Господом созданные для процветания морской жизни.

Самое горькое для нас, чего добились в прошлой войне враги, это запрет нашей державе иметь на Черном море военный флот. Но что было запрещать? Почти все наши линейные корабли и фрегаты погибли в дни осады, геройски закрыв собою проход в бухты. Флота не стало. А когда построим новый, всякие иностранные запреты будут нам не указ.

Строить же новые корабли будут молодые мастера, коими станете вы. На верфях наших нужны умелые руки и умные головы, чтобы корабли получились на славу. Для того-то попечением Российского Общества Пароходства и Торговли открыта наша школа. Я, директор ее, льщу себя надеждою, что главное усердие ваше вы потратите на прилежание и овладение всеми ремесленными навыками, коим станут обучать вас наставники, а не на легкомысленные развлечения и шалости, которые хотя и извинительны для детского возраста, но мало способствуют школьной пользе.

Новые корабли, которые предстоит вам возводить на наших верфях, будут не только военные, но и для торговых дел и для сообщения между всякими приморскими странами. Бог даст, люди во всех государствах в наш просвещенный век проникнутся здоровыми мыслями, что раздоры и кровь не решают на Земле никаких вопросов, а торговля и дружеские связи между разными нациями ведут к процветанию стран.

А сейчас принимайтесь за труды, друзья мои, и помните, что они должны послужить славе нашего государя императора, пользе Российской державы и нашего города...

После этих слов сорок мальчиков, как было начато заранее, вытянулись во фронт и троекратно крикнули ура — без солдатской слаженности, но от души.

Затем учеников развели по двум классам: младший и старший. Набор в них был сделан не по возрасту, а по знаниям. В младший попали те,

кто лишь немного владел грамотой и счетом, в иных же знаниях вообще был «круглый нуль». В старшем оказался народ, более сведущий в началах разных знаний и знакомый с книжками.

Естественно, Коля попал в старший класс. Здесь же объявился и Фрол. Более же никого знакомых не было, поскольку Федюню определили к младшим.

Парты оказались похожими на те, что были в прогимназии и в корпусе, только не черные, а желтеющие свежим деревом (и это очень понравилось Коле). Поначалу Коля вознамерился занять место рядом с Фролом, на предпоследней парте в правом ряду. Фрол не возражал. Но худой усатый наставник (которого звали Трофим Гаврилович и от которого пахло крепким трубочным табаком) рассудил по-своему. Решил, что более рослые должны сидеть сзади, а те, кто поменьше — ближе к учительскому столу.

— Чтобы в классе были надлежащие стройность и порядок и никто не загораживал другому обзор горизонта...

Ученику Лазунову велено было сесть на вторую парту в левом ряду, рядом со светлоголовым мальчиком, который был, кажется, чуть помладше Коли. Тот несмело улыбнулся, быстро подвинулся на край скамьи, давая соседу побольше места. С виду тихий такой мальчик, не задиристый и славный. И фамилия оказалась славная. Коля узнал ее в конце урока.

Трофим Гаврилович сперва объяснял школьные правила и говорил о порядке занятий, к которым ученики в полной мере приступят после Рождества. При этом раза два цыкнул на нескольких оболтусов, которые уже освоились в новой обстановке и затевали на задних партах возню. Затем сообщил, что в числе первых изучаемых предметов будут основы корабельного знания. Тому, кто готовит себя к работе на верфях, необходимо быть сведущим в устройстве судна.

Стукая по черной доске мелом, Трофим Гаврилович ловко изобразил трехмачтовый фрегат и обернулся к притихшим от любопытства мальчишкам.

— Ну-ка, приморские жители, кто скажет по порядку названия мачт и прочих частей корабельного рангоута?.. Ежели кто знает, без крика подымите над головой руку, а когда спрошу, встаньте и отвечайте... Чего-то не вижу рук-то... Вон ты, кудлатый, в синей рубахе, не знаешь ли чего-нибудь? Оно конечно, долбить соседа локтем легче, нежели помнить полезное... Ну? Кто?.. Срам. Ведь морячки дети-внуки...

«Неужто и Фрол не знает?» — досадливо думал Коля. Сам он дал себе зарок никогда не со-

ваться вперед, чтобы не прослыть бахвалом и выскочкой. Колин сосед вдруг несмело потянул руку. Дождался от Трофима Гавриловича восклицания «Давай, голубчик!» и встал.

— Если позволите, я скажу названия...

— Ступай к доске!

Мальчик вышел и, глядя не на рисунок, а на свои аккуратные (как у Коли) сапожки, рассказал негромко, но не сбиваясь, что мачты называются «фок-мачта», «грот-мачта» и «бизань-мачта», ежели рассматривать их с носа до кормы.

— Продолжения мачт именуется стеньгами, брам-стенгами и бом-брам-стенгами. На носу же — бушприт с утлэгарем и бом-утлэгарем...

— Весьма, весьма недурно отвечаешь, голубчик! Надобно только говорить побойчее. Чего смущаться, ежели знаешь так досконально... Как твоя фамилия?

— Славутский...

Наставник поводит обкуренным пальцем по списку.

— Славутский... Евгений... Садись, Евгений. Молодец... Теперь слушайте все. На сегодня дела наши кончены до следующей недели, тем более что праздник. В понедельник принесите с собой тетради, посмотрим, каковы у вас дела в письме. Теперь же ступайте по домам... Тихо, тихо! Я сказал «ступайте», а не бегите, как с горящего парохода!.. Экая неотесанная команда...

Вначале школу хотели устроить на Корабельной стороне, в нескольких уцелевших помещениях Ушаковских казарм, вблизи от доков. Хорошо, конечно, что рядом с кипучей корабельной жизнью. Но тогда ученикам, жившим в городской части (а таких было большинство), пришлось бы всякий раз дважды на дню огибать Южную бухту или переправляться через нее на яликах. Была даже мысль выделить для этого специальный баркас. Но потом подыскали здание у городского берега Южной бухты, примерно на полпути от конторы РОПИТа до Пересыпи. Это был одноэтажный, загнутый буквой Г дом с двумя пристройками. Его отремонтировали грубовато, но прочно. Места хватило для классов и для мастерских.

Коле и его приятелям, чтобы добраться от школы до дома, надо было пересечь городской холм, спуститься до Морской (разрушенной столь же сильно, как и Екатерининская), затем по разбитым каменным трапам опять подняться в гору и сойти с ее пологого гребня на склон, обращенный к Карантинной бухте и Херсонесу. Путь не столь уж длинный, но и не короткий. Где-то около получа-

Коля, проявив отчаянное упорство, добился от

Татьяны Фаддеевны слова, что она не станет встречать его.

— Довольно, что проводите один раз утром, если уж так вам хочется. А потом я буду ходить один... То есть не один, а с мальчиками, не бойтесь!

— Но ты должен обещать, что не станешь лазать по развалинам и задерживаться.

Коля, однако, задержался. Они с Фролом угорворились подождать Федюню, в классе которого еще не кончились занятия.

Другие мальчишки тоже не спешили домой. Кто-то бегал друг за дружкой по длинному, изогнутому углом коридору, другие, только что познакомившись, сидели в обнимку на широких ракушечных подоконниках. В одном закутке завязалась дружеская потасовка. К Коле никто не подходил, даже Фрол был в сторонке, беседуя с каким-то рослым парнишкой (кажется, соседом по парте). Коля повел плечами — от тревожного ощущения своей ненужности. Вспомнился коридор кадетского корпуса в тот первый, такой несчастливый день... К счастью, Коля увидел Славутского. Он тоже был один. Беспokoйно оглядывался, словно поджидал кого-то. Самое время было подойти: «Женя, вы так славно рассказали о рангоуте. Вы, верно, немало читали про корабли?»

Но Колю опередил кудлатый широколицый мальчишка — с пухлыми губами и скучающим взглядом. Один из тех, кто был усажен Трофимом Гавриловичем на задние парты. Подошел к Славутскому, слегка загребая сапогами.

— Эй, адмирал... Ты шибко грамотный в морских науках, да?

Славутский быстро стал спиной к стене, между окнами. Вскинул светло-синие глаза. На чистом, словно только что умытом лице — досада и опаска. Сказал негромко:

— Что тебе надо?

Кудлатый обрадовался.

— А мне «ништо»! Это тебе «што»!.. Чей «гудзик»? — И ухватил пуговицу на Жениной суконной курточке.

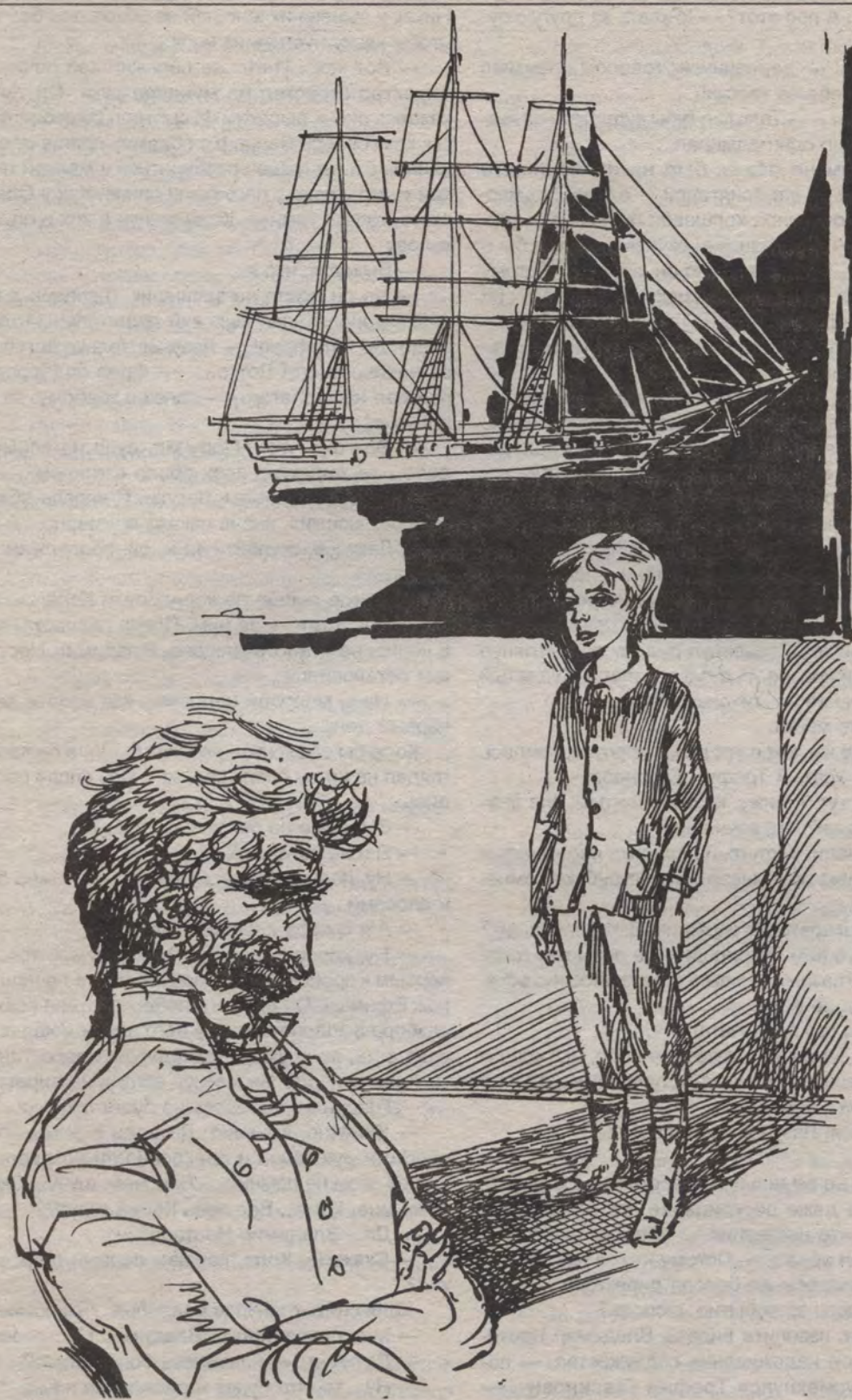
«Всё как тогда!» — ахнуло внутри у Коли:

Но такое «тогда» не должно повторяться! Ни с кем!.. И трусить дважды — это слишком! Для того он разве ехал сюда за тыщи верст!

Коля сам не понял, как оказался рядом со Славутским. Но ни тот, ни обидчик, его, кажется, не заметили.

— Отстань. Я знаю эту шутку, — не опуская глаз и по-прежнему тихо сказал кудлатому Славутский.

— Ха! Он всё знает! — Кудлатый радостно оглянулся на любопытных, что стояли уже за его спиной. И снова Славутскому: — Ты про *эту* гуд-

зик знаешь... А про этот? — И хватя за другую пуговицу.

— Оставь! — деревянным голосом произнес Коля. — Он тебя не трогал!

— А?.. Ы-ы... — Толстые губы кудлатого разъехались. — Еще один адмирал...

Он совсем не похож был ни на лощеного Нельского, ни на его приятелей — этакий подмастерье в подпоясанной холщовой рубахе, с разлапистым носом и торчащими скулами. Вроде бы и не злое лицо, но... Все равно он «из них»! Потому что, несмотря на улыбку, в жидко-серых глазах не было ни капельки доброго. Только холодный интерес и удовольствие от того, что можно измываться безнаказанно.

— Оставь... ты... — сипловато повторил Коля.

— А вот не оставлю! — заулыбался тот пуце.

— Хочешь смазь? — И растопыренными пальцами потянулся к Колиному лицу. Словно хотел сорвать его в горсть!

Отвращение потрянуло Колю крупным ознобом. И он вкатил негодяю звонкую пощечину!.. То есть хотел вкатить. Ладонью. Но пальцы сами собой сжались, кулак свистнул мимо щеки и костяшками смазал по губам. Кудлатый тут же прижал к ним ладонь. Замигал. Отодвинул руку от лица, глянул — на ладони красно. И с губ закапало. Кудлатый замигал сильнее и... тихонько завыл.

Коля тоже мигал.

И конечно же, как в тот раз, в корпусе, явилось начальство. Усатый Трофим Гаврилович.

— Э, да тут, я вижу, кровопрлитие! Для знакомства, что ли? Кто зачинщик?

Все молчали. Кудлатый перестал подвывать и снова ладонью прикрывал рот. На рубахе темнели капли.

— Ну так я повторно спрашиваю: кто зачинщик? — сказал Трофим Гаврилович, не повышая голоса. Обежал глазами каждого и безошибочно остановил взгляд на Коле.

— Это ты его припечатал?

— Я, — сумрачно отозвался Коля, вытирая о штаны костяшки. И начал мысленно прощаться с ремесленной школой.

— Кажется, Лазунов твоя фамилия?

— Да...

— Но он не зачинщик! — воскликнул Славутский. Однако даже восклицание его было столь негромким, что наставник не обратил внимания. Или не успел обратить. Потому что за его плечом возникла раздвоенная борода директора.

— Что здесь за событие, господа?

— Да вот, изволите видеть, Владимир Несторович, первое налаживание содружества, — почтительно усмехнулся Трофим Гаврилович. —

Никак у нынешних юношей не обходится без того, чтобы юшку пустить из носа...

— Вот как... И кто же положил сей почин? — директор скрестил на мундире руки. Он теперь казался очень высоким. И смотрел со своей высоты, как Господь Саваоф с облаков, слегка досадуящий, что вынужден разбираться в мелкой людской суете. Глаза у него были синие. Как у Славутского, только темнее. Коля глянул в них и опустил голову.

— Выходит, что я...

— Но он вовсе не зачинщик, господин директор! — прорезался высокий решительный голос. Надо же! Это Фрол! — Лазунов только вступился за невиноватого! Вот он... — Фрол подбородком показал на кудлатого, — полез к слабому, за то и получил!

— Вот оно что... Получил, судя по всему, за дело... — директор всех обвел взглядом. — Отправляйтесь по домам, петухи. И впредь обходитесь без «юшки», иначе накажу примерно... А ты... а вы, Лазунов, ступайте за мной, продолжим разговор...

Директор пошел по коридору, и Коля — сбивчивыми шагами — за ним. После поворота, когда в коридоре стало безлюдно, Владимир Несторович остановился.

— Ну-с, молодой человек... как же это вы? В первый день...

Коле бы объяснить все, как было, а он стоял и глядел на носки своих сапожек. Все слова потерялись.

— Вы вовсе не похожи на драчуна...

— Я и не хотел... А он...

— Ну, ладно. Ладно... Однако же, можно было и словами...

— А я сперва словами! А потом...

— Ну, хорошо, оставим это. Удача в том, что первым к происшествию подоспел я, а не наш сторож Ефимыч. Он бы, чего доброго, отвел всех без разбора в кладовую, где у него для подобных случаев есть, по слухам, подходящие хворостины...

Коля исподлобья метнул взгляд на директора.

— Говорили, что здесь не будет *такого!*

— Конечно, конечно. Да ведь Ефимыч-то по простоте душевной и преклонности возраста может об этом не помнить... Впрочем, шучу... Скажите-ка мне, Коля... Вас ведь Колей зовут?

— Да... Владимир Несторович.

— Скажите, Коля, как вам первый день занятости?

Коля опять глянул исподлобья. Уже посмелее.

— Мне понравилось, Владимир Несторович.

— Да? А что понравилось более всего?

— Ну... то, что будет корабельная наука.

— А! Вы чувствуете склонность к морскому делу?

— Да... мне нравятся корабли, — выдохнул Коля. И подумал: «Уж не знает ли он о корпусе?»

Директор, видимо, не знал. Кивнул:

— Весьма похвально. Я понимаю, что вы не стремитесь стать мастеровым в доках, но знание кораблей не лишнее для всякого человека, независимо от рода его занятий. Полезно оно и людям искусства, и людям науки. Ибо это знание — часть человеческого опыта. В кораблях есть особая стройность и гармония, которая облагораживает душу и тем помогает во всех делах... Я понятно изъясняюсь?

— Да, Владимир Несторович.

— Ну, ступайте. И кланяйтесь тетушке, — директор зашагал про коридору.

Коля (словно в корпусе) сделал строевой полупоклон его спине и щелкнул каблуками. Затем поспешил к ребятам.

Кудлатый плаксиво обвинял Фрола, что он ябеда. Фрол отвечал убежденно и снисходительно:

— Ябеда, это ежели человек ради выгоды жалуется или из подлости. А я не хотел, чтобы досталось невиноватому. Ты силён на того, кто меньше. Сам полез — сам и получил...

Женя Славутский держался в сторонке. Нерешительно улыбнулся навстречу Коле.

— Спасибо, что вступились. Я хотел сам, да не успел...

— Пустяки, — сказал Коля, тихонько гордясь собой.

— Директор сильно ругал вас?

— Ничуть не ругал... А вы хорошо отвечали про рангоут. Вы много читали о кораблях, да?

Фрол сказал со стороны:

— Перестали бы «выкать», не в лицо ведь. Засмеют.

— В самом деле... — спохватился Коля.

— Да, конечно, — опять улыбнулся Женя. Славно так улыбнулся, у Коли затеплело внутри. А Женя вдруг качнулся мимо Коли:

— Ой, за мной... то есть ко мне пришли. Это Лена, моя сестра.

Коля, оглянувшись, увидел в конце коридора девушку в серой шляпке и длинной суконной накидке. Женя побежал к ней, стуча каблуками. Потом оглянулся, махнул Коле ладонью. А между Колей и Фролом возник розовощекий радостный Федюня.

— Ждёте? А вот и я! Ну что, идем домой?

Конечно, Коля ни словечка не сказал Тё-Тане про драку. Тут бы такая воспитательная беседа началась — до ночи.

— Всё было в порядке. Директор речь говорил. Даже две... — Коля хихикнул про себя. — Одну торжественную, а другую... так, поменьше. О пользе корабельной гармонии.

— Что-что?

— Ну, как всем людям полезны корабельные знания... А не только тем, кто учится в морском корпусе.

— Николя, ты несносен...

— Причем тут я? Это директор. Кстати, он сказал: «Кланяйтесь тетушке».

— Да? И ты молчал полдня!

— Подумаешь! Поклон — не селедка, не протухнет...

— Николя! Это... что за речи? Ты где научился? У здешних детей?

— Это я сам придумал, — гордо сообщил Коля. — Литературная фраза для какого-нибудь сочинения.

— Ты решил отправить меня в могилу...

— Что вы, Тё-Таня! Если вы туда отправитесь, я буду очень огорчен. И все остальные тоже!

— Кто эти *остальные*?

— Ну... Борис Петрович, например...

— Весьма вероятно. Он меня ценит как помощницу... Кстати, он обещал сегодня вечером зайти, если будет возможность...

— Вот видите!

— Что «вот видите»? Он хотел поздравить тебя.

— Ну да, я понимаю...

— Николя!

— Больше не буду!.. Только сделайте мне еще один подарок к именинам...

— Вот как? Тебе мало того, что есть?

— Это ма-аленький, совсем недорогой подарок. Не зовите меня больше «Николя». По крайней мере, при посторонних... А то мальчишки смеются...

— В самом деле? И как же они смеются?

— Ну... вот так...

Ни коля, ни дворья,

Хоть и родом из дворян...

— Это наверняка Фрол! Я заметила у него склонность к неуклюжему рифмованию... По-моему, он какой-то... недобрый.

— Он... просто любит подшутить. Зато он справедливый! Заступается за тех, кто слабее. Вот и сегодня в школе вступился за одного...

— За тебя?! — всполошилась Татьяна Фаддевна.

— Ничуть не за меня! За себя я теперь, если надо, и сам постою исправно, — гордо ответил Коля. В слове «теперь» было немало смыс-

ла, и Татьяна Фаддеевна, возведя брови, собралась обдумать его. Но в этот миг в сенях деликатно поколотили в дверь.

— О! Это Борис Петрович! — Тетушка, шурша юбками, поспешила через комнату и кухню.

Оказалось, что это не доктор Орешников. Это были Фрол (легко на помине!) и Федюня. Оба сдернули шапки. Федюня посапывал, а Фрол — прямой и тонкошей — сказал независимо:

— С праздником вас, Татьяна Фаддеевна. Вы позволите Коле погулять с нами?

— Что?.. Да, с праздником. Вас тоже... Погулять?! Сейчас?! Мальчики, ночь на дворе!

— Да какая же ночь! — взвыл Коля и отчаянно оглянулся. Через дверь видны были тяжелые часы, оставшиеся от вдовы Кондратьевой. — Еще восьми нет!

— Но такая тьма...

— А у нас фонарь. И звезды ясно горят, — вдруг подал голос Федюня. И засопел пуще прежнего...

— Но...

— Ребята, подождите... — И Коля решительно уволок Татьяну Фаддеевну за рукав в комнату. Там он сказал со сдавленным стоном: — Тё-Таня, вы хотите, чтобы все говорили: «Он от теткиной юбки ни на шаг»? Вы же сами были против такого!

— Да, но... А что я скажу Борису Петровичу, когда он придет и спросит: «Где именинник?» Получится ужасно неприлично...

— Но он же не сказал, что придет *точно*! А если придет... посидите вдвоем, выпьете чаю за мое здоровье. Не соскучитесь...

— Кто-то отправится у меня за кровать, в угол, и будет стоять там до ночи...

— Ладно! Только после прогулки. Хорошо?

— О, Господь, за что мне эти испытания... — Татьяна Фаддеевна, тиская пальцы, опять вышла на кухню. — Все же я не понимаю такой фантазии. Бродить во тьме среди развалин. Чтобы свихнуть шею...

— Да мы ничего не свихнем, Татьяна Фаддеевна, — снисходительно сообщил Фрол. — И бродить не будем, а посидим в Боцманском погребке...

— Еще не легче! Это трактир?

Федюня заливисто засмеялся. Фрол объяснил терпеливо:

— Ничуть не трактир. Это подвальчик под хатой, где раньше боцман Гарпуненко жил, до осады еще. Дом разбитый, а погребок уцелел, мы в нем сделали себе место, вроде кают-компания. Там и печурка есть. Сходимся, всякие истории рассказываем, иногда чаек пьем. Вот и сегодня собрали кое-какую снедь, чтобы поздравить именинника...

— Тё-Таня, ну вы же помните! У нас с Юрой

Кавалеровым и Никиткой Броновым было похуже, в сарайчике на Касьяновом пустыре!

— Еще бы не помнить! Вы едва не спалили его своими свечками...

— Ну, погребок-то не спалить, — с прежней снисходительной ноткой отозвался Фрол. — Уж коли французы не смогли, мы и вовсе...

— И где же это... заведение? Где я должна искать Николь... Николая, если он до полуночи не объявится дома?

— Да чего там искать, это в двух шагах, — улыбнулся Фрол.

— И Саша знает, — опять подал голос Федюня. — Савушка за ней как раз побежал.

— А! Так значит, Саша пойдет с вами? — Видно было, что тетушка испытала немалое облегчение.

Фрол кивнул:

— Женские руки полезны, ежели надо готовить стол... Да вот и она!

В дверь протиснулись Саша и Савушка. Даже при слабой лампе заметно было, что щеки у них розовые с морозца.

Что было делать Татьяне Фаддеевне?

— Ну, так и быть. Но только через час...

— Тё-Таня!

— Через полтора часа изволь вернуться... Хотя ведь у вас нет часов. Возьми мои...

— У нас есть часы, — сказал Фрол. — Песочные, с фрегата «Коварны». По ним склянки били каждые полчаса. Два раза повернем — вот полтора часа и минули...

Татьяна Фаддеевна сказала, что очень уповает на точность этих часов. Она дала Коле остатки рыбного пирога и горсть лимонных леденцов — чтобы он мог внести вклад в угощение обитателей погребка. Потом, задавив в себе тревожные вздохи, проводила ребят по улице до лешенки, которая вела в щель между каменной стеной и пустым полуразрушенным домом. И они ушли вереницей, будто гномы в сказочную пещеру...

Савушка с круглым фонарем шагала впереди. У Коли постукивало сердце. Фонарь кидал вокруг желтые перья лучей. В этих лучах обозначился прямоугольный темный проём. Крутые ступеньки опять повели вниз. Чавкнула тугая дверь, из-за нее дохнуло теплым запахом овчины и горящих дров. В сводчатом каменном погребке тоже горел фонарь — яркий и добрый. Оранжево светилась полуоткрытая дверца печки — как огненная буква Г. Сбоку от печки сидели на лавке и радостно смотрели на пришедших Ибрагимка, Поперешный Макарка и... Женя Славутский!

Сказки развалин

Во время осады русские называли своих противников «союзники». Не потому, конечно, что те каким-то образом числились в наших друзьях — враги они и есть враги, — а потому, что были союзниками между собой: французы, англичане, сардинцы, турки. На турков, правда, смотрели как на рабочий скот, но формально все равно — товарищи по оружию...

Однако и среди русских находились союзники осаждавших (хотя скажи про такое этим русским — они, наверно, оскорбились бы)... Город был блокирован с моря, а на суше — с Южной стороны. Северная же сторона и дороги, ведущие вглубь Крыма и далее в Россию были свободны. По этим дорогам туда и обратно тянулись обозы. Из Севастополя везли раненных, в Севастополь — боеприпасы и провизию. Телеги, повозки и фуры тоннули в грязи. Волы и лошади по брюхо увязали в глиняном месиве. Еле брели уже заранее, до боев, измотанные и голодные солдаты пополнения. А в главном городе Крыма, в Симферополе, жирела чиновничья сволочь — всякие должностные лица в конторах, ведавших военными поставками, и не нюхавшие пороха офицеры разных интендантских служб.

Воровали обмундирование, медикаменты, провизию. Брали взятки за всё на свете: за оформление разных документов, за разрешения на постой, за пропуск в Севастополь.

Где-то в глубине России люди собирали хлеб, лекарства и одежду для тех, кто воевал, а здесь, менее чем в сотне верст от позиций, сытые чины тыловых ведомств требовали деньги с тех, кто сопровождал обозы — за позволение доставить грузы для защитников бастионов. Те, кто денег не давал, позволения не получали, неделями томились в бесконечных очередях — без надежды на какой-то исход, без корма для лошадей, без крова...

Очевидцы говорили, что вдоль тракта лежали целые баррикады мешков с мукой, которую так и не довезли до истекавшего кровью города. Разве могли командиры осаждавших армий желать союзников, более усердных, чем те, в Симферополе.

И все про такое знали! Говорят, и сам государь знал, но даже он был бессилён перед армией чиновничьего ворья и взяточников. Может, потому и помер, не дождавшись конца осады — понимал, что город, обложенный врагами с фронта, а «своими» с тыла, обречен, вот и не выдержал этой речи.

Конечно, не все в тех конторах были подлецами. Немало служащих возмущались бесчинства-

ми взяточников и душой болели о защитниках Севастополя. Да только у честных людей, как правило, звания невысокие, потому и власти — никакой.

Служил в ту пору в продовольственном ведомстве чиновник тринадцатого класса Кондратий Алексеевич Славутский, человек усердный и совестливый, имевший за старания свои еще до войны разные поощрения и получивший личное дворянство. Когда начались военные действия, вздумал он было пойти младшим офицером на бастионы, да только порыв этот разбился о реальные жизненные обстоятельства. Куда пойдешь, ежели грызут постоянные боли в позвоночнике, а дома растут две дочки — семи и пяти лет — и жена ждет третьего ребенка... Оставалось добросовестной службой на своем незаметном посту принести хоть какую-то пользу в общем деле борьбы с неприятелем.

А поди принеси эту пользу, когда наглое воровство стало почитаться уже не бесчестьем, а чуть ли не доблестью.

Пытался, конечно, Кондратий Алексеевич взывать и к совести сослуживцев (в том числе и начальства!) и поступками своими противостоят бесчестным делам. Но, как водится в таких случаях, сам же и оказался виноват. Приписали ему денежные недочеты и всякие нарушения в документах. Дело запахло судом. Спасло провинциального секретаря Славутского, можно сказать, чудо. Объявился в Симферополе знакомый офицер — один из яростных и нетерпеливых посланцев воюющей армии, близкий к самому Нахимову. Услыхав о невзгодах Кондратия Алексеевича, капитан-лейтенант Краевский извел из ножен саблю и косо рубанул письменный стол перед начальником Славутского. При этом поклялся, что, если его друга не оставят в покое, он, капитан-лейтенант, попросит Павла Степановича уделить этой истории десять минут, чего будет достаточно, чтобы в тыловом вонючем болоте кое у кого полетели головы.

К счастью, начальник был не только большой вор, но и большой трус. Славутского оставили в покое, хотя, конечно, о продвижении по службе теперь не было и речи.

Не было хорошей жизни и потом, после войны. И когда в Севастополе стал раскручивать свои дела набирающий силу РОПИТ, Кондратий Алексеевич с женой, дочками и сыном Женечкой перебрался туда. РОПИТу нужны были знающие делопроизводство и болеющие за дело служащие.

Город был разрушен, малолюдён и, казалось бы, вовсе не пригоден для хорошей жизни. Однако же дела пошли не в пример лучше, чем на пре-

жнем месте. И жалование положили достаточное, и жилье нашлось приличное, и работа была достойная, с настоящей пользой для общества, что Кондратий Алексеевич считал немаловажным обстоятельством.

Старшая дочка, Аннушка, скоро вышла за помощника капитана с парохода «Керчь». Младшая, Леночка, жила еще с родителями. Обучала, в меру своих сил и знаний, всяким наукам брата Женю. Делала это умело, поскольку недавно окончила в Симферополе женскую гимназию, а Женя был ученик понятливый и не капризный. Ему тоже пора было думать о гимназии. Конечно, личное дворянство провинциального секретаря Славутского не распространялось на детей, но в нынешнее время не одним дворянам открыт путь в науку, и Кондратий Алексеевич очень хотел видеть сына образованным человеком. Только отсылать его на учебу в Симферополь не хотел — с военной поры не любил он этот город. Ходили слухи, что вскоре в Ялте будет открыта мужская прогимназия, а там у Славутских жила родственница, она готова была принять у себя мальчика на время учебы. А до той поры отец определил Женю в ремесленную школу — чтобы привыкал к занятиям в классе, получал полезные навыки и не боялся ребячьего общения, а то уж чересчур тихий растет, знает лишь свои карандаши да краски. Умница, конечно, от книжек не оторвешь, да ведь этого будет мало, когда придется самому обустраиваться в жизни.

Женя поступлению в школу не противился. Понимал, что в отцовских рассуждениях есть правда. К тому же, школа имела отношение к корабельному делу, что было Жене тоже по нраву.

Таким образом, и в характерах, и в настроенях, и в планах на будущее у Жени Славутского и Коли Лазунова было немало общего. И может быть, именно поэтому судьба свела их в школе, а затем в погребке. Но они, конечно, не думали о судьбе. Просто обрадовались друг другу.

Коля обрадовался и удивился. А Женя несмело заулыбался ему навстречу.

Фрол покровительственно объяснил:

— Он ходил тут в сумерках и спрашивал: не знает ли кто, где живет Коля Лазунов. И наткнулся на нас...

— А мы говорим: «Идем в наш погребок, сейчас мы Колю приведем! — весело вмешался Федюня. — Только Макарка не хотел: «Чего, — говорит, — ненаших к нам водить...»

— Это он от поперешности, — подал голосок Савушка.

— Не от поперешности, а для порядка! — взвинулся Макарка. — Сами же договаривались, что

погребок только для нашей ватаги, а ежели всем чужим про него говорить, тогда что?

— Да какой же он чужой, когда мы в одном классе и друг за дружку сегодня заступались, — урезонил Макарку Фрол. Да, он был справедливый и временами умел быть добродушным.

— Раз дружка искал, значит, свой, — из полутемного уголка высказался Ибрагимка. И в голосе его прозвучала такая восточная мудрость.

«А я... выходит, я для них совсем уже свой?» — радостно подумалось Коле. Но эта радость была позади другой — от того, что Женя Славутский искал его и вот он здесь. Тепло стало внутри и в то же время навалилось вязкое смущенье. «Для чего же искал-то?» — хотел спросить Коля, а вместо этого выговорилось другое:

— А ты... далеко ли живешь?

— Не далеко. Надо спуститься к рынку, а потом еще переулками к Южной бухте, и там, возле трактира Петушенки...

«Ничего себе *не далеко*, — ахнул про себя Коля. — Это же почти у дома, где живет Борис Петрович! Как он, Женя, пойдет один в темноте!» — И под рубашкой шевельнулись холодные колючки.

Саша между тем деловито накрывала «на стол». Сразу видно было, что она здесь не впервые. Ловко застелила два сдвинутых дощатых ящика старым сигнальным флагом (с полинялым голубым квадратом на белом поле), разложила всякое угощенье, поставила разномастные, с трещинами, стаканы и фаянсовые кружки. Глянула из-за плеча. И — словно догадалась о Колиной тревоге за Женю:

— Вы, мальчишки, потом проводите его. А то как он один-то... Страх такой.

— Да никакого страха, — отозвался Женя с веселой беспечностью. — Я в этих местах все тропинки-закоулки знаю, хоть с завязанными глазами. За меня и не волнуются даже, если поздно. Только Лена, сестра моя, всегда охает. Но ей так полагается, потому что девица...

Эта беззаботная смелость Жени Славутского (такого робкого на первый взгляд) понравилась Коле и вызвала тайный завистливый вздох. Сам-то он ни в жизнь не пошел бы один через развалины в темноте. Даже днем и в компании — и то жутковато...

— Да мы проводим! — с веселой готовностью пообещал за всех маленький Савушка. — Мы всегда друг дружку провожаем. Сперва Сашу, когда она с нами, потом нас с Федюней, потом Макарку с Ибрагимкой, а уж после всех Фрол идет один. Ему не страшно, у него пистоль... Фрол, покажи новенькому пистоль.

— Экий у тебя язык, — укоризненно сказал Фрол. — Бренчишь как колокол на баке...

— Садитесь к столу, вояки, — сказала Саша. — Вон уж чайник вскипел.

Мягкий жестяной чайник булькал на гудящей печке. Была эта печурка квадратная, железная, с медными уголками и на прочно расставленных ногах. С вдавленным боком, но крепкая. Уже после Коля узнал, что ее нашли на месте английского лагеря. Во время осады союзники устраивались на зимовку старательно и завезли из своих стран немало вещей для удобной жизни. На печке была фабричная медная бляшка с надписью «J.W.Tompson. Glasgow»...

Все безобидно затолкались, устраиваясь у ящиков, поскидывали армячки и фуфайки — печка давала изрядное тепло. Коля оказался рядом с Женей на самодельной лавке — широкой доске, уложенной на каменные брусья.

Фрол, натянув обшлаг на ладонь, ухватил чайник за горячую ручку и разливал кипяток по кружкам и стаканам. Саша добавляла в них заварку из другого чайника — маленького, с яркими подсолнухами на белых боках. Савушка смотрел на горку розовых пряников и трогал кончиком языка пухлые губы. Коля наконец придавил смущенье и шепнул Жене:

— А зачем ты искал меня? В понедельник и так увиделись бы...

— Ты же не в понедельник именинник, а сегодня... Я подумал, что... ну вот, подарок... — Женя завозился, вытащил из-за пазухи небольшую толстую тетрадь в синей глянцевой корочке. Раскрыл. Бумага тоже была глянцевая, плотная. И очень белая. На первом листе нарисован был в полстраницы корабль под всеми парусами. Он мчался через волны, которые крыльями разлетались из-под форштевня. А над фрегатом среди круглых облаков неслись две чайки. Рисунок был словно отпечатанная черной краской гравюра. Сразу видно, что сделан тонким стальным пером, какие лишь недавно стали входить в обиход вместо гусиных.

Чудо что за картинка!

А под нею аккуратными буквами с завитушками было выведено: «Николаю Лазунову в день ангела. Е. Славутский. 1866 года, декабря 6-го дня».

— Как чудесно... Это вы... ты сам нарисовал?

— Сам... А в тетрадке ты можешь записывать что угодно. На память и вообще... Или тоже рисовать.

— Рисую я плохо. Я буду писать. Я давно уж хотел вести журнал всяких интересных событий, да все не мог собраться, а теперь уж точно... — И спохватился: — Спасибо!

Ребята, нависнув над столом с опасно горячими кружками, тоже разглядывали рисунок.

— Похоже на «Двенадцать Апостолов», которых наш дед мастерит, — выдохнул Федюня.

— Ну, ты скажешь, — оттопырил губу Фрол. — «Апостолы» были линейный корабль, а это фрегат. Смотри, орудийные порты в один ряд... Это вроде «Коварны», с которой наши часы... — И все оглянулись на два стеклянных шара (размером с яблоко), соединенных узким горлышком и укрепленных внутри подставки с точеными столбиками. Часы стояли на чурбаке, недалеко от печки, дверца которой была теперь открыта. Оранжевые блики дрожали на стекле, песок мелко искрился, перетекая из верхней колбы в нижнюю. Он бежал неторопливо, и времени впереди было еще много...

Пили чай, макая в него кусочки рафинада и просасывая сквозь них горячую влагу. Закусывали пряниками, пирогом и леденцами. Болтали, вспоминая школу, недавний салют Маркельча и смешной случай с незадачливой Савушкой. Того понесло зачем-то одного в разбитый дом у Якорного спуска, полез он в щель между обваленной стеной и печью и застрял. Висел в щели, болтая ногами, пицал и звал на помощь. Хорошо, что услышали Ибрагимка и Макарка, вызволили, сдали с рук на руки Федюне.

— Я говорю, чего тебя туда понесло, — вновь задосадовал на брата Федюня, — а он только сопит...

— Я за котенком полез! — раскрыл наконец причину своей беды Савушка. — Там котенок бежал, я хотел поймать!

— Вот дурной! Тебе зачем котенок-то?! — изумился Ибрагимка. — У вас и так две кошки, от них чуть не каждый месяц приплод!

— Я же не себе! Я думал, вдруг он той девочки! Я бы ее встретил и отдал. И стало бы ей хорошо.

— Ох, дурная голова... — опять сказал Ибрагимка и почему-то вздохнул. Все на миг примолкли.

— Никакой девочки нету и не бывает, — насупленно сообщил Макарка.

— А вдруг бывает, — шепотом заспорил Савушка. — Многие видели...

— Если она и была, котенок-то давно вырос, — рассудительно заметил Фрол. И потянулся к чайнику.

Коля видел, что все, кроме него, понимают что за девочка и что за котенок. Но спрашивать не стал, решил, что узнает после. Он размяк от чая, сытости и уюта. Чувствовал, как ему хорошо здесь, в Боцманском погребке, среди дружных незлобивых мальчишек, рядом с Женей и Сашей, сделавших ему сегодня такие славные подарки.

Трогал за пазухой Женину тетрадку и тихо радовался... И даже опасливая мысль, что в конце концов придется идти сквозь руины, провожать Женю, теперь уже почти не царапала его. А если и вспоминалась, он быстро говорил себе: «Ведь не один же, а со всеми. И с фонарем. И у Фрола пистоль...» И опять становилось спокойно. Кроме того, смелости добавлял огонь в печке, куда Макарка и Федюня часто подбрасывали щепки. Желто-красное пламя начинало метаться веселее, и Коле вспоминался рыжий мальчик на гнедом скакуне, что мчался вслед за поездом среди осенней листвы.

Вот уж кто был храбр без оглядки — тот мальчишка! И вспоминая его, Коля сам делался чуточку храбрее.

А Женя будто уловил Колины мысли и спросил Фрола:

— А что, у тебя правда есть пистолет?

Фрол полез за пазуху.

— Только ты про него никому ни слова. Семибас узнает — враз отберет.

— Я никому... — Женя принял в ладони тяжелое оружие. — Ух ты... Он заряжен?

— Нет пока. Вот когда пойдем, заряджу... — Фрол усмехнулся. — На всякий случай.

— А я стрелял из него, — сказал Коля, чтобы прогнать опять подкатившуюся боязнь. — Попал в бутылку. Скажи, Фрол...

— Попал, попал... — И Фрол усмехнулся снова. Может, учуял тайный Колин страх?

Поперешный Макарка (всегда его дергает за язык, где не надо!) хмыкнул задиристо:

— В бутылку чего не попасть! А ты попади в нежить, когда встретится! Против них, нежитей-то, никакой пистоль не защита, коль достанут средь пустых домов.

— К... какие нежити? — слабым голосом выговорил Коля.

Фрол лениво потянулся.

— Да ну, ты не слушай. Бабы меж собой такое сочиняют для интересу... Будто по развалинам ходят души английских да французских мародеров, что дома грабили, когда захватили город... Вишь, не награбились тогда до отвала, вот и лезают там до сей поры. А какого человека изловят, тому и крышка, больше его никто не найдет... Да только сказки это...

— Ничего себе сказки! — вскинулся Макарка. — Сколько народу попропало!

— Да ну вас, страх какой, — обиженно выговорила Саша. Но, кажется, без настоящего страха, а по привычке.

— Народ по всякой причине пропадает, — рассудительно отозвался Фрол. Взял у Жени писто-

лет, глянул на песочные часы вдоль ствола. — А валят на нечистую силу...

— Никто этих нежитей не видел, болтают только... — беспечно сказал Женя вроде бы всем, но в первую очередь, кажется, Коле.

Федюня опасливо возразил:

— Как же никто не видел? Много людей, которые видели... Наш дед видел.

Фрол опять небрежно посмотрел вдоль ствола.

— Ну, так он, небось, после хорошей чарки...

— Ты про деда так не говори, — враз насупил-ся Федюня. И Савушка заодно, даже пряник отложил.

Фрол сунул пистолет за пазуху.

— Я же не для обиды, а для разъяснения. Наш сосед дядько-Михей Ставрида тоже как примет несколько стопок, чего хошь может увидеть по темным углам. Это с теми, кто в годах, часто бывает... Ибрагимка, скажи, у тебя дед ведь тоже...

Ибрагимка блеснул глазами.

— Мой дед не пьет, ему Коран не велит. И нежитей он не видал... А барабанщика видел, даже говорил с ним...

— Барабанщика многие встречали, — серьезно сказал из-за поднятой кружки Савушка.

Почему-то опять все примолкли.

— Что за барабанщик? — вполголоса спросил Коля у Жени.

— Это... вроде как легенда. Убитый французский мальчик-барабанщик. Барабан у него разорвало осколками. Говорят, еще осада не кончилась, а он уже ходил... По нашим позициям ходил и по городу и все спрашивал: «Вы не видели мой барабан? Мне без него в полк никак нельзя возвратиться... И сейчас будто бы ходит ночью, печальный такой. Все его жалеют, да барабана-то нет...

Ледяные колючки прошли теперь у Коли не только по спине, а от затылка до пяток. Он изо всех сил улыбнулся.

Фрол опять зевнул.

— Вы бы подумали умными головами: кто его может понять, о чем он спрашивает? Кто у нас тут знает по-французски?... Ибрагимка, твой дед покамоу с ним разговаривал?

— Я почем знаю? Спроси деда...

Фрол непонятно улыбнулся:

— Вот тебе, Николай, в самый раз было бы побеседовать с французиком, ты ведь разумеешь...

«Этого еще не хватало!» Он даже не обиделся на «Николая», только стукнул зубами. И, чтобы не заметили его новый страх, спросил небрежно:

— А что за девочка с котенком? Тоже из этих... из привидений?

Федюня бросил в огонь новую щепу и сказал от печки со странной ласковостью:

— Она была дочка офицера. Он погиб на бастионах, а ихняя семья всё жила тут, никак не уезжала. Говорят, на Морской. А потом, когда уж совсем нестерпимая стрельба, стали уезжать, погрузились на телегу, а девочка с нее вдруг прыгнула и обратно в дом...

— Там остался котенок, — вздохнул Савушка.

— Ну да. Все ей кричат: вернись, вернись, а она его ищет. Мать хотела за ней следом, а тут бомба в дом, стену обрушила... Потом все камни разгребли, а девочки нету. И вот, говорят, до сих пор ходит она по разбитым домам, ищет котенка...

— Даже если и правда, то ведь не страшно, — негромко сказал Женя. Опять будто бы всем, но прежде всех Коле. — Я про девочку и барабанщика. Жаль их, только и всего. Они же вреда никому не делают...

— Ага, не делают! — подскочил у печки Макарка. — А как увидишь их, сразу, небось, в штаны напустишь!

— Ох и язык твой, Макарь, — по-взрослому заметила Саша. — Будешь на том свете калёные сковородки лизать...

— А чего! Я же правду сказал... — Похоже, что Макарка струхнул, услышав про сковородки.

— А правда такая, что вообще тут никаких страхов нет, — веско подвел итог Фрол. — И барабанщик этот, и девчонка, и нежити мародерные, они, если даже и есть по правде, то кто они? Призраки. А призраки состоят из тумана, а от тумана какой вред человеку? Никакого ощущения, даже потрогать их нельзя...

«Ужас какой! Не хватало еще их трогать!»

— А зачем тогда пистоль заряжать? — ехидно спросил Макарка.

— Пистоль от настоящих разбойников, если вдруг сунутся... — Фрол опять загадочно улыбнулся.

Спящие бомбы

Коля с оживлением повозился на своем сиденье. Настоящие разбойники — это ведь совсем не так жутко, как призраки.

Саша неуверенно заспорила:

— Да откуда же тут разбойники? Сроду не бывало...

— Как же не бывало! Вон сколько про них говорят! — непонятно чему обрадовался Савушка.

— Говорят про тех, кто на дорогах, — отмахнулась Саша. — А у нас тут чего грабить?

— Уж они найдут чего, — хмыкнул Фрол. — Только попадись...

— Разбойники маленьких не трогают! — резко сказал Ибрагимка.

— Ох уж! — тут же свинтился Поперешный Макарка.

— Ничего не «ох уж!»! Зачем споришь? Алим никогда детей не обижал! Даже если встречал богатых, а с теми дочка или сын маленькие, он отпустил, не брал ничего!

Фрол ручкой пистолета почесал нижнюю губу.

— Ох, держите Ибрагима, а не то он про Алима будет врать неудержимо...

Ибрагимка сверкнул глазами:

— Ничего не врать! Про Алима — всё правда! А у тебя язык вредный!

— Ну, ладно, ладно... — усмехнулся Фрол. — Начинай рассказывать. Все равно не удержишься.

— Не буду. Вы сто раз уже слышали...

— Вот они не слышали, — Фрол пистолетом показал на Колю и Женю.

— Я что-то слышал, да плохо помню, — сказал Женя.

«И я слышал!» — чуть не сунулся вперед Коля, но решил повременить. И спросил:

— А кто такой Алим?

— Знаменитый человек был! — живо подался вперед Ибрагимка. Видно, ему и вправду хотелось вновь рассказать эту историю. — Такой самый храбрый, такой самый добрый! Богатые его боялись, бедные любили, он за них всегда заступался... Только это давно было, еще до войны...

Ибрагимка быстро обвел ребят глазами: рассказывать?

— Расскажи, — попросил Коля, а остальные задвигались, устраиваясь поудобнее.

— Алим жил в Карасубазаре. Сильный был, веселый был, никого не боялся. Гулял как хотел, в лавках у караимов брал, что хотел. Караимы, они самые богатые, у каждого лавка с добром в Карасубазаре. Алим их не любил, а они его не любили... Однажды сговорились и отдали Алима в солдаты. В какую-то далекую крепость. Бор... бурскую какую-то...

— Бобруйскую, наверно, — сказал Коля. Он слышал про эту зловещую крепость от тетушки. Она говорила, что там держали в заключении некоторых декабристов.

— Ну да, в нее... Решили, что его там быстро загонят палками в могилу... Но Алим хитрый был, нрав свой на время спрятал и сделался исправным солдатом, по уставу. Начальники видят — совсем правильный человек, незачем его в крепости держать, ну и пишут в Карасубазар: забирайте, мол, вашего Алимку обратно. А караимы не хотят: и боятся, и зло на него держат по-прежнему.

А он как узнал про такое, весь распалился в себе и говорит: «Вы меня, честного солдата, принять не захотели, тогда узнаете меня разбойником. Да поплачете!» Убежал он из крепости и всякими хитрыми путями добрался до Карасубазара. Вот тут и правда заплакали от него все его враги. Все богатеи, все купцы-караимы да мурзаки... А бедных никогда не трогал, отдавал им всякое добро, что отбирал у богатых...

Ибрагимка увлекся рассказом. Говорил он с восточной монотонностью, но взгляд его (с отражениями печуркиного огня в зрачках) живо перескакивал от одного лица к другому. Фразы текли без перерыва — видно было, что разбойничью историю Ибрагимка повторяет уже который раз. Все, однако, слушали, будто впервые, с приоткрытыми ртами. Даже Фрол не усмехался, лишь один раз встал, перевернул часы, когда иссякла песочная струйка.

Алим в рассказе Ибрагимки представал неуловимым героем-одиночкой. Не было у него сообщников. Были только три верных друга: кривой закаленный кинжал, меткое английское ружье, да небольшой, но быстрый и выносливый скакун степной породы.

Скоро Алим стал владыкой крымских степей. Никто из жителей не смел ему перечить. Любой дом был для него открыт, везде его кормили, поили, одевали. Все склоняли перед ним головы. Поймать его было невозможно. А если случалось, что солдаты или полиция окружали и наваливались, Алим легко раскидывал врагов и уходил — силы он был богатырской.

Умел Алим оказываться там, где его не ждали. Только пройдет слух, что видели его у Карасубазара, и евпаторийские купцы с облегчением собираются в Симферополь, а он — глянь! — уже у них на дороге!

Зря не стрелял, не убивал. Остановит в степи экипаж, велит всем выйти и отойти на сотню шагов, а деньги и всякие ценные вещи оставить на обочине. Никому и в голову не приходило спорить. Случалось, что в фургонах ехало немало сильных здоровых мужчин, но они разом делались тихими, как провинившиеся мальчишки...

Часто Алим разгуливал по Феодосии и Бахчисараю, Евпатории и Карасубазару, ни от кого не прячась. Дворники кланялись ему, а трактирщики заранее готовили угощение. А как только появлялась опасность — Алима и след простыл! Везде среди местного народа, особенно среди татар, были у него свои глаза и уши...

Начальство посылало отряды солдат, расставляло на дорогах патрули, устраивало ночные облавы, Алим же, не стесняясь публики и полиции,

гулял по бульвару в губернском городе, раскланиваясь со знакомыми...

Один раз Алим ограбил заезжего генерала. Тот ехал в карете, запряженной шестеркою почтовых лошадей. Генерал не понимал, отчего вдруг при виде одинокого всадника все люди — и охрана, и кучера, и лакеи — впали в столбняк. Он ругался, бил ямщика по шее, но тот сделался как деревянный. Алим нацелился из ружья и сказал:

— Бросьте в окно бумажник, ваше превосходительство. Даю вам одну минуту.

Генерал был, наверно, не трус, но то ли не было при нем оружия, то ли не сумел до него дотянуться. А вместе с ним ехала дочка, и рисковать ею генерал никак не хотел. Стиснув зубы, выбросил бумажник...

А потом генерал прискакал в Одессу и поднял там шум на все южные губернии: «Как этот так! Всюду стоят войска, жандармов и полиции не счесть, а поймать одного грабителя никто не может! Срам на всю Российскую империю! Я дойду до государя!»

Тут уж охота за Алимом развернулась несравнимо пуще прежней. А крымские власти начали всячески притеснять и штрафовать татар. Это вы, мол, привечаете да укрываете преступника-грабителя, вот и отвечайте все вместе. Никто из татар, однако, Алима не выдал. Но был у него давний недруг, русский волостной голова в селении Зуях. Крепкий такой мужик, богатырь не меньше, чем сам Алим. Он поклялся поймать Алима, гонялся за ним по всем дорогам. И однажды наступил. Алим на свою беду был пьян, не сумел уйти от погони. Навалилось на него народу видимо-невидимо. Он, однако, всех раскидал, выхватил у полицейского саблю, отсек врагу руку и умчался на своем скакуне.

Одно плохо, погоня не отставала, Алим ослабел и спрятаться было негде. Тогда он решил на отчаянный шаг — укрыться прямо во вражьем гнезде, в Симферополе. Прискакал в городской сад, что разбит против губернаторского дома, привязал коня к беседке и улегся там спать. Время было ночное, темное... Там на Алима и наткнулся городской, что в полночь делал обход. Посветил фонарем, узнал, тихо ахнул и побежал за подмогой. И на сей раз этой подмоги явилось столько, что отбиться не было уже у Алима силы.

— Ах, кабы поменьше пил вина, — горевал он по дороге в острог.

Посадили Алима в тайный каземат, под строгую охрану, но он сумел бежать и оттуда, сманив с собой часового (тот и отпер штыком дверь). Оба перебрались через высокую стену и ушли.

В другой раз взяли Алима, когда он ночевал у

чабанов. Всех, кто там был, перевязали на всякий случай. Оказалось, что предал Алима богатый татарин-мурзак, привел жандармов к землянке...

По закону считался Алим беглым солдатом, и потому приговорили его прогнать сквозь строй, дать несколько тысяч палок. Били его солдаты отчаянно, потому что ненавидели: ведь из-за него не было им ни днем, ни ночью покоя, постоянные патрули, тревоги, облавы да походы по степи. Вот и отводили теперь душу. Всех ударов Алим не выдержал, упал без памяти. Кровавое мясо ключьями висело со спины. Его подлечили, а потом погнали опять, чтобы выдать всё сполна. Он и во второй раз не выдержал, и его погнали сызнова...

Однако и после того Алим сумел уйти из острога. Только прежних сил уже не было, отбили ему всё внутри, кровью плевал. Он бежал в Турцию и оттуда передавал через верных людей, что вот накопит прежнее здоровье и вернется в родные места. И тогда все его недруги снова вспомнят Алима...

— Да не вернулся, — с привычной печалью закончил рассказ Ибрагимка. — Началась война, а где война, там и так полно разбоя каждый день. А потом, говорят, Алим умер в Стамбуле, так и не набрался здоровья до прежней силы...

Все помолчали, не столько жалея Алима, сколько уважая Ибрагимкину печаль. А когда в шуршании песка и потрескивании огня прошла минута, Коля значительно произнес:

— А может быть, он все-таки не умер? Может быть, вернулся?

Все разом глянули на него, а Фрол оттопырил губу:

— С чего ты взял?

— А вот... — Коля сунул пальцы за пазуху, во внутренний карман суконной курточки. Вытащил сложенный во много раз газетный лист.

Это были «Вести Тавриды», что печатались в Симферополе. Тетушка во время поездки вернула в них какую-то свою покупку, а Коля потом подобрал, прочитал и... спрятал на память.

— Смотрите, что здесь написано... — Он подвинулся ближе к стоявшему на столе фонарю. — «По сообщениям, поступившим к нам из Полицейской части, а также по рассказам господ пассажиров, имевших надобность путешествовать по дорогам Крыма, стало нам известно, что на пути между Бахчисараем и Симферополем несколько раз объявлялся некий всадник, показывающий самые дерзкие намерения. Он грозил седокам в фургонах ружьем, стрелял в воздух и однажды подверг лиц, едущих в почтовом экипаже, самому бесцеремонному ограблению, поскольку там не нашлось никого, кто сумел бы дать злоумышлен-

нику достойный ответ. Несколько раз означенный злоумышленник гнался за экипажами, но ямщики пускали лошадей вскачь, и разбойник не смел преградить им дорогу, а его стрельба была то ли нарочито поверх голов, то ли безуспешной в силу неопытности. Недавно же разбойник едва не заплатил за свою дерзость головой, поскольку в фургоне оказались двое вооруженных мужчин, которые открыли по нападавшему огонь из револьверов. Всадник, пригнувшись и громко крича, скрылся в степи, и после того о нем не было более никаких известий... Некоторые свидетели нападений утверждают, что, преследуя экипажи, всадник кричал, будто он никто иной, как знаменитый разбойник Алим, наводивший ужас на жителей Тавриды перед Крымской войной, и что он вернулся для отмщения...» Вот такая статья, — закончил чтение Коля и оглядел ребят.

Те молчали, посапывая и царапая затылки. Только Фрол снисходительно улыбался.

— Значит, не зря бабки болтали... — высказался наконец Поперешный Макарка.

Ибрагимка потер пальцами лоб, покачал головой:

— Нет, это не Алим. Это какой-то дурак назвался его именем... Алим разве не сумел бы остановить лошадей? Он все что хочешь мог. И никогда не боялся... Алим умер.

— С чего ты такой уверенный? — насупленно сказал Фрол. — Может он, пока в Турции жил, помнил да теперь не прет на рожон...

— Алим умер, — повторил Ибрагимка, глядя на огонь. — Если бы он не умер, он вернулся бы еще давно. Чтобы заступиться за татар, когда их выселяли...

Все опять примолкли. Каждый (может быть, только кроме Жени) знал, что Ибрагимкиных отца и мать убили казаки, когда бесчинствовали при выселении татар в Турцию. А выселяли их потому, что считали изменниками. Будто татары помогали союзникам воевать против русских.

Многие так считали. В Петербурге было про то немало разговоров. Даже Татьяна Фаддеевна при беседах с приятельницами возмущалась «этим азиатским вероломством», хотя иногда добавляла:

— Но, рассуждая с другой стороны, их можно понять. Они мусульмане и до сих пор льнут к Турции...

Потом, уже здесь, у Черного моря, Коля узнал, что ни к кому татары не льнули, а хотели одного — чтобы дали им мирно работать на этой каменистой крымской земле, пасти скот и чтобы не слишком грабили русские начальники и свои татарские богатеи-мурзаки. Это однажды при Коле высказал

в разговоре с тетушкой доктор Орешников. При этом непривычно горячился:

— Да представьте же, любезная Татьяна Фаддеевна, дикость ситуации! Вместо того, чтобы преследовать и уничтожать воров-чиновников, здесь гнали и расстреливали безобидное и трудолюбивое племя — татар. Господи, за что?.. Эти разговоры об измене! Да если бы замышлялась измена, кто мешал татарам в одночасье поднять во всем Крыму поголовное восстание? Светлейший князь Меншиков канул с русской армией неизвестно куда! Турки и союзники были рядом! Бахчисарай был полностью татарским, в Симферополе жителей — две трети татары! Но не было никаких возмущений!..

— Однако же рассказывают, что взятых в плен жандармов и станowych татары не жаловали...

— Тех, кто над ними издевался до войны! А с теми, кто был человекен, обходились как с гостями, на то немало свидетелей... Татар обвиняют, что они с беспрекословностью подчинились властям интервентов. Да. А что им, безоружным, было делать? А русские в таком положении не подчинились бы?.. И почему к новым властям должны они были относиться хуже, чем к прежним? От русских чиновников и полиции татары натерпелись поболее, чем от англичан и французов... И тем не менее нет ни одного серьезного свидетельства, что татары где-то помогали нашим врагам...

— Но под Евпаторией они стреляли в наших солдат! Это доказано!

— Да! Потому что доблестные союзники поставили их впереди себя и навели им свои штуцера в спины! А у татар в деревнях оставались семьи, дети... Вообще же разговоры об измене были удобным поводом для безнаказанных издевательств над этим мирным населением. Особо лютовали казаки. Достаточно было им встретить на дороге одиноко бредущего татарина, как тот в миг объявлялся шпионом, после чего — кнут, пытки, а то и пуля. Если где-то собиралась кучка татар, по ней открывали огонь без предупреждения... Под видом борьбы с изменою казаки угоняли отары, жгли деревни, а заодно не щадили и русские поместья, оставленные хозяевами. Мне рассказывали очевидцы, как эти «храбрые воины» врываются в дома наших помещиков, били зеркала, рубили мебель, распарывали перины в надежде отыскать спрятанные деньги... Так что у этой войны, Татьяна Фаддеевна, были две стороны...

— Как и у всякой другой, наверное, — вздохнула тетушка.

— Вы правы... А потом татар начали выселять. Кого склоняя к «добровольному» отъезду в страну единоверцев, а многих принуждая силою. Всё

под те же разговоры о недавней измене. А истинной причиной было желание захватить их земли и устроить хозяйства «европейского образца». И что же мы видим? Из трехсот тысяч татарского населения осталось не более ста тысяч, а где хутора и села новых владельцев? Им не по зубам оказалась здешняя твердая земля. Только те, кто жили в этой знойной степи столетиями, были приспособлены обрабатывать здесь почву и разводить скот. Нынче же — запустение. Там где паслись три десятка отар, ходит одна. Где были поля, нынче выжженные солнцем пустоши. Стада верблюдов исчезли вовсе. Вместо деревень развалины. Продукты вздорожали немислимо... А сколько было крови...

Коля слушал, притихнув в уголке. Татьяна Фаддеевна молчала, словно в горестях крымских татар была частичка и ее вины. Потом вздохнула:

— Да, здесь многое видится иначе, нежели в столице...

— Извините меня. Я погорячился и огорчил вас...

— Не огорчили, а помогли взглянуть на вещи по-новому... Однако же, давайте пить чай. Я подозреваю, что вы опять не ужинали...

Тот разговор был вскоре после возвращения тетушки и доктора из Симферополя. Коля слушал и осторожно вертел в руках листок «Вестей Тавриды». Он догадался, что Тё-Таня не читала его, а просто использовала для обертки. Иначе бы она спрятала газету подальше, чтобы не волновать впечатлительного племянника историей о разбойнике. «А может быть, один из тех, кто стрелял по всаднику, был доктор Орешников?» — подумал было Коля. Но нет, число на газете оказалось старое, она вышла за две недели до поездки.

...А после долгого таскания в кармане газетный лист сделался еще более старым и помятым.

— Дай-ка... — попросил Фрол. Шевеля губами перечитал рассказ о таинственном всаднике и сказал с зевком: — А, дурость одна. Ибрагимка правильно говорит: никакой это не Алим... — Он быстро сложил бумагу и потянулся с ней к дверце пещурки.

— Стой! Ты что! — Коля перепуганно выхватил газету.

— Да тебе она зачем? — удивленно хмыкнул Фрол. — Сам в разбойники, что ли, собрался? Как Дубровский?

— Не твое дело, куда собрался... Я и не ради этой статьи газету берегу. Тут другое... Вот... — Коля вновь развернул газетный лист. — Это стихотворение. Про осаду... и вообще...

Одному Фролу Коля не стал бы ничего объяснять, хотя как раз Фрол был не чужд склонности к

рифмованию. Но здесь были Женя и Саша. Федюня с Савушкой слушали тоже по-доброму. Да и Макарка с Ибрагимкой смотрели без насмешки. И Коля сказал:

— Мне понравилось, вот я и сохранил. А в кармане ношу, потому что забываю вынуть... Теперь уж точно выну. И перепишу в твою тетрадку... — Он быстро глянул на Женю. Тот благодарно улыбнулся.

— Что за стих-то? — небрежно спросил Фрол.

— А вот прочитаю сейчас... Прочитать?

— Конечно! — звонко сказал Женя. Остальные повозились — тоже с готовностью слушать.

Коля опять придвинулся к фонарю. Разумеется, он стал читать без той выразительности, которой не раз пыталась выучить его Тё-Таня. Однако внятно и неторопливо.

*Давно закончилась осада.
В приморском воздухе теплынь.
У крепостного палисада
Седует древняя полынь.*

*И там, в полины и щебенке,
Ржавая тихо до поры,
Уютно, как дитя в пеленке,
Лежат чугунные шары.*

*Иным уже не снится порох —
Ведь ядра сплошь из чугуна.
Но есть такие, для которых
Еще не кончена война.*

*Они в своем покое хрупки.
Беда их в том, что в нужный миг
Огонь дистанционной трубки
К заряду бомбы не проник.*

*И шар с пороховой утробой,
Покрывши ржавчиной бока,
Лежит притихшим недотрогой —
Он хочет искры, иль толчка.*

*То ночь, то знойный день нахлынет...
Скользит в тиши за годом год.
И может быть, никто в полины
Шары не сыщет, не толкнет.*

*Они, возможно, станут прахом
Без грома, дыма и огня.
...Но есть во мне кусочек страха,
Что ждет один из них — меня.*

Коля дочитал и смущенно примолк, глядя в стол. Другие тоже молчали. Слышно было только,

как жует пряник Савушка. Потом Саша тихонько сказала:

— Опять про это... Страх какой...

— Кто сочинил-то? — наконец небрежно спросил Фрол.

— Француз один. Шарль Дюпон...

— Разве французы могут сочинять по-нашему? — не поверил Макарка.

— А он по-своему... Вот тут написано. «Недавно в наших краях побывал французский литератор месье Шарль Дюпон, который во время Крымской кампании служил офицером в дивизии Мамагана и принимал участие в штурме Малахова кургана, где и был ранен штыком в плечо. Нынче он посетил в Севастополе памятные ему места, а оказавшись в нашем городе, принес в редакцию свои стихи. На русский язык их перевел, с любезного разрешения автора, преподаватель мужской гимназии г-н Раздольский...»

— Ну и глупо перевел, — сумрачно сказал Фрол. — «Палисад» какой-то... На бастионах никаких палисадов не было, а были бруствера...

Коля заступился:

— Это ведь не только про здешние бастионы, а вообще про войну. У некоторых крепостей внешнее ограждение называется палисадом. Здесь так для рифмы сказано, чего придираться-то...

— А про бомбы всё правильно, — вдруг подал голос Федюня. — Лежат, лежат, а если зацепишь ненароком... Помните, как на Третьем бастионе в том году? Сразу двоих...

— Кабы только там... — вставил слово Макарка. — Мы раньше на Аполлоновке жили, у меня там дружок был, Васятка Тихий. Нашел такой шарик, катнул по ступенькам, да сам же за ним и побежал...

Федюня вздохнул по-взрослому:

— Всех случаев-то и не сочтешь...

— Каких случаев? — разом осипнув от страха, спросил Коля. Хотя спрашивать было глупо: и так понятно.

— А вот таких, значит, интересных, — привычно хмыкнул Фрол. — Идет человек с головой, и бах — нету головы... Ты, Николя, тут человек новый, потому запомни. Будешь летом лазать по траншеям, так на ядра гляди с умом. Когда совсем гладкое, тогда не страшно, а ежели в нем дырка или торчит какая-нибудь пискья, лучше обойди стороной...

— Ты, Фрол, совсем бессовестный со своим языком, — сказала Саша.

— А чего... Торчит и торчит. Это, значит, остаток трубки или фитиля. А внутри начинка...

Коля съежил плечи, накрытый новой волной страха. Вот, значит, как здесь бывает! До этого

часа он про такое и не думал. Когда прочитал в газете стихи Шарля Дюпона, то слова про спящие в полях бомбы он воспринял не по правде, а в переносном смысле. Ну, как бы про судьбу. Будто о том, что во время войны смерть пощадила боевого офицера, но не отпустила совсем, а ходит по пятам. Может открыть в нем старые раны или ударить по сердцу такой памятью, что оно не выдержит... А выходит — бомбы на самом деле. Рядом...

Но страх накатил, сдвинулся холодом на минуту и милостиво растаял... Ведь здесь-то и сейчас, слава Богу, никаких бомб не было. А потом Коля будет осторожен, не станет задевать шары с дырками и с... этими... Он нерешительно глянул на Женю. Тот смотрел ободряюще и ласково. Кажется, он все понимал: «Не бойся...» — «Да я уже и не боюсь. Почти...»

Наверно, чтобы увести разговор от страшного, Женя вдруг спросил совсем о другом:

— А правду говорят, будто тендер «Курган», что у Федоса Макеева, это бывший «Македонец» лейтенанта Новосильцева?

— Ну и врешь! — взвизнул Поперешный Маркара. — «Македонец» был быстрее всех, а «Курган» — лапоть расхлябанный!

Фрол деловито возразил:

— Не лапоть он, а просто старый, починки требует. Да и как ему со всей скоростью ходить, если экипажа нету. Грот поставят, а на топсель уже силенок не хватает... А про то, что это «Македонец», я тоже слышал, от Маркелыча. Он говорит, что когда Новосильцев с матросами ушли из Синекаменной бухты, тендер остался на отмели. Французы его стаскивать не стали, не до того было, только орудия сняли. Так он и лежал там после войны. А потом стянули его, привели в Сухарную бухту. Туда сгоняли старую корабельную мелочь да продавали по-дешевке, каждому, кто захочет. А тем, кто в осаде воевал, — совсем задешево, как бы в награду. Вот Федос Макеев и получил корабль. Да только старый он, Федос-то, ходить боится, и чтоб матросов нанимать, денег нету...

— Все равно это не «Македонец», — упрямо заявил Макарка.

— Ай, тебя разве переспоришь, — сказал Ибрагимка.

Савушка вытер с губ крошки пряника и предположил:

— Надо у деда спросить. Дед всё про корабли знает.

— Да он только про своих «Апостолов» и знает, — упрямо отозвался Макарка.

Саша вдруг сказала:

— А я слышала, что никакого «Македонца»

вообще не было. И Новосильцева не было... Будто все это сказка.

Фрол оттопырил губу.

— Ты, небось, от соседских бабок это слышала. Они наговорят...

— Да ведь и про бухту эту, про Синекаменную, никто не знает толком, где она... — нерешительно возразила Саша.

Фрол сказал пренебрежительно:

— Потому что бухт вон сколько, а в названиях полная бестолковость. Даже моряки путаются. Одну и ту же называют то так, то этак... то совсем никак...

— Женя, а что за тендер «Македонец?» — спросил наконец Коля.

— Ну, это, может, правда, а может, легенда времен осады, — охотно заговорил тот. — Скорее всего, правда, потому что...

Но узнать про «Македонец» на этот раз Коля не смог. Дверь ухнула, отворилась и выпустила с холодным воздухом веселый голос Лизаветы Марковны.

— Ох и засиделись вы, голубчики! Не пора ли по домам?

Они и правда засиделись. Песок в часах давно пересыпался весь в нижний шар, и про них забыли. Огонь в печке догорал...

— Саша, идем-ка, голубушка! Коля, тебя Татьяна Фаддеевна тоже заждалась, места не находит!

— Мне еще нельзя! — вскинулся Коля, отчаянно прогнавши из души все страхи. — Я с ребятами пойду Женю провожать!

— Да зачем тебе ходить, — добродушно возразил Фрол. — Нас и без того целая команда, не пропадем. А Татьяну Фаддеевну тоже пожалеть надо. Небось не сладко одной-то в пустом доме...

Он сказал это без всякой подковырки. И не «тетушку», не «тетку», а «Татьяну Фаддеевну», серьезно так. Получилось, что Коля вроде как ее заступник, потому и не должен идти с остальными. От такого поворота Коля испытал великую благодарность к Фролу. Но скрыл ее конечно и попытался еще спорить. Однако Женя прошептал:

— Тебе правда лучше пойти домой. Тетя ведь в самом деле боится... А завтра я к тебе зайду. Можно?..

Тетрадь с корабликом

С утра в доме было тихо, только с пружинным гуденьем щелкали часы. Татьяны Фаддеевны, разбудив Колю, ушла в лечебницу и обещала придти лишь к вечеру. («Лизавета Марковна накормит тебя обедом. Не забудь про задачки и перевод с гре-

ческого, у тебя с ним слабее всего, а экзамены на носу. Я приду и проверю...»)»

Коля после завтрака (пшенная каша, молоко да краюшка) и правда сразу сел к столу. Но не ради задачек и ненавистного греческого. Он стал переписывать стихи. С газеты в подаренную Женей тетрадку. Сперва полюбовался на рисунок, а потом, на другом листе, вывел первую строчку. Писал он аккуратно. Макал в пузырек с чернилами новенькое стальное перо в длинной деревянной вставочке и с удовольствием выводил буквы со всеми полагающимися завитушками и плавными изгибами. Писать такой вставочкой было не в пример удобнее, чем гусиным пером. Она не изгибалась, не скользила в пальцах и не оставляла на них чернильных пятен.

Каллиграфическим усердием Коля старался заглушить в себе вновь проснувшуюся боязнь. Ту, что первый раз появилась вчера, при разговоре о невзорвавшихся бомбах. Боязнь, однако, не исчезала. Она мягко, словно в войлочных туфлях, бродила по комнате и время от времени останавливалась у Коли за спиной. Слово тетушка, решившая взглянуть: «Что ты там пишешь?»

И это ведь не вечером, не при слабенькой лампе, а при утренних лучах, бьющих сквозь кисейные занавески.

Коля отложил перо и огрел себя по затылку. «Чего ты боишься? Трус несчастный!»

А в самом деле — чего?

Да нет же, не боялся он, что и вправду подорвется на бомбе. Не так уж часто это случается. Будет обходить сторонкой ржавые шары, вот и все. Страх был глубже и непонятнее. Ощущение каких-то неразгаданных угроз, которые караулят его каждый день. Да, это была прибавка к общему страху, не давшему Коле жить спокойно и радостно, на полном дыхании.

Неисчезающий страх родился еще в Петербурге, после истории с кадетским корпусом. Столица и корпус были теперь позади, но страх не пропал. Он сидел в душе, как постоянное напоминание о непрочности жизни. О том, что могут случиться и другие события, когда чужая, неподвластная Коле сила, постарается перевернуть, скомкать, сделать несчастным его существование... Иногда этот страх обретал конкретное содержание: «А вдруг провалюсь на экзаменах в Симферополе?.. А почему Тё-Таня так долго не возвращается из лечебницы, уж не случилось ли чего-то?.. А отчего это доктор Борис Петрович, когда недавно прослушивал меня, странно переглянулся с тетей? Уж не открылась ли опять болезнь?»

Но чаще страх был размытый, необъяснимый

— ожидание неясных опасностей. И стержнем его была боязнь развалин...

Вот ведь какое непонятное дело! Коле нравился этот город. Нравилось море, запутанные переулки и лестницы на косогорах; нравились полные корабельной жизни бухты, остатки укреплений, рассказы про осаду, ранние разноцветные закаты в холодном декабрьском небе, мерцание маяков... И приятели оказались вполне подходящие, хотя Фрол и выпускал иногда колючки... Даже развалины нравились, когда солнце ярко высвечивало их белые стены, карнизы, барельефы и колонны. Это было похоже на древнюю Помпею, Коля читал о ней в книге «Повести древней истории». Но, когда начинала сгущаться синяя тьма, Коле чудилось в руинах нарастание таинственной жизни. Она была непонятна и совершенно чужда людям, чужда ему, Коле.

Нет, она, эта ночная руинная жизнь, не проявляла специальной вражды к мальчишке. Но если бы он попал в круг ее таинственных сил, она могла закружить и унести его во тьму каких-то иных миров. Так водоворот втягивает в глубину букашку, случайно попавшую в воду. Втягивает, не обратив на нее внимания, занятый своим безостановочным, очень важным для себя вращением... Только в водовороте шум и бурление, а силы ночных развалин могли вососать Колю в безвыходный мрак бесшумно и скрытно от всех.

В светлое время дня Коля не раз говорил себе, что в развалинах только мусор и пустота. Несколько раз он даже лазил с мальчишками по разбитым домам на Морской. И правда, ничего там не было, кроме рухнувших лестниц, рассыпавшихся изразцовых печей да отпечатков от влетевших в окна ядер. Но в сумерках, стоило Коле представить ряд полуобваленных зданий с треснувшими стенами и комнатами без крыш (не говоря уж о том, чтобы приблизиться к ним), как ощущал он в этом замершем мире движение неведомых энергий, похожих на тугую напряженность предгрозового воздуха... Может быть, это и в самом деле было беззвучное столпотворение душ, еще не отпущенных войной? Или просто остатки тех сил, которые когда-то двигали эту войну и до конца не рассосались до сих пор?..

Иногда Коле думалось: если бы он однажды собрал в себе всю смелость и ночью прошел среди развалин городского центра и увидел бы, что там нет ничего, все его страхи развеялись бы, как утром развеивается жуткий сон. И не стал бы он бояться не только руин, но и экзаменов, и всяких бед, которые могут подкараулить его... Но он понимал, что на такой подвиг не решится никогда в жизни. Значит, и страх будет сидеть в нем по-пре-

без лишних разговоров, а наш адмирал решит, что с вами делать...»

— Да чего же они нарушали-то! — возмутился Коля. — Воевали, вот и всё! — Он уже видел перед собой будто наяву молодого лейтенанта, бледного, с черной бородкой и бесстрашными глазами. И коренастых невозмутимых матросов, готовых сражаться до самого последнего мига...

— Ну, будто бы он воевал не открыто, а исподтишка. И шпионил...

— Но ведь военные хитрости и разведка это вовсе не пиратство и не шпионство!

— Конечно! Новосильцев будто бы так и ответил. А враги снова: «Сдавайтесь, а то хуже будет!» Они, наверно, еще из-за золота хотели завладеть «Македонцем»...

— Какого золота?

— Ходил слух, будто Новосильцев знает, где после бури затонул на мелководье английский корабль, который вез для всей армии жалованье. Представляешь, сколько денег!.. И будто матросы «Македонца» кое-что даже сумели поднять с этого корабля и погрузить в свой трюм. Кто-то говорит, что это правда, а кто-то, что сказки... В общем, французы заперли тендер в бухте и ждут: что решит его командир? Новосильцев тогда говорит: «Дайте время на размышление до утра». В темноте, мол, сдаваться неудобно. Французы отвечают: «Ладно». Потому что русским деваться все равно некуда.

— А про подземный ход французы не знали?

— В том-то и дело!.. Ночь совсем сгустилась, и тогда матросы и Новосильцев открыли в кройткамуре несколько ящиков с порохом, протянули на берег фитиль, взяли с собой флаг, вахтенный журнал, карты и все важное...

— И золото?

— Ну, если оно было... Не знаю... Подождли фитиль с суши, а сами — в подземный ход. Думали, что отойдут, а тендер рванет на воздух, чтобы не достался врагам. Только тут как раз пошел дождь и огонь на фитиле загасил...

— Может, и хорошо. Иначе тендер не достался бы Федосу Макееву.

— Да... Если, конечно, его «Курган» это тот самый «Македонец». Про это тоже по-всякому говорят...

— Надо Маркельча спросить! Он же на «Кургане» шкипером ходил, знает, наверно, безошибочно.

— Может, и знает. А может, и нет... Рассказывают, что сам Макеев говорит то «да», то «нет»...

— Женя, а что стало с Новосильцевым и матросами?

— Про это опять же говорят по-разному. Одни,

будто Новосильцев и экипаж все же попались в плен французам, потому что союзники подошли уже вплотную к городу, выход из-под земли оказался на их позиции. Но врагам все равно ничего не досталось: флаг, журнал и все документы Новосильцев спрятал где-то по дороге. Наверно, под землей... А дальше ничего не известно. Скорее всего, после войны вернули домой, как всех пленных... А другие говорят, что моряки с «Македонца» сразу вышли к своим, а Новосильцев вскоре умер от заражения раны, которую получил в последнем бою...

— Как же так? Он такой герой, и ничего про него толком не знают!

— А с героями ведь тоже по-всякому было, — вздохнул Женя с умудренностью давнего здешнего жителя. — Одним всякие награды, а другим шиш с макетом. Тем, кого начальники не любили...

— Да за что же его не любили?

— Говорят, за своенравие. Много делал по-своему, приказов не слушал, дерзко разговаривал со штабными командирами... Он ведь в своей Синекаменной бухте был почти что отрезан от города и от начальства, действовал по своему разумению да еще так отчаянно. Вот и решили, что чересчур своевольный. Его Нахимов любил, а как убили, не стало заступника...

Коля не прочь был еще поговорить про «Македонца» и его командира, но пришла Саша.

— Мама спрашивает, когда обед подавать...

— «Подавать!» Ну, как при дворе Людовика Четырнадцатого!.. Рано же еще.

— А она заранее спрашивает. А пока варит.

Лизавета Марковна готовила еду для Коли у себя, так оно проще.

— Скажи, что в два часа... А сама приходи снова, если хочешь. Мы тут про всякие интересные дела говорим.

Это он так сказал, из вежливости. Иначе получилось бы, что выставляет Сашу, как кухарку. А она неожиданно обрадовалась:

— Хотите, я карты принесу? Можно будет поиграть как-нибудь...

— Тащи, — грубовато от неловкости согласился Коля.

Когда Саша ушла, Женя спросил:

— А тебе позволяют играть в карты?

— Конечно. А что такого? Мы с тетей Таней по вечерам иногда играем в подкидного.

— А мне сестра не велит. Лена... Говорит, что карты людей губят.

— Ну, так это, если на деньги играют, как в «Пиковой даме» у Пушкина. А в «дураке» что опасного...

— Я про пиковую даму не читал, — вздохнул

жнему, то как бы свиваясь в тугой тяжелый трос, то расплетаясь на отдельные прядки мелких опасений, которые по очереди цепляют нервы.

Сейчас, например, помимо разных прочих опасений, Колю тревожило такое — на данный момент главное: а придет ли Женя? Не забыл ли, что вчера пообещал?..

Женя прибежал, когда часы со скрежетом отзвонили десять раз. Веселый, румяный от утреннего холода.

— Здравствуй! Еле отыскал вашу калитку.

— Ох, какой я бестолковый! Надо было встретить... Я забылся, переписывал стихи в твою тетрадку. Смотри...

— Ух какой у тебя почерк! А про мой сестра говорит: как голодный кот лапой дверь скребет...

И так — слово за слово — побежал свободный и веселый разговор. Будто давно знакомы. Вместе полистали журнал «Земля и море». Поразглядывали вчерашний Сашин подарок. Женя долго любовался кентавром, женщиной и мальчиком.

— Я в Херсонесе несколько раз был, но такое ни разу не попадалось... Коля, ты позволишь их срисовать? Я добавил бы еще что-нибудь от себя. Если постараться, может получиться целая картина про древнюю Грецию.

— Рисуй, конечно! Ты же настоящий художник!

— С чего ты взял? — бледные Женины щеки порозовели.

— Но фрегат-то ты нарисовал совершенно замечательно!

— С кораблями проще, я их с самых малых лет рисую. А все остальное иной раз получается, а иной — никак...

— Ох, я хочу спросить! — спохватился Коля. Поскольку речь зашла о кораблях, он вспомнил: — А что это за тендер «Македонец»? И кто такой Новосильцев?

— Да про них всякие рассказы ходят. Иногда совсем уж такие... легендарные. Будто, когда рейд перекрыли затопленными кораблями, лейтенант Новосильцев на «Македонце» не ушел в Северную бухту. То ли не успел; то ли, скорее всего, не захотел... Он стал укрываться в бухточке, которая называется Синекаменная. Где такая, сейчас до сих пор не могут разобраться. Знают только, что с моря вход в нее вовсе не различим. Поэтому англичане и французы никак не могли его поймать... «Македонец» всегда воевал ночью. У него были не белые, а просмоленные паруса — нарочно, чтобы не разглядеть в темноте... Он, хоть и одномачтовый корабль, но все же не такой уж маленький, десять пушек, тридцать человек экипажа. Говорят, они так досаждали союзникам, что те просто выли...

Коля потянул Женю к диванчику.

— Давай сядем. Ты расскажи про это побольше...

Они с ногами устроились на постели, и Женя с удовольствием поведал все, что знал о подвигах «Македонца».

Тендер был быстроходен и неуловим. Не только при обычном ветре, но при малейшем дуновении воздуха он начинал скользить по воде, как черный лебедь. Такая уж удачная была у него постройка корпуса и такая выучка у матросов, ведавших парусами... В темноте «Македонец» двигался среди вражеских кораблей, толпившихся на внешнем рейде. Заходил и в Камышовую бухту, где была стоянка французов и даже наведывался в бухту Балаклавы, где уютно расположилась английская эскадра. И каждый раз устраивал союзникам «веселые карнавалы на воде». То воткнет в борт противника заостренное бревно с привязанным фугасом и скрытно горящим фитилем. То дерзко, в упор, врежет из пяти орудий по вражескому бригу или корвету — так, что тому путь или прямо на дно, или на починку к родным берегам. Или просто крадется между линейных кораблей и пароходов, где капитаны и адмиралы ведут разговоры о своих планах, не ведая, что рядом — русские уши...

Возил «Македонец» в тыл вражеских позиций пластунов, которые устраивали налеты на не ждавшие опасности союзников. Пластуны жгли у противника припасы, заклепывали орудия, подрывали пороховые погреба и, прихватив пленных, на том же «Македонце» возвращались в Синекаменную бухту.

— А оттуда, говорят, есть до самого города тайный подземный ход... Потом, когда пришлось бросить тендер, Новосильцев с матросами и ушел по этому ходу из бухты к своим...

— А почему пришлось бросить тендер?

— Про это по-разному говорят. Ну, вроде бы, французы однажды выследили «Македонца» и заперли выход из бухты. Поставили многопушечный корабль и пароход с мортирами, для стрельбы по крутой дуге. И на берег высадили десант, солдаты сверху по обрыву оцепили всю бухту. Французский капитан прислал парламентаря. Тот говорит: «Господин лейтенант, мы знаем вас как храброго офицера, но выхода у вас теперь нет. Или сдавайтесь с почетом, или мы вас здесь расстреляем в щепки, война есть война...» Это по одним рассказам. А по другим будто бы он совсем не так говорил: «Вы воевали как пираты, нарушали международные законы, и всех вас мы имеем право повесить на реях. И если хотите надеяться хоть на какую-то милость победителей, то сдавайтесь

Женя. — У нас дома сказки Пушкина есть и стихи, а повестей его нет и достать негде... Но мне Лена рассказывала...

— У нас тоже нет. В Петербурге эта книга была, да все ведь не повезешь в такую даль... У Фрола есть толстенные «Сочинения Александра Пушкина», ему давно еще подарил их квартирант, инженер... Фрол больше всего «Дубровского» любит, вспоминает его то и дело.

Женя сказал, что про Дубровского ему тоже рассказывала Лена.

Пришла Саша с растрепанной карточной колодой. Сыграли в дурака, но втроем было неудобно, лучше, когда парами. Саша спросила, знают ли мальчики игру в «Пьяного шкипера». Те не знали. Игра оказалась простая, но забавная. Когда прозеваешь карту — обязательно смех. А проигравшего следует щелкать оставшимися в колоде картами по носу. Хорошо, если осталось немного, а когда колода почти полная — ой-ей-ей...

Так, веселясь и потирая носы, не заметили, как возникла Лизавета Марковна:

— Ишь, да вас двое соколиков. Ну, идите на кухню, усаживайтесь...

— И Саша!

Саша за столом вела себя чересчур чинно, оттопыривала мизинец, когда держала ложку. Но в общем-то не очень стеснялась.

После обеда Женя сказал, что пора домой. И, по правде говоря, это было хорошо, потому что засветло. А то ведь одного не отпустишь, а провожать в сумерках — сами понимаете...

Проводили его вдвоем с Сашей. Не до дома, а только до горы Седьмого бастиона, под которой шумел рынок. Оттуда Женя резво ускакал вниз по лестнице, махая на прощанье мятой заячьей шапкой.

Дома Коля поспешно сел за уроки. Тё-Таня в этих вопросах была строга. И это не зря: с гимназистов-экстернов на экзаменах спрос не шуточный.

С задачками Коля разделался быстро, а вот греческий... В прогимназии этот предмет изучали еле-еле, а тут ведь спросят. И кто это придумал мучить людей скучнейшими строфами из «Гомера»? Будто мало для этого латыни!..

Пришла Татьяна Фаддеевна и осталась весьма недовольна Колиным пересказом греческого текста.

— Неужели за целый день нельзя было приготовить как следует!

— У меня от этих переводов уже голова пухнет.

— Вот провалишься, будешь знать...

Коля сцепил на левой руке два пальца и мысленно плюнул через плечо.

— Я завтра выучу.

— И пожалуйста помни, что учишь не для меня, а для себя.

— Ну, помню я, помню... О, Господи...

— Все-таки Николай Иванович Пирогов был прав, — вздохнула Татьяна Фаддеевна и пошла к Лизавете Марковне договариваться насчет ужина. И жаловаться на непутевого племянника.

А Коля сел опять к столу и открыл тетрадь. Он ведь обещал себе, что будет регулярно вести «жизненный журнал». Однако много писать не хотелось. Коля решил, что достаточно нескольких слов, чтобы потом он смог вспомнить в подробностях все прошедшие дни, все интересные случаи и разговоры.

Вот как читалась его первая запись.

«Переписал стихи. Женя. «Македонец» и л-т Новосильцев. Что с ним стало? Английское золото. «Курган» это «Македонец»? Пьяный шкипер. Зачем учить греч. яз? Нахлобучка (не сильная). Пора спать».

Следующие записи отличались той же лаконичностью. Например:

«Никакого разбойника не было. Длинная дорога. Револьвер и сабля. Скучный Симферополь. Экзамены вовсе не страшные. Г-н Раздольский. Жизнь за царя».

Экзамены и правда оказались не страшными. Может быть, от того, что первым был французский. Коле вместе с тремя другими экстернами предложили сесть за парты в гулком пустом классе, и худой молодежавый преподаватель с русыми всклокоченными бакенбардами и в маленьком хрустальном пенсне весело разразился длинной французской фразой. Смысл ее был тот, что нужен смельчак, который пойдет отвечать первым, и что смелость в начале дела — половина успеха. Пока трое Колиных «товарищей по несчастью» ежились за партами, пытаясь переварить сказанное, он (была — не была!) вскинул руку.

Испытание свелось к нескольким вопросам по неправильным глаголам и короткой живой беседе на тему погоды и Колиных впечатлений о губернском городе. Коля отвечал не сбиваясь. О погоде отозвался так, как она того заслуживала, а про город сказал, что видел его пока что мало и что по сравнению с разрушенным Севастополем центр губернии выглядит почти как столица, однако производит *холодноватое* впечатление; возможно, летом, в зелени, город выглядит уютное.

— Весьма, весьма недурно, — подвел итог преподаватель и вписал в ведомость аккуратную пятерку. — Желаю вам, молодой человек, тех же успехов и в остальных предметах...

Тогда Коля набрался храбрости и сказал уже по-русски:

— Простите, пожалуйста. Могу я спросить?.. Правда ли, что ваша фамилия Раздольский.

— Точно так-с. Раздольский Иван Павлович. А в чем дело-с?

Коля, чувствуя спиной любопытные взгляды троих, опять перешел на французский:

— Месяц назад в газете были стихи месье Дюпона. Значит, это вы их перевели?

— О... да! Вы их читали?

— Я их даже в свою тетрадь переписал!

— Гм... значит, вы находите их... не совсем слабыми?

— Что вы, Иван Павлович! Они... такие... сразу запоминаются... — Это он опять по-русски. И вполне искренне. Можно было не бояться, что слова его учитель примет за лесть, ведь пятерка-то была поставлена раньше.

Раздольский с явным удовольствием на лице покивал:

— Весьма, весьма польщен... Рад был познакомиться... господин Вестенбаум. Думаю, мы еще не раз встретимся к общему удовольствию...

В тот же день после обеда Коля сдал латынь. Он ее вовсе не боялся. Для человека, знающего французский, латынь — предмет не сложный.

Задачи по математике оказались пустяковыми, в прогимназии он решал посложнее. Труднее оказалась диктовка. Эта вечная проблема всех гимназистов: где писать букву «е», а где «ять». Но и здесь Коля справился без ошибок. Спасибо доктору Орешникову, он незадолго до экзаменов дал Коле мудрый совет:

— Вы ведь не раз читали-перечитывали Гоголя, «Вечера на хуторе». Помните, там изрядное количество малороссийских слов. Таких, что по-русски говорят с звуком «е», а по-украински с «и». «Дивчина», «мисто», «дид», «бис»... Так вот, запомните: где украинское «и», там русское «ять»...

Коля запомнил, и это очень даже пригодилось. Жаль только, что пропустил в диктовке запятую и потому получил «четверку».

Испытание по географии, истории и основам естественных наук ограничилось общим собеседованием с несколькими учителями в актовом зале. Видимо, прежние успехи третьеклассника Николая Вестенбаума были уже известны преподавателям, и его отпустили с миром после двух-трех пустяковых вопросов.

Наступил день грозного «греческого» экзамена. Коля накануне чуть не до полуночи сидел у лампы в холодном и неудобном гостиничном номере, сотый раз листая истрепанную хрестоматию с

текстами древней Эллады. Наконец Тё-Таня отобрала книгу и погнала племянника в постель.

— Поздно цепляться за соломинки. Лучше написать как следует. И... будь что будет.

Утром выяснилось, что ничего не «будет». Экзамен получился самым легким из всех. Оказалось, что греческий язык в этой гимназии вообще не обязательный предмет (или «почти не обязательный»). Наверно, потому, что некому его здесь было преподавать по-настоящему. (Вот тебе и классическая гимназия!). Коля быстро почувствовал, что седенький, часто зевающий преподаватель знает положенные по программе переводы не многим лучше, чем он сам. Обрел уверенность и вскоре ушел с заслуженной «четверкой» (сам не понял, почему не с «пятеркой», да ладно, все равно — счастье!).

Татьяна Фаддеевна, нервно ожидавшая в коридоре, увидела сияющее Колино лицо и расцеловала племянника на глазах у всех, кто был рядом. Он даже не очень отбивался. Впереди открылся чудесный свободный день — с прогулками по магазинам, обедом в ресторане «Версаль» и вечерним спектаклем в городском театре. Приезжая труппа из Одесской оперы давала «Жизнь за царя» композитора Глинки. Постановка была потрясающая, Коля таких не видел даже в столице. Жаль только Ивана Сусанина, которого злые ляхи погубили в безвыходных лесных дебрях. Жуткая судьба несчастного Ивана колыхнула в Коле прежние страхи, но он пересилил и прогнал их — задавил радостным воспоминанием о счастливом финале экзаменов.

Домой выехали очень рано, первым утренним экипажем — для того, чтобы вечером оказаться на месте. Не хотелось, как на пути сюда, в Симферополь, ночевать в Бахчисарае.

Та ночевка случилась оттого, что в путь отправились поздно, а тракт оказался раскисшим — накатилась неожиданная оттепель. Конечно, дороги были уже не те, что при осаде, когда лошади вязли по брюхо, а повозки просто утопали в грязь. Однако и теперь экипаж местами тащился еле-еле. Коля отчаянно скучал, глядя на плоские унылые горы под сырыми облаками и грязно-рыжую степь. Иногда он с надеждой вглядывался вдаль: не покажется ли разбойник? Все-таки какое-то развлечение. Разбойников Коля совершенно не боялся. Это ведь не таинственные тени в ночных развалинах и не опасность провалиться на экзаменах! К тому же среди пассажиров был жандармский ротмистр, у которого под расстегнутой голубой шинелью заметна была черная лаковая кобура.

Вообще-то Коля, зная отношение тетюшки и всех порядочных людей к жандармам (которые не

давали жизни Пушкину и притесняли народ), всегда смотрел на чинов в голубых мундирах косо. Но этот ротмистр вел себя скромно, даже застенчиво. Помог Татьяне Фаддеевне сесть в экипаж, а Коле вытащить тяжелый баул. Оказалось, что он сносно говорит по-французски. Они с тетушкой побеседовали о тяготах зимнего пути, о недавнем бракосочетании Наследника Цесаревича с дочерью датского короля и о романах знаменитого французского писателя Виктора Гюго, чьи книги, оказывается, можно отыскать в симферопольских книжных лавках.

Ротмистр был молодой, стройный, с красивыми темными усиками, и Коле подумалось, что он, может быть, похож на автора стихов «Давно закончилась осада» Шарля Дюпона. В конце концов Коля решил, что бывают исключения и, возможно, этот офицер не чета остальным российским жандармам. Кончилось тем, что ротмистр дал Коле подержать свою тяжелую саблю и даже слегка вытащить из ножен ее зеркальное лезвие... А тяжелый револьвер и безусловно смелый характер господина ротмистра были вескими гарантиями того, что встреча с разбойником окончится явно не в пользу последнего.

Однако разбойник так и не появился, а пассажиров ожидал ночлег на постоялом дворе почтовой станции. Татьяна Фаддеевна удалось выхлопотать для себя и племянника отдельную комнату. Ночью деревянный дом вздрагивал от тяжелого влажного ветра. Кусались клопы. Коля не выспался и вторую половину дороги был кислым и уже не помышлял о приключениях...

Слава Богу, на обратном пути обошлось без ночлега. На сей раз пассажиров с оружием (по крайней мере, явно заметным) в экипаже не оказалось, но Колю «разбойничьи проблемы» уже не заботили. Почти всю дорогу, пока не стемнело, он читал купленный в Симферополе увесистый том — «Тайны вселенной. Популярное объяснение устройства мироздания. Сочинение г-на Старосадова для г.г. любознательных юных читателей». В книге были рассказы о планетах и звездах, о допотопных ящерах и мамонтах, о вулканах, морских приливах и высочайших вершинах мира.

Приехали домой поздно вечером. Лизавета Марковна и Саша не спали, встретили. Коля, затеплев ушами, сунул Саше бирюзовую овальную брошку с якорьком, которую (отчаянно смущаясь и сердито сопя) заставил Тё-Таню купить в Симферополе.

— Вот... Это тебе. На Рождество.

— Ой... благодарствую... Красота какая... — Она тут же прицепила брошку у воротника. — А разбойники не встречались?

— Пусть бы попробовали! С нами ехал офицер во-от с таким револьвером!

— Ой... вот страх.

— Опять?!

Еще запись.

Снег на Рождество. Почти как у Гоголя. Маркелыч опять стрелял. Истории в погребеке.

Да, на Рождество погода сделала подарок — подморозило опять и выпал пушистый снег. Ну, прямо как на рождественских картинках с поздравлениями.

В прошлом году, в Петербурге, Тё-Таня и Коля ставили дома елочку с украшениями — такой в недавние годы появился в столичных домах обычай. Но здесь елку было не достать, а ставить вместо нее маленький кипарис (так делали в семьях некоторых служащих РОПИТа) Коля не захотел. Во-первых, не по правилам это, а во-вторых... по правде говоря, кипарисы напоминали ему кладбище, где похоронен дядюшка, поручик Весли. Еще накличешь беду...

Но кое-какие рождественские украшения Коля все же смастерил. Вместе с Сашей. Они склеили из цветной бумаги фонарики и цепи, развесили по комнатам. А еще Коля по просьбе Фрола сделал большую звезду — пустую, как коробка, и обтянутую желтой и розовой прозрачной бумагой. Внутри можно было вставить свечу.

— Колядовать пойдем, — объяснил Фрол. — Без колядок что за Рождество. А со звездой они не в пример лучше, чем просто так...

Раньше Коля только из-книги знал про колядки. Из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». А теперь веселой компанией с горящей звездой ходили в синих сумерках по слободке, стучались у дверей, кланялись и пели «Господи, слава Тебе» и «Рождество Твое, Христе Боже наш». А иногда и так: «Щедрик-ведрик, дайте вареник, грудочку кашки, кильце ковбаски...» Это Коля научил ребят такой песенке. Вообще-то она была не «колядка», а «щедровка» (так написано у Гоголя), но что с того? Если можно в Диканьке, почему нельзя здесь? Пусть будет все, как в той волшебной книжке!

Так и было. Хозяева домиков, где желто светились окошки, охотно открывали двери, смеялись, давали обсыпанные сахарной пудрой калачи, пряники и куски пирога.

— Спасибо, люди добрые!

— С Рождеством Христовым!..

Маленький изогнутый месяц весело горел в безоблачном небе, на сей раз чёрту не удалось украть его. Морозец играючи щипал за щеки. А недалекое море было теплее зимнего воздуха, оно не замерзло, его солоноватый запах смешивал-

ся с запахом снега, и от этого дышалось особенно празднично.

Один раз крепко толкнулся воздух, раскатив над крышами пушечный удар. Ясное дело, это отсалютовал празднику Маркелыч. (За такое дело через несколько дней околоточный надзиратель Семибас наконец конфисковал у георгиевского кавалера Яценко мортю. Но у того нашлась другая).

Иногда встречались незнакомые компании со звездами и свечками — те, что забрели сюда из дальних кварталов. С ними не ссорились, Рождество же! Даже махали руками и поздравляли с праздником. Раза два только случалась перекидка снежками, но без обид, шуточная. Один снежок попал в звезду, которую на палке держал Савушка, но свечка не погасла и звезда ничуть не покосилась...

Потом пошли в погребок проедать угощение.

Компания была вся та же: кроме Коли, Фрол, Макарка, Саша, Федюня с Савушкой и Женя, конечно. И даже Ибрагимка. Он сказал, что мусульмане тоже чтут Христа и Деву Марию, о том написано в Коране. Так объяснил Ибрагимке дед. Значит, ничего незаконного нету в том, что он, Ибрагимка, участвует в колядках. Дед в честь праздника насыпал Ибрагимке целый кулек леденцов, которые оченьгодились к чаю.

За чаем предложили рассказывать всякие интересные истории. Фрол начал было про Дубровского, но на него замахали руками: слышали про этого разбойника уже не однажды. Фрол надулся, но спорить и ругаться не стал: потому что, опять же, праздник. Тогда Коля и Саша сбегали домой (месяц светил все ярче) и принесли Гоголя. Уж какая история на такой вечер годилась больше, чем «Ночь перед Рождеством»!

Коля начал читать. Не подряд читал, а самые интересные места, остальное же быстро пересказывал своими словами. Но и на такое чтение ушло часа полтора. Слушали приоткрыв рты, даже забывали жевать сладости и перевертывать часы. Никто, кроме Жени, (даже Фрол) эту повесть раньше не знал. Да и Женя слушал будто впервые. Сказка вошла в погребок и села среди ребят. Она была в потрескивании печки, в шевелении огня за круглым фонарным стеклом, в тенях, что копошились по углам, во взволнованных вздохах Савушки...

Разошлись поздно. Женя пошел ночевать к Лазуновым, об этом он заранее условился дома. Жене постелили на сдвинутых стульях. Но легли не сразу, еще долго разглядывали книгу про устройство мироздания. Коля подарил Жене складной ножик, что специально привез из Симферополя.

— Спасибо... А у меня никакого подарка нет.

Коля засмеялся:

— Мне твоя тетрадка — подарок на долгие времена. Пока всю не запишу.

А когда он еще ее запишет? Неделя, а то и две оставляли за собой всего несколько строчек.

Школа. Мешок — не такой уж вредный. Инструменты и рамка. Картина Жени Славутского. Кранцем по транцу. Конец погребка. Новоселье. Тё-Таня приходит поздно. Ее провожает доктор! Саша занимается правописанием.

Занятия в ремесленной школе начались вскоре после Рождества. И время побежало как мяч по ступенькам — день за днем, прыг-скок...

С ребятами Коля ладил. Даже тот кудлатый парнишка, с которым в первый день случилась драка, оказался не столь уж вредным. Видимо, полез он тогда к Жене Славутскому не столько по злости, сколько по недостатку соображения. Звали его Степан Мешков, и потому он получил прозвище Мешок. Оно ему вполне подходило — ленивый да неповоротливый. Обиды на Колю он не держал, вел себя мирно. Вот и ладно...

Учились все дни недели, кроме воскресенья. Занятий было немало. Но Владимир Несторович, директор школы, попросил однажды Колю принести его гимназический табель, глянул в него и позволил ученику Лазунову не посещать уроки чтения, правописания и арифметики. Сразу появилось много свободных часов. Но Коля не спешил домой. Он шел в мастерскую, где стояли верстаки, токарный станок с тяжелой педалью для вращения и развешаны были по стенам пилы, коловороты, стамески, разных размеров молотки и всякие рубанки-фуганки. Иногда здесь занимался другой, не Колин, класс, и Коля вместе с этими ребятами, с Федюней, набираясь опыта, пилил, строгал, сверлил и шурил доски и планки. Таким образом, работе с инструментами он учился вдвое больше, чем остальные.

Иногда в мастерской было пусто, и это особенно нравилось Коле. Тишина и пустота пахли свежим деревом, как, наверно, пахнет строящийся корабль. Такой корабль и правда был здесь. Только не натурального размера, а двухметровый. С необшитым, похожим на скелет корпусом, со свежооструганными мачтами и бушпритом. Это хозяин мастерской Трофим Гаврилович соорудил с помощниками наглядное пособие для будущих корабелов: чтобы не на доске рисовать, а показывать по-настоящему, где киль, где шпангоуты, где стеньги и брам-стенги...

Видя интерес Коли Лазунова, Трофим Гаврилович иногда позволял ему выпилить и обточить

какую-нибудь корабельную деталь и, случалось, хвалил. А потом даже показал, как работать на токарном станке. При этом сам крутил педалью чугунный маховик и зорко следил, чтобы Лазунов не сунул пальцы куда не надо. Коля пальцы не совал, резец держать научился быстро, и скоро они с Трофимом Гавриловичем наточили целую сотню дырчатых блоков-юферсов для стоячего такелажа. Каждый размером с «гудзик». Один юферс Коля отнес домой и с гордостью продемонстрировал тетушке. Та была чем-то озабочена, но все же старательно похвалила усердного ученика ремесленной школы.

Потом Коля сделал из еловых планок рамку. Размером с тетрадку. Склеил, зачистил, покрыл прозрачным лаком. Дома он вставил в рамку желтый кусок картона, а к нему прикрепил зацепками из проволоки осколок с кентавром. Получилось очень славно. Будто предмет из музея древностей. Саше понравилось... Впрочем, ей нравилось все, что делал и говорил Коля.

Женя Славутский тоже одобрил осколок вазы в рамке. Он однажды пришел с большим листом бумаги и карандашами и срисовал в увеличенном виде кентавра, женщину и мальчика. Причем кентавра изобразил целиком, умело нарисовав круп, хвост и задние ноги, которых не было на черепке. А через несколько дней, в классе, он показал Коле готовый рисунок, раскрашенный акварелью.

Раскраска была неяркая, в песчаных и терракотовых тонах — тех, что у глиняной посуды и, наверно, у древней земли Херсонеса. Лица Женя вывел черными чернилами, и они оказались гораздо выразительнее, чем на осколке. Ну, прямо живые!

— Честное слово, ты настоящий живописец, — искренне сказал Коля.

Женино бледное лицо порозовело. Он прошептал:

— Да что ты, я еще почти ничего не умею...

— Умеешь! Да еще как!.. Знаешь что? Надо сделать для этой картины раму.

И сделал!

Женя был счастлив. Сказал, что подарит «Кентавра» сестре Лене. На именины. Вернее, на день рождения, потому что день ангела еще не скоро.

Коля и Женя, конечно, виделись постоянно. В обычные дни — в школе, а по воскресеньям — дома друг у друга. С утра или Женя прибежал к Коле, или тот спешил к Славутским. Дорога была не столь уж длинная — полпути до школы. Женины отец и мама встречали Колю ласково, но будто смущались и спешили оставить мальчиков одних. А Лена вела себя по-приятельски. Ну, будто Саша, только постарше. Вместе с братом и его другом

сочиняла карты сказочных государств, которые Женя тут же набрасывал на бумаге. На картах разворачивались рыцарские кампании и плавания старинных кораблей по запутанным проливам...

А если собирались у Коли, то играли в шашки. Коля, с разрешения Трофима Гавриловича, сам их выточил на токарном станке, это было не сложнее, чем точить юферсы. А картонную доску для шашек сделал Женя. Не простую, а с рисунками всадников, многобашенных замков и крутобоких галеонов на каждой клетке.

С мальчишками из компании Фрола Коля виделся теперь не часто. Иногда встречались на улице, чтобы поиграть в «кранцы-транцы» — вставали в круг и перекидывали друг другу плетеную из троса грушу. Это был шлюпочный транец, какие спускают при швартовке между бортом и причалом. Кто уронит — тот вылетает. Кто остался последним, тот награждает остальных кранцем по транцу. Транец, как известно, это кормовой срез судна (ну, и не только судна). Вот по этому «срезу» и получают те, кто проиграл, тугим плетеным снарядом. Столько раз, каким по счету вылетел (счет, конечно, с конца). Ого-го, если крепко вляпают! Но вляпывали редко, потому что разрешалось уворачиваться.

На такую игру сходились на маленькой площади у старого колодца, на Пушечной. Не только Фролкина компания, но и разные другие мальчишки из слободки и даже от Пересыпи. В том числе и Колины одноклассники: неуклюжий Мешок, лопухий и веселый Митя Дымченко, конопатый Артемка Горох... Но это случалось лишь изредка.

А в погребке собирались после Рождества всего два раза. Видать, у каждого хватало дел дома.

У Ибрагимки заболел дед. Ибрагимка плакался: «Помрет, мне тогда куда идти? Больше никого нету». У деда была крошечная бакалейная лавка, дохода от которой хватало лишь на прокорм себя да внука. Если не станет деда, Ибрагимка разве управится с торговлей? Вмиг все пойдет прахом... Доктор Орешников по просьбе Коли побывал у Ибрагимкиного деда, передал потом кое-какие лекарства. Деду стало лучше, но окончательно поднялся он лишь к весне...

Фролу тоже доставалось дома. Отец его был тихий, непьющий, работал плотником в доках, командовала в семье мать. Это была крупная громкая тетка. Торговала на рынке калачами и пирожками, которые пекла в громадной русской печи, сложенной в специальной пристройке. Мужем и Фролом помыкала по-всякому.

Случалось, что Фрол в сердцах обещал приятелям:

— Вот окончу школу, определюсь в мастерс-

кие и сразу заведу отдельное жилье. А то и раньше уйду, наймусь на шхуну юнгой, буду ходить в Азовское море, возить табак да арбузы...

Но все знали, что из дома он не уйдет, пока не вырастет его сестренка. Ей сейчас был третий год. Фрол сестренку любил, возился с ней как нянька, рассказывал сказки про Дубровского и совсем тогда не похож был на жока́ мальчишечьей компании...

Федюню дед Евсей Данилыч приучал к хитростям корабельной постройки, а Савушка один, без брата, гулять не ходил.

А Поперешный Макарка помогал матери-прачке. Носил вместе с ней по квартирам чиновников выстиранное белье. Хоть и упрявился по причине своего характера (не мужское, мол, это дело со всякими тряпками возиться), да много ли поспоришь, если у маменьки всегда веревка под рукой! Как сложит в четыре раза, да ка-ак...

В середине февраля случилась еще одна напасть. Объявился хозяин разбитого дома, где был погребок. Старый боцман Гарпуненко. Приехал из Керчи и заявил, что будет заново подводить под крышу дом, чтобы помереть в родном гнезде. Решение, конечно, правильное, да только ребятам пришлось, прихвативши имущество, выметаться из обжитого помещения.

Саша, будучи близкой знакомой Настеньки и Маркелыча, поделилась с ними ребячьей бедой. Маркелыч тут же сказал, что, ежели возникла такая несуразная обстановка, пускай вся команда собирается у него в сарайчике (где он прятал вторую мортиру). Настенька, добрая душа, не спорила, только просила следить за печкой, чтобы не спалить все подворье. Саша сказала про это Коле, а он объявил остальным. Компания радостно вселилась в каменный «кубрик» и устроила новоселье. Но после встречаться там часто не удавалось...

Зато с Сашей Коля виделся постоянно. Почти каждый вечер. Может быть, Саша своей чуткой девичьей душой догадывалась, что Коле страшно одному по вечерам (и скучно, конечно!) А возможно, и сама скучала, потому что с маменькой Лизаветой Марковной давно уже все переговорено. К тому же, та часто уходила к соседям — то к Настеньке Яценко, то к вдовым сестрам Кабатчиковым, с которыми занималась карточным гаданьем. Вот Саша и спешила в гости к соседскому мальчику.

Они уже не стеснялись друг друга. Болтали о всяких делах, как давние друзья. И Коля за привычное Сашино «ой, страх» щелкал теперь ее по носу не шутя. Не изо всех сил, конечно, но и не как воздушную принцессу. Хотя... если случалось

сдвинуться над книгой о «мироздании» головами и завитки Сашиных волос касались Колиной щеки, он чувствовал внутри сладкое замирание, которое стыдился сам перед собой. Но щеку не убирал...

Татьяна Фаддеевна все чаще приходила из лечебницы поздно. Коля так и не разобрался до конца, занимала ли Тё-Таня там какую-то должность и получала ли жалование или просто помогала доктору Орешникову в его немалых медицинских хлопотах. По правде говоря, это Колю не особенно заботило. Тревожило другое: что тетушка в темноте возвращается одна. Конечно, едва ли ей были страшны сумрачные души развалин, однако и обычные злоумышленники могли встретиться на дороге. Из тех, что обитали в конурах и трактирах на развалинах Николаевской батареи и в глухих руинах посреди Городского холма.

Однажды Коля не выдержал, высказал такое опасение вслух. И даже храбро предложил: «Может быть, мне встречать вас?» (И обмер: вдруг скажет «встречай»?) Тё-Таня отозвалась сухова-то:

— Неужели ты думаешь, что я хожу домой одна? Борис Петрович не позволил бы этого, он провожает меня до калитки.

— Да? А почему он не заходит?

— Ну... спешит к себе. Да и зачем же заходить?

— Как зачем? Отдохнул бы, чаю выпил...

— Дома его ждет сестра. И кроме того...

— Что?

Татьяна Фаддеевна посмотрела на племянника со странным выражением:

— Мне кажется, он стесняется тебя...

— С какой стати? — изумился Коля. Впрочем... не совсем искренне.

— Не знаю. Человек он крайне деликатный... и вообще...

Что значит «вообще», Коля не стал уточнять. Пожал плечами и... успокоился. А потом сделал запись в тетради.

Тетрадь Коля не прятал, она всегда лежала на столе. Это означало, что Тё-Тане читать не возбраняется. Пожалуйста! Никаких тайн... Да и все равно там ничего не понять. Татьяна Фаддеевна и в самом деле, кажется, не поняла предпоследнюю строчку.

— Друг мой, не объяснишь ли ты мне, что означает странный восклицательный знак после слов «Ее провожает доктор»?

Коля сделал самые невинные глаза.

— Это значит, я за вас больше не тревожусь. А что такого?

Татьяна Фаддеевна почему-то смутилась. И она, и Коля стали смотреть в разные углы комнаты.

Конечно, для Коли не были секретом симпатии между тетушкой и доктором. И он видел, что эти симпатии крепнут. И доктор, кажется, понимал, что Коля это видит, вот и стеснялся...

А чего стесняться? Коля же не дитя малое, знал, что *это* бывает не только между юношами и девицами, но и между зрелыми людьми. Тё-Таня совсем не старуха, лишь чуть-чуть больше тридцати, да и Борис Петрович не намного старше... Через несколько лет Коля вырастет, уедет в университет, а потом отправится путешествовать по дальним странам, а тетушке что — куковать в тоске и одиночестве? Она же с ума сойдет, она всю жизнь привыкла заботиться о том, кто рядом...

Такие мысли уже не раз посещали Колю (видимо, взрослел). И возможный союз Татьяны Фаддеевны с доктором казался ему вполне удачным выходом из надвигавшейся жизненной ситуации. Правда, была и тревога. А не случится ли, что в новом семействе он, Коля, окажется третьим лишним и его отправят на пансионное житье в Симферополь? Мол, нельзя же все годы быть экстерном, надо привыкать к «нормальной жизни». Но, поразмыслив, Коля приходил к выводу, что на такое черное коварство ни тетушка, ни доктор не способны. Борис Петрович и в самом деле человек весьма деликатный и порядочный, а Тё-Таня... да разве захочет она, чтобы ненаглядный Николай зачах в чужом городе от тоски по родному дому!

— Тё-Таня, а как пишется фамилия «Орешников»? Через «е» или через «ять»?

— Что?.. Конечно, через «ять». Она от слова «орех», а как пишутся такие простые слова, третьекласснику-гимназисту пора бы помнить... А почему ты вдруг заговорил об этом?

— Ну... — Коля опять принял невинный и беззаботный вид. — Должен же я знать, как писать будущую фамилию моей тети...

— Николай!

— Что, Тё-Таня?

— Знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Конечно, знаю. О профессоре Пирогове.

— М-м... нет, — сухо сказала Татьяна Фаддеевна, потому что вспомнила именно о знаменитом хирурге... — Я подумала, что вы с Сашей совершенно без пользы проводите вечера. Болтаете о всяких пустяках, занимаетесь карточной игрой, или разглядываете одну и ту же книжку...

Коля стремительно покраснел, вспомнив касание Сашиных прядок.

— А чего такого! В книжке много всякого полезного! Саше интересно, там и география, и астрономия...

— Не спорю. Но этого недостаточно. Ты мог бы поучить ее и другим предметам... Кстати, почему

Саши сегодня нет у нас? Сходи и позови, я обещала заняться с ней правописанием. Ты напомнил мне об этом своим глупым разговором про «ять».

— Да она здесь была! Только на минутку убежала домой, скоро вернется...

— Все-таки сходи, чтобы поспешила... Никто тебя не съест на дворе.

— А кто говорит, что съест! — старательно вознегодовал Коля. — Вам все время кажется, будто я чего-то боюсь! Смешно даже!

— Вот и прекрасно. Иди... А таких рассуждений про фамилию и все прочее я чтобы больше не слышала!

Коля сделал глуповато-послушное лицо.

— Хорошо, Тё-Таня...

Он получил шлепок тетрадкой и не спеша отправился в прихожую, надеясь, что пока станет обуваться-одеваться, Саша появится сама. Так и случилось.

Новые и старые страхи

Может быть, Борис Петрович и впрямь стеснялся Коли как родственника Татьяны Фаддеевны — поскольку понимал, что тот о многом догадывается. Но, как с пациентом, с Колей доктор общался решительно.

— Не вертитесь, сударь, стойте спокойно! Что значит «щекотно»? Я вас не щекочу, а обсле-ду-ю... Дышите... Не дышите... Подышите еще... Голубчик, я сказал «подышите», а не пыхтите, как паровая машина в доковой лесопилке... Гм... Одевайтесь.

И пока Коля натягивал на ребристое тощее тело рубаху, доктор делился с Татьяной Фаддеевной своим недоумением:

— В легких я ничего не слышу. Не могу понять, откуда этот кашель...

— Опять в своей морской фуражке гулял, хотя есть прекрасная меховая шапка, оттого и кашель, — сокрушалась тетушка. — Эту фуражку я скоро спрячу с глаз или просто выброшу...

— Нет, Татьяна Фаддеевна, здесь что-то иное. Такие явления случаются порой от нервных переживаний. Но какие переживания могут быть у этого благополучного юноши?

Знал бы он, сколько их у «юноши»!

В конце концов доктор пришел к выводу, что Колю следует хорошенько пропарить в бане. Это средство помогает от множества хворей. В том числе и от простуды, и от нервов.

— Значит, придется просить Николая Тимофеевича, — озабоченно сказала тетушка. Так, «по всей форме», она именовала Маркельча.

У Маркелыча на дворе стояла каменная банька...

А у Лазуновых баньки, конечно, не было.

Вообще, в нынешней жизни Коли и тетушки было гораздо меньше удобств, чем в столичной. Там при квартире (хотя и тесной, обшарпанной) была крохотная ванная комната с жаркой изразцовой печкой и теплая уборная. Здесь же по необходимым делам приходилось бегать на двор, в сложенную из ракушечных плит будочку. Если днем, то еще ничего. А вечером, перед сном, нужно было идти с фонарем, в котором шевелилось ненадежное пламя свечи.

В будочке дрожали и метались нехорошие тени: неосторожно махнешь ладонью, а на стене — кто-то жуткий, как гоголевский Вий...

Иногда Коля по вечерам специально отказывался от чая, чтобы не ходить на двор, терпеть до утра. И терпел. В этом было даже свое преимущество: не проспишь школу. Но порой приходилось вскакивать чересчур уж рано. Под кроватью был, конечно, горшок (по заведенному еще с младенческих лет порядку). Но ведь его потом надо выносить, а кто это будет делать? Тетушка? Или, может, Лизавета Марковна? Значит, надо самому. А если со своего двора увидит такое дело Саша? Вот ужас-то...

С мытьем тоже хватало хлопот. Татьяна Фаддеевна раздобыла где-то большущее железное корыто и каждую субботу устраивала ванну на кухне. С помощью Лизаветы Марковны грела на плите несколько ведер воды и сперва мылась сама, а потом отправляла на кухню племянника. Коля тщательно запирался изнутри ручкой от швабры. Давно прошли времена, когда он позволял Тё-Тане мыть себя, как фарфоровую куклу.

Мыться в корыте было одно мучение. Сядешь — железо обжигается и прислониться не к чему. Встанешь — брызги разлетаются вокруг, а воды в корыте — всего ничего. А в ведрах — то почти кипятки, то совсем остывшая вода. И мыло в глазах, и пена в непромытых волосах. Плеснешь на себя из ковша — и по всей кухне потоп...

Два раза Коля с Женей и его отцом ходил в общественную баню при мастерских РОПИТА. Баня была большущая, гулкая, с жаром и клубами пара, в которых размыто проступало множество голых тел. В этой дешевой бане (билет — копейка, а для ребят бесплатно) мылись и мастера, и чиновники разных рангов, и даже доктор Борис Петрович, у которого дома тоже не было ванны. Коле здесь понравилось — было похоже на картинку про Дантов ад из «Божественной комедии», только без мучений и пыток, а наоборот, с веселым настроением. Но плохо то, что баня

работала по вечерам, а домой одному в темноте... Ну, сами понимаете. А оставаться ночевать у Славутских каждый раз тоже было неловко...

Лизавета Марковна не раз говорила Татьяне Фаддеевне, что Маркелыч с готовностью предлагает пользоваться банькой всем соседям. Пускай только подбрасывают дровишек, а то с ними в городе трудновато. И тетушка, случилось, ходила туда с Лизаветой Марковной и Сашей. А Коля не ходил, компаньонов-мужчин не было. Маркелыч, конечно же, мылся с Настюшкой, такое их супружеское дело. И Коле — значит, опять одному? Но за окошком-то, как всегда, тьма-тьмушная. Лучше уж на кухне...

Однако на сей раз пошли они с Маркелычем.

— Сейчас мы твою хворь, тезка, за две минуты выгоним, — обещал по дороге Маркелыч. — Вылетит она из тебя как из мортиры с двойным зарядом...

Банька изнутри была обшита желтыми палубными досками. Разделись в тесном предбаннике, и Маркелыч толкнул Колю в комнатушку, полную горячего воздуха. Под потолочной балкой туманно светился желтый фонарь. От рыжей глиняной печки несло жаром, как от собранной в сгусток Сахары. Батюшки! Да разве здесь можно дышать! Коля ринулся назад, Маркелыч поймал его.

— Терпи, терпи. Сейчас привыкнешь...

Один вдох, другой... Еще... Ну и правда стало терпимее. То есть, может быть, еще не совсем гибель...

— Полезай-ка на полóк... — И Коля оказался на влажных горячих досках, недалеко от потолка. Маркелыч плеснул из ведра на раскаленную плиту. Воздух взорвался. Жгучий пар забил дыхание, и Коля снова решил, что пришел конец. Но выжил и сейчас.

Маркелыч взгромоздился рядом.

— Ложись-ка на пузо. Во-от так...

Он не пожалел для юного соседа дорогого березового веника, какие купить можно было только в Симферополе, а туда их привозили из Курской губернии, поскольку южнее березы не росли. Ой-ей-ей! В первый момент Коля решил, что тетушка поделилась с Маркелычем пироговским методом и пришел час расплаты за все грехи. Но нет, боли не было, а от каждого удара Колю охватывало новым упругим жаром и сладким березовым духом.

— Ну как? Будешь сызнова кашлять?

— Ой! Не буду!...

— То-то, что не будешь. Ну-ка, еще! Раньше, в своем Петербурге, такого лекарства, небось, не пробовал?

— Ох... не пробовал...

— Тогда пойдем. Чтобы по всей норме...

— Куда?... Ай!

Не успел он снова сказать «ай», как крепкие руки Маркельча под мышку вынесли его через предбанник на жгучий холод. И сверху — ледяной поток из ведра.

— А-а-а! — Это уж точно была нестерпимая погибель. Но те же руки мигом вознесли его снова на высокие доски в спасительный жар, обдали горячей березовой пургой.

— Уф... Маркельч, разве так можно? Я же помру...

— Обязательно. Лет через сто... Только в царствии небесном, куда попадешь после смерти, таких парилок не будет. Потому пользуйся, покуда жив... Ведь жив еще?

— Кажется, да... только сил совсем нет...

— Как это нет? А кто меня будет веником греть? Не Ерофейка же, он большого жара не выносит... Ну-ка, давай, поработай!

И оказалось, что силы у Коли еще остались. Даже немало. Он передохнул и замахал веником, охаживая крепкую, в сплетениях мускулов, спину Маркельча. И работал добросовестно, пока Маркельч не сказал: «Ладно, дробь». По-морскому это значило «хватит».

Спрыгнули, окатили друг друга теплой водой, сели на нижней полке, чтобы отдышаться.

— Маркельч, вы тут говорили про какого-то Ерофейку. Это кто?

— Да трюмник, — небрежно отозвался Маркельч. На скулах и усиках у него весело блестели капли. — Прижился тут, а с какого корабля, не говорит. Они этого не любят.

— К... кто не любят? — слегка обмер Коля. Уже не от жара, а от озноба.

— Да трюмники же... Ты разве про них не слышал?

— Нет... Они кто?

— Ну, коротко говоря, существа такие... Ты не боись про карликов да гномов сказки читал?

— Д... да...

— Ну вот. Я тоже читал, еще когда в кантонистах был. Приносил нам такую книгу капитан-лейтенант Барашников, доброй души был, случалось, баловал нас, мальчишек... Из той книжки я и узнал про гномов. Только они, гномы-то, в лесах да в горах обитают, а трюмники в кораблях, в глубине. Потому и название такое... В начале осады, когда велено было затопить поперек бухты корабли да фрегаты, трюмники с них, ясное дело, переместились на берег, тонуть кому охота... Их там, на больших-то кораблях, даже не по одному, а по нескольку в каждом жило... Как уж они осаду на суше пережили, не знаю, может, и не все уцелели. Од-

нако же уцелели многие. А после войны стали обу-страиваться. Судов-то осталось мало, вот и начали расселяться по банькам да погребам.

Коля слабым голосом сказал:

— Вроде как домовые? — Это он, чтобы Маркельч не заметил его обмирания.

— Ну, вроде... Только флотского происхождения. Оно и понятно, город-то корабельный...

— Но ведь это же, верно, сказки, не более того?

— Сказки не сказки, а от Ерофейки никуда не денешься. Как придешь печку разжигать, он за ней обязательно возится. Или на полке среди веников. Или бороду выставит, на тот же веник похожую, да глядит с любопытством. Раза два я с ним даже разговор заводил, только беседует он без охоты. Два слова скажет — и в закуток... Да ты не бойся, он, Ерофейка-то, смиренный. Да и нет его сейчас. Я же говорю, он от сильного жара норовит сбежать на двор...

— Я и не боюсь, — жиденьким голосом сообщил Коля.

— Вот и ладно... Ты тут побудь с минутку, а я квасу принесу. Хорошо кваску-то после всего глотнуть, а я заранее не прихватил...

В открытую дверь Коля видел, как в предбаннике Маркельч накинул на голое тело бушлат и в таком виде выскочил наружу. И... что же это! Святой Николай Угодник, спаси и сохрани! Конечно же, не один Ерофейка, а не меньше дюжины трюмников и всяких других существ ожили по углам. Зашелестели у печки, затрещали, будто слюдяными крыльями, на полке, замелькали по углам мохнатыми тенями. Тряхнешь головой — нет никого. Посидишь тихо две секунды — и опять... Маркельч, он злодей! Нарочно рассказал всякую жуть и сбежал, чтобы мальчишка здесь настрадался среди страхов! Надо бежать, пока не поздно!

Однако шевельнуться было страшно. Может, лучше замереть? Гольшом не побежишь, а пока одеваешься, кто-нибудь обязательно схватит за бока... К тому же, если шевельнешься, от разжижающего страха может случиться совсем нехорошее дело. Конечно, в банной сырости это незаметно, однако как потом вспоминать такое?..

Маркельч шумно возник на пороге с глиняным кувшином в руках.

— Вот, попробуй-ка, что за квасок Настенька готовит! Как глотнешь — разом будто все атаки отбил. Полный отдых душе и телу.

Коля торопливо глотнул. Квас и правда был замечательный. В меру прохладный, пахучий, шипучий, разбежавшийся по жилам пушистыми щечкочуцкими шариками... А Маркельч был... вовсе ни какой не злодей! Наоборот, замечательный Маркельч! Потому что вернулся так быстро! А про Коли-

ны страхи он, конечно же, и не догадывался. И чтобы не догадался впредь, Коля глотнул еще и бодро сказал:

— Спасибо! Маркелыч, а на тендере «Кургане», на котором вы ходили, есть трюмник?

— Да кто же его знает? Не встречал. Они же не всегда на людях показываются. Да скорее всего, что и нет. Который прежде был, ушел, небось, за матросами, когда оставили тендер в Синекаменной бухте. А новый так и не завелся...

— Значит, «Курган» это правда «Македонец»?!

— подскочил Коля. Даже про страхи позабыл.

— Федос говорит, что так. Будто бы, когда он его купил, можно было разобрать краску прежнего названия...

— А зачем он дал ему другое имя?

— Ну, решил, видать, что негоже гвозди да табак возить на славном «Македонце». Обидно, мол, для геройского судна. И получится, что вроде как к чужой славе примазывается... Но, возможно, что и врет старик. Он такой, любит поболтать да туману напустить. Может, нарочно выдает кораблик за «Македонца», чтобы найти покупателя. «Македонец»-то был ходок не в пример другим тендерам да шхунам...

— А разве Макеев хочет его продать?

— Хочет. Старый стал, не управляется... И цену, надо сказать, просит, по нашим временам, пустяковую, да вот что-то никто и такую не дает... Иногда сажу да мечтаю: подкопить бы денжат да купить этот «Курган». Ходил бы, куда хотел, по всему Черному морю, сам себе хозяин, волны да ветер, другой жизни не надо... — Маркелыч засмеялся. — А вашу команду взял бы в матросы. Я гляжу, вы народ дружный...

— А много ли надо денег?

— Э, да чего говорить. Вроде и не много, да нам с Настенькой столько сроду не иметь...

Коля подумал.

— Маркелыч, а вы слышали, будто лейтенант Новосильцев английское золото нашел?

— Были про то всякие разговоры. Я их еще мальчишкой слышал, в конце осады. Чего только не болтают языками. Однако Новосильцев, он офицер был в полном смысле. Хоть и сказывали, что сгоряча мог матросу вмазать по уху, но насчет честности тут дело железное. Кабы что нашел, отдал бы в казну до последней денежки.

— А если не успел? Или не смог взять с собой? Вдруг какой-нибудь золотой запас спрятан на «Кургане»? Может быть, в трюме есть тайник!

Маркелыч взъерошил Коле мокрые волосы.

— Если бы и был тайник, Федос его давно бы разнюхал, еще при ремонте, он мужик дотошный. И к тому же, какое золото там ни отыщешь, оно все

равно не наше с Настенькой, а того, чье судно. Вот кабы купить, а потом найти... А на что купишь-то? Видишь, какое получается кольцо... Ну, давай-ка собираться. Пойдем, а баньку слегка остудим. Не ночевать же Ерофею на холодном дворе...

Поздно вечером, в постели, Коле казалось, что он весь пропитан горячим березовым воздухом. А свежие рубашка и постель были прохладными, ласковыми, словно, он лежал внутри летнего облака. От кашля не осталось и следа, дыши хоть во всю мощь. Но Коля дышал потихоньку. И думал.

Он думал о том, что и правда было бы замечательно, если бы Маркелыч стал хозяином тендера. Ну, в матросы мальчишек он всерьез не принял бы, конечно, однако взять в плавание разок-другой согласился бы. Потому что Маркелыч, он чем хорош? Вроде бы и взрослый дядька, а в то же время иногда совсем как мальчишка. Дурачится с ребятами, болтает по-свойски, рассказывает всякие веселые истории про свою прежнюю службу. Настенька порой только головой качает: «Ну, чисто дитя малое, одни игрушки на уме». Но не сердится... Может, Маркелыч научил бы Колю и его приятелей кое-каким парусным хитростям. Это ли была бы не радость!..

А ежели в самом деле пробраться на «Курган» да пошарить в трюме? Тендер стоит недалеко, в Артиллерийской бухте, никто его не караулит. Сам Федос Макеев живет в домике на Бугаковском спуске, а денег на сторожа у него, конечно, нет.

А где может быть тайник?

Коля представил внутренность трюма — длинные стрингера и выгнутые шпангоуты, вроде как на модели в школьной мастерской. Там легко спрятать все что хочешь. Под любым флор-тимберсом, под плоским настилом кильсона, в пустоте между стрингером и обшивкой. Особенно, если не совать кубышку с золотом просто так, а выдолбить в дереве специальное гнездо...

Коле и впрямь уже стало казаться, что клад обязательно там. Надо только сговорить ребят на поиски. И глядишь, в самом деле можно будет купить тендер для Маркелыча...

Маркелыч говорит: «Золото не наше». Ну и не Макеева же! Он его не покупал! Оно английское. И, значит, сейчас трофейное. А трофей — он того, кто его добудет!

Коле ясно представилось, как они вшестером: он, Женя, Фрол, Макарка, Ибрагимка и Федюня (малыша Савушку лучше не брать), ушибаясь о ребра корабельного набора, пробираются в носовую узкость, где форштевень и киль соединяются большущей треугольной кницей под названием

«кноп». В кнопе наверняка выдолблена глубокая выемка. И незаметно прикрыта тонкой досочкой. Оторвешь ее, а там парусиновый сверток или глиняная монета... Скорей открыть — и звонкий блеск монет рассыплет по трюму в свете фонаря золотые блики...

Это были уже не просто мечты, а, наверно, сон. Или почти сон. Слишком уж отчетливо виделись и деревянные сплетения корабельного каркаса, и ясно слышалось таинственное сопение ребят... И вдруг:

— Да ничего там нет, дурни окаянные! Зря только пыхтите тут, никакого от вас покоя! — Это из-за толстого основания мачты высунулась большущая кудрлатая голова с растрепанной, как веник, головой. Трюмники!..

Наяву они, конечно, пришли бы в себя только на берегу, далеко от пристани. А сейчас... Коля понял, что сидит в постели и дышит, как после отчаянного бега.

Где он? Ох, слава Богу, дома. Здесь-то уж, конечно, никаких трюмников нет. Хотя... кто их знает... В комнате полутемно. У образа Николая Угодника горит лампадка, да в окно светит круглая, как масляничной блин, луна (наверно, потому, что и вправду скоро Масленица)...

Коля опасно повертел головой. Нет, здесь все в порядке. Это его комната, его привычные вещи. Даже полумрак — тоже его, привычный. К тому же, в соседней комнате виден через щель прикрытой двери свет и слышен шелест книги — Тё-Таня еще не легла. Под этой крышей ничего сейчас Коле не грозит.

Да, а там, в трюме?

А на улицах, в развалинах, на пустырях?

А вообще в жизни?

Коля старательно вздохнул, попытался разозлиться на себя и стал размышлять разумно.

Конечно, никаких трюмников на свете нет. И призраков нет. И всяких смутных опасностей, которые иногда грозят непонятно чем, не существует тоже. Есть риск провалиться на экзаменах, заболеть, наткнуться на разбойников, лишиться (не дай Бог!) Тё-Тани или попасть в разные другие беды. Но этот риск, по правде говоря, совсем не велик. Самая реальная опасность — это наткнуться на невзорвавшуюся бомбу. На спящую бомбу. Нечаянно ударить ее или поднять и уронить. Но вот этот страх у Коли был как раз самым маленьким. Когда он повторял в уме стихи Шарля Дюпона, они с каждым разом казались ему все менее страшными и все более светлыми. С такой спокойной печалью. «Давно закончилась осада. В приморском воздухе теплынь. У крепостного палисада седеет древняя полынь...» А рассуждения

о бомбе, которая ждет поэта... Это просто боязнь, что откроются старые раны или каким-то другим способом аукнется давняя война.

А для него-то, для Николая Вестенбаума, как она может аукнуться? Он никогда не воевал, он ни в чем не виноват ни перед этим городом, ни перед теми, кто его защищал и осаждал. Наоборот, он хочет, чтобы город скорее вырастал из руин, делался радостным, живым, шумным (как предвещал в легенде белый всадник!). Чтобы все больше судов приходило в его бухты. Чтобы все больше ребят (веселых и дружелюбных) играло на заросших бастионах. Чтобы здесь появлялись школы и гимназии и не надо было таскаться по сырой рыжей степи в губернский Симферополь. Коля часто представлял себе такой город и зараннее любил его. Но он любил его и нынешний. Несмотря на запустение, малолюдность и развалины. Несмотря на свои страхи.

Так откуда же эти страхи? Почему он не такой, как другие ребята? Даже смиренный стеснительный Женька не в пример храбрее своего друга Коли Лазунова. Даже малыш Савушка... Хотя... у Савушки старший брат, с братом ничего не страшно. Женя здесь старожил, привык ко всему. Ибрагимка и Макарка — те вообще впитали в себя здешнюю жизнь с самого рождения. Ничего другого они и не видели. Они просто частичка этого города. Откуда у них может быть страх...

«Да причем здесь город? — сказал себе Коля. — Страх разве в нем? Страх внутри тебя. Он сидит в тебе еще там, в Петербурге. Ты привез его с собой, со своим боязливым характером и поэтому никогда от него не избавишься».

«И как мне быть? Я же не могу сделаться таким, как Маркелыч... Или таким, как Фрол. Тот ничего не боится. Ничего и никого. Это сразу понятно, когда он глядит прищуренно и усмеивается. «На пути не стой, у меня пистоль»...»

А может быть, потому и не боится, что есть у него пистолет?

Мысль была простая и ясная. С Коли слетели остатки сонливости. В самом деле, ведь именно оружие придает человеку силу и бесстрашие. Ощущение безопасности! Стоит вспомнить попутчика ротмистра с его саблей и револьвером в черной кобуре!

Какой сумрак пустырей и развалин может быть страшным, если ты идешь по нему с пистолетом за пазухой и знаешь, что в стволе добрый пороховой заряд, пуля «минька» (от имени французского изобретателя Минье) и надежный кремль в зажиме курка-собачки!.. И конечно же, любые страхи перед жизненными бедами разлетятся вдребезги, если только взглянешь на длинноствольное

оружие, висящее на стене рядом с осколком древней амфоры! Потому что...

Да, потому что пистолет — несгибаемая сила и твердость духа. Такая мысль даже приобрела в Колином воображении зримую форму. Представилось ему, что длинный стальной ствол — это как бы стержень человеческой души, не дающий ей гнуться и колебаться.

Значит, что же? Все дело в том, чтобы достать оружие?

А где?

Понятно, что не каждый день приваливает человеку счастье, как Фролу — отыскать на поле боя вполне исправный пистолет. Это ведь не осколки, не пули, не всякая мундирная мелочь, которую ребята ищут на продажу. Да теперь в мерзлой земле и вообще ничего не откопаешь. Значит, путь один: как-то раздобыть пистоль у Фрола...

Коля уже не думал о кладе, спрятанном в трюме бывшего «Македонца». То, что недавно казалось вполне правдоподобным, теперь представлялось сплошным вздором. Другое дело — настоящий тяжелый пистолет с черным, пахнущим порохом дулом и тугой пружиной замка. Это не сон, не фантазия...

Но разве Фрол согласится расстаться со своим сокровищем? Не променяет ни на какое добро. Да и что за добро мог бы предложить ему Коля? Книгу о тайнах мироздания? Свою капитанскую фуражку? Желтый лаковый пенал с набором карандашей и новеньких стальных перьев, что купили в Симферополе?.. Коля ясно увидел, как Фрол оттягивает нижнюю губу и щелкает по ней нечищенным ногтем (так, что разлетаются мелкие брызги).

А может быть, купить? В жестяной коробке изпод столичных леденцов у Коли хранился немалый денежный запас, накопленный за долгие времена. Были здесь и полтинники, подаренные тетусшкой на разные праздники, и пятаки, которые она отдавала ему со сдачи, когда бегал в ближние лавки за сахаром и хлебом (помогал кухарке Полине); и даже несколько копеек, выигранных у Юрки Кавалерова и других ребят на пустыре за Касьяновой усадьбой — в запрещенную взрослыми игру «дамки-чирики». Коля собирался купить волшебный фонарь со стеклянными картинками и керосиновой горелкой, но отъезд поломал эти планы... Сумма в коробке набралась немалая, около четырех рублей с полтиной. Фрол таких денег, небось, сроду не видал. Но... Коля опять представил, как Фрол, вытянув длинную шею, смотрит с ехидным прищуром...

А если Фрол и согласится, то — Коля чуял это — у всех останется нехороший осадок. Этакое впе-

чатление, что «дворянчик Николай выудил Фролкин пистоль за большие деньги». Фрол сам постарается внушить эту мысль остальным. И... похоже ведь, что будет прав.

Нет, оружие добывать надо в честном деле. Вроде поединка... Ну, не в настоящем бою, конечно, и не в драке, а в чем-то вроде состязания. В споре каком-то... Фрол — спорщик известный. Если упрется на своем — стоит до конца, хоть лбом его о стену бей. Упрямый, как... как инкерманский камень, из которого сложены здешние дома. Ядра не могли прошибить его и оставляли круглые, очень ровные ямки-отпечатки... Камень из такой стены валяется на дворе у Маркелыча. С круглой вмятиной посерединке. Маркелыч, когда ремонтировал дом, притащил откуда-то этот известняковый брус да потом, видать, бросил за ненадобностью. Теперь круглый отпечаток (размером с блюдце для варенья) служил поилкой для петуха с французским фельдмаршалским именем Пелисье и нескольких кур. Но в эти дни, несмотря на близость Масленицы и весны, пришли такие холода, что Настенька забрала кур и петуха-фельдмаршала в дом. А Коля, возвращаясь из бани, заметил в свете фонаря, что вода в каменной посудине превратилась в гладкую льдинку.

В тот момент он это лишь мельком отметил про себя, а сейчас... Лишь бы не случилось завтра оттепели! И было солнце — холодное, но яркое! И тогда... слава доктору Клоубонни, спутнику отважного капитана Гаттераса!

«У меня пистоль...»

Утро было морозным и солнечным. Коля сразу увидел это сквозь стекло — у окна искрились ветки низкорослой акации. Проснулся Коля поздно — день был воскресный. Татьяна Фаддеевна, однако, после завтрака отправилась в лечебницу. Там в свободные от работы дни как раз был самый большой наплыв хворых мастеровых. Иных надо было бы уложить в больницу, но доктор Орешников до сей поры не мог добиться у городского начальства ее открытия. Вот и приходилось врачевать всех больных очень скороспело, в тесной комнате, которая называлась «амбулатория».

То, что тетусшка ушла, было Коле на руку. Он тут же (натянув от холода заячью шапку) отправился на двор к Яценкам. Там никого не было. В круглой вмятине на белом камне по-прежнему блестел прозрачный лед (в нем даже заметен был пузырек).

Коля сел на корточки, надавил на края круглой льдинки. Она не шелохнулась. Он надавил снова. Никакого результата. Вот досада!.. С этой

досадой он вскочил и ударил по камню каблуком. Раз, два, три!.. Потом сел и нажал на лед снова. Лыдинка, поупрямившись немного, вдруг скользнула вверх и упала в сухую траву рядом с камнем. Хорошо, что не разбилась!

Это была не просто лыдинка, а прекрасная ледяная линза! Конечно же, гораздо более гладкая, чем та, которую в далекой Арктике смастерил из осколка айсберга доктор Клоубонни, чтобы разжечь в снежном доме огонь!

Коля растопыренными пальцами взял линзу за края. Ладонью пошlifовал плоскую сторону, чтобы стала еще прозрачнее. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах под шапкой. Стало жарко... Святой Николай Угодник, сделай, чтобы все получилось! Ну, пожалуйста!.. Коля повернул ледяное стекло одной стороной к солнцу, другой — к растопыренной ладони. Лучи на коже сошлись в яркое крошечное пятнышко. Но никакого ощущения. Никакого. Ни... ай!

Коля заплясал, дуя на ладонь. Словно петух Пелисье воткнул в нее свой колючий клюв! Но это была радостная боль!

Коля выхватил из кармана армячка припасенный заранее кусок пакли (вырванную из щели оконную конопатку). Сжал ее в комок, навел горячую точку на серые волокна. Не сразу, через полминуты, но все же они пустили синий дымок. А потом задрожал на пакле желтый неяркий огонек. Ура!..

Коля дунул на паклю, уложил линзу обратно в каменную ямку и, пыхтя от натуги, уволок камень за сарайчик, подальше от солнца.

Как удачно, что именно сегодня вся компания собралась пойти на пустошь, за кладбище у Пятого бастиона, и там, в неглубоком рву, пострелять из пистолета. Фрол давно обещал ребятам это развлечение и вот наконец назначил время.

Место было не близкое, зато удобное — в отдалении от домов. И едва ли Куприян Филиппыч Семибас захочет морозить нос и уши и тащиться сюда, если и обратит внимание на пальбу.

Спустились по откосу в серый пересохший бурьян. Каблуки стучали о комки замерзшей глины. Из ртов шел пар. Закутанный до носа Савушка привычно стал на посту. Остальные протоптали в бурьяне дистанцию, подперли камнями дырявый медный таз, которому надлежало стать мишенью.

Ну и пошла пальба!

Каждый стрелял два раза. Почти никто не промахнулся, даже осторожно вздохавший Женя, который взял пистолет впервые. Оно и понятно — таз вон какой большущий!.. Лишь Коля (он по жребию стрелял предпоследним) один раз попал в самый край, а вторую пулю вообще пустил мимо.

В другом случае он расстроился бы ужасно. Такой удар по самолюбию! Но сейчас мысли были не о том. Коля небрежно махнул рукой:

— Бывает.. Видать, не выспался. — А думал про главное: как начать с Фролом запальчивый спор?

Но сегодня Коле везло необычайно.

Фрол, всадивший две пули в самую середину медного дна, спрятал оружие за пазуху и вынул изогнутую матросскую трубку. Солидно покашлял. С той же обстоятельностью, что заряжал пистоль порохом, набил трубку табаком из холщового мешочка. Всех оглядел желтыми глазами, хмыкнул и спросил, заранее зная ответ:

— Кто-нибудь хочет?

Все, конечно, замотали головами.

Фрол и раньше баловался табачком — и в погребке, и, случалось, на улице, если не на глазах у взрослых. И каждый раз предлагал приятелям. Но Коля отказался, честно объяснив: «У меня же легкие слабые, мы из-за этого из Петербурга уехали». Женя сказал еще честнее: «Нет, я не буду. По-моему, это нехорошо». («Чего нехорошего...») — добродушно хмыкнул тогда Фрол. Но насмехаться не стал.) Федюня сказал, что им с Савушкой хватает дедова дыма. Тот целыми днями пускает клубы, как старый турецкий пароход. Ибрагимка сослался на Коран. Потом, правда, сообразили, что мусульмане курят за милую душу — кальян, например, — но уличать Ибрагимку никто не стал.

Лишь Поперешный Макарка, купившись на Фролкино «ты, небось, тоже не захочешь», потребовал себе трубку. Втянул дым, вытаращил глаза и долго кашлял, скрючившись в углу погребка. Его колотили по спине. Мало того, когда он пришел домой, мать учуяла запах, и ее крепкая веревка уже вовсе отучила Макара от интереса к «табашному зелью», несмотря на его строптивый характер...

И сейчас, после стрельбы, Фрол готовился в одиночестве предаться дымному удовольствию. Все давно знали, что затягивается Фрол не сильно, зато синие клубы он выпускал всем на загляденье.

На этот раз, однако, дело у Фрола не заладилось. Спичек у него, конечно, не оказалось, вещь эта в обиходе была новая и дорогая. Из кармана длиннополой своей тужурки вытащил Фрол кремь-огниво, зазубренный осколок бомбы и обугленный трут из куска пенькового троса. Начал привычно колотить чугуном по камешку. Но искры летели слабо, трут не загорался. Ну никак!..

Все внимательно следили за Фролом, но это внимание только злило его. Он зыркал желтыми

глазами и сквозь зубы выдавил два нехороших слова. Потом от досады хлопнул о свои разбитые сапоги драной суконной шапкой.

— Потому что табак это вред, — тихо, но бесстрашно сказал Женя.

— Сам ты вред... Отсырел он, что ли? Или кресало затупилось...

— Таким кресалом только тесто месить, — подал голос Коля. Понял, что пришел его черед. — Лучше уж какой-то другой способ испытать... Попробуй кремнем пистолета.

— Ну да, скажешь! Он и так на исходе, а нового нет!

— Ну, тогда еще как-нибудь...

— «Нибудь» как?

— Древние люди огонь трением добывали. Вертели палочку на камне...

— Воткни ее себе... и верти.

Коля ради пользы дела снес это спокойно. А Ибрагимка укоризненно напомнил:

— Ай, ведь обещались друг с дружкой не ссориться.

— Я и не ссорюсь... — Фрол опять безуспешно колотил осколком. — А пускай он с брехней под руку не суется...

— Я не с брехней. Я помочь хочу. Есть же много способов получить огонь. Некоторые люди даже с помощью льда костры разжигают...

Фрол уронил руки.

— Че-во?

— Вот тебе и «чево». С помощью льда. Не слышал?

— Спятил Николай, — уверенно сообщил Фрол. — С помощью льда лечат больные головы. В которых мозга за мозгу зацепилась. Называется «компресс». Попроси своего знакомого доктора...

— Доктор тебе нужен, — миролюбиво объяснил Коля. — От упрямства лечить. Ты, как упрешься, ничего знать не хочешь.

— Да чего знать-то? Что льдом огонь добывают?

— Ну да!

— Больной, — убежденно сказал Фрол.

Остальные смотрели на Колю приоткрыв рты. И с сочувствием. Видно, тоже как на больного. Все, кроме Жени. Тот, кажется, что-то понимал. Да, он же читал роман Жюль Верна! Ладно, лишь бы не раскрыл секрет заранее. Коля незаметно мигнул ему.

— Значит, не веришь? — спросил он Фрола.

— Гы... — выдохнул Фрол.

И тогда Коля наконец сказал:

— Спорим!

— Об чем?

— О том, что льдом зажгу твою трубку!

Фрол помигал. Потом что-то новое появилось в его глазах. Какая-то хитрая мысль.

— Ладно, спорим! А на что?

— Давай на что-нибудь важное. Дело-то все же непростое...

— Договорились. И смотри не отпирайся. Если проспоришь, в полночь пойдешь на кладбище и принесешь с могилы капитана Банникова жестяной цветок. А мы подождем, — ласково проговорил Фрол.

В осаду не каждого хоронили на Северной стороне. Некоторым, особенно убитым в начале войны, «посчастливилось» обрести место вблизи города. Могила капитан-лейтенанта Банникова, погибшего в ноябре пятьдесят четвертого года, находилась в самой середине здешнего кладбища. Она была знаменита лежавшим на плите большущим якорем и надетым на каменный крест железным венком с серебристыми жестяными розами. Сходить ночью на кладбище и добыть такую розу считалось у всех мальчишек делом весьма славным и геройским. Во всем городе таких смельчаков можно было перечесть по пальцам. Фрол был среди них. (Но ему что, с пистолетом-то!)

Фрол смотрел выжидательно. Не пойдет мальчик Николай среди ночи на кладбище. Он и в сумерках-то норовит быть поближе к остальным, когда шагают вблизи разбитых домов.

Коля обмер. Внутри. А что, если не получится? Но не было обратного пути. Он сказал небрежно:

— Хоть цветок, хоть целый букет...

— И не говори, что тетушка не пустила!

— Не скажу... А с тебя что требовать, когда проспоришь?

— А чего хочешь?

— Пистолет!

Фрол мигнул. Догадался о чем-то? Но... какой же человек в здравом уме допустит, что изо льда получается огонь? А если тут прячется хитрость, он, Фрол, не лыком шит, разглядит вовремя!

— Замётано!.. Разбивайте!

Они сцепили в рукопожатии пальцы, и Савушке — самому бесхитроственному — поручено было расшибить эту сцепку ребром ладони.

— Ну! — сказал Фрол. — Теперь пошли наверх! Там лужи застывшие, льда сколько хочешь.

Коля отозвался деловито:

— Не из всякой лужи лед пригоден. Пошли к Маркелычу. Там этим делом заниматься способнее.

— Уже вертеться начал, — хмыкнул Фрол.

— Я не верчусь, а хочу наверняка...

Выбрались из рва, пошли по пустырям, потом вдоль разбитой казармы. Женя оказался рядом.

— Думаешь, получится? — спросил он тихонько.

— Я уже пробовал, — ответил Коля одними губами.

Фрол шагал позади. Вдруг он громко сообщил:

— А я разгадал твою хитрость! Ты, небось, возьмешь у тетушки спички, напишешь на пачке «Лёд» да и скажешь: «Вот, я льдом зажигаю!» Такой фокус не пройдет!

— Не будет такого фокуса.

— Или обломишь с крыши сосулину, стукнешь ей по кресалу: «Льдом искру выбил!»

— И такого не будет, — снисходительно пообещал Коля. — Будет по-честному. Все пускай решат — правильно это или нет...

Фрол тревожно задумался на ходу, а у Коли все стонало внутри от опасений. Но... что может случиться-то! Ведь утром же получилось. А сейчас морозец по-прежнему крепкий, солнце такое же яркое. Разве что Настенька зачем-то разыщет за сараем камень, да выколупает льдинку. Но можно же налить воду и заморозить сызнова...

Такими мыслями Коля успокоил себя и, чтобы не отдаться страху снова, начал рассказывать, как Маркельчич вчера выгонял из него хворь. И как говорили с ним про трюмников и про золото «Македонца».

Оказалось, что про трюмников знают все. Кое-кто их даже видел. Савушка поведал, что их трюмник по имени Коконя катал его на закорках по баньке — от двери до печки и обратно.

— Это тебе приснилось, — ласково сказал Федюня. — Ты в бане-то один сроду не бывал.

— А вот и не приснилось! Бывал! Когда позже всех кончил мыться... Я потом с мокрого заду шерсть отклеивал, потому что Коконя весь волосатый...

Посмеялись.

Коля уже не верил в клад, спрятанный в трюме, но все же сказал и про это. Может, все-таки слазить, поискать? Было бы тогда у Маркельчы свое судно.

— А с чего это золото Маркельчу отдавать, если найдем! — возмутился Макарка. Не по жадности, а ради спора. И все заспорили, чье было бы золото, если бы и впрямь нашли. Фрол сказал рассудительно:

— Чего делите неснятую шкуру? Ничего в трюме нету. У Новосильцева с командой чуть не целая ночь была для отхода. Неужто оставили бы золото врагам или пожару? Долго ли было вынуть его из тайника...

— Да ведь нести-то с собой, небось, тяжело, — заметил Федюня.

— Да они и не понесли. Спрятали где-то вместе с флагом, с вахтенным журналом да картами, чтобы все это к французам не попало, если попа-

дутся в плен. Скорее всего, зарыли в подземном ходе...

— Вот бы отыскать, — тихонько сказал Женя. Фрол щелкнул губой:

— Поди отыщи. Ходов этих под городом да вокруг не счесть...

Пришли на двор к Маркельчу. Настенька и Саша развешивали на пеньковом шнуре выстиранное белье. Оно застывало на глазах.

— Гости пожаловали, — улыбнулась Настенька. — Вы только с печкой там поосторожнее...

— Мы не будем разжигать, мы на минутку, — сказал Коля. Саша подошла, почуяв что-то интересное. Настенька скрылась в доме.

Камень с ледяной линзой оказался на месте, за сараем.

— Женя, помоги, пожалуйста... — попросил Коля. Вдвоем они легко выволокли известняковый брус на солнце.

— Лед? — спросил Коля, указывая на застывшую в лунке воду.

— Лед! — хором сказали все. Кроме Фрола. Но и он не спорил.

Коля сел на корточки, надавил на ледяные краешки. Испугался вновь: а вдруг примерзло напроць? Но линза выскочила легко, выпуклым боком отразила солнечную искру. Коля опять потер ладонью плоскую сторону.

— Фрол, доставай-ка трубку...

Фрол мигал. Догадался, в чем дело? Однако не спорил, достал трубку, протянул.

— Нет уж, ты ее держи в зубах. Будешь раздувать, как полагается... Присядь-ка, а то я не дотянусь...

Озадаченный Фрол исполнил все без спора.

Коля навел солнечное пятнышко на туго набитый табак. И не успел даже встревожиться: получится ли? Дымок почти сразу побежал вверх извилистой струйкой.

— Раскуривай! Раскуривай! — закричали мальчишки, радуясь чуду. Фрол послушно засопел трубкой. Она выпустила синее облако, выбросило икру.

— Ура-а!!

Фрол выпрямился. Неторопливо затянулся, потом придавил в трубке тлеющий табак большим пальцем. Он старательно прятал огорчение.

— Хитер ты, Николя. Видать, много книжек прочитал... Не знал я про такое дело...

Коля сдержанно пожал плечами. Кто же, мол, виноват, что не знал.

Савушка, завладев ледяным стеклом, восхищенно разглядывал сквозь него ссадину на костяшке мизинца. Ибрагимка, Федюня и Макарка дышали у него за спиной. Ибрагимка тихо цокал языком.

Передача пистолета состоялась тут же. Было похоже, будто подписавший капитуляцию фельдмаршал, сохраняя достоинство, сдает оружие победителю. Фрол протянул пистолет вперед рукоятку:

— Держи, раз выиграл...

— А припасы? — напомнил Ибрагимка.

— На припасы спору не было! — тут же вмешался Макарка. Но Фрол снисходительно сказал:

— Они мне теперь к чему? — выгреб из кармана мешочек с порохом и пригоршню пуль. — Э, да тут и кремешок запасной! А я и не помнил! Повезло тебе, Николая.

«Можешь взять обратно пистолет, только не говори больше «Николая!» — чуть не вырвалось со злостью у Коли. К счастью, сдержался. С безразличным выражением лица рассовал по карманам боеприпасы. Расстегнул армячок и курточку. На штанах был суконный пояс с круглой костяной пряжкой. Коля стал заталкивать за него пистолет.

— Зачем он тебе? — жалобно сказала Саша. — Страх какой.

— По носу... — пообещал Коля.

После этого все разошлись. Коля и Женя пошли к Лазуновым домой.

Коля вколотил в стену граненый гвоздь — в щель между камнями, которую угадал под штукатуркой. Сделал из шнурка петлю, повесил пистолет в аршине от рамки с осколком амфоры. Оглянулся на Женю:

— Ну, как?

Женя сказал, что хорошо. Потом спросил:

— Выходит, ты заранее все рассчитал? Для этого спора...

— Конечно... А что? — Коле вдруг почудилось в Женином голосе скрытое осуждение. И он сразу напрягся: — А что? Разве это нечестно?

— Отчего же нечестно? Все по уговору, — успокоил его Женя. Правда, как-то скучновато. Но, возможно, он просто завидовал в душе. Потому, наверно, и спросил: — А Татьяна Фаддеевна позволит тебе держать дома настоящий пистолет?

— Конечно, позволит! Ей-то что!

...Татьяна Фаддеевна не позволила. Увидев на стене грозное оружие, она подняла крик. Даже не совсем приличный для образованной дамы. Дала волю всем своим чувствам и женским страхам. Смысл ее отчаянных возгласов сводился к тому, что Коля обязан «сию же минуту отнести этот ужас на свалку, пока он не взорвал весь дом!»

Коля, у которого хотели отобрать его надежду и радость, тоже потерял сдержанность (потом даже стыдно было). Он кричал в ответ (и пустил

слезу), что женщины вот ни настолечко не смыслят в оружейных делах. Ну, как, скажите на милость, может взорваться пистолет, который вовсе не бомба и в котором даже нет ни крупинки пороха?

— Вот, посмотрите сами! Загляните сюда, в дуло!

— Не подходи ко мне с этой гадостью!

— Здесь и кремешок-то совсем сбит! И пружина совершенно слабая, курок почти не щелкает! — врал уже напропалую Коля.

— Я сказала: выбрось эту мерзость!.. Зачем тебе оружие? Разве ты солдат? Или бандит?

— Вы же сами хотели, чтобы я стал военным! Толкали в корпус!

— И очень жаль, что не сумела затолкать! Там тебя приучили бы слушать старших!

Вот она дамская логика!

Дошло уже до того, что Коля пообещал (совсем уже со слезами): если тетушка заставит его унести пистолет, то он унесет — пожалуйста! — но домой после этого не вернется. Останется жить в какой-нибудь разбитой хате. Татьяна Фаддеевна прореагировала безжалостно:

— Ты там умрешь от страха в первые пять минут!

— С пистолетом не умру!

К счастью, пришел в гости доктор Орешников. Со свойственным деликатному мужчине спокойствием разобрался в причине спора. Уговорил Татьяну Фаддеевну и Колю умерить горячность. Осмотрел пистолет. Подтвердил, что «этот музейный экспонат» и в самом деле не опасен.

— Если, конечно, не пытаться заряжать его порохом и пулями. Но, я надеюсь, Коля достаточно благообразен...

Коля тут же поклялся в своем благоразумии. И, катаясь дальше по наклонной плоскости греха, с жаром наврал, что у него нет никаких боеприпасов. Мало того, он вынул из куркового зажима кремешок (поскольку помнил о запасном) и торжественно бросил его на кухне в мусорное ведро.

Тетушка с мучительным стоном сдалась. При условии, что, когда она дома, «этого предмета не должно быть на стене». Коля тут же затолкал пистолет под свой диванчик...

А на ночь он положил пистолет под подушку. Опять захотелось плакать, Коля всхлипнул, погладил деревянную рукоятку, будто шейку живого существа. Но... пистолет не отозвался на ласку. Он лежал под подушкой, холодный и твердый. Чужой.

Почему?

«Выходит, ты заранее все рассчитал?» — вспомнился Женин вопрос.

«Ну и что? Разве нельзя рассчитывать зара-

нее, когда заключаешь пари? Разве это нечестно?»

«Отчего же нечестно? Все по уговору...»

Коля опять потрогал пистолет. А будет ли он защитой от страхов? Почудилось, что да. Коля представил ночные развалины, и они теперь показались ему совсем не такими жуткими, как прежде. И если даже идти к могиле капитан-лейтенанта Банникова, то с пистолетом не так уж боязно... Однако же какое-то сомнение продолжало точить Колю. Он так и не разобрался, уснул.

Утром в школе было много разговоров о вчерашнем пари. Спрашивали Колю, правда ли, что выпуклая льдинка дает огонь. Коля не скрывал, что вычитал об этом в книжке. Фрол в разговорах не участвовал. Будто его все это не касалось. Женя тоже не заводил разговора о пистолете, даже не спросил, как отнеслась к нему тетушка. А вообще-то он держался обычно, разговаривал, как всегда, по-дружески. Только... только показалось Коле, что Женя иногда слишком быстро отводит глаза. Но, наверно, и вправду только показалось. Немудрено после вчерашнего...

Дома Коля опять водрузил пистолет на стену — Тё-Тани не было.

— Побудь здесь хоть немного, — шепнул он пистолету.

Вещи иногда умеют мысленно разговаривать с людьми. И Коля понимал, что с Фролом пистолет, конечно же, разговаривал. Но сейчас пистолет молчал, глядя вниз длинным опущенным стволом...

А собственно говоря, как он сумеет помочь Коле одолеть его страхи? Не будешь же таскать его каждый раз с собой, когда надо идти по темной улице. Да и не ходит Коля один... И боязнь экзаменов пистолетом как прогонишь? Ведь не станешь палить в хрестоматию по греческому языку! И не потащишь его с собой в гимназию!.. Можно взять пистолет разве что в баню, если пойдешь мыться один. Но и там от него какой прок? Стрелять в трюмника Ерофейку, если тот вдруг высунет голову из-за печки? А зачем? И как потом жить, если по своей трусости погубишь безобидное добродушное существо? (Да и нет на свете никаких трюмников!)

А Женин уходящий в сторону взгляд? Словно тому неловко за Колю. Может, и почудилось, а может... Смирный и застенчивый Славутский в вопросах совести всегда чуток, будто магнитная стрелка. Может, и не скажет ничего, а в глазах читается: «Это нехорошо...»

Значит, появилась в их дружбе трещинка? Пускай самая незаметная, а все-таки...

Коля затолкал пистолет за пояс и стал одеваться.

Фрол жил в двух сотнях шагов от Колиного дома, в косой приземистой хате под ярко-рыжей черепицей. Когда Коля подошел, он таскал на сколоченных из трех досок санках закутанную сестренку. Покосился, сказал неловко:

— Вот катаю, пока зима. А то не сегодня завтра все потает... — Санки скребли полозьями то по слежавшейся полоске снега у ракушечной изгороди, то по мерзлой земле.

— Фрол, держи... — Коля рукоятку вперед протянул пистолет.

Фрол уронил веревку, сдвинул на затылок сумочную шапку.

— Это... с каких щей?

— Ну, с таких... Все равно он твой. А не мой... Я же чувствую... И тетя Таня не позволяет.

Фрол привычно щелкнул по губе.

— Это ваше с тетушкой дело. Я-то при чем? Что потеряю в спору, то обратно не беру. Может, в Петербурге не так, а у нас это не по закону...

— Да оставь ты Петербург, — с досадой сказал Коля. — Я потому и отдаю... что спор был неправильный. Вот как раз не по закону. Я же заранее знал, что ты проспоришь. Все подготовил. Не было никакого риска.

— Ну, это всегда так и бывает, — усмехнулся Фрол. — Помню, мне Адам говорил: если двое бьются об заклад, один всегда дурак, а другой подлец...

— Значит, я подлец?!

Фрол вдруг сильно смутился.

— Я же не про тебя... Просто поговорка такая. Ну... в ней все же есть кой-какая правда.

— А я не хочу такую правду! Вот и забирай!

Фрол сильно помотал головой на тонкой шее. Шапка еще сильнее съехала назад, желтые волоски заискрились на солнце.

— Не возьму. У меня тоже свое понятие есть, хотя и не дворянин.

— Дурак ты, — чуть не со слезой сказал Коля. — Причем тут «дворянин», не «дворянин»! Я же с тобой по-хорошему...

— Ну... и я по-хорошему. Ты старался, спор выиграл, значит, пистоль твой.

— Мой?

— А чей же!

— Точно мой?

— Само собой! Что желаешь, то и делай с ним. Выброси, если охота.

— Я выбрасывать не буду, — с удовольствием сказал Коля. — Я тебе его дарю. А от подарков отказываться нельзя. Это ведь тоже не по закону!

Он распахнул на Фроле тужурку, сунул пистолет стволом во внутренний карман. А в наружные карманы погрузил порох, кремь и пули. Фрол стоял, растерянно растопырив руки. Закутанная в клетчатую шаль сестренка на санках молча хлопала глазами.

— Вот так, — сказал наконец Коля. И с великим облегчением зашагал прочь.

— Коль... — сказал ему вслед Фрол.

— Чего? — Коля оглянулся.

— Ты это... не злись, что я иногда говорю «Николя»... И вообще... Я не со зла, просто у меня язык такой... шершавый.

— Да ладно, я знаю...

...В этой истории с пистолетом осталось досказать немногое.

По законам литературы, если в повествовании появляется пистолет, он должен обязательно выстрелить. Причем не просто так, а в какой-то решительный момент. Это и случилось. Только долгое время спустя.

Почти через сорок лет после рассказанных событий, в ноябре 1905 года в Северной бухте, напротив подпорной стенки Приморского бульвара, что разбит был на месте развалин Николаевской батареи, горел восставший крейсер «Очаков». Горел и светился раскаленным металлом. Его, почти лишенного брони, расстреливали по приказу адмирала Чухнина береговые батареи. Командир восстания лейтенант Петр Петрович Шмидт командовал, чтобы все покинули корабль. А потом и сам с мальчишкой-сыном бросился в ледяную воду. Скоро Петра Петровича и четырнадцатилетнего Женю подобрали на миноносец 270, но тот почти сразу начал тонуть от тяжелого огня с «Ростислава». Шмидт и Женя опять оказались в воде. Они были подобраны и арестованы верными царю офицерами, доставлены на «Ростислав» и брошены в трюм.

А матросы с «Очакова» плыли к берегу, к бульвару.

— Братцы, пощадите! — слышались из воды крики.

А «братцы» в солдатских шинелях и бескозырках с кокардами шеренгой стояли у гранитного среза и равномерно давали один залп за другим. Из длинных стволов выскакивали оранжевые

огоньки и мгновенно отражались на граненых штыках мосинских трехлинейек. Стрельбой командовал усатый офицер в длинной шинели и фуражке с очень блестящим козырьком.

— Огонь, сволочи! Огонь! — кричал он сиплым бабьим голосом и перед каждым залпом взмахивал зеркальным сабельным клинком.

На склонах Городского холма, на ступенях Матросского бульвара, у памятника Казарскому черной массой толпился народ. Слышались крики и плач.

— Изверги! Палачи! О Боге забыли!..

Кое-кто пытался прорваться на берег, но оцепление из солдат и полиции было несокрушимым.

И все же через это оцепление как-то прошел сутулый седоусый человек в потертой флотской тужурке. Он был без фуражки, блики искрились на его рыжеватых коротких волосах. Это был известный многим мастер адмиралтейского завода по фамилии Буденко. Он шагал по пустому пространству между оцеплением и стреляющей шеренгой. Широко шагал, но спокойно. Сухие листья платанов похрустывали под ногами.

Мастер осторожно обошел раненую чайку, которая билась на ракушечных плитах. Она казалась оранжевой от пламени. Какой-то унтер бросился мастеру наперерез, но замер, изумленный хладнокровными насмешливыми словами:

— На пути не стой, у меня пистоль...

Далее все было, как в известной повести Пушкина. «...Дубровский, подошел к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь». После, правда, уже не по «Дубровскому». Пробитый несколькими пулями и двумя штыками, мастер упал на плиты и мгновенно умер. Используя короткую заминку на набережной, два матроса в воде рванулись в сторону, ушли в тень береговых выступов и вдоль них, то вплавь, то между скользких камней пробрались к причалам Артиллерийской бухты. Там, под настилами, они притаились на время, а потом по темным откосам проползли наверх и скоро оказались в переулке Артиллерийской слободки, где жило немало сердобольных рыбаков...

Может быть, в спасении двух этих жизней и был главный итог существования на свете мастера Фрола Никодимовича Буденко. И оправдание пистолета.

Продолжение в следующем номере.

Это предисловие было написано для издания дилогии Сергея Лукьяненко «Искатели неба» в рамках коллекционной серии «Корона» — не сбывшегося, к сожалению. Как и предыдущие книги серии, «Искатели неба» должны были содержать не только сам текст романов и иллюстрации, но и разнообразные предисловия и послесловия — как чисто информационные, так и, как в данном случае, «эссеобразные». Практически все это были тексты, написанные специально для «Короны» и не предназначенные для публикации ни в каких других изданиях.

К сожалению, работа над книгой Сергея Лукьяненко была остановлена буквально на этапе сдачи в типографию, и шансы на то, что выпуск серии удастся возобновить, мягко говоря, весьма незначительны. Поэтому я принял любезное предложение редакции «Уральского следопыта» опубликовать написанное для «короновского» издания дилогии предисловие. Конечно, в отрыве от остальных материалов книги оно будет смотреться немного не так, как задумывалось — но я надеюсь (оптимист!), что потеря эта не абсолютно фатальна...

Я хочу выразить признательность вдохновителю и составителю серии «Корона» Дмитрию Рудакову, редактору книги Ирине Андронати, а также Андрею Лазарчуку, который забраковал первые сто пятьдесят восемь черновых вариантов моего предисловия.

Сергей БЕРЕЖНОЙ, Санкт-Петербург

ПОКУШЕНИЕ НА ВИТРАЖИ

Апокрифы не любят за их главное достоинство — за попытку нового взгляда. Почти любое художественное произведение, автор которого критически подходит к догматам — религиозным, литературным или иным — вызывает в массах реакцию, сходную с шипением сала на сковороде. «Ах, как он посмел, негодяй, покушиться на наше святое! Разгнем его».

Церковные соборы на века «закрывали» апокрифические Евангелия, дабы свет божественной Истины доходил до пасты без каких бы то ни было помех. Помогало это плохо, так как четыре Евангелия, объявленные каноническими, были так богаты разночтениями, что появление их нетривиальных (читай — неверных с точки зрения Святого Престола) трактовок не заставило себя ждать. Собственно, вся история католицизма — суть история ересей. В разные века подвергались сомнению почти все церковные догматы. Троицизм Отца, Сына и Духа. Божественное происхождение Сына Человеческого. Непогрешимость Папы. Неизбежность Страшного Суда...

Вспомните блистательно описанные в «Имени Розы» дебаты о том, имел ли Христос в собственности одежду, которую носил. Для Умберто Эко, как и для нас, его современников, не грех и поиронизировать над этой про-

блемой — но тем, кого восемь веков назад сожгли или зарезали за отклонение от «генеральной линии» в решении этого вопроса, было совсем не до смеха. Времена, что бы ни говорили пессимисты, все-таки изменились...

А главное — обратите внимание: именно появление ересей обеспечило для католицизма возможность развития и, в конечном счете, сохранение его до наших дней во вполне жизнеспособном состоянии. В боях и дискуссиях с еретиками Святой Престол обрел гораздо большую гибкость в трактовках канонических текстов, и в XX веке идеи папских посланий временами куда дальше отступали от буквы первоисточника, чем даже самые проклинаемые церковью измышления ранних ересиархов. Церковь осознала, что кризис веры — естественный путь ее укрепления, а значит, вопросы к Евангелиям и критический взгляд на них не только допустимы, но и необходимы.

Но когда из канона выжато все, что можно, новую информацию можно искать только вне его. Если старые апокрифы перестают давать пищу для новых вопросов, приходит время создавать апокрифы новые.

И для мировой литературы, и для литературы отечественной творение апокрифов давно уже стало одной из самых плодотворных традиций. Апокриф — роман об Иешуа в «Мастере и Маргарите». Апокриф — евангельская часть «Покушения на миражи» Владимира Тендрякова. Апокриф — историческая линия «Отягощенных Злом» Стругацких...

Но зачем ограничивать круг литературных апокрифов евангельскими сюжетами? Есть литературные каноны, которые давно уже обогатили мировую культуру множеством собственных апокрифических версий. Апокриф — «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена. Апокриф — «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина. Апокриф — «Дульсинея Тобосская» Григория Горина...

Иногда апокриф — это просто едва заметное смещение точки зрения. Иногда — фундаментальный пересмотр канона. Апокрифичны в разной степени и Николай Кун, пересказавший древнегреческие мифы, и Яков Голосовкер, написавший на их материале «Сказания о Титанах», и Г.Л. Олди, создавшие на основе всей пред-

шествующей мифологической традиции роман «Герой должен быть один»...

Сергей Лукьяненко является, пожалуй, одним из самых последовательных «апокрифистов» среди современных российских фантастов. Практически с самых первых своих произведений он взялся за переосмысление устоявшихся канонов. Повесть «Рыцари Сорока Островов» убедительно и последовательно полемизировала с педагогической и эстетической концепцией подростковой прозы Владислава Крапивина — при этом Лукьяненко использовал почти «крапивинских» героев — «мальчиков со шпалами» — и почти «крапивинское» представление об идеальном мире, населенном одними детьми... Критики, которые обвиняют Лукьяненко в элигонских замашках, предпочитают опускать дважды подчеркнутое почти (для верности подчеркиваю его в третий раз), хотя именно в нем заключен весь смысл «Рыцарей...» — именно в различиях между подходами авторов и кроется та ошеломляющая новизна, то новаторство, которые и сделали Сергея Лукьяненко сверхновой звездой отечественной фантастики. Рисую картины по канве, разработанной предшествующей традицией, он создает свои собственные творения через частичное отрицание этой традиции.

Точно так же поступил в свое время Оруэлл — для того, чтобы создать антиутопию, он лишь добавил несколько логически необходимых элементов в популярную утопическую социальную модель...

Так было и с диалогией «Звезды — холодные игрушки», где Лукьяненко использовал художественную модель утопического общества из романа Стругацких «Полдень, XXII век». Он тщательно перенес в свое произведение всю внешнюю атрибутику описанного Стругацки-

ми социума, в то же время лишив это общество главной нравственной доминанты — доведенного до абсолюта гуманизма. Конечно, получившийся мир Геометров был лишь внешне похож на мир «Полдня...» — однако именно такой подход вызвал новый виток внимания к утопии Стругацких и стал дополнительным импульсом, подтолкнувшим читателя к осмыслению ее истинных основ...

И, наконец, в дилогии «Искатели неба» Сергей Лукьяненко обратился к евангельским основам современной европейской цивилизации. И снова — его собственная версия Первого Пришествия совершенно не похожа на ту, что привычна для нас. Иные заповеди, иной исход событий, иные средства... Нет, слово «версия» здесь не подходит совершенно. Это просто другой миф, лишь отдельными намеками связанный с историей Распятия. И мир, который вырос из этого мифа, получился совсем не таким, как наш... Автор как будто долго всматривался в витраж, а потом, решившись, принялся разбирать его на цветные пластины, чтобы после составить из них новую картину.

Этот роман читатель откроет, вооруженный знанием того, из чего вырос сей Новый Апокриф. И за спиной Ильмара и Маркуса в игре витража все равно видятся нам и Голгофа, и опустевшая на третий день гробница Христа, и Святой Грааль, и царство пресвитера Иоанна, и железная лавина тяжелой рыцарской кавалерии в песках Палестины...

Мы будем читать — и сравнивать. И когда будет перевернута последняя страница, когда будет произнесено последнее Слово, мы сравним его с тем Словом, которым владеем сами.

И снова начнем задавать вопросы.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Москва

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДИЛЕТАНТА

«Если бы они только ели! Богач ведь насытит брюхо, а потом начинает насыщать свое тщеславие!»

Н. Носов

«Жалеть не будут коротышки, и не потратят время зря, коль будут все жевать коврижки конфетной фабрики «Заря!»

Н. Носов

«Игрушки-тамагучи! Конструкторы «Лего»! И тогда вы тоже можете сделать ракету как у Винтика и Шпунтика и полететь на Луну!»

Реклама на кассете.

«Песенки Звездочки пела прекрасная актриса и певица Кристина Орбакайте!»
Один известный режиссер.

Часть первая. ПОЧЕМУ Я ТАК ЛЮБЛЮ НЕЗНАЙКУ?

«Что ж, здесь вполне хорошо! — благодушно подумал Незнайка.»

Когда-то, давным-давно, уже почти четверть века назад, моему старшему брату надоело читать мне

сказки. Он взял с полки толстый зеленый том и сказал:

- Читай!
- Нэ! — мрачно сказал я.
- Дальше!
- И!
- А вместе?

Обучение заняло полчаса. Буквы я знал, но вот как из них получаются слова...

— Николай... — растерянно прочел я. — Николай Носов...

— Теперь открывай и читай, — сказал мой мудрый старший брат. Ему было десять лет, а когда вам пять — то десять это целая вечность.

И я заболел Николаем Носовым. Будь выбор книги менее удачен, я мог бы отбить себе интерес к чтению навсегда. Но...

Незнайка — это было открытием... Мир «коротышек», таких же детей, как и я, но живущих без взрослых, и у которых ТАКИЕ приключения... Это сейчас я понимаю, что вся «трилогия о Незнайке» является уникальной, редчайшей удачей современной детской сказки. А тогда я только с ужасом смотрел, как тают толстые книги. И впитывал все, что вложил туда автор.

Когда я в первом классе объяснял учительнице, во сколько раз сила тяжести на Луне меньше земной — это был Незнайка. Кляно я популярно объяснял ей же, что такое акции и акционерные общества — это была заслуга Носова.

Вкладчики АОО «МММ»! Ах! Вы не читали в детстве Незнайку? «Богачам-то прекрасно было известно, что все эти акционерные общества и компании устраиваются лишь для прикармливания чужих денег, или, говоря проще, для облапошивания бедняков».

Приключения, характеры, знания, мораль — все было вложено в книгу, и так легко и органично — что ни одному ребенку и в голову не приходило, что его не просто развлекают, его учат...

Вот почему я так люблю эту книгу. Вот почему у меня мороз проходил по спине, когда я наткнулся в интернете на «продолжение» Незнайки некоего умельца из Питера...

Но известие о том, что снят мультфильм о Незнайке на Луне я воспринял с радостью. И даже рекламная компания невиданного для России масштаба меня не насторожила. Наоборот, порадовала... умеют и наши рекламировать хорошие вещи!

Я не ждал подвоха. Наверное, давно не перечитывал Носова. И Незнайка, спящий где-то в моей душе, только улыбался, глядя, как я с готовностью выкладываю шестьдесят фертингов за яркую коробочку...

«Обычно лунатик покупает лишь те вещи, про которые читал в газете, если же увидит где-нибудь на стене ловко составленное рекламное объявление, то может купить даже ту вещь, которая ему не нужна вовсе».

Часть вторая. ПЕРВЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

«...в действительности это были не кусты, а небольшие карликовые деревья».

Я привык к лицензионным кассетам. Я отыскаю от честных пиратских кассет, куда записывали два фильма.

От чего прикажете отвыкать дальше, господа лицензионщики?

Да, я прекрасно понимал, что на кассетах будет...

ну, по два, по полтора часа записи. И готов был платить свои фертинги — со смешной целью «поддержать отечественную мультипликацию».

Но такое!!!

Две кассеты. На каждой — по сорок пять минут записи. Из нее — пятнадцать минут тупой рекламы.

Оп-ля!

Совесть надо иметь...

Я повертел кассеты в руках. Крепко выматерился. И повторил: «Надо поддержать нашу мультипликацию...»

Видик сплотнул первую кассету и я стал смотреть. Стал смотреть ЭТО...

Незнайка в моей душе хихикнул и отвернулся.

Часть третья. О КРИВЫХ РУКАХ И БЕСТАЛАННЫХ ТАЛАНТАХ

«Незнайка попробовал его и тут же выплюнул, до того оно оказалось кисло».

Создатели этого «шедевра» сделали изначально верный ход — использовали прекрасные рисунки Г. Валька как основу для создания мультфильма. Но...

Есть разница между черно-белыми иллюстрациями и цветным мультфильмом. Надо уметь работать с цветом, а не просто тупо раскрашивать одежду Незнайки, исходя из четких указаний в тексте...

Получилось что-то уродливо пестрое. С какого-то момента я стал смотреть без цвета — вы знаете, гораздо лучше выглядит! Кривые руки «художников-заливщиков» и прочих создателей мультфильма менее видны...

Ладно, это чисто моя вкусовщина. Идем дальше. Сам стиль мультипликации... Я понимаю, что до Уолта Диснея нам далеко. Не японская «аниме» — и то хорошо. Но ведь есть прекрасная отечественная школа мультипликации, есть люди, умеющие работать в мультфильмах со вторым планом, с глубиной...

Ничего! По большей части — плоская картинка. Двигающийся комикс. Просто и удобно...

Ладно, у мультипликаторов кривые руки, а кушать хочется всегда, простим...

Звук.

«Композитора» можно поздравить особо. Музыка в мультфильме либо дрянная, либо чужая. Да, нетрудно надергать из классики фрагментов... но хоть бы накладывали их органично! От «фигаро здесь, фигаро там», сопровождающего появление Жулио меня пробил нервная дрожь. Хорошая работа «композитора» была бы просто незаметна. Здесь она бьет по ушам. Даже воровать надо умело...

Озвучка... Отдельный вопль.

СКОЛЬКО МОЖНО!

До каких пор роли, которые нужно озвучивать детям, будут озвучивать пожилые тети? От одного вымученно-писклявого голоса бабушки, озвучившей Незнайку, можно забыть о мультике навсегда. От взгляда на этих героев озвучки — на одной из рекламных акций — хочется плакать. Бабушка выходит на сцену и начинает

лепетать «голосом Незнайки» о том, что «денежек хочется побольше». Да, верно, шила в мешке не утаить... На роль львенка в «Короле Льве» американцы пробовали сотни детей. И не только подбирая верный голос и интонации. Еще и потому, что образ актера, который будет мелькать на всяких рекламных акциях, не должен противоречить мультяшному образу. Неужели только иностранные режиссеры сейчас способны искать в России юных актеров, как случилось с тем же «Колей»?

Ладно. Это все вкусовщина.
Идем к главному — к сюжету!

**Часть четвертая.
ВЕЯНИЯ ВРЕМЕНИ,
ИЛИ НЕЗНАЙКА В БОРЬБЕ ЗА ЭКОЛОГИЮ!**

«Правда, эти припарки не всегда помогают. Посмотришь на такого богача издали — как будто нормальный коротышка, а приглядишься поближе — самый простой баран».

Одна мысль терзала меня до просмотра.
Как?

Как в наши времена победившей демократии и процветающего капитализма рискнут снимать мультфильм о... страшно сказать... борьбе с капитализмом? Как?

Да очень просто!

Нет на Луне никакого капитализма. Точнее, есть, но с ним вроде бы и бороться не стоит. Все беды — от господина Спрутса, чьи химические заводы отравляют Луну. Экология страдает, от того все беды — и продажные полицейские, и нищие, и Остров Дураков.

Помните старый, тридцатых годов фильм «Остров Сокровищ»? Где Джим на самом деле оказался девушкой-революционеркой, а сокровища Флинта пошли на дело шотландской народно-освободительной борьбы?

Тот же самый принцип.

И, кстати, не только в плане политической корректировки и ангажированности. Куда смешнее другое...

Помните, был в книге такой друг Незнайки — Козлик? Так вот, Козлика больше нет. Козлику сделали операцию по смене пола и назвали... нет, не Козочкой, что было бы логично. Козлик стал Звездочкой. Той самой, которую озвучивала величайшая из актрис и певиц Кристина Орбакайте.

Звездочка. Угу. Тускленская, правда.

Нет, нет, я далек от мысли, что бедному Козлику сменили пол, имя и профессию лишь для того, чтобы безголовая, но ангажированная певица, плохонькая актриса (пересмотрите «Чучело», прежде

чем спорить), смогла повисить свою популярность в детских кругах!

Нет!

Будем исходить из другой версии!

Пол Козлику сменили в целях правильного сексуального воспитания детей. У Незнайки, правда, на Земле осталась подруга — Кнопочка, но странно было бы ему не завести новую на Луне. Кстати, «Звездочка» — единственный из персонажей мультлика, имеющий фигуру не «пупсика», а скорее нимфетки...

Удивительно, как сходятся противоположности! Поделка коммунистических времен и поделка времен демократических сошлись воедино...

О мелких пакостях сюжета я уж и не говорю. Выкинутые эпизоды, добавленные эпизоды, перерисовка внешности отдельных персонажей, воровство приемов у Уолта Диснея (вспомните, откуда взят сон Незнайки в ракете)...

А судя по всему, детей ждет еще пара кассет этого чуда. Не меньше. Потом еще и игрушки-тамагучи «Воспитай своего Незнайку», комиксы «Незнайка затыкает Спрутсу выхлопную трубу», «Незнайка и Звездочка против Миги и Жулио», раскраски «Звездочка на выставке мод», настольная игра «Общество Гигантских Растений», компакт-диски «Кристина Орбакайте поет песенки Звездочки»...

«Мы попросту перейдем в другую комнату, а когда насвиним там, перейдем в третью, потом в четвертую, и так, пока не загадим весь дом, а там видно будет». Огромный простор для работы! Можно еще переделать книгу. Кому сейчас нужен оригинальный текст Носова? Даешь «Незнайка в борьбе за чистый воздух»!

Только я больше ЭТОГО не покупаю.

Более того. Отныне и навсегда, во всех случаях, кроме самых исключительных, я не буду покупать лицензионных кассет с нашими фильмами.

Хватит, убедился.

...Я отложил кассеты, убрал их в самый дальний угол, помолчал. Прислушался — Незнайка уже не смеялся надо мной. Пожал плечами, стянул свою голубую шляпу, почесал затылок. Кажется, он хотел спросить, «разве я тебя не предупреждал?»

Предупреждал, конечно. Еще четверть века назад. Но вот... купили меня на ностальгию. Ты же знаешь, Незнайка, какая эта страшная штука — ностальгия...

Ничего. Бывает.

Все мы сейчас на Дурацком острове, и всех нас методично превращают в баранов.

Ничего. Пробьемся.

Желаю всем хороших фильмов и хороших книг.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 124
Герман ЗВЕРЕВ «Гимнастика ума для старшеклассников»	стр. 125
Олег ВОДОПЬЯНОВ «Здесь сломался бы даже «Верблюд!»	стр. 136
Евгений ТАМПЛОН «Урал-трофи-2000»	стр. 140
Лариса КРАПИВИНА «Корабль неумолимых путешественников»	стр. 149
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Упущенный шанс» (рассказ)	стр. 153
Станислав АШМАРИН. Карикатуры	стр. 158

КУДА ДУЕТ «ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР»

Вот так всегда! Стоит понадеяться на догадливость, как тут же начинаются «непонятки». И вот уже который раз мне говорят одно и то же:

— Чего ради ты ставишь во «Встречный ветер» то стишки про любовь, то рассказы про домовых? А в этом номере вообще какая-то «Гимнастика ума для старшекласников» — чуть ли не «Нравственные письма к Луцилию»? Ведь это же не спорт! И уж тем более — не экстремал!

Сам виноват. Перегрузил я «Ветерок» отчетами об экспедициях, историями о спортсменах, рассказами о путешествиях и приключениях. Спорт? Да. Путешествия? Конечно. Экстремал? Безусловно. Но только ли это? И главное — зачем? Объясняю...

Изначально, от своего рождения в 1935 году, «Уральский следопыт» заявил себя как молодежный поисковый журнал. И мы, получив журнал в наследство от старшего поколения, не стали менять его идеологию. Мы просто четко обозначили три основных раздела-направления поиска: в прошлом — «Река времени», в будущем — «Аэлита», в настоящем — «Встречный ветер»; а также цель этого поиска, которую наиболее кратко сформулировал доктор Снаут в любимейшем мною произведении Станислава Лема, объясняя непонятливому Крису, чего же ищет на самом деле человек в космосе и во вселенной. Вот, собственно, и все. Опять непонятно? Добро... Поясняю дальше.

В истории ты ищешь и находишь свои корни. Личные корни. Даже если пойти вспять лишь по мужским линиям — отец, два деда, четыре прадеда и т.д. — то, спустя три десятка поколений (и тысячи лет не наберется!), число твоих прямых предков перевалит за два миллиарда. А это прямое родство со всем человечеством. Так что всемирная история — это твоя личная история. И если ты знаешь эти корни, чувствуешь их и пускаешь их вширь и вглубь, то стоишь в этой жизни как пирамида Хеопса. И во! кто тебя сдвинет с такого фундамента.

Когда корни прочны и глубоки, нет нужды прижиматься к земле. Так что мешает тебе выпрямиться и взглянуть в небо? Там наше будущее, и оно — твое личное будущее. Ты прорастаешь в него своими детьми, внуками и правнуками, мыслями, словами и поступками. Там ты свободен в выборе направлений и способов произрастания. Там ты, зная свои корни и себя, каким ты был, ищешь свои ветви и себя, каким ты можешь стать.

Ну, а настоящее? Настоящее — это и есть ты сам. Сегодня и сейчас. И если ты живой и разумный (т.е. хоть немного мыслящий), то ты — ствол, соединяющий прошлое с будущим. И коли это так, то — уж будь добр! — сделай себя сильным и прочным, здоровым и надежным. И пожалуйста, следи, чтобы не завелась в твоей сердцевине гниль. И — ради Бога! — фильтруй те соки, что идут по стволу из твоего прошлого в твое будущее. Ведь будущее, пока ты в него не пришел, всегда чистое и светлое. А дерьма в нем будет ровно столько, сколько ты в него сам притащишь.

Вот, собственно, и все... Спорт? Да. Путешествия? Конечно. Экстремал? Безусловно. Но не только...

Олег ВОДОПЬАНОВ

13 мая в сильнопересеченной карьерной местности близ Екатеринбурга состоялся первый в этом году открытый **ТУРНИР ПО ПЕЙНТБОЛУ** среди клубов средне-уральского региона. Организатор — Городской пейнтбольный клуб «Painther» («Пантера»), Екб. Война шла по сценарию 41 года и «За пиво». Команды-претенденты, по очереди изображая немецкий «блицкриг», должны были пронести 50-литровую кегу с пивом марки «Стрелец» от своей границы до обозначенной точки через территорию, охраняемую объединенной армией всех остальных. По количеству зачетных очков, переведенных организаторами в литры (один к одному), абсолютным победителем турнира стала команда города Перми.

Впервые после екатеринбургского фотографа В.Л. Меттенкова выпущена серия открыток с видами реки Чусовой. Река не нуждается в особой рекламе. Многие из нас именно здесь, на берегах Чусовой, впервые познакомились с настоящей уральской природой. Выпущенный издательством АКВА-ПРЕСС набор видовых открыток — это воспоминание об увиденной красоте и приглашение к будущим путешествиям. Открытки Вы можете приобрести в книжных магазинах Екатеринбурга и в издательстве «АКВА-ПРЕСС» по адресу: 620049, г. Екатеринбург, ул. Мира, 23-216. Тел. (факс) (3432) 74-82-70

Герман ЗВЕРЕВ, Екатеринбург

ГИМНАСТИКА УМА ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Зверев Герман Витальевич.

Родился в 1940 году в городе Свердловске.

Педагог, организатор уникальной авторской школы и педагогической системы, опирающейся на личность ребенка. С конца 80-х руководит педагогическим комплексом «Лира» в Екатеринбурге. Художник, автор множества публикаций на педагогические темы.

Реальная, не придуманная жизнь — сложная и трудная штука, и чтобы в ней добиться успеха, надо постоянно бороться, причем не только с кем-то, а еще и с самим собой: со своей ленью, безволием, дурными привычками, невежеством, неуважением к окружающим и так далее, кто чего добавит из собственного ассортимента.

Вот в этом месте, я чувствую, мои читатели начинают уже делиться: кто-то останется со мной, а большинство решат, что я начинаю тянуть очередную мораль-бодягу, и читать дальше бросят, потому как большинство молодых людей никаких перемен в себе не хотят, хотя жить лучше и иметь иномарку желают. Но невозможно что-то изменить в своей жизни, не меняя при этом самого себя, своих привычек и своих приятных удобств, а это мало кому нравится. Я не в обиде, пусть моих слушателей будет совсем немного, зато я могу говорить спокойно, не напрягая голос и ни до кого не докрикиваясь.

Что ж, располагайтесь поудобнее, повесьте ваши зеленые, розовые и чёрные очки на дальний гвоздик и забудьте о них. Будем учиться смотреть на мир ясными глазами, ничем не обольщаясь и не обманываясь на пути к истине, которая для каждого своя...

Глава первая: ИЛЛЮЗИИ

1. Потому что единой, общей для всех истины нет и быть не может, хотя люди в это поверить никак не хотят и всё пытаются такие общие истины изобрести. И изобретают, и претворяют в жизнь, только ничего из этого не выходит, кроме бесчисленных людских страданий и рек крови. Причём, чем благороднее задумывается истина, тем больше крови и страданий она приносит, а людям после этого становится ещё хуже, чем раньше. Потому что эти истины берутся не из реальной жизни, а придумываются (это называется «теория»), и затем людей заставляют силой или обманом жить по этой придуманной теории (называется «практика»).

Заставляют, а ничего не получается — реальная жизнь не позволяет и поворачивает всё по-своему. Люди это видят, знают, но признаваться в этой очевидности не хотят — уж очень хочется им молочных рек с кисельными берегами. Уж сколько раз они пы-

тались воплотить в жизнь эту мечту, но вместо молока и киселя не получалось даже и чистой воды, а только сплошная грязь, в которой и гибли первыми незадачливые строители всеобщего счастья, а кому повезло остаться в живых, те только затылки скребли — опять, значит, не вышло ничего! Ну, ничего, вот мой Ванька вырастет, учтёт наши ошибки и напьётся из этой желанной реки вволю молока, а киселём закусит...

2. Такая вещь, когда люди придумывают то, чего на самом деле нет и быть не может, а потом верят в это, обманывая себя и других, называется «ИЛЛЮЗИЯ». И чем меньше в нашем обиходе таких обманов, тем легче нам устроить свою судьбу так, чтобы и себе это было не во вред, и людям полезно. Только не надо путать зловредную иллюзию с такой прекрасной штукой — «ФАНТАЗИЕЙ», от которой вреда никакого нет (все же знают, что она придумана), а жизнь без неё была бы серой, скучной и неинтересной.

Так давайте посмотрим, что же это за иллюзии, и, надеюсь, когда мы их узнаем, то избавимся от них решительно и без сожалений, как выбрасывают ненужный, хотя и привычный мусор. Только приготовьтесь к тому, что расставаться придется с давно существующими и общеизвестно бесспорными истинами.

3. Значит, так... Кто из вас, будучи трудолюбивым и активным человеком, добровольно поставит себя на одну доску с лодырем и пустомелей? А любознательному и начитанному будет интересно с невеждой и мракобесом? А трезвый и ответственный будет считать себя равным алкоголику и разгильдяю? А спокойный, сдержанный, уважающий себя человек встанет рядом с помойным сквернословом и любителем унижать других?

Что-то не вижу желающих. Наоборот — это пожалуйста. Всякое хамло, пьянь и гнусь бездельная — эти да, эти желают равенства, стремясь даром иметь то, что заработали другие. Даже идеологии подводят разные под это своё желание и устраивают затем общенациональные погромы, уничтожая действительно способных трудиться, как классовых врагов. Революция называется. А дальше долго и жалко прозябают под сапогом патологически жестокого пахана и его поделльников-соратников. История, во всяком случае, иных примеров всеобщего равноправия не знает, где бы оно ни случилось.

Погодите, а как же тогда быть с вековечной мечтой человечества о равенстве, братстве и справедливости? От Платона до наших дней? Рабле, Кампанелла, Мор, Сен-Симон, Фурье — прекрасные же были люди, совершенно искренне желавшие своим согражданам счастья, но представлявшие его, мягко говоря, по-разному. Платон, например, полагал, что каждый свободный гражданин его предполагаемого счастливого государства будет иметь не менее трёх рабов. Рабле приставил к каждому счастливому обитателю придуманного Телемского аббатства всего по десяти слуг. Ну, это ладно, это теоретики, а практики чего наломали! Ленин, Сталин, Гитлер, Мао и их карманные мелкие вожди соседних марионеточных государств — они весь свой народ превратили в рабов, убедительно доказав, что реальность может превзойти самые смелые мечты. К счастью, исторически ненадолго.

Нет его, равенства, нет и не было никогда. Иллюзия.

4. А вот за свободу-то мы уж поборемся, как борется за неё человечество с тех пор, как себя помнит. Борется, борется, а свободы никак не видать. Вот уж вроде достигли, а — нет, обязательно возникает новая преграда: когда сама собой, а чаще сами её возводим, желанной свободы убоявшись.

Потому что есть СВОБОДА ДУХА — это у людей высшего порядка, достойных и ответственных — так она с ними всегда, и отнять её даже смерть не может.

Но маргинал, человек низший, раб по духу, убеждению и образу жизни, свободу духа на дух не желает, а нужна ему СВОБОДА ПОСТУПКА, чтобы свободно распоряжаться чужим имуществом, чужой душой и чужой жизнью.

Естественно, общество налагает на такую свободу всеобщий запрет, из чувства самосохранения. Для человека свободного этот запрет ничего не значит, он и сам не будет делать ничего дурного, потому что совестлив и ответственен. Ну, а маргинал, конечно, обижается. Но давать ему, маргинулу, свободу поступка никак нельзя, он ей обязательно злоупотребит на большем горе окружающим.

Опять, значит, и со свободой иллюзия получается. За свободу духа бороться смысла нет — она неуязвима, а свободы поступка общество никогда не допустит — и слава Богу! А если какой народ считает себя угнетённым, так это зависит не от запретов, а от того, кто в этом народе возобладали: свободный или раб. Если свободный, он никакого угнетения над собой не допустит и порядок в стране будет сам соблюдать, без запретов. А если в большинстве рабы, так им без угнетения, без запретов просто нельзя, иначе они всё развалят, разворуют и разнесут.

5. И бесполезно здесь требовать справедливости, потому что она, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, тоже иллюзия. Принято считать, что справедливость — это когда все довольны, никто ни в чём не ущемлён или же все ущемлены одинаково, чего в жизни, опять же, никогда не бывает. Согласитесь, что представление о справедливости у каждого своё, и у большинства людей желание справедливости происходит от обыкновенной зависти. Многие ленивые и безответственные с завистью смотрят, как у немногих энергичных и трудолюбивых есть всё, а у них, бездельных и пьющих, нет ничего, но очень хочется. И они считают это несправедливым и тоже требуют всего, но те, кто добыл всё своим горбом, естественно, даром не отдадут, у них можно только украсть или отнять силой, только при чём тут справедливость?

6. Говорят, есть выход. Нужно выбрать из народа достойных доверия представителей, и пусть они от имени народа большинством голосов решают, что справедливо, а что нет. Называется это «ДЕМОКРАТИЯ», то есть, народное правление. И хорошо бы это, да только человек совестливый, ответственный и честный сам к власти никогда не рвется и, если идет «во власть» — по просьбе или собственному убеждению — то делает это честно и открыто. А вот у человека бессовестного и до власти жадного арсенал побогаче. Он и обмануть может, и подкупить, и грязью облить, и нагадить, где чисто, и себя самого при этом в виде ангела представить.

Вот и выбирает доверчивый и легковёрный народ в свои представители-депутаты не самых мудрых, ответственных и дальновидных, а самых бессовестных

крикунов, готовых обещать избирателям всё, что угодно, лишь бы дорваться до власти и кормушки при ней. Когда же эти «избранники» собираются вместе, чтобы вершить народные судьбы, об обещаниях никто уже и не вспоминает, а каждый гребёт на себя, кому деньги, кому власть. И настоящих профессионалов в таком собрании очень мало — меньшинство их. Поэтому при обсуждении какой-то важной проблемы (большинством голосов, напомним) закономерно принимается непрофессиональное, то есть, самое глупое решение. Выходит, мнение большинства всегда неправильно, а ведь это главный принцип демократии!

7. И вот тут получается интересная такая вилочка. Дело в том, что демократия в чистом виде никогда и не существовала. Над ней всегда нависала какая-нибудь сильная личность, либо явно (председатель, премьер, президент), либо тайно (глава могущественной корпорации, крестный отец мафии), и управляла и без того ущербную демократическую деятельность в своих интересах. В развилке этих противоположных интересов и формируется любая государственная деятельность, в том числе и СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Ведь, хоть и разные у них (диктаторов и политиков-демократов) устремления, цель-то одна — сохранить себя и свое положение. И достигается она при одном-единственном условии: государство, которым они правят, должно быть управляемым, а люди, из которых оно состоит, грамотными, но не слишком образованными, работающими, но не слишком самостоятельными, умными, но не настолько, чтобы задумываться над тем, что говорят правители, и уж тем более — сомневаться в их словах.

Образованный и самостоятельно думающий народ обязательно захочет жить лучше, он не потерпит примитивной политической лжи и налоговых грабёжей, он начнёт задумываться о будущем своих детей и о качестве своих правителей. Он не захочет работать за нищенскую зарплату и, чего доброго, повнимательнее присмотрится к своим избранникам-депутатам и прогонит ко всем чертям ненасытную чиновничью орду...

Нет, в качественном государственном образовании не заинтересован никто, ни демократы, ни правители. И большинство в народе тоже, видимо, не заинтересованы, иначе они давно бы его добились. Выходит, народ имеет не только правительство по заслугам, но и образование по потребностям. Свободный народ требует высокого образования и добивается его. Рабский народ довольствуется нижней образованщиной, её и получает. И это уже никакая не иллюзия, а самая что ни на есть реальность.

8. В общем, с образованием тоже получилась иллюзия, да ещё какая обидная. А уж общая картина до чего впечатляет — слов никаких нет. Ни равен-

ства, ни свободы, ни справедливости, ни демократии, ни разумной власти с разумным образованием — никаких этих извечных погрешностей в реальной жизни не существует. Почему же так?

Я полагаю, всё началось с того, что люди вообразили себе, что у них есть или, во всяком случае, должны быть права. И они, наверное, есть, но только в той мере, в какой каждый человек лично их внутри себя имеет и соблюдает. А ну, просветите-ка себя с этой точки зрения и честно себе скажите, насколько вы сами готовы к равенству с теми, кто внушает вам отвращение, к справедливости за счёт ущемления ваших личных интересов. Насколько вы терпимы к людям, имеющим точку зрения, противоположную вашей, иную культуру или национальность, да просто непривычный внешний вид...

Есть проблемы, правда? А мы ещё требуем от властей, которые никогда не бывают разумными, соблюдения прав человека, в которых лично сами не очень-то заинтересованы. Да ещё ждём, что нас будет оберегать закон, хотя именно от закона-то и приходится чаще всего защищать наши права. Одним словом, иллюзии, эти игрушки человечества, ещё не вышедшего, видимо, из младенческого возраста, можно перечислять ещё долго. Давайте уж вы дальше сами, по общему признаку: все, что предназначено для всеобщего исполнения есть иллюзия, или скоро ей станет.

9. На этой жизнеутверждающей ноте я бы и хотел закончить разговор об иллюзиях, но услышал многочисленное, но единодушное мнение читателей: «Негодяй! Разрушил наши вековые представления о человеческих ценностях, облил нас всех помоями и слинял красиво! Да все и без тебя всё давно знали, только ты низких истин нам дороже чувств возвышающий обман...»

Ну, дороже, так дороже. Я ведь никому не навязываюсь, это всего лишь моя точка зрения, мои рассуждения, и каждый волен выбирать, соглашаться со мной или не соглашаться.

И, в конце концов, это всего лишь конец первой главы.

Глава вторая: ЭКЗИСТЕНЦИИ

1. Человек рожден для счастья — я в этом глубоко уверен. Каждый мог бы его достичь, и в нем, счастье, жить. Для этого надо только уважать ЗАКОНЫ РЕАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (ЭКЗИСТЕНЦИИ). И если с иллюзиями мы разобрались достаточно основательно, то что нам мешает разобраться так же и с экзистенциями — законами реального естественного существования человека среди людей.

Многим эти законы увидятся и нелёгкими, и неудобными — но и вся жизнь такая, нелёгкая и неудобная, приходится либо её подгонять по мерке, либо себя окорачивать, это у кого сколько сил. Так что не-

чего нам терять, кроме своих иллюзий, приобретём же мы действительно весь мир, только не тот, что предлагал нам уважаемый господин Маркс, а тот, который способны вместить лично мы сами.

2. Именно мы сами, и именно в той мере, на которую способны противопоставить себя силе природного произвола и навязанных нам обстоятельств. Как бы то ни было, но ЗАКОН ПРИРОДНОГО НЕРАВНОПРАВИЯ объективен, и проблема природного неравноправия неразрешима, с этим вряд ли кто будет спорить. Ведь рождаемся мы очень разными: кто сильным и здоровым, кто слабым и болезненным, кто талантливым и умным, а кто и туповатым. Причём средненьких, слабых и туповатых рождается много больше, чем сильных и талантливых. Да ещё родители усугубляют своим родительским бескультурьем общую, и без того не очень радостную картину. А раз так — естественно, возникает и проблема общественного неравноправия, когда сильные и инициативные могут и достигают многого, а слабые и недалёкие не имеют ничего.

Но вот тут общество не столь категорично, как природа, и дает возможность преодолеть природные недоработки за счет воли, упорства и целеустремленности. Помните потрясающий телефильм о парализованном, да еще слепоглухом человеке, который общался с миром только кончиками пальцев. Но он научился говорить, получил высшее образование и защитил диссертацию. Он поставил перед собой цель и достиг ее силой воли помноженной на силу духа. Поэтому, когда я вижу физически здоровых, но потерянных в жизни людей, у меня нет к ним сочувствия. Просто в своё время они сделали выбор в пользу близорукого потребительства, втянулись в жизненаркотическую дурь, ну а потом наступил закономерный паралич воли, вещь, практически необратимая.

Я это говорю к тому, что в отличие от неумолимого природного неравноправия, широко распространенное общественное неравенство зависит от того, чувствует ли человек ответственность за свои действия или нет. Иными словами, поставил ли он перед собой цель, взял ли он на себя добровольно свой внутренний нравственный закон, чтобы жить по нему, или отказался от этого груза, явно мешающего жить в своё удовольствие.

3. Именно из-за этого и вступает в свои права следующая закон экзистенции — ЗАКОН СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ... Да погодите вы ужасаться непонятным словам! Я и сам не люблю иностранных терминов, но если одно специальное слово заменяет целую кучу русских, то я, из экономии времени, предпочитаю употреблять всё-таки специальный термин. Итак, **экзистенция** — законы естественного существования, это мы помним. **Социальный** — общественный, со всем букетом свойств человеческого общества.

Иерархия — разница положения людей в обществе. Перечитайте ещё раз, и хорошенько запомните, упускать придется часто.

Так вот, равноправия среди людей нет, мы с вами это уже знаем. Даже если работают вместе всего два человека, то один из них будет субъект (ведущий, командир), а второй — объект (ведомый, подчинённый). В субъекты выйдет более сильный, волевой, знающий. Объектом станет менее инициативный, менее осведомлённый, хотя во всем остальном это будет прекрасный человек. В группе людей всё будет точно так же — один будет ведущим, а все остальные — объектами, среди которых, в свою очередь, тоже будут выделяться субъекты, всё мельче и мельче рангом. Образуется этакая пирамида подчинений, которая и называется иерархией.

Но вот тут-то и начинаются сложности. В цивилизованном обществе члены иерархии хорошо знают возможности друг друга, и ради дела как бы взаимно договариваются о порядке подчинённости. В нашем же обществе с реальной самооценкой есть проблемы, каждый стремится выпятить себя, чаще всего необоснованно, страсти кипят, а дело, естественно, стоит. Два субъекта вместе работать не могут — соперничают, выясняют отношения. Объекты вместе тоже не работают, не могут решить, с чего и кому начать. Поэтому хорошо работают только там, где иерархию назначают приказным порядком, хорошенько перед этим подумав. Кто назначает? Ну, конечно, субъект, который стоит ещё выше, над всей этой иерархией, а его заставляет как следует думать субъект, стоящий еще выше над ним...

4. И что же, опять получается без выхода? Опять где приткнут, там и кисни? Ни в коем случае! Жизнь возможна только там, где есть постоянное движение, изменения, новая информация. Так и наша иерархия: если она позитивна, то требует постоянных изменений и свежих идей, потому что застойная иерархия нежизнеспособна и умирает. И конечно, здесь есть свои законы продвижения, правда — не легкие, потому что каждый слой иерархии ревниво оберегает свои позиции, желая сохранить качество уровня. А внизу толкуются желающие повышения, то с мнениями, то с подлостями, но ничего этого наверху не нужно. От мнений идет только пустая болтовня, подлостей же своих хватает...

«Стоп! Вот этот с чем-то интересным, стоит присмотреться. Ба, да он же с конструктивным предложением, да ещё с дельным, на основе чёткого анализа конкретной ситуации, а с этим вопросом как раз трудности. Но не будем проявлять к нему лишнего интереса, а лучше подкинем ему, как бы случайно, ещё одну проблемку, тоже достаточно тухлую. Сделал, и тоже на уровне? Братцы, да это же профессионал, давайте-ка его поднимать, нечего ему внизу микроскопом гвозди заколачивать».

Вот так оно и происходит, продвижение по иерар-

хии. Можно, конечно, и завлекательным трёпом, можно хитростью или подлостью, только достигнутое таким образом положение будет очень непрочным, придётся всё время дрожать: вдруг раскусят, да задвинут обратно, откуда пришёл. А добротный профессионализм — гарантия надёжного продвижения, причём приглашать верхние будут сами, если ты вовремя вычислишь напряженные места, поработаешь над ними, подготовишь продуманное конструктивное предложение, скромно подашь его наверх и, не навязываясь, вернёшься на место готовить следующее. Обязательно заметят, проверят и поднимут до себя — в профессионалах всегда дефицит на всех уровнях. Экзистенция такая.

5. Перечитал абзац, и даже порадовался за себя. Ведь дельные советы даю, бери, пользуйся, продвигайся! Это же мой бесценный жизненный опыт, богатейший, добытый трудом, борьбой и тяжкими испытаниями. Он же уникален...

Ну и что с того? И другим опыт не даром достаётся, однако не учатся люди друг у друга, предпочитают изобретать свой собственный велосипед. И правильно, потому что и это закон экзистенции: ЗАКОН НЕПРИЯТИЯ ЧУЖОГО ОПЫТА. Ведь личный опыт так же единственен и неповторим, и его нельзя свести к каким-то общим схемам, пригодным для всех. Помните: все, что назначают для всеобщего исполнения, неизбежно становится иллюзией, вредоносной ложью. Так и с моим жизненным опытом и с Вашим. Несколько человек, думающих так же как я или Вы, возможно, возьмут его в свой арсенал, остальные же, думающие по-другому, пойдут своей дорогой, и это будет вполне естественно и закономерно.

6. Может быть, это потому, что большинство людей живут по неписаным законам общества, свойственных только этому народу из-за его исторических традиций и привычек. Называется это МОРАЛЬ, и это очень удобная штука, она не требует от человека никаких серьезных обязательств. Соблюдай чисто внешние приличия и условности, и все будут считать тебя высокоморальной личностью, и за завесой морали никто не разглядит, кто ты есть на самом деле. Мораль — явление чисто внешнее, о ней все говорят, но мало кто соблюдает, а если кто принимает её всерьёз, то это несчастный человек, потому что служит столь очевидной иллюзии, что остальные смотрят на него, как на больного.

А ещё есть НРАВСТВЕННОСТЬ, штука чрезвычайно серьёзная, основанная на высоком здравом смысле и личной ответственности за свои действия перед будущими поколениями. Это глубоко личный принцип, он не поддаётся внешним влияниям и обобщениям, и виден только по реальным делам. Из-за этого нравственным человеком невозможно притвориться — всем же видно, или ты поступаешь хоро-

шо, или ты поступаешь плохо, если кто, конечно, способен отличать добро от зла.

Мораль и нравственность — явления противоположные, что не мешает им сосуществовать в реальном мире. Особой дружбы тут, конечно, нет, мораль постоянно пытается наложить лапу на нравственность и заставить ее стать общепринятым законом и, естественно, формальной (существующей только на словах) иллюзией. Нравственность же на эти дела никак не поддаётся, потому что, стоит хотя бы кусочку её согласиться на всеобщее внедрение, как этот кусочек тут же перестанет быть нравственностью и обратится в лживую мораль.

7. На этом противостоянии и держится общественное равновесие добра и зла. В принципе, это постоянная борьба между нравственностью-реальностью и иллюзией-моралью. Нравственности в обществе совсем немного, но она сильна своей реальностью, она не противоречит экзистенции. Морали обычно очень много, но она слаба, как слаба всякая иллюзия. Мораль всегда наступает, стремится создать как можно больше всеобщих установок. Нравственность всегда обороняется, для неё выход из личного состояния на общественную борьбу неприемлем, противоестественен. В этом, собственно, и состоит борьба добра и зла. Добро — это личное духовное богатство, а зло — это общественное заблуждение, как бы благонамеренно оно ни было.

8. И еще одно принципиальное отличие... Если путь до моральной личности короткий — взял, да стал. То до нравственности надо сперва дорасти. Как? Да так же, как произрастает все живое: сначала зернышко набухает, потом росток проклевывается, затем стебелек с листочками к солнцу тянется, и лишь после этого на самой макушке появляется бутон — еще не раскрывшийся цветок той самой нравственности, плоды которой вкушать сладостно, да возвращать не просто. И нет для человека другого к ней пути, как пройти все стадии своего роста, не нарушая естественного хода жизни, но следуя ему.

9. Итак, в начале своего пути человек вовсе несмышлёныш. Все его действия можно объяснить желанием удовлетворить простейшие, но жизненно важные потребности — есть, пить, спать, играть и так далее.

Потом начинается узнавание мира: надо всё пощупать, всё попробовать, узнать всему названия или дать свои. Этот период развития называется аутизм, и длится от рождения до четырёх-пяти лет.

Следующий период — эгоцентризм. Потребности и посягательства усложняются, человек нуждается в общении, но, по-прежнему, всё замкнуто на себя, он считает себя центром мира и не в состоянии осознать свою зависимость от других, как бы очевидно это ни было. До семи-восьми лет это состояние зако-

номерно и естественно, если же оно затянулось, можно говорить о задержке развития.

Потому что дальше приходит, или должна прийти, социализация — страшно важный этап становления личности. Нужда в общении отчаянная, самообщение усложняется, от примитивного эгоцентрического утверждения своей правоты во что бы то ни стало, человек начинает искать аргументы, сравнивать мнения. К нему приходит осознание взаимозависимости с другими людьми, он ищет свое место в этих взаимосвязях. Он социализируется, становится членом общества, и все это надо успеть сделать до двенадцати-тринадцати лет, потому что дальше подпирает следующий этап.

Этот этап зовётся рефлексия, самооценка себя, своих реальных возможностей, уровня своего развития, своего места в жизненной иерархии. Если предыдущее развитие проходило нормально, то и рефлексия будет адекватна, то есть, реальна, правдива, без самообмана и общепринятых иллюзий. Завершиться этот процесс должен к пятнадцати-шестнадцати годам, а дальше — жизнь во всем её многообразии возможностей, и всё теперь зависит от лично-го выбора.

10. Это если развитие проходило нормально, что, к сожалению, бывает редко. Слишком много в нашей жизни закономерно-случайных обстоятельств, искажающих норму настолько, что развитие либо останавливается, либо идёт сикось-накось, выкорячиваясь как уродливое дерево, если его ствол повредили ещё в саженцах. И случается это настолько часто, что именно уродство-то и стали принимать за норму. Причин этому много: малокультурная семья, рабская система образования, низкое окружение, ранние дурные влияния, да мало ли чего ещё другого. Далеко не каждый человек дорастает до понимания взаимозависимостей. Зачастую развитие его личности прерывается на второй или, даже, на первой стадии, и на всю жизнь он остаётся умственно недоразвитым эгоцентристом, чрезмерно выпячивающим значение своей индивидуальности, мало интересной на самом деле.

Это и есть его величество маргинал, человек, находящийся на самой низкой ступени социального развития (или недоразвития), на границе, ниже которой уже идиотизм, не слишком заметный, впрочем, на фоне чрезвычайно преобладающей маргинальности.

11. Так всегда было, есть и будет — это неумолимая экзистенция. И если жизнь человечества до сих пор не прекратилась, то только благодаря небольшому числу людей, понимающих коллективизм не как стадный инстинкт или приказ к всеобщему единомыслию, а как необходимую взаимосвязь и взаимозависимость каждого со всеми. Только таких людей можно считать по настоящему свободными, ведь с ощущением свободы духа обязательно приходит чувство

ответственности перед будущими поколениями за свои (и только за свои) поступки и мысли. И это очень важно, дозрев до рефлексии и собственных представлений о мире, не пытаться критиковать и перекраивать других по своим представлениям, а честно заниматься своим внутренним нравственным законом. И уверяю вас, мало не покажется.

12. Заняться — это как? А есть тут одна пусковая ситуация, с которой если совладать, то внутренний нравственный закон начнёт складываться как бы сам собою. Надо просто запретить себе самооправдание, и во всех случившихся бедах искать причину прежде всего в самом себе. Вот в радостях — там да, там надо очень различать, что твоя заслуга, что других, а что господина случая. И если вы сумеете устроить свои отношения с миром таким образом, у вас непременно начнёт складываться адекватная (реальная) самооценка — гарантия вашего дальнейшего роста как личности.

Судите сами: при заниженной самооценке вы будете постоянно сомневаться в своих возможностях и правильности принятого решения, упустите время и благоприятные обстоятельства и, в конечном счёте, потерпите неудачу. А если самооценка наоборот завышена, и человек думает о себе много больше, чем есть на самом деле, то, конечно, он не сможет правильно рассчитать свои возможности и силу сопротивления и, опять же, потерпит неудачу. К тому же, как комплексующие, так и излишне самоуверенные — все они склонны обвинять в своих несчастьях других, а себя считать напрасно потерпевшей стороной (самооправдание!). Поэтому общаются с такими людьми неохотно и, вдобавок ко всему, они ещё и страдают от одиночества.

13. А ведь, всего-то навсего — запретить себе самооправдание... Ха! Всего-то навсего! Да вот это-то и оказывается труднее всего! Это вовсе не тебе не хватило последовательности и упорства для достижения цели, а это кто-то хитростью, интригами и изворотливостью перехватил у тебя инициативу. Это не тебе надо подучиться нужным знаниям и поработать над своей тактикой и стратегией, а им, другим, стать в сторонку и уступить тебе свое место, а уж ты тогда покажешь... Ничего не покажешь, а только сядешь в очередную галошу, и всё потому, что не посмотрел на себя трезвыми глазами, а предпочёл сделать выбор в пользу удобного (до поры, до времени) самооправдания.

Можно, конечно, вообще ничего не выбирать, а бездумно отдаться течению жизни. Но ведь и это тоже выбор, только тут ты из игрока, борющегося за победу, превращаешься в мячик судьбы, который пинает каждый, кому не лень. Так что выбор — это всего лишь твоё естественное право, и если ты не воспользовался им, то не обижайся, что оказался в недоразвитых маргиналах — сам того захотел.

А для активных и не страшущихся выбора, отказавшихся от иллюзий и принявших экзистенции, начинается самое интересное. Но об этом уже в следующей главе.

Глава третья: ПОЗИТИВНЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

1. Решил я, значит, призвав к действию весь свой практический и теоретический опыт, ни более, ни менее, как вылепить свою модель совокупности экзистенций, вылепил, посмотрел на дело рук своих и решил, что это хорошо. Назвал я её позитивный экзистенциализм, и предварительно убедившись, что вреда от этого не будет, отпускаю теперь на вольные хлеба. «Гуляй, родимая! Гуляй, да задёшево не отдавайся, ты дорогого стоишь...»

Экзистенцио...оа...ана...Чёрт побери, язык можно сломать! Неужели нельзя сказать по-русски, чтобы понятно было? Конечно можно, пожалуйста — комплекс философских представлений о естественных законах бытия... Многовато будет? Тогда кончайте ворчать и выучите взамен только одно слово — экзистенциализм. Ничего, немного тренировки, и все получится, ещё и щеголять будете учёным-то словом. Ага, да там ещё и позитивный — а ничего страшного, это значит — правильный, добрый, умный (ну, мне бы так хотелось...).

2. Ну, ладно... Потешили авторское самолюбие, и будет. Пора думать, как жить дальше избавленными от иллюзий, но озадаченными экзистенцией, свободными в выборе новых путей, но самоограниченными принятым на себя внутренним нравственным законом, т.е. здоровым смыслом и ответственностью перед будущими поколениями.

Последнее — слишком серьёзный фундамент, чтобы тратить его на моральные балаганы. И хоть он (внутренний нравственный закон) молчалив и скромн, приняв его на себя, человек получает высочайшую общественную категорию — звание действительно свободного человека, дающее ему доступ к мировому разуму и право на бессмертие.

3. Сейчас объясню... Есть такое — для некоторых, правда, спорное — понятие ноосферы: мирового разума, с которым мы все связаны, но частью которого являемся лишь в той мере, в какой взяли на себя внутренний нравственный закон и, соответственно же, обрели бессмертную душу, в существовании которой я глубочайшим образом убеждён. В какую конкретно форму она облечена я, конечно, не знаю, да и никто не знает, но уверен, раздаётся она не даром и не всем. Вряд ли может рассчитывать на бессмертие раб-маргинал: его образ мышления для мирового разума не представляет интереса. Имеет смысл задуматься, вы не находите?

4. А задуматься следует над **нравственным выбором жизненной позиции**. Наш народ всегда относился к этому выбору чрезвычайно серьёзно. Десятки миллионов честных людей гибли в концлагерях во времена коммунистического безумия, и всё потому, что, когда им предлагали бесчеловечную большевистскую мораль, они выбирали внутренний нравственный закон, хотя и знали, чем это им грозит. И сейчас нам так трудно потому, что в результате этой чудовищной селекции осталось очень мало людей, способных на нравственный выбор. Конечно, нарушенный общественный нравственный баланс со временем восстановится — природа всегда стремится к динамичному равновесию противоположностей — но произойдёт это не вдруг и не скоро, и уж, конечно, не со всеми и даже не с большинством. Слишком редок этот дар судьбы — ответственность перед будущим — и я даже не уверен, дар это или испытание человеку для какого-то ещё большего предназначения. Во всяком случае, в полной мере ответственность перед будущим осознают немногие. Но даже малая частица этого осознания даёт человеку возможность избрать для себя нравственный закон. Это будет ещё только возможность, так же как фундамент — это ещё не здание, хотя и очень важная часть его.

5. Чтобы строить дальше, нужны прозаические, но добротные кирпичи здравого смысла, только не в смысле хитрости, изворотливости и меркантильного практицизма. Я скорее имею в виду ситуацию, когда большинство вдруг тронется налево, потому что там кормят хоть дерьмом, но его много и почти даром, а здравый смысл, при всём уважении к мнению большинства, всё-таки рекомендует идти вправо: там хорошая еда, правда её надо заработать.

По отдельности и здравый смысл, и ответственность вещи неплохие, но ни к чему особо не обязывающие. Ответственность без здравого смысла быстро превратится в очередную мясорубную догму, а здравый смысл без ответственности окажется мещанским самооправдательным практицизмом. И только спаянные вместе эти две вещи составят внутренний нравственный закон, неподвластный массовым истериям и очевидным, но общепринятым благоглупостям. Тогда это будет выглядеть так: я пойду направо не только потому, что не люблю дерьмо, а главным образом потому, что на хорошей еде у меня вырастут здоровые дети и крепкие внуки. Желающих того же приглашаю с собой. Вместе легче.

6. Выбор, выбор, всё время выбор... Беда с этим выбором и деваться некуда, так помогите хотя бы границы определить, где кончается зло и начинается добро, и чтоб привычное течение жизни при этом не нарушалось... Нет, друг, такого не получится. То есть, границы определить просто: всё, что не приносит вреда другим, учитывает естественные законы жизни и

полезно для будущих поколений, есть добро. Напротив, то, что приносит страдания другим, основано на иллюзиях и вредит будущему — зло. А чтобы выбрать, любой выбор, не вызвал серьёзных жизненных подвижек в сторону добра или зла — такого не бывает.

7. Ну ладно, раз уж всё равно решать, так в сторону добра, и вперёд, на борьбу со злом!.. Нет, дорогой, как раз бороться-то со злом и не надо, ведь бороться с ним можно только тем, что оно признаёт — злой силой. Так, во-первых, это бесполезно — злой силы у зла всегда больше, а, во-вторых, мы тем самым увеличиваем общее количество, а значит и силу зла. Нет, со злом можно бороться, только увеличивая силы добра, то есть, делая конкретное добро.

Вот искоренить зло в зародыше — это мне, где-то, понятно, но и тут следует подумать, ведь, наверно, надо обращаться не к следствию, а к причине, и искоренять не зародыш, а то, что его породило, и будет далее порождать.

Да, но как же быть, если зло рядом, вот оно, напирает, имея целью именно тебя? Для начала усмотреть надвигающееся рандеву пораньше и устраниться с пути, отойти в сторонку, пускай мимо пролетит. Пока оно там сообразит, что к чему, да развернется, да устремится обратно — глядишь, можно что-нибудь и придумать: или когти рвать, или шлангом прикинуть. Ну а если отступить некуда, и речь идёт о жизни, то и защищать жизнь всем, что под руку попадет, и бить не жалея, потому что зло тебя жалеть не станет и не отступится, пока не натешится насильем вдоволь. Пока отчаянно сопротивляешься, есть шанс уцелеть: или Бог поможет, или люди увидят. А если опустил руки, сдался — вот тогда всё, конец.

8. Ну а требовать-то с других можно строго, чтоб служили добру, а не злу? Да нет же, ни в коем случае нельзя! Ты ведь будешь судить других со своей точки зрения, а на это имеют право очень немногие, у большинства же добрые намерения меняют полюс с того момента, как они начинают навязывать их другим и тем самым переводить внутренний нравственный закон в область внешней морали, формальной и лживой. Лично я предпочитаю судить по всей строгости только себя, к другим же быть бесконечно терпимым, и никогда эта позиция меня не подводила, наоборот, даже люди преудбеждённые в моём присутствии испытывали что-то вроде угрызений совести, которые, впрочем, быстро проходили с удалением меня из поля зрения. Да я и не старался ставить их в неудобное положение, ведь приходил я к ним обычно с делом, а самый лучший способ провалить дело — это начать критиковать собеседника. Бога ради, запретите себе привычку критиковать других. Дело это абсолютно бесполезное, зато создаёт иллюзию борьбы со злом, за которую так удобно прятать собственное самооправдание.

Честно сказать, я к этому убеждению пришёл не

сразу, дров перед этим, таки, наломал. Но у меня был хороший проводник — честное и искреннее, без двуедушия, отношение к жизни, поиск её сути и смысла.

9. Конечно же, ничего этого я не нашёл, да и никто не найдёт, это из области задач не решаемых, если искать общий ответ для всех. А личных вариантов выплывает такое множество, в зависимости от строения, обстоятельств и интересного собеседника, что просто теряешься, а некоторые вообще считают, что смысла в жизни нет.

Уверен, это потому, что чуть не с пелёнок мы слышим магические заклинания: цель, цель жизни, выбери себе правильную цель, а вот вы не в ту сторону смотрите и цели у вас неверные... Или уж вовсе приговор — бесцельный вы человек! Получается, что смысл жизни в достижении этой самой цели, и пока ее не достиг, вроде и жизни-то нет никакой, а так, одна подготовка. Но сколько ни встречал я в жизни по настоящему целеустремлённых людей, ни один из них не признался, что цели своей достиг. Нет, они наметили цель, упорно на неё работали, но когда дошли, то выяснялось, что вовсе это не цель, а как бы подход к ней, веха, а настоящая, более крупная цель маячила впереди как свет в конце тоннеля. И так до самой смерти, которая тоже не цель, а всего лишь веха на пути.

Так может, вечное движение к недостижимой цели и есть смысл жизни и её суть? И качество жизни зависит не от качества цели, а от качества пути? Путь — вот смысл и цель жизни. Цель же растянута вдоль линии жизни, надеюсь, бесконечно, и качество жизни зависит не от вехи, которую ты наметил, а от пути, тобою выбранном для её достижения.

10. Естественно, вступив на Путь и сделав по нему первый шаг, ты попадаешь в новые для себя условия, и чтобы в них обжиться, прежних твоих знаний может не хватить, а то и вовсе новые понадобятся. Надо учиться, а как? Прежние учебники были составлены для жизни, пардон, дерьмовой, и то не для знания, а чтобы убедить нас, как в этой жизни жить хорошо. А для новой жизни учебников не бывает, вот загадят её набежавшие на свежий дух потребители, тогда и учебники появятся. Правда, свободные и ответственные к этому времени уже успеют уйти в новые чистые места — и опять, значит, учиться надо, и нет иного выхода, как самому решать, что тебе нужно знать, а что не нужно, что осваивать в первую очередь, а что подождёт.

Самообразование, вот как это называется, и это неотъемлемое условие нравственного закона, потому что для него учебников никто никогда не писал и не напишет — ведь нельзя же писать отдельный учебник для каждого человека. Впрочем, тебя эти учебники касаться уже не будут, ты уже вновь будешь на нехоженых путях, куда позовёт тебя твой нравственный закон, и вновь будешь самообразовываться для

новой жизни, и вновь потребители, загадив очередную стоянку, будут приноживаться к твоему следу.

И это тоже экзистенция, слава Богу.

11. Ну вот, я и рассказал о своём представлении экзистенциальной философии с крепким русским анархо-нигилистически-идеалистическим букетом. Вероятно, так и будет выглядеть, официальный приговор моим весьма интимным размышлениям, моей «домашней» попытке представить, в период временного отсутствия государственной национальной идеи, позитивную социальную концепцию, которую вряд ли можно считать удачной из-за невозможности широкого распространения и ярко выраженной элитарной направленности.

Но что же делать, если живём мы во времена великих перемен, когда насилия над личностью наелись выше всяких возможностей, а обращаться к личности и идти от личности к возрождению общества ещё не научились, хотя разговоров и патетических восклицаний на эту тему уже достаточно.

Настолько достаточно, что уже пора что-то и делать. Я и предлагаю делать, причём не только что, но и как. Почему и приглашаю тех, кто может и готов, следовать за мною дальше, в четвёртую главу.

Глава четвёртая: САМООБРАЗОВАНИЕ

1. Мне в жизни необычайно повезло: я ухитрился не получить государственного образования. Никакого. Даже начального, по-моему. В четыре года самостоятельно выучился читать, немного позже — писать, к шести годам перечитал всю домашнюю классическую библиотеку, состоящую, в основном, из академических изданий (учительская семья). В школу я, конечно, ходил, как и все советские дети, но не воспринимал её абсолютно, к учебникам относился брезгливо (и до сих пор так), хотя читал гигабайтами — никаких библиотек не хватало.

С огромным облегчением учителя выпнули меня из школы со сплошь троечным аттестатом. Нет, вру, две пятёрки там были, по пению и психологии, но остальные оценки были явно завышены, что, впрочем, меня ничуть не волновало. Потом блестяще поступал в диаметрально разнообразные учебные заведения и быстро оттуда уходил — было неинтересно.

И не бездельничал же я, в конце концов, но задавал себе задачи, на которые не было ответа в бытующей тогда идеологической и педагогической практике. Вот и приходилось всё время учиться самому, и так до сих пор. Так сложились мои взгляды на самообразование, мягко говоря, не вполне соответствующие общепринятым. Я поделюсь, а вы уж сами решайте, что вам подходит, а что нет. Поехали.

2. Самообразование отличается от простого сбора знаний тем, что оно ищет корни, истинную суть явлений, не надеясь, впрочем, на окончательный ответ, потому что абсолютная истина недостижима.

Глубоко ошибаются те, кто сводит процесс самообразования только к методике поиска и классификации нужных фактов. То есть, это конечно нужно, но это всего лишь первый этап. Как вы помните, самообразование вызвано к жизни внутренним нравственным законом для того, чтобы проверять факты на здравый смысл и ответственность перед будущим и по результатам проверки отнестись их затем к добру, злу или вынужденному компромиссу. И обязательное условие самообразования — нравственная потребность, когда ты просто уже не можешь жить без нового знания и его нравственного осмысления. Эта благородная жажда неутолима, это состояние счастья и бессмертия, даже если выводы не слишком радостны, что бывает довольно часто. Но согласитесь, глупо же расстраиваться по поводу того, что ты не можешь изменить.

3. Всё-таки, самые мудрые люди на земле — это поэты, за что их убивают, ссылают, извращают, покупают на корню и высушивают до полной неузнаваемости в литературных гербариях-учебниках. Власти боятся их до синих пупырышков — ведь они возвращают слову его огромную силу и первоначальный смысл, тогда как задача всех властей — обесмыслить слово до полной неузнаваемости и всеобщего изувращения, а затем жонглировать этими словами перед замороженной толпой. А иначе зачем было создавать систему государственного образования, прививающую отвращение к слову, а значит к культуре и познанию нового!

Раскипятился я что-то... Но именно с правильно понятого слова начинается приобщение к самообразованию. В нас же ненависть к слову вкладывают раньше, чем приходит необходимость в самообучении. Я, вот, промыслом судьбы успел полюбить и понять слово раньше, чем попал в образовательную мозгорубку, и через это счастлив всю жизнь. Но так везёт очень немногим. Остальные были специально научены так называемому техническому чтению, когда человек умеет довольно бойко складывать буквы в слова, но смысла прочитанного не понимает. Народ такое определил точно: смотрит в книгу — видит фигу... Только этого мало показалось, так ещё ввели быстротечение, чтобы, значит, по-прежнему ничего не понимать, но в два раза быстрее.

4. Так что придётся нам начинать наше самообразование с того, чтобы заново учиться читать, учиться понимать слово во всём его богатстве и разнообразии, доверяя ему, когда оно достойно доверия, и сразу распознавая, когда оно фальшивит, лжёт. Для этого мы будем с вами осваивать **функциональное чтение**, не допуская побуквенного или слогового чтения, а стараясь воспринимать слово целиком, как иероглиф. И пусть это слово-иероглиф вызывает в нашем сознании красочный и ёмкий образ, да ещё обогащённый эмоционально.

О, эта эмоция, мать смысла! Даже один звук, любой звук можно наполнить самыми разнообразными эмоциями, от гнева до нежности, а что уж говорить о слове. Потренируйтесь в эмоциональном восприятии слов, и вам будет значительно легче перейти к следующему этапу функционального чтения, к слову-образу. Читаем мы, к примеру, слово снег, и сразу вызываем из памяти все впечатления, с ним связанные. Это и детский сказочно-алмазный восторг, и ужас степного бурана, и олицетворённое полярное вечное безмолвие, и мягкий пух на подошвах, и филигранная снежинка на рукавице... Даже простое междометие даст нам массу эмоциональных, а значит, и художественных образов.

А слово воспринимаем целиком, вы не забыли? И не заботьтесь о скорости чтения, с возрастанием понятийности восприятия скорость придёт сама, вместе с живостью мышления. Ни в коем случае не учитесь скорочтению специально, это только приблизит вас к дурочтению и отдалит от понимания.

5. Но вот, после долгих и приятных, в общем-то, тренировок, вы научились читать эмоционально, образно и понятийно, то есть, научились функциональному чтению. Теперь-то можно, наконец, собирать знания? Да вот нет, рано ещё, оказывается. Набрать-то мы их наберём, а вот правильно обобщить ещё не сможем, не хватит общей культуры и кругозора. Это потому, что с нами в детстве ещё произвели явно несвоевременную операцию: из самых благих намерений накачали нас «знаниями» раньше, чем у нас появились хотя бы впечатления о мире, не говоря уж об общих представлениях, чем жестоко нарушили естественный ход событий.

А ведь эту естественность нам подсказывает само детство: сначала ребёнок всё ощущает вокруг себя, получает впечатления, затем из суммы впечатлений складывается общее представление о каком-либо явлении, и уже потом, по мере нужды, это представление обрастает общими или специальными знаниями. Так какой же дурак, а мы вслед за ним, перевернул этот естественный порядок с ног на голову и стал вкочивать знания туда, где ещё и ощущения толком не выстроились?

Нам же с вами, ищущим истины, и уже воспитавшим в себе, благодаря образному чтению, и богатство ощущений, и цепкость впечатлений, пора складывать **общие гуманитарные представления о мире**. Читайте побольше иллюстрированных детских энциклопедий, просветительскую художественную литературу, доступные материалы об искусстве. Обязательно приучите себя слушать серьёзную классическую музыку. Если же вам встретился в жизни мудрый человек старше и опытнее вас, считайте, что вам жутко повезло, и всеми правдами-неправдами пробейтесь к нему в ученики — лучшей школы вы никогда не найдёте. И будьте уверены, он тоже тоскует по упорным и жаждущим ученикам, и даже готов к их

последующей неблагодарности. А полностью самостоятельно вам будет очень трудно сформировать и расширить свой общекультурный кругозор — вещь, совершенно необходимую для дальнейшего развития.

6. То, о чём мы сейчас поговорили — только подготовка к самообразованию. Если она удалась, начинает проявлять себя нужда в знаниях. Вы же взрослеете, отношения с жизнью становятся всё более и более серьёзными, появляются проблемы, требующие профессионального подхода, а разнообразные факты сыплются пузырястым дождём. Ваше счастье, что вы обладаете багажом общих представлений, это даёт вам возможность сортировать факты по их принадлежности к общим представлениям, они потихоньку обрастают специальными знаниями и из общих представлений постепенно превращаются в профессиональные — что и есть цель любой учёбы. Только ваша учёба, благодаря самообразованию и естественности, проходила с удовольствием, без стрессов и дискомфорта.

Разумеется, жизнь ставит и будет ставить перед вами задачи, требующие экстренного решения, но вы уже отличаетесь от остальных тем, что у вас нет искусственно воспитанной ненависти к знаниям, здакого мощного тормоза государственной школы, новые знания вы воспринимаете легко и работаете с ними системно. И что же мы делаем прежде всего? Конечно, намечаем путь, шаги, маленькие задачки, которые приведут нас к решению большой, главной задачи. Попутно выяснится, почему маленькая задача маленькая, а большая — большая, и что делает их разными по величине и значимости. Это называется **определение приоритетов, главных задач**.

7. Вот так вот, простенько и со вкусом, легонько так определить, и всё? А как? Вот тут и приходит на помощь внутренний нравственный закон, предлагающий оценивать любую задачу с его позиций. **Нравственное осмысление задачи** — и всё встаёт на свои места: то, что приносит людям наименьший вред и наибольшую пользу — приоритетно, а путь, несущий зло, сейчас или в будущем, категорически неприемлем. Бывает даже так, что поставленная в качестве главной, задача при нравственном анализе оказывается злонамеренной, и от её разработки приходится отказываться. И это прекрасное решение.

8. Несколько необычный подход, не правда ли? Да кто же это дал тебе право относиться к порученной задаче с таких позиций, кто позволил тебе быть ответственным не по чину?.. Уже перечисляю: Беломорканал, Московское и другие рукотворные мёртвые моря, Семипалатинск, Челябинск, Чернобыль, и, боюсь, список страшных последствий обыкновенной человеческой безнравственности сегодняшним днём

далеко не закончился. Не глупость это и не беспечность, это было бы слишком просто, нет, это продуманная политика воспитания человека-винтика, над которым можно было бы проводить любые вивисекции (живорезания), а он бы ещё благодарил за оказанное доверие. Человек же нравственный ни на подготовку, ни на исполнение таких злонамеренных задач просто не пошёл бы.

9. Прекрасно отвлеклись, но всё для пользы дела. Так что там у нас уже следует за нравственным осмыслением задачи? Совершенно верно, пора собирать факты, искать информацию. Это можно делать двумя путями. Первый путь — собрать всё, что возможно, по теме, рассортировать по группам с родственными признаками, выделить в каждой группе инфо-центр и затем расставить эти центры по степени приближения к главной задаче, в результате чего имеем тактику решения.

Во втором случае наоборот, сначала намечаем поступенчатые этапы решения, затем целевым образом собираем факты именно для каждого этапа, и, отойдя в сторонку смотрим, что получится. Если какие-то факты выпирают не по теме, то мы их или консервируем до поры (авось, потом пригодятся), либо соберём со всех этапов в одну кучку и глянем, нельзя ли из нее выделить по родственным признакам новый инфо-центр, который, возможно, даст иной путь решения главной задачи. Не исключено взаимодействие или слияние этих двух принципов в различных вариантах. В любом случае нами будет проведена **системная обработка информации**.

10. А теперь, когда самая главная часть работы сделана (ну пустяк остался, саму задачку решить), можно слегка отвлечься и поинтересоваться, что же сделали на эту тему до тебя другие, и что у них получилось из этого, может, и поучиться не грех. Ещё мож-

но посоветоваться с практиками-критиками — почему проблема до сих пор не исчерпана. Очень может получиться так, что задача уже морально устарела, или успеет устареть в процессе решения и внедрения, так часто бывало, особенно у нас.

Сомнения устранены, но наверняка есть несколько способов решения, и разумно было бы выбрать самый оптимальный, то есть, самый краткий, дешёвый и совместимый с другими проблемами, если, конечно, компромисс (совместимость) не лишит смысла саму задачу. Но тогда опять придётся смотреть, не слишком ли разрушительно будет становиться поперёк дороги уже сложившейся традиции.

11. Можно, конечно, ничего не учитывать и ни на что не оглядываться, а просто побыстрее решать проблему, раз она появилась, но практика показывает, что такой путь чаще всего приводит к злокачественному результату. В любом случае надо будет проводить **нравственное осмысление результата**, потому что в процессе решения он может оказаться совсем не тем, чего ожидали. Расхожая и вполне безнравственная истина гласит, что науке, мол, всё равно, и любой результат — всё равно результат. Но о страшных последствиях такой точки зрения мы уже говорили. Сейчас, например, дальновидно и вовремя запретили исследования в области клонирования (искусственного выращивания) человека, но трансплантат для пересадок выращивать разрешили — считай, что не запрещали ничего и оставили для злонамеренных людей роскошную лазейку.

Нечто подобное произошло и с атомной энергией. Жолио-Кюри считал, что атомный котёл решит энергетические проблемы человечества. Оппенгеймер был уверен, что атомная бомба устранил саму возможность третьей мировой войны. Тем не менее, была Хиросима, был Чернобыль, да разве они одни — от нас же столько скрывают...

На этом наш разговор мы пока остановим. Быть может, насовсем, а может, и до поры до времени. Ведь слово, даже разумное и вечное, не более, чем сотрясение воздуха, если оно не воплощается в дело. А уж какие дела делать и как, это вы сами решайте. Я-то для себя давно уже решил.

А на прощание вот вам один вопрос, ответ на который может оказаться презанятым. У меня на полке стоит видеофильм «Вскрытие инопланетянина» — плёнку оспорить не смогли, за вскрытием наблюдал президент Трумен. Я сам не один раз видел НЛО и лично был в районе Молебкинской аномалии тогда, когда о ней ещё не было никакого шума, а пространственно-временные чудеса были для жителей Молебки обыденкой — просто на ту сторону реки Сылвы старались без особой нужды не ходить, хоть там и роскошные покосы.

Так кому это нужно — скрывать от людей очевидные и документально зарегистрированные факты? От чего нас так заботливо оберегают и почему, в конце концов, так много и беззастенчиво врут?

Ну, кому — это ясно. Конечно же, такое под силу лишь тому, кто имеет власть разрешать и запрещать, в чьих руках вожжи от удалых средств массовой информации. А вот зачем?

Олег ВОДОПЬЯНОВ, Екатеринбург

Здесь сломался бы даже «Верблюд»!

Из 33 участников суточного марафона на внедорожниках «Кубок СуперСтроя» до финиша дошло только 8

Внедорожники всех мастей и «Уральский следопыт» уже с ними

1. Первый всеуральский марафон

Субботним утром 25 мая центральная площадь Екатеринбурга выглядела более чем необычно. От одного ее края до другого на брусчатке в ряд выстроилось три с лишним десятка автомобилей, которые редко встретишь на городских улицах и асфальтовых шоссе. Причина проста. Все они — специально оборудованные УАЗы, тойоты-лендкрузер, лендровер и один квадроцикл «Bombardier» — внедорожники и собрались вместе, чтобы принять участие в первой на Урале суточной гонке по бездорожью «Кубок СуперСтроя». Организатором гонки стала молодая, но уже известная в России екатеринбургская «Ассоциация любителей экстремальных и технических видов спорта «ЭКСТРИМ» (Президент Ассоциации — Владимир Рыкшин), а генеральным спонсором, предоставившим призовой фонд в 5000 долларов США, сеть магазинов строительных материалов «СуперСтрой» (коммерческий директор — Николай Лантух). Серьезную помощь в организации марафона оказала Уральская Сталепромышленная компания, а техническую поддержку (два «Урала» для спасения сломавшихся на трассе) обеспечил «КамАЗ-МАЗ-Центр. Урал-техсервис» (директор — Сергей Патрушев). Не остался в стороне от соревнований первопроходцев и вездеходов старейший на Урале

поисковый журнал «Уральский следопыт». Редакция журнала учредила два специальных приза — «За волю к победе» и за верность камеловскому принципу «Team Spirit» («Дух команды»), а один из соучредителей журнала стал членом одного из экипажей-претендентов.

Забегая вперед, можно сказать, что ничего подобного ни на Урале, ни в России до сих пор не случалось. Джиперское движение, объединяющее любителей заехать на своих четырех туда, куда не каждый на двоих дойдет, живет и развивается в мире уже давно. Два десятилетия знаменем его было популярнейшее «Кэмел-трофи» и пачка сигарет с одногорбым верблюдом на капоте желтого джипа. Но «верблюд» в последние годы, как говорят автомобилисты, «разулся», трансформировался в изредка механизированное пеше-водное туристическое многоборье, а в прошлом году и вовсе помер. Покачнувшееся знамя подхватила страна, в которой плохие дороги издавна считаются второй бедой после дураков. Не буду говорить за последних, но то, что рай для внедорожников находится именно в России — несомненно. И вот уже несколько лет ежегодно в различных регионах и областях клубами любителей автопутешествий проводятся многодневные трофи-рейды. Что же касается суточных гонок на внедорожниках, то впервые они произошли в прошлом году в Моск-

Владимир Рыкшин проводит предстартовый инструктаж: «Колеса желателно иметь такие...»

ляла собой «ромашку» из нескольких коротких кольцевых маршрутов различной сложности с одним контрольным пунктом посередине. Маршруты можно было посмотреть заранее, и гонка заключалась в 24-часовом «наматывании кругов» и накоплении очков за каждый пройденный круг (чем сложнее, тем дороже). Было интересно, но немного предсказуемо. Мы же решили сделать «экстремал» полным и абсолютным. Трассу в 134 километра от местечка Тальков Камень близ г. Сысерть до культовой уральской горы Азов, которую мы прокладывали вдвоем почти трое суток, не знал никто из участников — легенду и карту экипажи получали за пять минут до старта. Сама трасса была построена так, чтобы к ней невозможно было приноровиться — мы «связали» несколько старых, разбитых лесовозов «зимников» с совершенно разноплановыми грунтами, перемежая их верховыми болотами, низинами и горными дорогами с отрицательными боковыми уклонами. Ну и, конечно же, брод. А то нас бы попросту не поняли».

2. Мужики, мы попали!

Куда они попали, участники марафона поняли сразу. После жеребьевки ровно в 14.00 по регламенту был дан старт первой машине, и с разрывом в пять минут следом пошли остальные. Толкучки на старте не было. Но ажиотаж и желание поскорее добраться до чемпионских трех с половиной штук баксов (за второе и третье место давали соответственно 1000 и 500 у.е.) были так сильны, что народ ломанулся вперед изо всех сил, и

ве, организованной ассоциацией «Трофи-офф-роуд» под президентством Александра Трушникова. Уральским «экстремальщикам» идея понравилась, но реализовать ее они решили по своему. Им слово...

Владимир Рыкшин и Олег Майоров (организаторы марафона): «Трасса московского точного марафона представля-

ла собой «сели» практически все. Одна из тойот уехала от старта на целых 150 метров и увязла. Второпях дернули лебедкой — та полетела напрочь. Даже собственный экипаж ассоциации «Экстрим», с командиром — профессиональным гонщиком и мастером спорта по автотралли, вляпался на абсолютно пустяковом месте, где можно было просто проехать. Им бы, не суется, подкопать и потихоньку вытянуть тросом, но тоже дернули и тоже остались без лебедки. Лишь спустя первую пару часов, когда народ успокоился и понял, что это не асфальт, гонка вошла в нормальное русло и ритм.

Расслабиться и отдохнуть, действительно, было негде. Попадались пара-другая километров полегче, но в основном это было преодоление и преодоление. На зубах. И лидерами (4 экипажа, доехавшие до финиша и уложившиеся в 24 часа) стали те, кто смог «вцепиться» в трассу с самого начала и не разжимать челюстей до конца.

Первым серьезным препятствием стал контрольный пункт № 2 (всего их было 8). 250 метров сплошного болота. Машина моментально прорезала грунт, садились на мосты, закапывались в жижу и грязь. Позже участники марафона окрестили это болото «Курской дугой» — на небольшом пятачке сидело сразу машин двадцать. Цеплялись кто за что мог, троса лебедок ложились крест-накрест, люди путались, хватались за чужие концы и тянули их на себя. Погода испортилась, все по уши в холодной грязи, и тот, кто рассчитывал на увеселительную прогулку, трижды нецензурно крыл себя за непредусмотрительность и летние кроссовки.

Многие так и остались в этом болоте. В том числе и генеральные спонсоры гонки — экипаж «СуперСтроя». Сначала у них полетела передняя лебедка, потом — сцепление. До контрольного пункта, где судья принимал зачет по машине, а не по пешему члену экипажа, «суперстроевцы» дополнили задом наперед на задней лебедке.

Следующей запланированной неожиданностью

Заболоченная луговина. В упор и до упора!

стал брод через реку Чусовую. Трехметровый заезд по «ураловской» колее, мягкое дно, глубина брода метр, в колее — полтора. Шансов пройти с разгона — никаких. В основном картина была такая: очередная машина сходу въезжает в реку, и, пока кабина не заполнилась водой, ее поднимает как поплавок, сносит с колеи и разворачивает по течению. Поэтому особо не геройствовали — пытались по максимуму проехать сами, потом прокидывали трос до «технички», стоявшей вместо якоря на другом берегу, и вытягивали себя лебедкой. Вода по середине лобового стекла, экипаж на крыше, выхлопная труба — как перископ.

На переправе неудача постигла и представителя журнала «Уральский следопыт». Экипаж, представлявший одно из психиатрических учреждений Екатеринбурга и, по нашему разумению, предполагавшийся «без тормозов», посмотрел с берега на сплавляющихся конкурентов и, что называется, «включил ручник». А потом и вовсе повернул обратно. Не судьба. Те же, кто решился и прошел — мокрые, грязные, злые, но азартные — двинулись дальше.

А дальше было самое интересное. Последние два «зимника» близ Азов-горы, по которым никто не ездил уже лет десять, пришлись на ночь. Езда по бездорожью морозящей ночью без луны и звезд — это совсем другое кино. Чуть что неправильно сделал, и машина уходит по самый бампер. Всю ночь люди пробивались вперед. Кто-то успевал прикорнуть минут на десять-двадцать, кто-то не сомкнул глаз. По рации на командный пункт на Азов-горе регулярно поступала информация — еще одна поломка, еще один экипаж «прогнулся» психологически и уходит с трассы на асфальт. Глубоко за полночь у экипажа Александра Доросинского кончился бензин, а потом и еда. Где-то там же в промозглой темноте затерялись оба московских вездехода: один — с поломанной полуосью, другой — тоже без горючего. А ведь еще на старте Олег Майоров предлагал им забросить в кузов спальники и собранный рюкзак. Отказались. Пять экипажей заночевали вторично.

К тому времени, когда около семи утра в воскресенье финишировали первые лидеры, контрольный пункт № 1 (Полдневая) прошло 24 машины. Эти 24 бились до конца. Но в итоге финишную черту пересекло только восемь экипажей и внезачетный квадроцикл Андрея Красилова. Москвичи, дождавшись бензина и проведя в уральской тайге более двух суток, до финиша все-таки дошли. Но здесь у них окончательно полетело сцепление, и домой их повезли на прицепе. Контрольное время последней машины — 54 часа 35 минут.

Первый на Урале суточный марафон на внедорожниках «Кубок СуперСтроя» завершился.

3. Призеры и победители

Третье место с контрольным временем 17:06 занял экипаж ЗАО «УралТел» в составе Александра Доросинского и Евгения Трофимова на УАЗ-31512. Они же получили специальный приз журнала «Уральский следопыт» за Team Spirit («Дух команды»).

Александр Доросинский: *«Настолько интересных, экстремальных и массовых мероприятий на Урале еще не было. Большое спасибо нашему генеральному директору Арнаутову Александру Ильичу за то, что помог оснастить и подготовить машину. Самым сложным на трассе для нас оказалась ночь. В лесу без дополнительных фар пробирались почти на ощупь. Не совсем хорошо показала себя резина «Гудридж». На «Урал-трофи», в котором обязательно будем участвовать, будем ставить «Граббер» — она лучше».*

Второе место с контрольным временем 17:05 взял студенческий экипаж Филиппенкова Вячеслава, Матвеева Андрея и Кузнецова Дмитрия (УГТУ-УПИ) на основательно модернизированном УАЗике с тойотовским движком.

Кузнецов Дмитрий (механик): *«Года два тому назад купили обычный УАЗик и поначалу просто на нем ездили. Потом услышали про «Урал-трофи 2000». Поучаствовали. Понравилось. С тех пор «заявляемся» на все соревнования, и в нашем УАЗике многое поменяли. «Родной» в машине осталась в основном ходовая часть, подвеска и мосты переделаны. Самое главное достижение — двигатель от «Тойоты сёрф-визит», который позволяет двигаться с очень маленькой скоростью, не более 2 км в час. На болоте колеса не режут почву, и машина просто «плышет» по поверхности. А что до грязи — то нам нравится по ней гонять!»*

Пятым с контрольным временем 19:32, но вне зачета, финишировал единственный квадроцикл «Bombardier» Андрея Красилова, представлявшего фирму «Урал-Линк» — официального дистрибьютора канадского производителя снегоходов и квадроциклов. Он же получил специальный приз «Уральского следопыта» «За волю к победе».

Андрей Красилов: *«Впечатления самые насыщенные и приятные. Особенно второй день — предраассветная темень, дождь и холод. Машина нигде не вязла, и болото, где встали все, я прошел на раз. Честно говоря, рассчитывал прийти первым, но на броду заклинило лебедку, и за 15 минут, что простоял в реке, вода залила все, что можно было залить. В результате потерял 5 часов на ремонт, хотел уж было плюнуть на все, но, поспав часик, проснулся и двинулся дальше. Пришел пятым. Главную свою задачу — испытать и «засветить» машину, кото-*

рая летом полностью заменяет снегоход — выполнил. Уже сейчас пошли звонки от дилеров из других городов с вопросами, когда будут новые соревнования. Думаю, что на «Урал-трофи» у нас будет несколько экипажей на квадроциклах и свой зачет».

И, наконец, победители!

К всеобщему изумлению первое место и титул чемпионов с контрольным временем 16:49 получила двойка джиперов-новичков: Уфимцев Николай (предприятие «Т-сервис») и Волков Виктор (стоматологическая фирма «Диадема»). В то время как лендкрузеры, лендроверы и профессионально продвинутые УАЗики на 33-дюймовых колесах рвали американские и отечественные лебедки, садились по уши и переворачивались, эти ребята прошли сверхсложную трассу на серийной машине УАЗ-31519, с единственной и уцелевшей лебедкой, на самой обычной узкой резине. И это там, где из четырех профессиональных экипажей до финиша дошел лишь один — экипаж челябинского клуба любителей внедорожников под командованием Николая Трусова, носящего официальный титул «зверь бездорожья».

Олег Майоров (организатор гонки): «В том, что гонку выиграли новички на самом обычном и непродвинутом УАЗике, есть что-то мистическое. УАЗик — воистину народная и всероссийская машина, наиболее приспособленная именно к нашим условиям. Но я лично прокладывал трассу таким образом, чтобы у «чистой», серийной машины шансов на победу не было. Мне кажется, что уральская грязь и дороги приняли этот УАЗик, как родного, и пропустили чуть ли не волшебным образом».

Николай Уфимцев: «Особо не задумывались. Болото и брод прошли на лебедке, а дальше катились и катились. Честно говоря, у нас не было с собой даже часов. Ехали, вытягивали себя и других. Дважды довелось выдергивать из грязи челябинский УАЗик «Белое облако», а на переправе пытались вытянуть конкурента на широкой резине. Не потянули — он стоит, как вкопанный, а нас тащит назад. Ночью поспал минут 15, пока напарник искал дорогу. Утром финишировали живыми и целыми. Пониженные передачи, правда, полетели. Домой возвращались на повышенных».

Генеральный спонсор «Кубка СуперСтроя»
Николай Лантух.
Папа — лучший внедорожник!

Призовые поделили пополам. Часть денег уйдет на ремонт машины, на оставшиеся куплю детям компьютер. А в августе — на «Урал-трофи».

4. Итоги и планы

Джиперство на Урале прижилось всерьез и надолго. И это радует. Лично мне — положила руку туда, где бьется — больше импонируют ребята, которые предпочитают потогонную пахоту на российском бездорожье вальняжному почесыванию пуза и прочего на Канарах или в Анталии. И еще больше радует то, что таких ребят становится больше с каждым новым мероприятием ассоциации «Экстрим».

Не успели остыть перегретые на марафоне движки, как уже полным ходом пошла подготовка к самому главному событию летнего джип-сезона — многодневному рейду «Урал-трофи 2001», которому уже присвоен статус открытого чемпионата России. Его тысячекилометровый маршрут пройдет в августе месяце от горы Конжаковский Камень через Главный Уральский хребет до горы Денежкин Камень и свяжет собой две половины самого большого континента планеты. Организаторы «Урал-трофи» в начале июня отправляются на прокладку трассы, а будущие участники уже готовят машины и экипажи. Состав и география участников будут еще более представительными. Уже поданы заявки на участие из Москвы, Питера, Омска, Челябинска и Новосибирска. Готовятся к

старту и екатеринбуржцы. «Заряжает» свою машину дирекция «Таганского ряда», готовят экипажи и машины директора крупнейших уральских банков и предприятий, ищут и находят спонсоров участники попроче.

Что же касается «Кубка СуперСтроя», то коммерческий директор сети магазинов «СуперСтрой» Николай Лантух уже объявил, что суточный марафон под их флагом и флагом ассоциации «Экстрим» становится ежегодным. И в следующем году, а быть может, и в осеннюю распутицу этого года, можно будет снова испытать себя и своего железного коня на мужество, выносливость и везение.

Удачи всем!

Фотографии
Евгения ТАМПЛОНА
(Издательство
«Аква-Пресс»).

Евгений ТАМПЛОН, Екатеринбург

«УРАЛ-ТРОФИ-2000»

1. От идеи до старта

Идея уральской кругосветки витала в воздухе. Пройти кольцо в пару тысяч километров по живописной уральской тайге, пройти не пешком или на собачьих упряжках, а на специально подготовленных внедорожниках — мысль замечательная. Природа Урала в рекламе не нуждается. Есть у нас и глухие таежные уголки, и быстрые реки, и большие озёра. Экзотики типа М-ского треугольника у деревни Молебки или легендарных «бойцов» на берегах Чусовой — тоже хватает. Раздолье у нас и для внедорожников, поскольку забытых богом и людьми лесных просёлков, зимников и лесовозных дорог столько, что за целую жизнь можно проехать только половину, да и то при наличии хорошей лебёдки.

ТРОФИ-рейды ежегодно устраивают москвичи и питерцы, не отстают от них и сибиряки, даже челябинцы устраивают жесткую трехдневную гонку с загадочным названием «ЗАХА». Екатеринбург долго стоял в стороне и ждал своего часа. Прорвал этот час декабрьским вечером 1999 г., когда в редакции журнала «Уральский следопыт» собралось несколько очень разных людей, объединенных одной мыслью — «уральской кругосветке — быть». Тут же появилось и название «Урал-ТРОФИ-2000».

Главный вдохновитель всей идеи Олег Майоров — человек бывалый. За плечами у него служба в автомобильных частях, Афганистан и самое главное — участие во многих соревнованиях и гонках на внедорожниках, где он на своем, доведенном до совершенства УАЗике, занимал далеко не последние места и, самое важное — набрался опыта проведения подобных соревнований. Вовремя в городе была создана и ассоциация «Экстрим», возглавил которую путешественник и спортсмен Владимир Рышкин. Ассоциация и стала основным организатором задуманного проекта, а ее руководителю тут же было присвоено звание маршала ТРОФИ.

Дело пошло. Появились схемы, маршруты, карты, регламенты, заявки и многое другое. Но самого главного, а именно — участников и денег, пока не было.

Что касается участников, то всё решилось достаточно быстро. Такие блага цивилизации как электронная почта, Интернет и обычный телефон сделали свое дело. Заявки пришли со всей России, и даже в свободной Латвии появились желающие пройти по уральскому бездорожью.

С деньгами получилось, как всегда, сложнее. При большом количестве готовых помочь, но не имеющих денег, оказалось очень мало имеющих деньги и желающих помочь. Пришлось организаторам начать уральскую кругосветку не по лесам и проселочным дорогам, а по нашему городскому бездорожью. От офиса к офису, от фирмы к фирме. Но вода камень точит. Наконец, и деньги нашлись. Те, кто не мог дать денег, но очень

хотел помочь, дали бензин, запчасти, продукты, обеспечили рекламу, обслуживание автомобилей и техническую помощь.

Открытие ТРОФИ назначили на 12 часов дня в субботу 1 июля 2000 г. Долгожданный старт для участников был только промежуточным финишем для организаторов. Весь маршрут в течение мая и июня месяцев О. Майоров и В. Рышкин прошли сами. Перемеряли все болота и броды, вдосталь поплутали по сенокосным дорогам и зимникам, повытаскивали друг друга из непролазной грязи и глубоких луж. Машины ломались, их тут же в лесу ремонтировали, и снова — вперед. К 1 июля вся трасса с запасными маршрутами и объездами, с местами стоянок и природными достопримечательностями была нанесена на карту, и участники получили на руки подробные схемы маршрута для каждого дня соревнований. И так, все подготовительные хлопоты закончились. 12 часов дня, Площадь 1905 года в Екатеринбурге, 1 июля 2000 г. Погода стояла солнечная и жаркая.

Площадь 1905 года. 1 июля 2000 г. 12 часов дня

Красочное зрелище собрало множество зрителей. Такое не часто увидишь в нашем городе. На брусчатке площади выстроились 35 машин со своими экипажами. Чего тут только не было. Среди разрисованных и непохожих на себя УАЗиков стояли несколько Тойот, мерседес, лэндровер, ниссан. Гордо держались несколько творений непонятного происхождения, о которых можно сказать только то, что в роду у них были УАЗики. Скромно стояла и пара перегруженных нив в боевом раскрасе.

Среди экипажей своей бойскаутской формой и независимым видом выделялись новосибирцы. Причина их независимого вида станет ясна в этот же день вечером. Но до вечера было еще далеко, и пока всё текло по плану. Напутственные речи, пожелания успехов и побед, построение в колонну и движение к месту старта, который наметили на южной окраине города. Здесь, у рынка «Екатерининский Привоз», кончается асфальтированная

Старт Урал-Трофи-2000

дорога и начинается то, что у нас называется «дорога без покрытия», а у всех остальных — бездорожье.

2. Законы и правила

Теперь немного о правилах гонки. Все экипажи каждый день соревнований разбивались на команды по две-три машины, причем состав команд менялся. Таким образом, за время соревнований любые два экипажа хотя бы раз побывали в одной команде.

Трасса гонки была разделена на две неравноценные части. Первая — это спецучастки. Именно на них кипели страсти, засекалось время, застревали в грязи и ломались машины. По результатам проходов через спецучастки определялись победители и побеждённые. Вторая — это большая часть трассы: где-то — асфальт, где-то — щебёночная или просёлочная дороги. Но ехать по ним можно было не торопясь, любуясь окружающим пейзажем и морально готовясь к следующему спецучастку.

Ежедневно подводились результаты. По сумме этих результатов в конце ТРОФИ выявлялись победители и те, кто не занял первые места. В одну из машин каждой команды садился судья. Его задачей было засекал время на спецучастках и назначать штрафные очки за нарушение правил. А правила эти просты: дорогу на спецучастках не срезать, идти своим ходом, то есть без помощи техники (движение на буксире при помощи одного из членов команды допускатся).

Первая лужа

3. От винта!

Итак, лихо разбрызгивая первые неглубокие лужи, команды (с интервалом в 15 минут) понеслись за прозрачной победой.

Первый день короткий. Мгновенно пролетели село Верхнемакарово, деревня Чусовая, село Курганово. Но за Курганово начались первые испытания. Разгоряченный гонкой экипаж фонда «Город без наркотиков» со всей командой сбился с пути. Поплутав по заболоченным луговинам, оторвав бампер у тойоты, они возвратились на путь истинный уже умудренные опытом, который говорил одно: если каждый день машина будет терять хотя бы по одной важной детали, то в конце пути она станет легче, и это хорошо, но с другой стороны, до конца пути она скорее всего не доедет, а это уже совсем плохо.

Глядя на печальный опыт могучей тойоты, все здравомыслящие участники в первый же день поняли, что шанс победить в 12-дневной гонке есть только у тех, кто не будет с первых же дней рваться из последних сил, калеча машину и рискуя собственной головой, а упорно, изо дня в день будет делать свое дело, преодолевая все спецучастки, выбранные с дьявольской изобретательностью организаторами ТРОФИ.

В первый же вечер произошло первое и, как оказалось, последнее недоразумение. К великому удивлению большинства участников и особенно организаторов, новосибирцы заявили, что они участвуют не в Урал-ТРОФИ, а в Сибирском марафоне. По их словам, Урал-ТРОФИ — всего лишь часть этого грандиозного мероприятия. Учитывая это, новосибирцы предложили не рвать понапрасну машины на спецучастках, а чинно пройти все 2000 км трассы и получить заветные дипломы, но при этом про первые места и про желание победить в соревновании тоже упоминали. Особенно они отчаялись, что их оператор при таком темпе гонки не может снять уникальные кадры, которые войдут в видеофильм о Сибирском марафоне. Творчество, а особенно съемки культового видеофильма, суеты не терпит, и гнать во весь дух по спецучасткам под грозное тиканье секундомера они не хотят. Шумели долго, даже стаи комаров, возбужденных таким обилием жертв, не могли ничего поделать со спорщиками. Наконец, усталость и водка сделали свое дело. Консенсус был найден. Решили, что «у нас своя свадьба, у вас — своя», то есть у нас — «Урал-ТРОФИ-2000», а у вас — Сибирский марафон.

Так в первый же день количество участников соревнования уменьшилось на семь экипажей. Зато новосибирцы превратились в подобие «летучих голландцев», придавая гонке некоторую загадочность. Они появлялись в самых неожиданных местах. То вдруг замыкающая команда увидит далеко позади среди леса медленно движущуюся группу разномастных автомобилей, кто-то испуганно шепнет — «новосибирцы»; то неожиданно на стоянке появляются бойскауты и предлагают идти пить водку за бугор, а за бугром — лагерь новосибирцев. А

бывало еще страшнее: в глухую ночь, мимо мирно спящего лагеря «Урал-ТРОФИ», проносится в никуда колонна машин с зажжёнными фарами, и все понимали... кто это был.

Первую ночь спали мало. Кто-то не успел отойти от обычной городской жизни и вместо журчания Чусовой и шума леса, по обыкновению, наслаждался рёвом автомагнитолы; другие бурно обсуждали поведение новосибирцев, отпуская в их адрес непечатные слова; страждущие начали опустошать любовно собранные запасы горячительных напитков; а кто-то, закрыв глаза, сладострастно думал о хорошей резине, амортизаторах «Монро» и еще бог знает о чем.

На утро — старт. Путь лежал на юг к известному по сказам П. Бажова озеру Иткуль с легендарным Шайтан-Камнем. Но до Иткуля еще нужно было добраться.

4. Мордой в грязь по собственной воле

В этот день, еще не окрепшим в изнурительной борьбе с уральским безжорожем экипажам, организаторы ТРОФИ подготовили ударную дозу. Доза состояла из четырех спецучастков, один из которых продолжительностью более 20 км был самым длинным для всей трассы ТРОФИ. Грязи хватило всем, даже маршалу, которого, при попытках запечатлеть на видеосъемку особенно напряженные моменты борьбы со стихией, участники штурма поливали грязью, как могли. Поневолу вспоминались сетования новосибирцев, которые еще вчера вечером объясняли возбужденным организаторам, что нельзя так снимать видеофильмы. Искусство не терпит суеты, а тем более — грязи.

Но, тем не менее, перемазанная кавалькада двигалась вперед. Первая передышка произошла у поселка Асбест, что находится в 18 км от города Сысерти. Здесь очередной спецучасток закончился, и взорам участников рейда предстала местная природная достопримечательность — Марков Камень, представляющий собой скалистую вершину невысокой горы. По легенде в здешних местах некогда скрывался кричливый подмастерье из Сысертского завода по прозвищу Марк Береговик. А преследовала его злая барыня Колтовчиха, которая хотела от него бог знает чего. Может, во времена злой барыни это место и было глухим, но сейчас, пожалуй Марк скрываться в здешних местах, не исключено, что угодил бы он под колёса одного из участников Урал-ТРОФИ.

Вскоре Марков Камень остался позади, а впереди ждал самый большой спецучасток. Только здесь за все 12 дней переворачивались машины. Потерял устойчивость УАЗик команды екатеринбургских каскадёров; аккуратно, не спеша завалился на бок «Ванька» — так назывался УАЗик экипажа из Омска. Именно здесь капитально сел на мель лендровер, который за свои габариты и белизну в первый же день получил название «Белый пароход». Экипаж же «Белого парохода» тоже не остался без прозвища. Вечером этого же дня за ними

закрепилось звание «бухенвальдские малыши», полученное за неугасимый оптимизм и упитанность.*

Так, вытаскивая друг друга и вдосталь хлебнув уральского бездорожья, все участники без серьезных потерь добрались до поселка Полдневой. А от Полдневого и до Иткуля рукой подать. Тем более, что спецучастки кончились, и хорошая асфальтовая дорога подходит почти к самому берегу одного из самых живописных озёр Урала.

Вечер на Иткуле был приятен во всех отношениях. Тёплая вода, мирно пасущиеся лошади, принадлежащие жителям деревни Даутово, хорошая компания — что еще нужно под конец переполненного стрессами дня.

Утром — вновь старт. С 15-минутным интервалом команды начали покидать гостеприимный берег озера. За полоской леса промелькнул таинственный Шайтан-Камень, но участники ТРОФИ уже не обращали на него внимание. Впереди новые испытания и приключения.

До Верхнего Уфалея добрались без особых проблем, но с потерями. «Ванька» сломался. Сломался сильно и надолго. Пришлось омскому экипажу разворачивать домой. По этому поводу главный судья гонки Олег Майоров повторил уже много раз сказанную ключевую фразу ТРОФИ — «Машину к соревнованиям нужно тщательно готовить!».

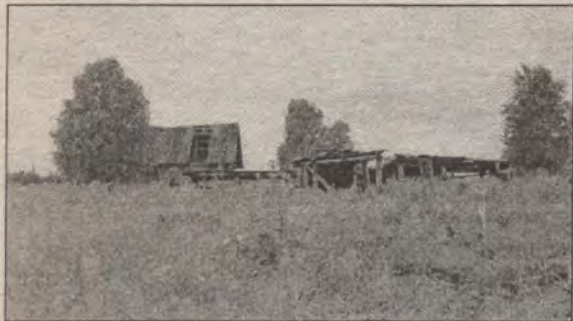
В болоте у р. Кукозар

Верхний Уфалей был самой южной точкой трассы. Вскоре наш путь повернул на запад, к сердцу Уральского хребта. Ночевка была намечена в заброшенном поселке Лесной, что находится километрах в 20 от г. Нязепетровска на берегу реки Тырырышки.

Но до стоянки пришлось преодолеть последний в этот день спецучасток. Сам он был короткий и не очень грязный, но брод через р. Кукозар пройти без вспомогательных средств, как-то: лебёдка, домкрат, русское крепкое слово, — удалось далеко не всем. Вода в реке была чиста и прозрачна, дно покрывала разноцветная галька, в омутах стояли стайки хариусов, но на подъезде к реке предательски залегла топь. Тут-то и выявилось преимущество наших отечественных УАЗиков перед догими и комфортабельными иномарками. Лёгкие УАЗи-

* Участники ТРОФИ зачислили в «бухенвальдские малыши» Сергея Никитченко, Игоря Вершинина и Валерия Дерябина.

Посёлок Лесной

ки, не успевая как следует потонуть, проскальзывали один за другим неприятное место. Остальным помогли лебёдки и крепкая ольха, за которую пришлось цеплять тросы. Вскоре прошел дождь, дорога совсем раскисла, но, к радости всех участников, через пару километров лес расступился, и вся грязная кавалькада въехала в пос. Лесной. Смешное название речки — Тырырышка — единственное, что скрашивало жутковатое ощущение от этого богом и людьми забытого места. Заброшенные дома, заросли крапивы и бурьяна, развалины сараев, мрачный и безмолвный пруд. Даже журчание воды, бегущей через промоину в плотине, всем показалось каким-то безжизненным и нереальным.

Может, на настроении участников сказалась испортившаяся погода, поскольку небо заволокло свинцовыми тучами и пошел дождь, а может, и нечистая сила виновата: она, как известно, любит поселяться в заброшенных домах и сараях. Подтвердил дурную славу этих мест и местный житель, которого встретили наутро у околицы. Что он делал в этих угрюмых местах, сказать трудно, но о живущей здесь нечисти говорил охотно, со знанием дела.

Наутро, как только последние развалины Лесного остались позади, выглянуло солнце. Трасса ТРОФИ снова повернула. Теперь потерявшие недавний блеск покорители бездорожья с боевыми экипажами двигались на север. Лихо миновав брод через речку с поэтическим названием Аюш, машины с рёвом понеслись по старинной старообрядческой деревне Кенчурка, жители которой, увидев необычное зрелище, абсолютно ничего не поняли и, безмол-

Через Аюш

вно посмотрев на грязную кавалькаду, с философским спокойствием занялись своими обычными делами. Лихо промчаться по деревне не удалось только одному экипажу во главе с Михаилом Муспаном. Его верный УАЗик у самой околицы деревни окончательно испустил дух — «стукнул» двигатель. Небольшой консилиум знатоков подтвердил, что клиент скорее мёртв, чем жив, поэтому пришлось бедолагу подцепить к «техничке» и везти до ближайшей реанимации на двух задних колесах.

За Кенчуркой участников ждало новое испытание — огромное заболоченное поле. Сочная зеленая трава полностью скрывала глубокие промоины и топкие участки. Но тут помогла взаимовыручка всех попавших в беду экипажей. Невзирая на принадлежность к командам, все дружно начали помогать друг другу. Перед таким натиском почти непроходимый участок сдался и благополучно остался позади.

Ближе к вечеру замученные спецчастками машины и их экипажи вышли к маленькой деревушке с солидным названием Большая Лавровка. Отсюда до места стоянки на берегу Мариинского пруда, что на реке Ревде, идёт относительно приличная просёлочная дорога. Все полетели во весь дух к долгожданной стоянке, но без казуса и здесь не обошлось. У лишенной бампера тойоты лэндкрузер с эмблемой фонда «Город без наркотиков», пилотируемой Евгением Ройzmanом, неожиданно для экипажа отпало колесо. Срезало шпильки, и колесо, почувствовав свободу, понеслось в чистое поле, а машина, естественно, встала. Пришлось искать беглеца в ближайшем лесу, да крепко чесать затылок, пытаясь осмыслить, как это могло произойти с такой крепкой машиной. Но потом плюнули, взяли сотовый да вызвали ребят из автосервиса, благо Екатеринбург в каких-нибудь 70 километрах.

Мастера прилетели быстро, шпильки заменили, колесо прикрутили, поблагодарили за внимание и щедрость и испарились, а тойота вновь встала в строй участников ТРОФИ. К концу дня еще одна тревожная весть потрепала нервы организаторам. Где-то застряла техничка с врачом Мариной Меркурьевой в кабине. Без технички плохо автомобилям, а без врача — экипажам. Но закончилось всё благополучно. Могучий «Урал» выбрался самостоятельно и, таща на прицепе погибший у околицы Кенчурки УАЗик, доставил к лагерю запчасти для автомобилей и врача для страждущих. К счастью, все участники ТРОФИ оказались на редкость здоровы, и все медицинские проблемы решались в основном йодом и зелёнойкой.

Ночью зарядил дождь. Сначала он капал, а потом так разошелся, что не останавливался до самого утра. Таким образом, наутро к старту все палатки и участники были мокры, а машины сверкали чистыми боками.

5. Достопримечательности Урала и ящик водки для ребенка

На четвертый день гонок участникам ТРОФИ предстояло преодолеть хребет Коноваловский увал, верши-

на которого, гора Шунут, находится над уровнем моря на высоте 750 м. Для Среднего Урала это довольно высоко.

Вблизи г. Шунут, кроме ее величественных скал, есть две достопримечательности. Во-первых, это Старик-Камень — небольшая скала в отрогах Коноваловского хребта, очертания которой напоминают человеческий профиль. Хотя профиль этот больше напоминает человека молодого, но так уж принято на Урале, что все подобные скалы называют Старик-Камнями. Вторым примечательным местом в здешних краях является так называемая Платонида. Когда-то здесь на берегу бурной речушки Ик жила в одиночестве женщина по имени Платонида. Она ушла из мирской жизни и среди лесной тишины обрела покой, доживая свои дни в посте и молитве. После ее смерти воду из родника, что бьет из склона горы рядом с ее избушкой, люди стали почитать священной. До сих пор сюда со всей округи стекаются паломники, чтобы помолиться и попросить чего-нибудь у своей заступницы. А чтобы просьба не была забыта, вывешивают просители на ветках куста, что растёт рядом с могилой Платониды, разноцветные тряпочки. Некоторые оставляют здесь целые полотенца, вероятно, просят у Платониды о чём-то большом и очень нужном.

Святой источник на Платониде

Старик-Камень

Посетили святое место и все участники Урал-ТРО-ФИ. Набрали во фляги воду из источника, поставили свечки на могиле да помолились, кто как мог, об удаче и благополучном завершении предприятия, в котором им посчастливилось участвовать.

Вскоре за Платонидой и Старик-Камнем начался новый спещучасток. Грязная и разбитая дорога, заболоченные промоины, глубокая колея от тяжелых лесовозов быстро поменяли настроение участников от спокойствия и умиротворения, навеянного природой и святым местом, до спортивного азарта, который заставляет преодолевать, казалось бы, непреодолимые преграды.

Приключения закончились у пос. Ревдель; дальше спокойно и по хорошей дороге через г. Нижние Серги к стоянке на берегу реки Уфы добирались кто как мог, тем более, что следующий день оргкомитет объявил выходным, и торопиться было особенно некуда.

У пещеры Дружба в природном парке «Оленьи ручьи»

Правда, спокойный отдых на р. Уфе ожидал не всех. Еще до первого спещучастка по техническим причинам выбыла одна из команд. Железо — не человек, столько не выдержит. Но желание пройти весь маршрут оказалось сильнее, и ночью при свете фар на реанимированных машинах спещучастки и промежутки между ними были пройдены, и «баранка» в зачетный листок поставлена не была. Правда, ни Старик-Камень, ни Платониду посетить не пришлось.

День отдыха всегда приятен. Можно поспать, подремонтировать разбитую машину, искупаться или побездельничать. Любители активного отдыха посетили природный парк «Оленьи ручьи», что раскинулся на берегах р. Серги от г. Нижние Серги до г. Михайловска. Здесь, посетив такие достопримечательности, как пещера Дружба и Большой провал, и пройдя пешком километров двадцать, все участники похода окончательно осознали преимущества колёсного транспорта. Чуть живыми возвратясь к своим транспортным средствам, оставленным у въезда на территорию парка, они окончательно убедились в правильности своего выбора в пользу хорошего железа и надежной резины.

Вечером тех же любителей активного отдыха ждало еще одно испытание, спонсором которого выступил экипаж из Риги. Рижанами был приобретен ящик нашей российской водки, который они выставили в качестве приза тому, кто первый переплывёт через реку Уфу.

Соревнование пловцов

Желающих получить целый ящик водки, несмотря на холодную воду, оказалось много.

По команде судьи толпа обнаженных мужиков кинулась в бурные воды Уфы, и, кто как мог, отчаянно размахивая руками и бутлыхая ногами, устремилась к противоположному берегу, надеясь первыми прикоснуться к палке, заранее установленной заботливыми организаторами.

Победили, как всегда, молодость и мастерство. Младший сын главного судьи соревнований Дима Майоров стал счастливым обладателем целого ящика «огненной воды». Как потом выяснилось, Дима серьезно занимается плаванием, и это несколько успокоило уязвленное самолюбие проигравших взрослых.

Ящик у спортсмена Димы был куплен по сходной цене, и водка, выпитая тем же вечером, окончательно исправила настроение проигравшей стороны.

Отдых закончился, начинались суровые будни. На следующий день участников ждало новое и необычное приключение, подготовленное и доселе удерживаемое в тайне гораздыми на мелкие пакости организаторами ТРОФИ.

6. Нырющий «Титаник» и встреча в «М»-ском треугольнике

Новый день начался спокойно, с многокилометрового пробега по хорошему асфальту на запад к берегам реки Сылва. Здесь у мордовской деревни Тебеняки ничего не подозревавших участников ТРОФИ ждал очень короткий, но необычный спецучасток — брод через реку Сылва. После дождей уровень воды в реке поднялся, и брод стал серьезным испытанием для многих экипажей.

Гибель «Титаника»

Первым потонул «Титаник». * Чести утонуть с «Титаником» удостоился и автор этих строк. Впоследствии с «Титаником» тонули многие достойные люди, в частности, судья соревнований и главный бойскаут всего ТРОФИ, а в миру подполковник милиции Игорь Стрига; хлебнула с ним холодной воды и врач всей экспедиции Марина Меркурьева. «Титаник» со всем скарбом вытащили, но следом на исходную позицию вышла новая команда во главе с «бухенвальдскими малышами» на лен-

*Точнее «Титаником» УАЗик под командованием Александра Копырина стал называться только на следующий день после очередного эффектного потопления у деревни Марьяново на Чусовой.

дровере, замыкал процессию «детский» экипаж Славы Филиппенко с друзьями на УАЗике-кабриолете. Потонули все. Сначала встал лендровер, и его жизнелюбивый экипаж побрел к берегу искать спасения. За ним вода захлестнула кабриолет, и он тоже не выдержал сырости и переохлаждения. «Спасайте детей!» — кричали на берегу довольные сюжетом зрители, но в воду никто не полез. За спасение взялся всеобщий спасатель Юрий Евтеев на своем урале-«техничке». Посадив всех утопленников на один кукан, он без проблемы вытащил их из холодных сылвинских вод на теплый прибрежный песок. После всёлого кино со счастливым концом за экипажем Славы Филиппенкова закрепилось прозвище «мультики», под которым они и понеслись дальше по дорогам Урал-ТРОФИ-2000.

Шестой день гонки догорал, но приключения этого дня только начинались. Отметить середину ТРОФИ хитроумные организаторы решили в аномальной зоне, в так называемом М-ском треугольнике у деревни Молебка. Но до Молебки предстояло пройти очередной спецучасток, который сам по себе не представлял серьезного препятствия для уже прошедших воду экипажей. Но пройти его предстояло ночью при свете фар, ориентируясь по карте и компасу. Сам Олег Майоров, который заранее и добросовестно прошел всю трассу, похоже двигался только днем, а ночью спал сном праведника. Поэтому ему было невдомёк, что такой важный ориентир поворота маршрута, как голубой почтовый ящик на углу дома, для ночной гонки не годится. Ночью все ящики серы. Конечно, пресловутый голубой ящик далеко не всех ввёл в заблуждение, но пострадавшие были. Больше всех этой ночью пострадал экипаж семьи Кашиных, правда, здесь уже голубой ящик был не причём. Вина полностью лежала на их стальном коне с весьма туманной родословной, который взял и сломался. Вопрос о национальной принадлежности этого патриарха двигателей внутреннего сгорания неоднократно обсуждался среди участников ТРОФИ. Поступили разные мнения, и, в конце концов, автомобиль причислили к классу «ведроверов». Экипаж «ведровера» у всего ТРОФИ вызывал неизменное уважение и восхищение своей настойчивостью и бойцовским характером, поскольку только эти качества позволили им дойти относительно благополучно до финиша.

Но до финиша было еще далеко, а тогда в глухую ночь по деревне Сызганка «техничка» тащила на тросе «ведровер», в то время как все остальные носились в непроглядной темени по окрестным дорогам, ориентируясь на местности в поисках голубого ящика.

Неожиданно появились и исчезли два призрака с зажженными фарами, движущихся в обратном направлении. «Новосибирцы», — мелькнула страшная мысль, — но призраки исчезли, а с ними исчезли и воспоминания о неприкаянных сибиряках.

Рассвет застал всю кавалькаду на окраине деревни Каменки, где было намечено место сбора ночных ориентировщиков. Отсюда следовало, сбившись в кучу, с

В М-ском треугольнике

большой осторожностью вступить в аномальную зону у деревни Молебко.

Чем ближе к таинственному М-скому треугольнику, тем гуще становился туман, тем больше разбегались в разные стороны и терялись в молочной пелене просёлочные дороги. Все разбрелись, потеряли друг друга из виду, и только неожиданно оказавшись в центре деревни Молебки на берегу Сылвы, участники похода собрались в неорганизованную толпу, которая в густом тумане абсолютно не понимала, где она и куда дальше двигаться. Аномальная зона оправдывала свою дурную славу. Но организаторов ТРОФИ никаким туманом и таинственным треугольником не возьмешь. Материализовавшийся из тумана Олег Майоров спас растерявшихся водителей и их экипажи, объяснив, где они находятся. Он показал, куда ехать дальше, и в конце концов все выбрались из залитых серой мглой пустынных деревенских улиц на свободу, на широкий луг у излучины Сылвы. Тут и туман начал рассеиваться, и с чертовщиной М-ского треугольника было покончено. Начались будни Урал-ТРОФИ, а начались они с богатырского храпа измученных ночным бдением и переживаниями ориентировщиков.

К вечеру посвежевшая публика начала понемногу стартовать. Путь лежал на север к берегам самой известной уральской реки — Чусовой. Здесь, у деревни Мартяново был намечен второй брод с небольшим спецучастком, который, по мнению маршала ТРОФИ и главной судьи, то есть В. Рыкшина и О. Майорова, ничего сложного из себя не представлял. Они жестоко ошиблись.

Итак, сначала брод. Его прошли благополучно, потонула только команда «Титаника» с ним самим во главе. Бедолаг подхватила «техничка» и поволокла к месту ночёвки по трассе спецучастка. Но в середине спецучастка и без того напряженным нервам участников предстояло пережить еще одно сильное потрясение.

Смеркалось. Вскоре совсем стемнело. В этот момент прямо на пути гонки в огромной и грязной луже развернулось жутковатое зрелище. Свет фар выхватил из темноты два кабриолета, которые наполовину погрузились в болотную жижу. Один из кабриолетов потонул во мраке, а вокруг другого развивалось какое-то мистическое действие, смысл которого с трудом доходил до сознания. Первая мысль была наивна — «новосибир-

цы», но таких кабриолетов у призраков гонки не было, на местных жителей, которые в такой час обычно спят по своим избам, а не сидят в грязных лужах, эта компания тоже не походила. Тем более, что за рулём одного кабриолета сидела рыжеволосая ведьма, которая на непонятном языке отдавала команды перемазанным с ног до головы чертям. Черти шлёпали по лужам босыми ногами, что-то искали в грязи руками, метались по окрестным кустам, а за деревьями раздавался угрожающий стук топора.

Любой простой гражданин нашей страны от такого жуткого зрелища наверняка заболел бы нервным расстройством, но участники Урал-ТРОФИ — люди тертые. Даже М-ский треугольник не мог вывести их из душевного равновесия. Поэтому ночной шобаш нечистой силы на здоровье экипажей почти не сказался, чего нельзя сказать о машинах. Добрая треть всех транспортных средств застряла в самых неожиданных местах. В лужах, канавах, болотцах с жутковатым соседством двух кабриолетов мужественные путешественники встретили солнечный рассвет, который развеял все ночные страхи. Ни ведьм, ни чертей, ни тем более шабаша нечистой силы на дороге, оказывается, не было. Правда, два кабриолета в луже по-прежнему стояли. Принадлежали они нашим соседям, уважаемым челябинцам, которые не поленились приехать в наши края, чтобы поприветствовать и поддержать Урал-ТРОФИ. Толпа чертей оказалась всего лишь тёплой компанией благородных водомеров, которая своими верхними и нижними конечностями измеряли глубину луж, а непонятный язык, на котором они получали команды, оказался обыкновенной русской разговорной речью. С ведьмой тоже быстро разобрались. Совсем это оказалась не ведьма, а победитель челябинской гонки «ЗАХА», Оксана Шаталова — гонщица опытная и отчаянная.

Утро решило все проблемы. До заброшенной деревни Волегово, что стоит на берегу Чусовой рядом с камнем Гребни, оказалось совсем близко. Все быстро вылезли из грязи, вытащили челябинцев и благополучно добрались до места стоянки. После омовения в чистых и прозрачных водах Чусовой и принятия положенных ста граммов с причитающейся закуской окончательно забылись приключения двух последних ночей.

На Чусовой у камня Гребни

Впереди лежала еще нетронутая трасса, которая вилась по живописным берегам Чусовой. Брод у деревни Волегово оказался самым счастливым бродом всей гонки. Здесь никто не утонул, даже «Титаник».

Без особых приключений и потерь все экипажи добрались до очередной стоянки, что снова была намечена на берегу Чусовой у камня Журавлик. Приблизился конец тяжелого марафона, и именно здесь это почувствовали уже все участники. У костров заговорили о будущих гонках, о шансах на победу, о ремонте и позабытой на время работе.

7. Финиш — на полигоне

Но приключения еще не кончились. Закончивались только соревнования. Последний раз все, кто выдержал гонку, стартовали в старинном уральском селе Сулем на берегу одноименного притока Чусовой. Весь последний участок шел вдоль Чусовой, и напоследок неугомонные организаторы ТРОФИ предложили участникам освежиться на двух бродах, один из которых и был финальным спецучастком всего Урал-ТРОФИ-2000.

Финиш «Урал-ТРОФИ-2000»

Если бы не броды, то все бы проехали весело, с восторгом любясь уральским пейзажем. Но чувские броды — тяжелое испытание. Распугивая медленно плывущих по реке туристов, автомобили отчаянно лезли в воду, причём глубина реки и скорость течения уже не могли никого ни напугать, ни остановить. «Титаник» вновь потонул. Бурное течение чуть не унесло его храбрый экипаж вниз, к Каспийскому морю, но слаженные действия и горький многодневный опыт по спасению утопающего не позволили наступить трагической развязке. Макрый экипаж выволок своего железного коня, быстро заменил масло в его внутренностях и — снова вперёд к новому броду с теми же последствиями.

Никогда переправа через Чусовую у деревни Усть-Утка не видела столь красивого и грандиозного зрелища, как финиш Урал-ТРОФИ-2000. После многочисленных бродов машины сверкали первозданной чистотой, лица участников тоже светились радостью и облегчением: наконец-то переживания и волнения позади, а впереди два дня отдыха и еще одно торжественное мероприятие, о котором далее будет дан подробный отчет.

Лендровер. В последний путь

Но испытания закончились не у всех. Мощная колёсная техника оказалась не столь прочна, как экипажи, и финиш Урал-ТРОФИ оказался настоящим финишем для нескольких железных коней. Первым умер лендровер «бухенвальдских малышей». Буквально через 500 м после финиша он не выдержал всех потрясений последних десяти дней и протянул колёса. Последний путь до Черноисточинского пруда, а затем в Екатеринбург, он проделал вперёд задними конечностями, безжизненно болтая на подъёмнике «технички».

На асфальте вблизи Черноисточинска посыпались УАЗики. Вероятно, ровная трасса оказалась не по силам могучим машинам, привыкшим к суровым условиям уральского бездорожья. Рано расслабившись, они, словно люди, споткнулись на ровном месте.

Кто своим ходом, кто на тресе или на подъёмнике «технички», но к берегу Черноисточинского пруда, что находится недалеко от г. Нижний Тагил, добрались все. И немудрено, ведь именно здесь было намечено кульминационное действие всего Урал-ТРОФИ-2000 — подсчёт результатов по всем спецучасткам, выявление победителей и, естественно, награждение.

Но до этого радостного и в то же время немного печального мероприятия участникам ТРОФИ было подготовлено еще одно интересное зрелище, а именно международная выставка вооружения и военной техники «УралЭкспоАрмс-2000», открытая 12 июля в окрестностях Нижнего Тагила на полигоне «Старатель». Конечно, было бы наивно полагать, что начало выставки приурочили к финалу Урал-ТРОФИ, скорее, наоборот. Но, тем не менее, открыли выставку участники ТРОФИ — главный судья Олег Майоров на своём порядке по трёпанном судейском УАЗике за номером 1, рижане на УАЗике под номером 7 и гости из Челябинска — экипаж семьи Трусовых на УАЗе с бортовым номером 23. Всем им предстояло пройти почётный круг по полигону, а в качестве пассажиров взять на борт Губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя, представителя Президента в Уральском регионе Петра Латышева и вице-премьера России Ильёв Клебанова.

Ехать на боевых УАЗиках начальству понравилось — не «вольво», конечно, но зато машины — наши, рос-

На выставке вооружений «УралЭкспоАрмс-2000».

сийские, и несмотря на множество мелких недоделок, по основному параметру, а именно по проходимости, иномарки они опережают, уступая, конечно, в комфорте и надёжности.

На следующем круге (уже без пассажиров) предстояло преодолеть последний в Урал-ТРОФИ символический спецучасток — наполненный водой ров, проходя который танки и бронетранспортеры показывают свои боевые возможности. Глубина рва 1,5 м. Опытный водитель — Олег Майоров — посоветовал всем перед погружением открыть двери машины, чтобы вода быстро зашла в салон и прижала начинающую плыть машину ко дну. Все так и сделали. Сидя по пояс в воде, все трое преодолели успешно танковый ров, никто не заглох, и последний, наверное, самый волнующий момент гонки, завершился. УАЗики вынырнули из глубокого рва под аплодисменты многочисленных зрителей. Это был пик уральской кругосветки.

8. Заслуженный «отходняк»

А вечером — награждение и банкет. Первое место по сумме всех спецучастков занял экипаж Дмитрия Любарца, и ему достался почетный кубок и гонорар в 500\$.

На втором месте оказались неожиданно для самих себя, но абсолютно справедливо, гости из Риги под командованием Эдгарса Трупса. Им тоже достался кубок, но немного поменьше. Поменьше было и долларов.

Ну, а на третье почетное место результаты гонки вознесли экипаж Виталия Кокшарова. Им тоже достались и памятная скульптура, и доллары.

Все получили почетные дипломы, призы, но, как выяснилось, награждение только началось. Екатеринбургский ювелирный дом, а одновременно экипаж знаменитой «тойоты» с эмблемой фонда «Город без наркотиков» (Евгений Ройзман и Александр Ляной) выставил свои призы — великолепно исполненные из серебра фигурки животных. Победители за свое упорство и бойцовский характер получили быка с красными рубиновыми глазами. Призы достались не только победителям. Награду получил и самый потопляемый экипаж «Титаника». Приз за спортивную дерзость и азарт — серебряный бультерьер — был вручен экипажу Супер-

строю (Николай Лантух, Алексей Дудоров). Их УАЗ за свой экзотический вид получил имя «Луноход», и именно под этим именем ему еще предстояли великие дела. В качестве призов пошли и серебряные дракончики — за самый трудный этап; серебряный скорпион и ёжик с яблоком — самому мудрому экипажу. Самому тяжело-му экипажу — «бухенвальдским малышам» — достался, естественно, серебряный бегемот. Короче говоря, в это день целый серебряный зверинец наконец-то обрёл своих хозяев.

Не остались без награды и новосибирцы. Серебряных зверей им не дали, поскольку их надо было заслужить, но красивое свидетельство о прохождении маршрута «Урал-ТРОФИ-2000» они получили. Так что их спонсоры не должны сильно отчаиваться о потерянных деньгах: их кровные пошли на благородное и богоугодное дело.

Заключительный банкет с колбасой и водкой окончательно развеял все накопившиеся обиды, недоразумения и недопонимания. Все друг друга простили за всё, простили даже новосибирцев, признав, что они — ребята тоже хорошие, хотя и слишком осторожные. В вечернем полумраке берег Черноисточинского пруда долго оглашался разгоряченной речью возбужденных победителей и побеждённых. Даже дети участников, которым водки, естественно, не давали, и те активно приняли участие во всеобщем веселье. Они раздобыли бензин в брошенных водителями машинах и зажгли им все окрестные пни, чем очень порадовали всю честную компанию.

Последние костры «Урал-ТРОФИ-2000» догорели только глубокой ночью. Те, кто еще мог говорить, бурно обсуждали прошедшие события, вдавались в технические детали ремонта пострадавшей техники и строили планы на будущее.

Наутро берег Черноисточинского пруда начал постепенно пустеть. Выбирались уже не стройной колонной, а кто как хотел. Урал-ТРОФИ закончилось. Все думали о забытых на время делах, и только неугомонные маршал ТРОФИ и главный судья, вероятно, уже в этот момент задумали новое грандиозное мероприятие, о котором и будет подробно рассказано в наших следующих публикациях на страницах «Уральского следопыта».

Награждение

Фотографии автора.

КОРАБЛЬ НЕУТОМИМЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Барabanщики обеднения «Звезда»

В России ребят из пресс-центра и парусной флотилии «Каравелла» называют по-разному: пионерами, скаутами, крапивинцами. Про них пишут в газетах, рассказывают в радиопередачах, снимают сюжеты для телевидения. А может, они самые обыкновенные мальчишки и девчонки? И отряд у них обычный? Почему же у журналистов и прогрессивных педагогов не ослабевает интерес к нашей организации?

Сорок лет назад на краю города в районе Уктуса группа ребятшек под руководством взрослого-вожата решила организовать свой пионерский отряд. Спрашивается, зачем им это понадобилось, ведь отряды в обязательном порядке создавались тогда в школах? Но ребятам захотелось чего-то нового и обязательно непохожего на других.

Да, в «Каравелле» многое непривычно: отношения между старшими и младшими, форма, традиции, система управления. Даже День Рождения отряда здесь

отмечают два раза в году: 2 июля и 9 ноября. Летом 1961 года шумная дворовая компания объединилась в экипаж выдуманного корабля «Бандерилья», а осенью 1965 появился официальный пресс-центр, соединивший «Каравеллу» и столичный журнал «Пионер».

Четыре года ушло на то, чтобы разношерстная ребячья вольница переросла в дисциплинированный пионерский коллектив, где понятия об ответственности, товариществе и взаимовыручке не были пустыми словами. Набрал силу отряд. Рос его руководитель — писатель Владислав Крапивин. Взрослели первые капитаны. Тогда никто не задумывался, что это всерьез и надолго. Но сегодня, спустя сорок лет, можно сделать следующий вывод. В структуре отряда «Каравелла» работает удивительный механизм самосохранения, который помог организации выжить и в условиях советско-бюрократического застоя и во времена рыночной нестабильности. Несколько раз Командор В. Крапивин предлагал свернуть отряд и остановить работу. Но всегда ребята, не желая расставаться друг с другом и отрядной жизнью, продолжали собираться по квартирам, придумывать новые общие дела.

Первое десятилетие жизни «Каравеллы» можно смело назвать «Открытие». Искали и нашли свое имя. За десять лет отряд назывался «БВР» (Братство Веселого Роджера), «Мушкетер», «Ветер», «Каравелла». В тот же период придумали свою форму одежды, Устав, символику, атрибуты.

Первое десятилетие ушло на подготовку стартовой площадки. Именно благодаря ему мы видим, что «Каравелла» оказалась достаточно жизнестойким организмом и смогла развиваться как детская общественная организация уже в 60-х годах.

«Мир громаден, интересен, сложен и неспокоен. Каждый человек открывает этот мир заново, как Колумб открыл Америку. Все знания, науки, сокровища искусства — как новые острова, континенты для тех, кто вступает в жизнь. Мы хотим знать мир, в котором живем, как можно лучше, глубже, шире. Мы назвали наш отряд «Каравелла», потому что он, как корабль, который плывет к новым открытиям».

Никакое сопротивление бюрократов-чиновников не могло остановить это движение. Косная среда в лице отдельных представителей властных структур и соседской общественности упорно не желала понимать и принимать Крапивина и его ребят. «Зачем им понадобился отряд по месту жительства, ведь их в школах полно-полно и все замечательно функционируют!»

В ответ у молодого журналиста, работающего, кстати, в журнале «Уральский Следопыт», вроде бы ничего не было. Все повести, романы, а также лауреатские звания, всесоюзная известность, высокие премии, правительственные награды признание таланта писателя и педагога появятся уже потом. Но Владислав Петрович, а для ребят всегда просто Слава, интуитивно чувствовал правильность дороги, по которой двигался, заражая своей верой мальчишек и девчонок.

Ребята шли вместе со своим командиром. В лес и на речку, в газету «Вечерний Свердловск», в журналы «Пионер» и «Уральский Следопыт». Шли наперекор официальной линии («Что это за форма у вас такая странная»), гребли против течения («Такие маленькие, а уже хотят иметь свое мнение»), продвигались вперед, несмотря на встречающееся недовольство и непонимание окружающих. Им было трудно, но они видели и другое — радость тех, кто всеми силами поддерживал новое интересное начинание.

С первых спрос особый: почему не учли, не додумали, не сделали? — могут спросить те, кто пойдет следом. Резонно, конечно, ответить:

— Вам, ребята, оставили.

— Ага, вы там напридумывали законов, а мы теперь (через сорок лет) по ним жить должны!

— Так вам наши законы не нравятся или ваша жизнь?

У каравелловцев первого десятилетия уже подрастают внуки. Кто-то рано (очень рано) ушел из жизни. Но все они вписаны в историю отряда как первооткрыватели.

Второй период развития пресс-центра и парусной флотилии «Каравелла» принято называть в отряде временем «барабанщиков и флаг-капитанов». Десятилетие, связанное с семидесятыми годами 1971-1981 — определило становление организации.

«Настоящий человек не может быть в жизни зрителем. Он должен быть строителем и борцом. Чтобы стать таким, ему нужен настоящий характер. Воспитание характера — прямого, смелого, упорного — мы считаем важной задачей».

В семидесятых годах началось осмысление накопленного опыта. Была описана методика «погружения в дело», когда в определенный период года весь основной состав ребят и инструкторов отряда, независимо от знаний и возраста занимается по одной общей программе. Например, июнь, июль — парусная практика, в августе — съемки игрового фильма, в сентябре — занятия с новичками, в ноябре — фехтовальный турнир. На

Внимание, на флаг!

В кадре миг, день, столетие, тысячелетие...

палубе одного корабля объединились фехтовальная секция, яхт-клуб, школа пионерского актива, пресс-центр и киностудия.

Каравелловцам семидесятых очень хотелось успеть сделать многое своими руками.

Строили свои яхты, на которых сами и ходили под парусом. Выпускали собственный литературный альманах, где публиковали свои произведения. Сделали особенные барабаны и организовали ни на кого не похожую группу маленьких барабанщиков. Самостоятельно готовили материалы в дискуссионный клуб журнала «Пионер» («За и против»), отвечая перед читателем за каждую строчку. Жизнь «Каравеллы» — это не игра в детство, а серьезная работа каждого участника в общем не только радостном, но и трудном деле.

Не раз посторонние наблюдатели, приезжая в отряд, отмечали быстрый ритм жизни организации. Однако ребята привыкли жить в подобном ритме и, при малейшем намеке на замедление темпа, задавали вопрос «Почему стоим, ничего не делаем?»

Семидесятые годы в истории «Каравеллы» интересны еще и тем, что именно в этот период организация вышла на всесоюзный уровень. В 1972 году в Свердловске издали книгу «Чем крепче ветер», через два года Москва выпустила небольшую брошюрку «Море в конце переулка». На страницах журналов и газет из номера в номер появлялись материалы ребят. Владислав Крапивин (уже признанный детский писатель) в своих книгах, статьях, выступлениях немало рассказывал об отряде.

В следующем десятилетии потягаться популярностью с «Каравеллой» не мог ни один пионерский отряд или клуб по месту жительства. Непохожесть организации, новаторство в работе с детьми, методические загадки Крапивина приводили на порог отряда толпы гостей.

Они приезжали и погружались в каравелльскую жизнь, начиная вместе со всеми шить паруса, строить яхты или снимать фильм. Всем было весело и очень интересно жить. Не всегда успевали отслеживать, сколько различных событий происходит в отряде. Нововведения воспринимались как норма, а не как заяв-

ка на эксперимент. Никому не хотелось говорить «я не умею». Почему-то нравилось повторять «Я смогу!».

Гости уезжали. Через несколько месяцев от когонибудь из них приходило письмо, в котором сообщалось, что он (она) решили организовать свой внешкольный отряд. Уж очень ему (ей) понравились отношения между ребятами и инструкторами, дела и методики «Каравеллы». Так возникли «Пламя» в Пятигорске, «Алый Парус» в Первоуральске, «Эврика» в Каменск-Уральском, «Синий Краб — зюйд» в Симферополе, «Странник» в Томске и др.

В 1983 году ребята и руководители отрядов создали объединение «Звезда». Надеялись, что представителям «Звезды» легче будет отстаивать общие интересы на юнкорских и пионерских форумах. Движение росло и расширялось по стране.

«Характер воспитывается не только лекциями и книгами. Он крепнет в делах. Мы — корреспонденты. Уже сейчас мы должны активно участвовать в жизни. Мы должны рассказывать людям обо всем интересном, полезном и важном, что знаем и видим. Мы обязаны вступать в борьбу, если встретим на своем пути несправедливость. Вмешательство в жизнь, активное участие в ней — наше главное правило».

Выпускники отряда разных лет достигли немалых успехов и в дальнейшей жизни. Есть среди них кандидаты наук, кораблестроители, журналисты, писатели, режиссеры, бизнесмены, управленцы, преподаватели, врачи. Есть и те, кто прошел несколько войн. Четверо погибли от рук убийц в нашем родном городе Екатеринбурге.

Как-то, вспоминая с ветеранами «Каравеллы» детство и тех, кого уже нет с нами, мы выскочили на вопрос об актуальности на сегодняшний день пятого пункта Устава отряда. Все заспорили. Одни кричали: «Что же теперь учить детей трусости и равнодушию?» Другие в ответ напоминали о ценности человеческой жизни, предлагая, с точки зрения своего взрослого опыта, подделывать законы под современную действительность.

Выпускаем газету

Строим яхту

Спорщики утомнились только после того, как поняли, что слова, написанные на бумаге можно, конечно, поменять, но невозможно изменить образ жизни нескольких тысяч человек.

«Каравелла» — корабль неумолимых путешественников и первооткрывателей. Это название отряд принял в 1968 году. Тогда во флотилии не числилось ни одного судна. Но был уже поход и корабль из надувных шин с парусом из плащ-палатки. Уже в названии заложена особая энергетика отряда. На первый взгляд, что такого удивительного, если ребенок научился фехтовать, строить яхту, играть в спектакле или писать заметку для газеты? Что, кроме организации досуга, содержит в себе этот странный детско-подростковый клуб? Для ответа на данные вопросы очень подойдут строки одной из песен В. Крапивина:

*«Стаксель и грот
наполняются ветром упруго;
Кто же сказал, что открытий
в наш век больше нет?
Мы открываем в дороге себя
и друг друга—
Это, пожалуй, важней
неоткрытых планет».*

К числу важных вещей относятся не практические навы-

ки и теоретические знания, хотя и они, конечно, достойно оцениваются. Главное — научить каждого ребенка видеть, слышать, понимать, принимать мнение другого без обид и унижений. Главное — обеспечить поддержку и защиту младшему по возрасту и опыту, чтобы в дальнейшем вместе найти и принять решение в экстремальной ситуации (шквал, гонки, опрокидывание судна). И, пожалуй, самое

главное — не бояться брать ответственность за себя и за дело.

Не буду утверждать, что заниматься в отряде «Каравелла» легко. Здесь довольно жесткие дисциплинарные требования: обязательность посещения занятий, единая для всех форма одежды, зачеты по всем основным направлениям работы, четкий график занятий и вахтенных дежурств, строгий контроль по выполнению корреспондентских заданий. В то же время, здесь совершенно по-особому заданы нормы отношений между ребятами и взрослыми, где нет деления на плохих и хороших, маленьких и больших, сильных и слабых, умных и глупых, а есть просто сообщество людей, где каждый может себе позволить быть самим собой.

*Лариса Крапивина,
Екатеринбург*

Внимание — конкурс!

Отдел «Встречный Ветер» (спорт, путешествия, приключения) журнала «Уральский следопыт» объявляет о начале нового семейного конкурса:

«Уральской тропой»

Конкурс для любителей активного отдыха, для тех, кто ходит всей семьей в походы и экспедиции, сплавляется на плотах и лодках по бурным рекам, кто покоряет вершины гор, кому интересны горные лыжи и горный велосипед, и просто для тех, кто любит всей семьей активно общаться с природой, не взирая на встречный ветер.

Желательно, чтобы Ваши произведения были проиллюстрированы фотографиями или рисунками.

Итоги конкурса будут подводиться ежегодно. Каждый месяц подводится промежуточный итог. Победители будут награждены полезными призами и подарками. Лучшие Ваши произведения будут опубликованы в журнале «Уральский следопыт».

Рукописи и иллюстрации принимаются в любом виде (рукописный, печатный, электронный).

Наш почтовый адрес: 620142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67,
редакция журнала «Уральский следопыт», на конкурс «Уральской тропой».

Наш электронный адрес: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Александр ПОЛЕЖАЕВ, Екатеринбург

Упущенный шанс

Лёнчику приснилось, что кто-то фонариком светит ему в лицо, как в пионерском лагере, когда хотят пошутить и измазать зубной пастой или помадой лицо. Он открыл глаза и зажмурился от яркого света. Это оказался солнечный луч, пробившийся в комнату через шторы и запыленные окна. Было раннее утро, и, вроде бы, к стати, так как в десять игра, но вставать не хотелось. Тело еще нежилось в мягкой постели, словно растворившись, а бодрствовал один мозг. Лето, каникулы — самое время отоспаться, а тут игра! И вроде бы надо, так как он в команде, но радости никакой. Дело в том, что он второй год в команде, регулярно посещает тренировки, а вот на играх торчит на скамейке запасных. Тренер почему-то не спешит его даже попробовать, а отсюда насмешки, подначки и ощущение второсортности. Так что, действительно, никакого желания тащиться через весь город на игру. Лёнчик повернулся к стенке и снова прикрыл глаза. Ему почему-то вспомнились игры на Кожаный мяч за дворовую команду, свобода, раскрепощенность, где результат не главное, а радость в самой игре. И что он послушался Валерку и поперся в заводскую команду? Чтобы сидеть на скамейке? А теперь и в дворовую команду путь заказан, так как у него уже статус «профи», а таких считают «подставками», и результаты игр аннулируются. Да! — озадаченно вздыхает он от этих сравнений, плюсов и минусов. Эх, если бы поиграть, да забить гол, тогда бы и в основной состав взяли. А если бы взяли, да в нападение, тогда бы он выложился, уперся и пошел, пошел наверх! Уж он бы добился поставленной цели!

А пока он устроился поудобней в кровати, прикрыв углом одеяла глаза, и стал рисовать себе картинку со своим участием: вот стадион, трибуны, болельщики, зеленое поле в белых разметках, ворота с натянутой сеткой. Идет игра, и он скользит между игроками, как в замедленной съемке, в поисках свободного пространства, чтобы открыться и получить пас. Он быстр и ловок, словно проглотил ускоритель, как в рассказе Уэлса, поэтому даже посланный ему мяч летит мягко и медленно, так что он успевает его, как Пеле, принять на грудь, послать в ноги и неожиданным финтом обыграть сразу двух защитников. Вот и несколько растерянный вратарь выбегает навстречу, в прыжке пытается перехватить мяч, но поздно, Лёнчик уже подкрутил его в дальний угол, в самую девятку, а сам обегает обманутого голкипера. Гол! Он вскидывает руки под рев трибун.

Стук в окно отвлекает его от грез. Стучат нахально и настойчиво, как могут только свои. Вот они, «преимущества» первого этажа, на котором живет Лёнчик. Он лениво встает и идет к окну, встает на стул и высовывает голову в форточку.

— Он еще дрыхнет! — удивляется Вовка вслух, как бы делясь с Валеркой, стоящим рядом. Вовка почти на голову выше Валерки и поэтому может достать до окна рукой даже не приподнимаясь на носках. — Ты что, сегодня же игра! Давай по-быстрому, не подводи команду! Видишь, мы тебя ждем.

— Сейчас, — Лёнчик спрыгивает со стула и натягивает брюки. Вовка посмеивается над ним, апеллируя к команде, в которой он ведущий центрфорвард, поэтому и нахален; но то, что он зашел за ним, льстит Лёнчику. Сюда же примешивается легкое чувство страха — с таким лучше дружить, чем быть во врагах, — поэтому Лёнчик и спешит, натягивая футболку и хватая сумку с формой. Он захлопывает дверь с английским замком, но выходит на улицу уже не спеша, сохраняя достоинство, больше перед Валеркой, извечным соперником по двору. Погодки, но во всех дворовых играх им было интересней противостоять друг другу, чем быть заодно. Не враги, но, как-то так уж повелось с детства, и не друзья, а так, одноклассники. Сначала Лёнчик задумывался над этим — а почему? — но в школе увидел, что слишком разные у них друзья и товарищи, а также интересы. Валерка разыгрывал из себя рубаху-парня, а сам был себе на уме, причем во дворе один, а в школе совсем другой, стараясь быть своим среди двоечников и хулиганов, что, примерно, одно и то же — если не знаниями, так задиристостью надо как-то себя проявить. Он и сам чувствовал эту неестественность и двойственность своего поведения, но у подростков свои законы, и либо ты в стае, либо нет, как Лёнчик, ни перед кем не заискивающий и не прогибающийся. Ну и что, жизнь покажет, кто из них прав, а пока Лёнчик бывает бит, а Валерка проходит за своего. Так, даже в школе, они были в разных командах.

— Ну вот, можешь же быть шустрым, когда надо! — Вовка протягивает руку и похлопывает по плечу после рукопожатия, немного свысока и снисходительно, хотя и дружелюбно. Не по годам рослый, спортивный парень, он доминировал среди сверстников, привык опекать их и верховодить, как на поле, так и в жизни. Лёнчик принимал это дозированно, так как ему не нравилось такое опекуновство сильного над слабым, а Валерка привык, поэтому

они и в друзьях. Вовка, из другого района и школы, явно искал себе новых друзей, и Лёнчик был не против, но не хотелось быть дрессированной зверушкой на побегушках. Он пожал руку Валерке, и они направились на остановку трамвая. Вовка, как заводила, в центре, а приятели по бокам. Слегка поживаясь от утренней прохлады, Лёнчик выслушивал менторские поучения от Вовки:

— Ты, Лёнчик, хоть и запасной, но ведь играть умеешь, и будешь играть в команде, надо только захотеть. Пошустрей, поактивней, понахальней — и тебя заметят. На игры обязательно надо ходить. Это твой шанс. Вдруг кто заболит, получит травму, и тебя выпустят, дадут возможность отличиться. Раз, два, а там, смотришь, и ты уже в основном составе! Все хотят в нападение, но это уже тренеру видней, главное, в основной состав попасть. Вон, Валерка в полузащите и не жалуется: и в нападении побеждает, и в защите, и возможность гол забить всегда имеется. Вон, у итальянцев, Факетти защитник, а голы чуть не в каждой игре забивает! А ты в команде, рано или поздно все равно будешь играть, так что на игры обязательно нужно ходить. А то он не придет, другой, ты, а кто играть будет? Команду подводить нельзя! Понял?

— Что тут не понять? — Лёнчик усмехается. Сидеть на скамейке ему порядком надоело за пару лет, что их с Валеркой пригласили из дворовой команды. Форма, сборы, регулярные тренировки, но на Кожаный мяч играть было в удовольствие, а здесь только на тренировках.

Сойдя с дребезжащего трамвая, они направились к знакомой дырке в заборе заводского стадиона, пролезли в нее и через небольшой скверик вышли на поле. Лёнчика немного смутило довольно приличное количество зрителей на трибунах, с любопытством смотревших на них, соперников их команды, пока они шли кромкой поля к раздевалке. Тренер Саня-Ваня, Александр Иванович, уже поджидал их у входа, махал рукой, подгоняя.

— Давайте, ребята, поскорее. Быстренько переодеться да получше размяться перед игрой. Шустрее, шустрей! — с круглой, лысой головой, покатыми плечами и округлым животиком, он сам был похож на сетку с мячами, которую держал в руках, и трудно было признать в нем когда-то лучшего бомбардира, забившего решающий гол в ответственном матче, что Валерка вычитал где-то. Валерка после этого проникся к Сане-Ване искренним уважением, а на Лёнчика какой-то захолустный матч не произвел никакого впечатления. Другое дело на Россию или Союз был бы матч, а то на область.

В раздевалке собралась почти вся команда; кто уже переоделся, кто еще возился с формой нагишом,

но Вовку с Валеркой встретили радостно, почти не обратив на Лёнчика внимания. Зато он заметил Витьку, тоже аутсайдера, и направился к нему. Тот уже сидел переодетый и сучил ногами от нетерпения.

— Здорово! — поднялся навстречу Витек. — Давай быстрее. Эти-то наиграются за игру, а мы хоть попинаем подольше.

— То есть надежды поиграть никакой? — усмехнулся Лёнчик, пожал руку приятелю и сел рядом. Облачиться в чистенькую форму было приятно: синяя футболка с воротничком, белые трусы, гетры — настоящий футболист! Только вот всамделишный ли? Лёнчик быстро зашнуровал кеды и поспешил за Витьком на поле. Тот уже бегал по зеленому газону, катая перед собой белый в ромбиках мяч. Возле левых ворот уже разминались красно-белые «факельцы», а вот справа был только один Витек. Лёнчик побежал к нему легкой трусцой.

Или это Лёнчик сам себе внушил, или действительно была какая-то аура, но под взглядами болельщиков команды противника он словно чувствовал на плечах какое-то давление. Чтобы снять его, надо было по-серьезному разбежаться. Витек сразу дал длинный пас. Лёнчик обработал мяч, пустил его по полю, словно убегая от защитника, догнал и послал обратно Витьку. Так они стали перепинываться, финтить и выпендриваться с обработкой мяча, словно два клоуна на арене, под любопытные взгляды зрителей. Они-то знали, что играть им не придется, поэтому старались вовсю, пока на поле не выпалили сине-белые полной командой. Взгляды рассеялись, и Лёнчик почувствовал себя свободней и легче. Теперь свое мастерство показывали другие, разбившись на группки, у каждой свой мяч. Особенно выделялся Вовчик: с почти бразильской техникой он останавливал мяч грудью, держал на ноге, перебрасывал с ноги на ногу, а потом только отдавал партнерам. Техника у него, что надо, вот только передерживает, заводится часто, и команда страдает от его выпендрёжа.

Потом выбежал Дима, в кепке под Яшина, в свитере с подлокотниками и толстых трусах с подшитым внутри поролоном, чтобы падать было не так страшно. Все скопились перед его воротами и по очереди стали бить по ним. Забитые мячи он выбрасывал, а промахнувшийся сам бежал за своим.

Рядом с Ленчиком оказался Пашка, мелкий, крижистый, с картошкой вместо носа на круглом лице, старый недоброжелатель Лёнчика. Забавляясь и потешаясь над ним, его часто, в шутку, натравливали на Лёнчика, поэтому шипеть на недруга у него вошло в привычку. До драки дело никогда не доходило. Лёнчик мог постоять за себя, да и ростом он был

выше почти на голову, а на придирки Пашки почти не обращал внимания. Это-то и злило. Пашка понимал, что Лёнька ждет, когда Пашка его заденет, чтобы согласно кодексу дать сдачи, и тогда друзья не вступятся, а если к насмешкам еще и получить, то им конца не будет, это все равно, что опарафинить.

— Японец, беги за ворота мячи подавать! — крикнул Пашка, скривив в гнев лицо.

— Сейчас, шнурки поглажу, — огрызнулся привычно Лёнчик.

— Ну, ты дождешься у меня когда-нибудь! — зашипел недруг.

— Что, вырасти мечтаешь! — усмехнулся Лёнчик, ударив в самую точку.

— Да я тебя так уделаю!

— Да пошел ты... меня уже тошнит от твоих обещаний, — и Лёнчик побежал за освободившимся мячом. Пашка тоже занялся делом.

Какой-то балбес, играя с именем Лёньки, придумал Лёнчик-Япончик. Так эта кличка за ним и осталась, хотя от востока в его длинноватом лице с голубыми глазами совершенно ничего не было. Но клички могут быть самыми несуразными.

Наконец Саня-Ваня позвал всех в раздевалку, чтобы раздать ценные указания на игру и определить состав на сегодня. Все сгрудились вокруг него и притихли.

— Так-так, — задумчиво начал тренер, потирая руки, — игра серьезная, так что соберитесь. Прицел только на выигрыш! Понятно? Так-так... Ну, в калитке, понятно, Дима, в защите, как обычно, ты в центре, Паша справа, Коля слева, — он потер лысину. — В полузащите тоже, как обычно, Валера с Мишей. В центре нападения Володя. Только не заводись! Отвлечешь двоих, троих и сразу пас, если видишь, что не пробьется. Нам результат нужен! Так, а Слава так и не подошел? Жалко. Ну что ж, тогда попробуем поставить слева... — Саня-Ваня сделал паузу. — Да, левым крайним в нападение, вместо Славика, Япончик!

Лёнчик сидел безучастно в сторонке, но уловил, что говорят про него, тем более, что все уставились на него, кто с любопытством, кто с недоверием, кто с надеждой. Вовка даже подмигнул ему, мол, наконец-то, как он и говорил. Лёнчик встал и кивнул, что согласен. Услышав кличку от тренера, он сначала неприятно удивился, но место крайнего левого форварда обрадовало. Эх, знать бы раньше, уделил бы внимание на левую ногу, в смысле ведения ею мяча, ударов левой. Но ничего, если он закрепится, то это придет само собой.

— Так, пора! — Саня-Ваня посмотрел на часы. — Ни пуха, ни пера! На выход.

Снаружи уже гремел марш футболистов. Все це-

почкой побежали на выход, и Лёнчик почувствовал ободряющее похлопывание Витька сзади. Он оглянулся и увидел жест приятеля с поднятым большим пальцем. В глазах его была и радость, и зависть, и надежда.

Вот она, минута, о которой Лёнчик мечтал! Он готов был смеяться от пьянящей радости, но, когда они встали полукругом в центре поля напротив красно-белых, он заметил, что это хочется ему одному, да разве что судьям, которых волновал не исход, а сама игра. Лица обеих команд были хмурые и сосредоточенные, словно они хотели наброситься друг на друга, как стенка на стенку в рукопашную. Судья разыграл ворота, и синим начинать. Вовка с Толиком подошли к мячу, а Лёнчик рысцой побежал на свой левый край.

— Сразу вперед, мы здесь без тебя справимся! — крикнул ему Валерка, игравший левого полу защитника. Лёнчик кивнул и так и сделал, когда раздался свисток.

Игра началась, и Лёнчик стал маневрировать в поисках свободного пространства, пытаясь уйти из-под опеки защитника, пробуя его на резвость и расторопность. Это единоборство даже немного забавляло, так как противник не знал, что он может выкинуть, какой коронный финт применить, поэтому бегал за Лёнчиком по пятам, полный ответственного волнения.

А игра тем временем шла, как обычно, через центр, на Вовку. Тот тараном пытался пройти через защиту, обводя одного, второго, но вяз, заводился, не дойдя до штрафной, и, если не отбирали мяч, то он скидывал его назад. Так что все события пока происходили в центре поля с переменным успехом. Лёнчику надоело бегать без мяча, и он тоже сместился к средней линии, но Валерка опять крикнул, чтобы он бежал на место. «Что это, стратегия, завалить центр, чтобы потом освободить края?» — подумал он, но послушно побежал к себе на левый край.

Наконец Валерка дал ему пас, и Лёнчик рванул по левому краю, как по свободному коридору, забежав за спину защитника. Тот топал сзади, а навстречу бежал уже другой. Лёнчик хотел было рискнуть и обвести, но испугался, что потеряет мяч, а дождется ли следующего — неизвестно. Поэтому он отдал его Толику в штрафную, где стало поспокойнее. Тот почти сходу нанес удар по воротам и это было, пожалуй, первое обострение игры. Вратарь легко поймал мяч, сразу отправив его подальше от ворот сильным пинком с рук.

— Нормально! — похвалил Толик. — Только мяч далеко не отпускай от себя.

Лёнчик кивнул. Напряжение спадало, места для маневров хватало, да и его защитник оказался не

очень-то шустрый. Да так и должно быть — ответственность за пропущенный гол выше, чем за незабитый, поэтому защитники и более скованы в отличие от нападающих.

Заиграв пошире, сине-белые овладели инициативой, и игра сместилась на половину красно-белых. Те уже откровенно стали играть на отбой, подальше от ворот, а Вовка взмолился, изрядно устав и всповет от напрасных стараний прорваться через центр.

— Япончик, мать твою так! Ты можешь мяч поддержать подольше? Что ты его боишься? Ты же видишь, что тут завал!

Лёнчик принял к сведению этот крик отчаянья, так как сам давно этого ждал. Что ж, теперь можно и поиграть самому. Получив мяч от Валёрки, он опять ринулся по краю, подальше от ворот, почти к углу поля. Сейчас бы сделать подачу с левой, но не рискнул, а, обманув защитника, опять чуть вернулся назад, чтобы ударить правой. Вовка подхватил, но послал дальше, на правый фланг Толику. Так им немного удалось растащить оборону. Толик рванул к воротам, словно из последних сил, когда выходишь на финишную прямую. Гол, казалось, витал уже среди всеобщего напряжения и был неминуем, как разрядка, противник сломлен и растерян, еще чуть-чуть. Он обвел защитника и прострелил мимо выбежавшего вратаря вдоль ворот. На удивление, мяч застрял в толпе защитников и нападающих в штрафной, ударяясь то об одного, то о другого, образовалась свалка, борьба, и судья уже был готов дать свисток на остановку игры, как вдруг мяч отскочил к левому углу ворот, срикошетил о штангу и покотился прямо к Лёнчику под ноги. О, вот он сладостный миг триумфа! — пронеслось у того в голове. Он увидел, как защитник кинулся под удар, упал, ворота пустые и Лёнчик хлещет с левой по мячу. Сетка затрепыхалась, и он хотел уже вскинуть руки от радости, как часто видел, но понял, что промахнулся и мяч влетел в сетку снаружи ворот. О, черт! — ругнулся он, отбегая от штрафной, где уже не спеша вратарь устанавливал мяч для свободного удара от ворот. Он еще был полон сил и задора, и даже пропустил мимо слова Вовки: «Лопух! По пустым воротам промазать!»; но скоро понял, что что-то изменилось на поле.

Сначала игра сместилась на правый край, на Толика, завязла там и постепенно перешла на середину поля, а там и к воротам сине-белых. Лёнчика как бы исключили из игры, и напрасно он бегал, предлагая себя, ни Валерка, ни Вовка мяча ему не давали. Несколько раз он перехватывал его сам, но или заводился и терял, или отдавал своему, но назад не получал. Инициатива явно перешла к «факельцам», они воодушевились и активизировались, а сине-бе-

лые ушли в оборону. Настроение Лёнчика падало. Ему бы взять игру на себя, но один, как известно, в поле не воин. Где-то в подсознании, правда, еще теплилась мысль, что тренер оставит его на второй тайм, подскажет ребятам, чтобы играли на него, Лёнчика, а он уж постарается не упустить удачу. Ведь все почти получилось, если бы не досадный промах. И что он с левой ударил? Хотя нет, ударь он с правой, попал бы в бросившегося под мяч защитника. Да черт с ним, зато не промахнулся бы по пустым воротам! Эх, вот что значит не везет!

Наконец свисток судьи оборвал игру. Закончился первый тайм, и футболисты устало побрели в раздевалки. Лёнчик под хмурые взгляды брел последним. Ноль-ноль, еще не все потеряно, и слабая надежда еще подогревала, хотя и таяла на глазах.

В раздевалке все расселись по скамейкам, некоторые развалившись и расслабившись, как боксеры в перерыве между раундами. Лёнчик подсел к Витьку в сторонке, слушая накачку Сани-Вани.

— Так, много сумбура, возни. А одного желанья забить мало. Лезете напролом через центр, вязнете там, теряете мяч, я же говорил, что пошире, пошире играть надо! И начали, вроде, ничего, и получаться стало, когда в края стали играть, а потом, как сломались. Да, не использовали голевую ситуацию, промахнулся Япончик. Но где упорность, воля к победе, настойчивость? Почему не создать еще ряд возможностей, даже для того же Япончика? Видно, что паренек старается, но опыта маловато, промахнулся, но с кем не бывает?

Тренер не корил Лёнчика, и это уже было приятно, а мысли его соответствовали его собственным, поэтому впереди опять замаячила надежда поиграть во втором тайме.

— Да, — продолжал Сеня-Ваня, потирая лысую голову, — ладно, страшного ничего пока нет, так что попробуем сейчас другого запасного, — он улыбнулся с ободряющей миной к Витьку. — Готовься, Витёк, теперь ты не подведи команду!

Витёк скромно заушмылялся, потупив взор, а внутри Лёнчика как что-то оборвалось, хоть сразу переодевайся. Нет, это не зависть к приятелю, — когда-то надо начинать! — но конец его мечтам. В нападении окарался, теперь, если только наступит момент, только светит в защите и только, в лучшем случае, в полузащите, что совсем маловероятно. Лёнчик расстроился, и где-то под ложечкой защемила зеленая тоска, но, как человек неконфликтный, он набросил полотенце на мокрые плечи и поплелся на скамейку запасных, когда объявили начало второго тайма.

Солнце пригревало, так что на трибунах многие подразделись, пытаясь загореть между делом. Кто

пил пиво, кто лимонад, а кто и водочку, следили за игрой, болели, но как-то весело, в отличие от Лёнчика, отбывающего время на скамейке запасных. Потихоньку и он увлекся игрой, хотя про себя и заметил, что болеет за красно-белых, а не за своих, синевелых, с легким злорадством предрекая им поражение. И правильно, с ним-то они атаквали, а без него даже к воротам пробиться не могут, хотя и Витька загружают мячами. Атаки глохнут, а вот Димке все чаще приходится вступать в игру, и теперь свалки создаются уже у его ворот.

А Пашку-то, Пашку, этого мелкого головастика, левый крайний «Факела» проходит играючи! Даже Вовка уже бегаёт в середине поля, все финтит, заводится, а дать на рывок некому: Толика зажали аж двое защитников, а до Витька даже мяч не доходит, тут же перехватывают. Да, так им и надо!

Мяч все-таки вкатился в ворота Димки после очередной свалки, и Лёнчик посмотрел на Саню-Ваню, нервно отирающего лысину, посмотрел с надеждой, что тот одумается и выпустит его, но, похоже, тренеру было не до него. Лёнчик смачно сплюнул под ноги, то ли с горечью от пропущенного гола, то ли от злости, что ничем помочь не может. В любом случае его торжества никто не заметил.

Когда на табло уже оставалось несколько минут

до окончания матча, Лёнчик незаметно ретировался в раздевалку, быстро переоделся и вышел как раз к свистку об окончании игры. Попадаться своим на глаза не хотелось, поэтому он пошел потихоньку вдоль трибун, раздумывая еще, а не подождать ли Валерку с Лёвкой. Было любопытно, что они скажут, пусть не лестное, но, хотя бы, в сравнении его игры с игрой Витька. Но тут к нему подскочил Пашка и злобно зашипел:

— Ты, тварь желтопузая! Из-за тебя проиграли! Лёнчика это даже развеселило.

— Придурок! При чем здесь я, если вам во втором тайме воткнули? — огрызнулся он, — Играть надо уметь, а не выпендриваться!

— Ты не забил, Японец, и все испортил! Так бы ничья была! — Пашка аж сплунул от злости, сжав кулаки.

— Да пошел ты. Что, крайнего ищешь? Так на себя посмотри! Тебя левый крайний делал, как хотел! — задел Лёнчик самое больное. Пашка опешил, а Лёнчик зашагал прочь.

«Все, хорошо! — пришло само собой решение. — Профи из меня не вышло, зато на «Кожаный мяч» можно играть со спокойной совестью! Никто не скажет, что «подставка!»». И будто тяжесть спала с плеч, так стало легко и свободно в теле и на душе.

Сенсация!

Наша взяла — наши взяли!

23 мая 2001 года российским альпинистам покорилась последняя из не взятых восьмитысячных вершин мира — Лхоцзе-Средняя (8426 м, Гималаи).

Лхоцзе Шар

Лхоцзе Главная

Лхоцзе Средняя

Есть «Русский восьмитысячник» в Гималаях!

Подробно об истории покорения Лхоцзе-Средней и о победной экспедиции «Лхоцзе-2001» читайте в ближайших номерах «Уральского следопыта».

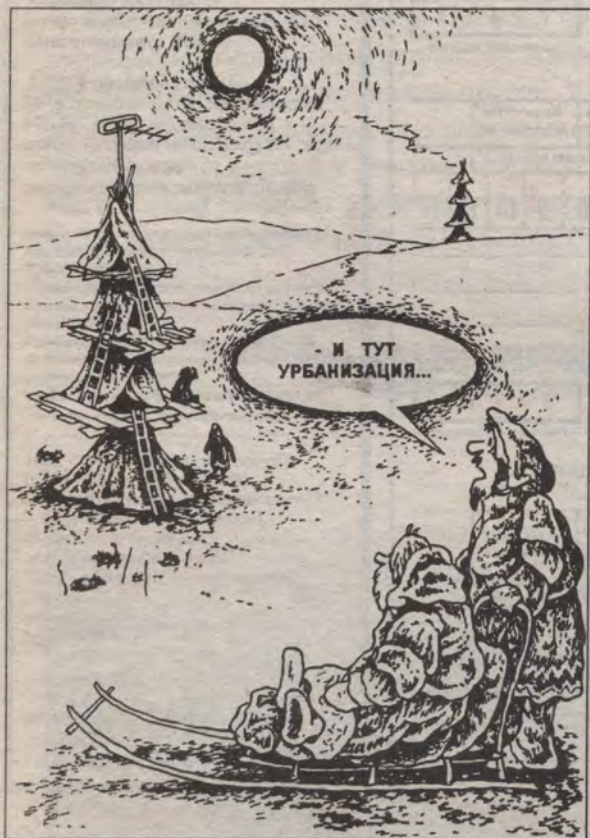
Станислав

Ашмарин

Обновленный журнал
нового тысячелетия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на второе полугодие 2001 года.

Подписавшись на журнал «Уральский следопыт», вы сможете первыми прочитать абсолютно новые произведения: Владислава Крапивина, Геннадия Прашкевича, Бориса Стругацкого и других не менее замечательных авторов. А также вас ждет знакомство с новыми именами в жанре поэзии и публицистики. В каждом номере мы будем рассказывать об интересных людях, событиях и начинаниях в спорте, живописи, истории и фантастике.

Редакция журнала объявляет о начале лотереи среди подписчиков. Вас ждут неожиданные подарки и сюрпризы.

Мы также гарантируем новым подписчикам высылку недостающих номеров первого полугодия наложенным платежом по их заявке.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

4-5"2001

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Александр СИНИЦЫН
(директор)

Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор,
компьютерная верстка)

Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)

Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)

Олег ВОДОПЬЯНОВ
(редактор отдела «Встречный ветер»)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,

Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,

Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,

Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,

Борис СТРУГАЦКИЙ

Попечительский совет журнала
«Уральский следопыт»:
ООО «Уральский мебельный центр»
ООО «Уралцентрснаб»

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
http://uralstalker.ekaterinburg.com

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 Министерством печати и массовой
информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статей.
000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Россвязьинформа».

Подписано к печати 25.05.2001
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1 500. Заказ № 679
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести»,
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Рисунок на обложке
Евгения СТЕРЛИГОВОЙ

Цена свободная.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 4-5-2001

Министерство связи РФ «Роспечать»		7 3 4 1 3	
АБОНЕМЕНТ на журнал		(подписной индекс)	
«Уральский следопыт»		Количество комплектов:	
(наименование издания)			
на 2001 год по месяцам			
1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
Куда		(адрес)	
(почтовый индекс)			
Кому			
(фамилия, инициалы)			
ДОСТАВочная КАРТОЧКА			
на журнал		7 3 4 1 3	
		(подписной индекс)	
пв	место	ли	тер
«Уральский следопыт»		Количество комплектов	
(наименование издания)			
стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	пере- адресовки	руб.	
на 2001 год по месяцам			
1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
Куда		(адрес)	
(почтовый индекс)			
Кому			
(фамилия, инициалы)			

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

Загадочный Иремель

О происхождении названия ученые спорят. Есть разные версии. Утверждают, что в переводе с башкирского Иремель — «Священная гора», но если привлечь другие тюркские языки, то название может означать «Седло всадника»... Мамин-Сибиряк, побывавший на Иремеле, сравнил его с громадным кораблем, севшим на мель.

Одна из самых красивых гор Южного Урала находится северо-восточнее Яман-Тау и западнее хребта Урал-Тау, в верховьях реки Белой, между хребтами Бакты и Аваляк.

Иремель, как и Яман-Тау, имеет две вершины, соединенные террасой на высоте 1300 метров. Главная — Большой Иремель — поднимается на 1582 метра. У нее плоская оконечность с отдельными скальными выходами, образующими гребень. Другое название вершины — Большой Кабан («кабан» в переводе означает «стог»).

Малый Иремель (1449 м) отстоит от Большого в пяти километрах на северо-восток и тоже пестрит скальными выходами.

С высоты птичьего полета Иремель представляет собой огромный массив, похожий на двойную 17-километровую подкову. Кроме двух названных вершин от него отходят отроги: Жеребчик, Суктаж, Синяк и другие. У него сложный рельеф: нагорные террасы, скальные вершины и останцы, россыпи камней — курумники.

Подъем на вершину довольно сложен, особенно зимой и ранней весной. Весной начиная с лесной зоны вас встречают глубокие снежники, перемежающиеся с крупными камнями в россыпях. В них проваливаешься почти по пояс. Интересный способ преодоления их показал нам местный лесник. Встав на четвереньки, он лихо «пробежал» метров пятьдесят по рыхлому снегу, ни разу не провалившись. Выше зоны леса типичная картина: редколесье, каменные осыпи, высокогорные альпийские луга с остатками прошлогоднего урожая ягод, и крутой подъем к неожиданно плоской каменной вершине.

Для осмотра окрестных гор поднимаемся на невысокие скалы. На западе рядом — хребет Бакты, за ним вдаль — мощная Зигальга, а на востоке, в 15 километрах — Урал-Тау.

С массива Иремель начинается довольно протяженная цепь хребтов, идущих на север: Аваляк, Уреньга, Большой Таганай, Юрма.

*Евгений САВЕНКО.
Фото автора.*

Гольцовая зона на северном склоне г. Б. Иремель

Массив Иремель, вид с юго-юго-запада

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

Средства на выпуск этого номера предоставлены
ООО «УРАЛЦЕНТРСНАБ»
620014, Екатеринбург, а/я 221, Хохрякова, 14,
тел./факс (3432) 59-83-15, 59-84-07